

ЮБИЛЕЙНЫЙ
СБОРНИК

ХОЗЯЙСТВО И МЫСЛЬ

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова

ХОЗЯЙСТВО И МЫСЛЬ

*Юбилейный
монографический сборник*

25 ЛЕТ

Центру общественных наук
при МГУ

Москва
2015

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова

ХОЗЯЙСТВО И МЫСЛЬ

*Юбилейный
монографический сборник*

25 лет

Центру общественных наук
при МГУ

1990 – 2015

Москва
2015

ББК 65
Х 70

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Д.э.н., проф. Ю.М. Осипов (председатель);
к.э.н. Е.С. Зотова (зам. председателя); А.А. Антропов;
С.С. Мерзляков; д.ф.н., с.н.с. К.В. Молчанов; к.с.-х.н. С.С. Нипа;
к.и.н. И.П. Смирнов; Т.С. Сухина; Т.Г. Трубицына;
д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский

В подготовке монографии приняли участие:
К.Ю. Беневская, О.Б. Лемешонок, А.В. Осипова

Х-70 **Хозяйство и мысль.** Юбилейный монографический сборник.
25 лет Центру общественных наук при МГУ. 1990—2015 / Под
ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. — М.: ТЕИС, 2015. — 438 с.

ISBN 978-5-7218-1372-6

Монографический сборник научных и публицистических материалов, подготовленных учеными России и зарубежья в связи с 25-летием Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова. Актуально, размыслительно, весомо!

Предназначен для гуманитариев, склонных к мировоззренческим, философско-хозяйственным и политико-экономическим размышлениям

ББК 65

© Коллектив авторов, 2015

Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова был основан Советом Министров СССР 26 июля 1990 г. Отсюда год 2015-й — юбилейный для Центра, что обусловило потребность коллективно высказаться в соответствующей знаменательному событию монографии. Так родился замысел книги, которую ты, читатель, а то и один из ее авторов, держишь в руках.

Данная монография не имеет никакого единого — ни тематического, ни концептуального — замысла: здесь свободное мыслизъявление вольных ЦОН'овских старателей.

Кто что хотел, то и написал!

ЦОН'ом вкупе со своими закоренелыми приверженцами, а то и попросту мимолётными попутчиками, подготовлено и издано за четверть века большое (несметное!) число монографических произведений. Эта книга — очередное коллективное послание современникам, а возможно — и потомкам. Послание весомое и вполне искреннее!

Однако есть сегодня в ученой атмосфере некоторые странности, мимо которых никак уже не пройти. Книга эта в официальных кругах будет квалифицироваться всего лишь как «сборник», не заслуживающий ни особого внимания, ни тем более высокой оценки, а статьи в нем вообще не окажутся научными статьями, подлежащими высоколобому рейтинговому учету, а так — ничего не значащими самовольными писаниями.

Что-то из ряда вон случилось в российском ученом доме: дело теперь не в том, что опубликовано, а в том, где опубликовано; не что наговорено в дискуссионной аудитории, а где наговорено — а поскольку МГУ — не заграница (не Америка!), то всё

наговоренное в стенах МГУ и опубликованное от его имени за учёный продукт как бы уже и не считается.

Ловко, не правда ли?!

Что это, если не стремление закрыть российскую науку, остановить мысль, опорочить и унижить отечество?

Эффективный, так сказать, менеджмент!

Но несмотря на все эти «бюрократические штучки» (если не «происки»), мысль человеческая не прекращает своего течения, она всё равно рождается в нерейтинговых учёных головах и ищет воплощения в устных речах и письменных текстах, а посему жизнь ученой всё равно продолжается независимо от воли более чем жуткого «репрессивного менеджизма».

Дело вовсе ведь не в том, чтобы научная продукция соответствовала каким-то там рейтинговым требованиям, а в том, чтобы поток человеческой мысли не иссякал, а реальность, в том числе и ученой, сама решит, что в этом потоке ценного, а что и не очень. Разве не так?

Итог: держи, читатель, а то и автор, сию завидную монографию, листай ее, замирай заинтересованно над той или иной страницей, восторгайся, если повезет, или же, наоборот — возмущись от прочитанного, коли не везёт, но... но... не становись всего лишь зачетной рейтинговой единицей — истинной науке вовсе и не нужной!

Ю.М. Осипов

Раздел I

Центр: мысль и деяния

Ю.М. ОСИПОВ

Юбилейные всплохи

Аннотация. Мысли, возникшие и публикуемые в связи с 25-летием Центра общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Не все, конечно, мысли, а лишь некоторые — сполошные!

Ключевые слова: Центр общественных наук при МГУ, мировоззрение, обществоведение, философия хозяйства, софиасофия.

Abstract. The article presents some thoughts which arose and published in connection with the 25 anniversary of Center of social sciences at Lomonosov Moscow State University.

Keywords: Center of social sciences, outlook, social science, philosophy of economy, sophiosophy.

1

Наука, она же и физика, много сделала для познания физического мира — *физиса*, в той степени, в которой могла трактовать физис как физис. Наука пасует перед нефизической частью мира, которую принято называть *метафизисом*. Упругий физис и неупругий метафизис! Видимость и невидимость. Материя и дух. Времяпространственность и ее отсутствие. Метафизис не поддается научному трактованию, тут уже место *метанауки*, или *метафизики*, а для современности — *постнауки*, или *постнаучной метафизики*. Наука здесь преодолевается, познающее и размышляющее сознание входит в иное пространство реализации — онтологически и гносеологически. Тут царство метафизической философии, а в пределе — *софиасофии*, восходящей прямо к Премудрости Божией, что примерно то же самое, что *мудрость мудрости*, или нечеловеческая мудрость — изначальная, исходная, но при этом и

трансцендентная! Если философия вообще всегда не там, где ясно, а там, где неясно, то софисофия там, где обнаруживается откровенчески уже кое-какая *ясность неясности*, не прекращающая быть неясностью, но уже открытой сознанием неясностью, до конца им не познанной, но уже как-то сознанием схватываемой — *осознаниенной!*

2

Не физис вовсе в основании мира, реальности, бытия, жизни, сознания, а метафизис — *Ничто!* Из Ничто ведь все, из Ничто, и в Ничто ведь все, в Ничто! Не физис тут аттрактор, а метафизис, где царствуют смыслы, идеи, замыслы, проекты — все, что создается в физисе. Не физис творит, а метафизис! И с человеком также: не физис в основании человека, а метафизис, хотя без физиса нет и не может быть в физисе человека — физического человека. Физический человек — физическая оболочка и физический механизм реализации человека в среде и в рамках физиса. Человек в основе своей — дух, смысл, мысль, концепция, нефизическая информация, неприродный текст. Человек насквозь метафизичен! Сознание, слово, язык — ничего физического! Человек — некто в физисе от метафизиса и с метафизисом же внутри себя. Человек из иномира, он — *иномирец!* Никакой физис, даже и природный, не может произвести ни жизни вообще, ни, тем более, сознания. Человек — феномен *иноприродный*, находящийся с природой в единении и борьбе, ее полагающий и ее же отрицающий, ее застающий и ее же переделывающий, в ней нуждающийся и ее же уничтожающий.

3

Сознание — обладание особым рода знанием, информацией, текстом, отделенными от физического бытия и бытующими ему в параллель — *метафизически!* Человек сам по себе — *целый мир*, однако не физический, а метафизический — информационно-текстовый (вербальный, семантический, семиотический). Человек — *творец!* И только потому он творец, что он неприроден (сверхприроден), осознаниен сам и способен применить сознание ко всему контексту, не передавая ему своего сознания, но включая контекст в свое сознание — пассивно его осознаниевать (обозначать, узнавать, приобщать). Обходимый по кругу и перевариваемый сознанием контекст — не только осознанный человеком, но и человеком *осознаниенный (очеловеченный)*. Отсюда и *творчество* — созидание того, чего нет в контексте, однако что создается из материала контекста, включая и метафизис (человеческое творчество всегда из Нечто, хотя и через посредство Ничто — *образ*, а вот божественное творчество прямо из Ничто).

4

Не труд главенствует в хозяйстве (жизнеотправлении) человека, а *творчество*. Трудятся и животные, делая при этом и вполне разумные выборы. А вот творит на Земле, в природе, в физисе, в метафизисе только человек. Только человек знает, что он человек, что природа — природа, что Земля — Земля, что Космос — Космос. Так, во всяком случае, человеку *кажется*. Никакому животному ничего подобного *не кажется*: нет у животного сознания, слова, образа, воображения, знака, хотя есть и разум, и выбор, и решения, но другие — *без-мысленные*. Мысль, как и сознание — бремя! Творчество — призвание, но, и испытание, частенько и жертва!

5

Зараженная и вдохновляемая физикой, гуманитарная наука, представив человека и его — уже собственно человеческий — мир физическими, немало сделала для квазифизического трактования человека и его мира, их соответствующего моделирования через системы, механизмы, связи, законы. В итоге человек с его миром предстали *онаученными*, причем настолько, что сам же онаученный человек возымел возможность не только мыслеобразительно копаться в себе и своем мире, но и встречать в них, сообразовывать их со своими представлениями, переделывать, ими манипулировать. И все это при *искаженном* онтологическом восприятии предмета, ибо человек со своим миром вовсе не продукт природы (на краткий случай, не только природы), он метафизичен, иномирен, трансцендентен, самому себе неизвестен и для самого себя совершенно условен.

6

Наука не так отражает и отображает предмет, в особенности — гуманитарный, как его, этот предмет, воображает, но с тем посылочным ограничением, что делает это *физиогенно (физикалистски)*, стремясь к точным определениям, выводам, заключениям, не останавливаясь и перед законотворческой фантазией, определительными заклинаниями, объяснительной ложью. В науке полно ведь лженауки, что восходит прежде всего к *научному трактованию ненаучного предмета*. Научное познание — вполне себе мифотворческое насилие над предметом, его весьма ловкое когнитивное пленение!

7

Отвергая метафизис и метафизику, наука, тем не менее, не может не заходить в метафизическую сферу, а потому либо объявляет метафизическое просто непознанным (еще не познанным), либо трактует мета-

физическое вполне физически (в обоих случаях здесь очаги лженауки!). Отчего же так, почему наука не признает метафизического начала? Тут вина нескольких обстоятельств. Во-первых, из-за *демиургической страсти* человека (европейского, антихристианского), утоление которой возможно только на путях науки и научного отношения к реальности, ее соответствующего ограничительного трактования. Во-вторых, человек онаученный лучше приспособлен к *демиургической функции*, пренебрегающей мерой, границами и безопасностью, чем человек философический, религиозный, природный. В-третьих, без игнорирования метафизического начала невозможно торжество науки с ее *демиургической ролью* в культуре, менталитете и поведении человека. Нетрудно догадаться, что человек онаученный — это человек, открытый к целевой демиургии и весьма закрытый для целостной онтологии. Не только богословие с метафизической философией изгнаны из университетов, но из университетов уже изгоняется всякая, в том числе, и «научная», философия, мало того, гону подлежит уже и теория. Никаких теперь основополагающих, обобщающих, фундаментальных знаний! Только технологии, что как раз лучше всего и соответствует времени *конечной (эсхатологической) демиургии!*

8

Ренессансно-просвещенческая эпоха, или эпоха Модерна (европейская эпоха европейского Модерна) — время безудержной демиургии, эпоха уже не делания в мире, а самого настоящего *пересотворения мира по лекалам человека*. Тогда-то и родилась наука, вышедшая из алхимии, отчалившая от философии и пренебрегшая окончательно религией. Явилась физика с сонмом специальных наук и обслуживающей физику научной философией; вослед явилась и гуманитарная наука, вдохновляемая физикой и научной философией; наука стала *вовсю хозяйствовать*, встав в один ряд с *экономикой* и *техникой*, а также со *светской культурой, идеологией* и *политикой*. Это уже была воистину новая эпоха: не доантичная, не античная, не христианская, а совсем другая — то был уже антихристов *Модерн!*

9

А теперь в передовом (Западном, евроамериканском) мире господствует *Постмодерн* — как негативистский наследник Модерна, его не только продолжающий, но уже и отрицающий. Модерн — еще человек, еще и мир, Постмодерн — уже *античеловечий*, уже и *антимир!* Как же такое могло случиться: человек-демиург сооружал для себя и под себя якобы *свой* мир, *вовсю* переделывая мир ему будто бы *чужой*, а получил в итоге... *античеловеческий антимир?!* Любопытно, не прав-

да ли?! И случилось это по той вовсе не простой причине, что человек, устремившись в демиургическом раже *от природы к неприроде* (от Природы к Неприроде!), создал мир мало того, что *искусственный*, но еще и *не-человеческий* — бетонный, металлический, пластмассовый, технический, электронный, химический, какой там еще... а-а... еще, и виртуальный, безвременный и беспространственный, вакуумный, хоть и не совсем пустой, но и не очень-то насыщенный (той же экзистенцией). Этаким мир-погремушка с той же гремящей антикультурой внутри), мало того — вполне уже и *безумный мир*: информационный, сетевой, менеджериальный, какой там еще... а-а... секулярный, космополитический, передвижнический («перекати-польный»), да еще и страстно переменчивый, турбулентный, вихревой, неудержимый, неуловимый. И разве это не антимир, да еще и не *античеловеческий антимир*?

10

Передовое человечество, выворотившись, влетело в античеловеческий антимир, что означает и... в *постчеловечество*. Почему же? А постмодерновому античеловеческому антимиру уже не нужен *человек как человек*, а нужно некое *человекообразное* по виду, но постчеловеческое по содержанию и сути, «существо» — искусственное, технизированное, информатизированное, виртуализированное и т.д., в общем — любое, но только не естественное, не природное, не божественное.

Антимиру потребен *постчеловек*, способный быть в античеловеческом антимире, служить ему, хороня окончательно человечество, причем постчеловеками могут стать вовсе *не все* обитатели планеты, а лишь *избранные* — самим же античеловеческим антимиром (кто наверху в роли господ, кто внизу в функции рабов, а кто посредине в роли «эффективных менеджеров»). Такая вот открывается перед человечеством антиперспектива — вполне и *апокалиптически эсхатологическая*! Отсюда как раз и активное опережающее *расчеловечивание человека* (научно вполне и обоснованное, и обеспеченное, и реализуемое). Всякое, в том числе и нано-генное, не говоря уже о сознании, психике, поведении, как и о знании, культуре, морали, тотальное расчеловечивание (*неочеловечивание*, так сказать), вполне и демиургическое. *Активная арт-подготовка победы античеловеческого антимира!* Мера человеческая уже пройдена, впереди лишь безмерное и бескомпромиссное пересотворение уже не только мира и природы, но и самого человека. *Передельная западня!*

11

Есть, однако, и сопротивление данному пересотворенческому процессу: от человека, от сознания, от социума, от культуры с цивили-

зацией, от традиции, причем с опорой на Сакрал, Софию, Господа Бога. Отсюда и *война миров*, делающая весь планетарный мир *миром-войной*. Мир передовой (Западный, «золотомиллиардный») воюет за себя и против остального (для Запада — колониального) мира, превращающегося вследствие данной войны в *Остальной мир*. Этот Остальной мир разнообразен, он вовсе не един, но зато он не распрощался с человеком и человеческим миром, а потому на перспективу он жизнеспособнее Западного мира. Остальной мир в борьбе, но и в поиске *мировой и мировой альтернативы*. И не просто альтернативы Западнему миру, что понятно, но и альтернативы излучающему Западом античеловеческому антимиру. Война миров выражена не только в войне Западного и Остального миров, но и *войне мира (всё-ещё-мира) с антимиром*. Только с учетом *войны мира и антимира* можно понять всю «войновскую» современность!

12

Человеку более или менее доступно фактическое состояние реальности, хотя и весьма ограниченно. И здесь на фактическом уровне, тоже ведь полно неизвестного. А что говорить о глубинных уровнях, где идет большая и значимая, хотя вовсе и не видимая, работа. Эту последнюю можно только чувствовать, может — воображать. Чем дальше вглубь (и ввысь тоже), тем таинственнее метафизис, тем робче наша метафизика. Но другого выхода у человека познающего нет: *со-чувствие, со-переживание, со-мыслие*, — как раз с невидимым и неизвестным, с трансцендентным. Человеку это все дадено — *трансцендентирование!* Углубление, проникновение, улавливание. И это в век абсолютного доминирования науки, техники, исследований, вскрытий, экспериментов, манипуляций! Какое-такое еще трансцендентирование? А то самое — *пост-научное!* Главное — *пост-экономическое!* *Экономизм*, перешедший в *финансизм* — уже прошлое, хоть оно и в необычайном сейчас расцвете: от «первобытного» финикийства к изысканному глобофинансизму! Историческое, оно же и внеисторическое (постисторическое) замыкание — апокалиптико-эсхатологическое. Алхимия сомкнулась с законченным сциентизмом. Примитивное орудие труда — с нанотехнологией. Вот он — *конец истории!* Метафизика — оперирование с большими смыслами, подлежащими внезапному открытию и софиасофскому толкованию. *Софиасофия* — не просто действие сознания, а и навязчивое копошение сознания в сознании, погружение сознания в сознание — до подсознания и с выходом на сверхсознание. Выход в *сверхсознание* — выход к *Софии!* Трансценденция тут не пре-

пятстве, а великий посредник. *Мета-физика*, а в высшем проявлении — *софиасофия*!

13

Запад с его неуязвимым финикийством знает только экономизм-финансизм, то бишь *экономику*. Россия же знает еще и *хозяйство*! Последнее есть не что иное, как *жизнеотправление человека*. Вся жизнь — хозяйство; экономика — тоже хозяйство, но вовсе не все хозяйство, не все жизнеотправление человека. Хозяйство есть и у Бога Творца, а вот экономики у Бога нет! Экономика — внебожеское в исходе, совершенно человеческое (и античеловеческое тоже) предприятие. И дело не в том, что экономики, этого *стоимостного хозяйства*, не должно вовсе быть, а в том, что экономика не должна над хозяйством доминировать. Хозяйство — базис, экономика — надстройка, — и надстройка не должна быть не то что базисом, но и доминантом над базисом. Россия, весьма сегодня страдающая от доминирования глобального экономизма-финансизма, им насквозь зараженная, знает, что такое *хозяйство*, чего не знает Запад, ибо на торжествующем сегодня Западе даже слова такого нет — «*хозяйство*», а лишь есть слово «*экономика*», вроде бы замечающая «*хозяйство*», но... роковым образом... искажая. Там все давно уже смешалось: хозяйство, экономика, финансомика, а главное — финансомику принимают за экономику, а экономику за хозяйство, а потому и не ведают, что творят! Незнание «*хозяйства*» и увлечение «*экономикой*» в конце концов и погубит — не вывернуться им уже из вывороченного экономизмом мира в мир хозяйственный! Экономика — не жизнь, мало того, это всего лишь стоимостная ирреальность. Экономика — ничто, а вот хозяйство — *все*! Поклонение экономизму-финансизму, как и сциентизму с техницизмом — самоубийственно! Это бы понять евроамериканцам, но как это им сделать, ежели нет у них в сознании слова «*хозяйства*»?

14

Философия хозяйства — не учение о каком-то конкретном предмете, а возможность целостного понимания всего имеющегося и происходящего вокруг с человеком, с миром, с реальностью, включая знание, деяния, демиургию, не исключая метафизиса, трансцендентности, софийности. Что в этом плохого, кроме дерзкого отхода от сциентизма, техницизма, экономизма, информатизма, виртуализма, всего того, что господствует в быту, в образовании, в головах, наверно, и в самой ноосфере? Человек всюду доверяется самодовлеющему ныне знанию, равнодушной информации, неустанной машине, *без-умному* компьютеру, виртуальным деньгам, бесноватым рынкам, разного рода

фикциям, пустышкам и симулякрам, — и менее всего человек рассчитывает ныне на себя, на свой контакт с реальной реальностью, как бы растворяясь в созданном им же нечеловеческом контексте, ставшем неодолимой преградой между человеком и миром. Не корректируемое метафизикой и софиасофией самодовольное сциентическое знание не скорбь вовсе умножает, а радость — *радость безумца!* Вот почему потребны философия хозяйства с софиасофией: не для отрицательного, а для позитивного снятия античеловеческого наследия; не для его отрицания, а для творческого преодоления; не для затемнения экзистенции, а для ее высветления; не для забвения прошлого, а для выхода в *Иное*.

Да будет!

Ф.И. ГИРЕНОК

Совершеннолетие

Аннотация. В статье раскрывается тройкий смысл деятельности Центра общественных наук: как институционализация идеи хозяйства Булгакова, как осознание заката доминирующего положения экономики в обществе и как консолидация русской мысли.

Ключевые слова: Центр общественных наук, философия хозяйства.

Abstract. The article reveals a triple sense of activity of Center of social sciences as an institutionalization of idea of Bulgakov's economy as understanding of a decline of a dominant position of economy in society and as a consolidation of the Russian thought.

Keywords: Center of social sciences, philosophy of economy.

Центру общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова исполнилось 25 лет. Что это значит для русской философии?

Во-первых, это значит, что в интеллектуальном пространстве России были институционализированы идеи С. Булгакова и главная его идея — философия хозяйства. Философия хозяйства как концептуальная форма позволила взглянуть на экономику с исторической точки зрения. Поскольку все проходит, постольку и экономика должна была когда-нибудь упереться в свой предел, чтобы превзойти его. То есть быть готовой к смещению из центра общественной жизни на периферию. Речь идет уже не о формациях и не о смене технологических цик-

лов, а о месте экономики вообще в жизненном мире человека. Предел современной экономики — спекулятивная экономика. Противостоит спекуляции «натурализм хозяйства».

Во-вторых, Центру удалось создать место, в котором могут встречаться и встречались представители разных направлений отечественной мысли. Экономические идеи Глазьева соприкасались с социальными идеями Панарина, антропософскими взглядами Дугина, историческими воззрениями Асланова и философскими идеями археоавангарда.

В-третьих, Центр общественных наук — это усилия сотрудников Центра и, конечно, Ю.М. Осипова. Сотрудники Центра делают то, что должны делать журналы и издательства. Они ищут и находят по всей стране людей с нестандартным мышлением и оригинальными взглядами. Более того, они дают им возможность высказаться, полагая, что мысль — это, конечно, всегда высказанная мысль.

Личное. Из всех наград, которые у меня есть, я, конечно, ценю серебряную медаль имени С. Булгакова, которую учредил Центр.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Философия хозяйства — социальная доктрина русского мира. Логос умер, но похороны отменяются...

Аннотация. В статье исследуются основные причины, породившие философию хозяйства. 1. Философия хозяйства возникла вследствие кризиса Логоса — основания западной цивилизации, как восполнение и дополнение Логоса Софией Премудростью Божьей. 2. Философия хозяйства возникла вследствие кризиса хрематистики, сокрытой в невинном облике экономики. Экономика-хозяйство обеспечивает всю полноту жизнеотправлений человека, его сохранение. Экономика-хрематистика, занята бесконечным ростом богатства ради смерти. Эти несовместимые интенции, стратегии жизни и смерти, эсхатологии срослись, как сиамские близнецы, и разделит их лишь мысль и меч апокалипсического правосудия.

Ключевые слова: хозяйство, экономика, хрематистика, Логос, София.

Abstract. The article is devoted the philosophy of economy's essence and the main reasons for it. 1. Philosophy of economy arose in consequence

of Logos' crisis that is the basis of the western civilization as an addition of Logos with Sofia the God's Wisdom. 2. Philosophy of economy arose in consequence of the deadlock and the crisis where chrematistics hidden in innocent shape of economics leads mankind. Economy-household is engaged in all completeness of person's life providing his corporeal life and spiritual reproduction. Economy-chrematistics taken with the perpetual growth of money wealth for the life in general, i.e. death. These incompatible intentions, the worlds, strategies of life and death, methodologies, eschatologies grew together like Siamese twins and only the thought and the sword of apocalyptic justice will be able to divide them.

Keywords: Household, economy, chrematistics, Logos, Sofia the God's Wisdom.

Время — субстанция лукавая. Есть времена разума и понимания, но есть времена безумия и непонимания. Современный мир входит в эпоху объективного, безысходного непонимания и безумия¹, неустрашимых никакими методами, ибо эту тьму египетскую несет infernalная болезнь, названная «экономизмом» и звериной гламурностью золотого тельца. А сам экономизм и его мать — экономика — становятся разрушительными силами благодаря своей технодуше — Логосу, который не может предотвратить переход *экономизма* в постиндустриализм, меняющий природную трехмерность бытия на *виртуальную* двухмерность его экранного наличия, безразличного к любым человеческим измерениям, смысловым иерархиям и устройствам. И этот переход родного *трехмерного* мира в черные квадраты двухмерности определяет характер современной эпохи и ее мышления².

Постиндустриальный Логос *кардинально изменяет мысль, знание, превращая их в сети*, а через сети — в непонимание, в упорядочен-

¹ Ж. Бодрийяр утверждает: «Коль скоро мир движется к бредовому положению вещей, и мы должны смещаться к бредовой точке зрения» [1, 6]. Вовсе не должны, ибо бред паразитирует на здоровом сознании или же есть продукт непонимания и бессознания. И когда в мире нарастают бред и безумие, мы должны глубоко заняться феноменами непонимания и бессознания. И если «мудрость мира сего есть безумие пред Богом» (1 Кор. 3:19), то это не клиническое безумие, а непонимание, неосознавание людьми своих решений и деяний. А «умножающий знания, умножает и скорбь» (Екк. 1:18) оттого, что индивид не понимает и не осознает того, что его индивидуальное сознание и ум в ходе накопления знаний не охватывают полноту реальности, а приближаются к непониманию и к неосознаванию жизни.

² Социокультурная трехмерность людей охватывает их ум, сознание и мораль. Двухмерность мораль исключает.

ное бессознание и безумие. Эта коварная деконструкция создает китчевую философию, культуру и науку. Заменить сознание и Логос Делез предлагает «шизоанализом» и «параноидализом». Мысль замирает перед такой наглостью, и возмущается ум.

Логос — это парадигма, определяющая европейскую мысль, науку, язык, экономику. Логос и его изводы (разум, мысль, логика, законы, правила, нормы, методы и т. д.) правят ноосферой Европы. Но Логос не только ставит себя в центр бытия, но он и определяет себя в качестве интегрирующей, и творящей безличной силы. Да, Логос везде вносит порядок, но вот смыслы не для него, ибо Логос безмозглый. Логос Европы, притязая на всемирность, насильственно навязывает себя в качестве эталона жизни. Каннибальская жлобность ростовщика, скрытая в основании западной культуры, опирается на логоцентризм, оправдывается и санкционируется им. Воля ростовщика и его божества — «золотого тельца» — породила европейские законы жизни и логики. А теперь эта inferнальная пара разрушает Логос европейской цивилизации, да и цивилизации вообще. Поэтому спасение Логоса жизни — первейшая задача философии хозяйства и культуры.

Глубинной первопричиной «грозящей катастрофы» является внутренний надлом *Логоса* — основания и демиурга, конструктора и перводвигателя европейской цивилизации. Логос пришел впервые к Гераклиту, заявив, что правит миром, богами, мудростью и сам является богом. Логос у древних означал высший закон над законами; посредством Логоса Запад открывал и постигал свои сакральные ценности, создавал свой мирострой. Но Логос у древних выступал лишь как орган мудрости, не исчерпывая собой ее содержание. Логос был средством, а не самоцелью. Средством смысла, целей, знаний, умений и творений. А самоцелью для Логоса служили смысловые и софийные императивы. Логос и логика стали кумирами Запада, но затем пали до уровня техники, бюрократизма и содомии. Логос из божественного глагола стал словом, а затем и пустыми словесами человека, да еще формальной логикой. Но Логос изначально хромал, ибо он выдавал часть мудрости (закон) за целое; и этот смысловой изъян породил уже в античности парадоксы, апории, которые затем дополнились антиномиями Канта, отрицанием Гегеля, парадоксами теории множеств. Более того, Логос и логика стали орудиями лукавого; Мефисто и Воланд — лучшие логики Европы, хотя до Логоса древних им далеко.

Именно Логос рационально настолько возвысил Бога до уровня абстрактной сущности, дальнейшее исследование которой становится самоотрицанием мысли и самого Божества. В Логосе Бог становится абстракцией, но не Личностью. А Любовь и Логос изначально несомме-

стимы. Христос-Логос понятен эллинам, но «Бог—Любовь» — это для них абсурд. Но и разум задыхается в Логосе, становясь искусственным интеллектом.

История сообщает, что Филон Александрийский «офилонил» Христа, сделав его учение законом, хотя Христос желал преобразить закон в творящую свободу Любви, которая спасает человека из тупиков законов.

В основе Логоса — как и любого закона — лежит слепое, алогичное, бессознательное стремление к ничто, энтропийная жажда саморазрушительной свободы. Закон не желает быть законом, страдая от своей железной законности, допуская отклонения от своей слепой тирании в сферу произвола, анархии и хаоса. Но Логосу и его подневольным законам не введома творящая свобода. Поэтому стремление к преобразованию закона в творящую свободу завершило свой путь на Западе волонтаризмом, безумием, искусственным интеллектом и содомией. Человек живой волнует Логос, ибо живое может в любой миг преступить закон, а поэтому живое нужно держать в полуживом состоянии, чтобы оно постоянно думало не о свободе, а о том, чтобы не стать совсем неживым. Не имея в самом себе любви, Логос не нуждается в семье и в любви. Могут ли закон и машина любить, иметь желания? Да и содомия — это чистый Логос, признающий только самого себя, а в «Других» видеть лишь средство своих извратов.

Работы по извращению живого много. И вот Запад создает логику, искусственный логос. Для кого и для чего? В конечном счете, Логос должен заменить человека роботом или кудрявым клоном. Но без минимума *священного Логоса Запад распьяется, рассыпается*.

Европа до сих пор не видит, что доступная человеку мудрость опирается на два крыла — Логос (закон) и Софию (смысл). В Античности, когда Европа была нормальной, т. е. когда ее не было еще вовсе, культура и эсхатология людей, которые еще не знали, что из них вырастут «гейцы»-европейцы, были пропитаны *логосной софией и софийным логосом*. Затем вместе с христианством, усыновившим Логос и Софию, Запад отрекся и от Логоса, узрев в нем скрытый деспотизм, несвободу. Вместо поиска союза Логоса и Софии Запад вовсе отрекся от Логоса. А это отречение привлекло Мефисто; он-то и стал учителем Европы, превратив ее экономику, все ее институты в организованное безумие и насилие «золотого тельца».

Логос — слово, а всякое слово имеет значение, смысл. Логос у его первого пророка, Гераклита, обозначал закон всех законов, а смысл дан в огне, перед которым закон бессилён. Поэтому Логосу постоянно грозят беззаконие и безумие огня, который поставит точку в миропро-

екте Логоса, ибо огонь — это физическое безумие, а безумие — психодный огонь. И Европа, не найдя в Логосе смыслов, вкусив огня фашизма, обратилась к технике Логоса, из которой создала искусственный интеллект. И он изрек: «Зачем вам искать смыслы, если бомба превратит все в мусор? Может передать ваши проблемы моим программам, а самим блаженно эвтаназировать?». Европа серьезно восприняла этот проект своего учителя.

Итак, в начале XX в. алогизм, безумие теснят Логос, и смыслы, материя исчезает, экономика саморазрушается, произвол освобождается, человек становится пленником сетей и гениталий. Именно кризис Логоса призвал в Россию Софию Премудрость Божью, которая привела с собой софиасофию и философию хозяйства. Мировой кризис требовал сакрального авторитета, который уступает Богу, но стоит выше мира и человека³. А такова София-мудрость, сочетающая в себе законы Логоса, смыслы, меру, справедливость, семью и Домострой. Не могла не возникнуть и философия хозяйства, ибо Логос экономики ослаб до неприличия.

Пораженный немощью Логоса, современный мир⁴, лишенный понимания, могут обозначить только парадоксы — самые непонятные для разума его же изделия. Ведь парадоксы не имеют причин и свободны от ига законов и логики. Парадоксы ничего не объясняют, намекая лишь на реалии, которые они бессильны постичь. Парадоксы выражают ограниченность логики, которая не может исправить ошибки парадоксов, ибо они за ее пределами. Парадоксы — это нищета Логоса, брошенного мыслью.

Самый большой парадокс «свинья» Логос подсунил экономике, вынудив экономистов рыться в ее умственных нечистотах. Так, с каждой секундой растет масса «умности» — информации, экономических знаний, диссертаций, книг, экспертов, нобелеватых консультантов, инновационных планов, проектов, программ, но экономике, природе, че-

³ Ибо Бог лечит кризисы мира потопами, водой, т. е. обновлением всего мира в целом, а мудрость Софии оказывает смысловую помощь сознанию, уму, душе, языку, творчеству.

⁴ И это внутреннее бессилие Логоса пропитывает все культурные и духовные сферы социума. Бессилие Логоса ведет к тому, что «легитимация» знания и науки с XX в. требует других доводов. Государство и бизнес не приемлют логической аргументации. Чтобы получить средства, наука и высшее образование повсюду прибегают к аргументам от большого господства, силы, власти. Мол, дайте денежки, и мы сделаем еще более мощное оружие, увеличим тук золотого тельца.

ловеку все хуже и хуже. Каким же образом объемный анализ экономики разноязыкими экспертами ухудшает ее состояние и ведет к разбитому корыту? Парадокс: рост ученой умственности лишает ума саму экономику, обрекая ее на кризис и катастрофу. Автор сих строк ничего и никак не преувеличивает, а просто указывает очевидный факт. Все появившиеся со времен православия экономические открытия, изобретения, творения, устройства, организации, структуры, формы, объединения, идеологии, учения и теории доказывают лишь свою негодность, фальшивость, паразитизм, смертельно опасное изобилие. Все они выявили разрушительную свою суть, истребляя природу, человека, мысль. И делают они это с ловкостью фокусников, принося на каждый грамм правды и прибыли мегатонны лжи, мусора, фантомов.

Современный мир сотворен экономическим Логосом, который является его источником, основанием, энергией, двигателем, его высшей ценностью, смыслом, искусственным богом, и в то же время — его карой, его мезью самому себе. И тотальный крах этого мира оспаривают сегодня лишь инфернальные оптимисты и двухмерные прогрессисты, защищающие права экранов. Достигнув глобального совершенства своего проекта, этот мир вступил в режим технологического, виртуального, антропологического, биосферного самоотрицания. Биосфера молчаливо указывает, что с каждой секундой сокращаются пригодная для жизни территория, объемы кислорода и пресной воды. Отдельные свойства биосферы можно восстановить. Но изобретательным клоникам непосильны целостные качества биосферы (например, климат), ибо целостность подвластна лишь своему творящему началу. И этот маразматический и апокалипсический крах экономизма поражает мысль и сознание человека, которые деградируют вместе с ним, и посему не признают катастрофы, не ищут выхода, ибо довольны тем, что оказались в своем же дерьме, откуда их никто не принуждает выбираться.

Остается свершить лишь последний ритуал над погибающим экономизмом, дабы он не вздумал провести очередной эксперимент над людьми. Речь идет о познании, которое не только отражает мир, но и вершит свой трансцендентный суд над человеком, претендующим на трон Абсолюта.

И решение этой задачи познания сути, законов, судеб экономизма и сотворенного им мира стало жизненным делом величайшего подвижника мысли — Ю.М. Осипова, хранящего в своем сознании исходную правду русского бытия. Ю.М. Осипов — ведущий мыслитель, знаток первопричин экономизма, борец за права мысли, сознания и смысла, которые не сдаются перед нашествием психизма, экономизма, сатанизма, информатизма, виртуализма, отстаивая софийность истины в

лживой среде [2]. И он сразился с самым опасным врагом сознания и мысли — золотым тельцом, продолжая начатую великим Моисеем смертную брань с этим идолом смерти, облаченным в золотые одежды.

Был и у него предтеча — С.Н. Булгаков, который заметил роковой порок экономизма еще в период его первой агонии; он распознал в революции и мировой войне апокалипсический рев «золотого тельца», полагая, что созданная им философия хозяйства сумеет вовремя преобразить экономизм в естественное хозяйство. Но, увы, эти судороги «золотого тельца» стали единственным содержанием современного мира; но вот постичь их мыслью можно лишь при содействии софийной благодати.

Ю.М. Осипов выполнил еще и особую миссию — дал вечно голодному экономизму и его своре — стоимости, деньгам и ценам — живой голос, чтобы они цинично поведали людям все, что они о них думают, что они с ними делают и в итоге сделают, чем они завершат свое царствование над существами, добровольно отринувшими Отца ради «золотого тельца».

А вот суждения, идеи, выводы, смысловые оценки философии хозяйства, сакрально констатируя этот факт крушения экономизма, сами остаются настолько справедливыми, истинными, что с ними до сих пор никто даже заочно не рискует вступать в спор. Философия хозяйства своим размышляющим знанием не только удостоверила небытие экономизма, но и воссоздала тот исконный тип софийного хозяйствования, от которого блудный сын экономизма от-клон-ился, «золотому тельцу» пре-клон-ился, в бездну inferнальную с-клон-ился, став сырьем inferнальных инноваций.

Непонимание и бессознание — светлая эвтаназия экономизма

Но незнание, бессознание и непонимание, царящие в современную эпоху, не только закрывают эволюцию экономики на базе прогрессирующего знания, но и открывают новые inferнальные перспективы бесконечности. Современное науковедение признает начало взрывного технoproгресса, настолько быстрого, бифуркационного и сложного, что он становится принципиально недоступным осознанию и пониманию человеком [3, 113]. Полностью теряются знание и понимание, и они никак не восстановимы никакими традиционными и новыми логическими методами. Этот период называют «технологической сингулярностью»⁵,

⁵ Сингулярность — предопределенная точка будущего, когда эволюция разума в сферах нанотехнологии, информатики, искусственного интеллекта и биотехнологии приведет к возникновению качественно нового мышления. Это будет

которую связывают с искусственным мегаинтеллектом и самовоспроизводящимися роботами, с интеграцией человека в компьютерные сети, с изменениями разума в ходе его биотехнологической гибридизации.

Непостижимо, но человек интегрируется в технологии и во властные структуры, которые технологически и управленчески *исключают индивидуальные понимание событий*, делают его невозможным. И эти технологии и структуры на базе непонимания уже успешно (!) служат войне. Но самое поразительное и невообразимое то, что эти технологии и структуры, не допускающие понимания и осознания, более эффективны, чем предшествующие технологии, работающие на основе знания и понимания.

Для философии и культуры эта технологическая ситуация с непониманием не нова и выражена в различных парадоксах. Так, элеаты давно доказали, что непостижимо вообще любое движение (например, Ахилл не нагонит черепаху). Мегарская школа, софисты выдвинули массу парадоксов, доказывающих непонимание человеком многих вещей и дел, которые он сам же творит. Кант в учении об антиномиях разума доказал непонимание разумом противоречий, но именно это непонимание делает возможной мораль. Выявлены парадоксы в математике, доказывающие непонимание, неосознаваемость многих математических реалий человеком⁶. Сорос доказывает, что знание творческой сути оши-

переход локальных сознаний к сетевому интегрированному метасистемному разуму. Астрофизики используют термин «сингулярность» в теории «черных дыр». Незаметно сингулярность стала концепцией, доказывающей, что технологическое развитие неизбежно породит машинный разум, превосходящий человеческий, ибо эволюцию не остановить. Сингулярности — фактически зоны концентрации кризисов; это не проект человека, а следствие инфернальных законов неконтролируемой нами эволюции техники. Мы привыкли относиться к ней как к инструменту, не думая о том, что мы сами можем стать ее инструментом, который будет использован в неведомых целях или же выброшен за ненадобностью.

⁶ Парадокс Рассела гласит: может ли полное множество быть своим же элементом? В любом случае — если может и если не может — множество теряет полноту. Неправильность подобных рассуждений математика не может доказать, и осознать логику, ведущую в неопределенность, тоже не может.

Паскаль полагал: «Так что же есть человек в природе? Ничто по сравнению с бесконечностью, все по сравнению с небытием, середина — между ничто и все; он бесконечно далек от постижения крайностей; цель и начала вещей надежно скрыты от него непроницаемой тайной. Крайности для нас словно бы не существуют, и мы не существуем для них; либо они от нас ускользают, либо мы от них» [4, 133, 135]. Ноль и бесконечность человек не понимает, не сознает, но работает с ними и достигает своих целей. Знание незнания, непонимания и

бок, непонимания, обеспечивает успех его финансовых авантюр, ибо он черпает мудрость в непонимании, неосознании, а не в теории⁷. Дело в том, что мысль индивида, познавая предмет, в то же время, изменяя его, делает его другим — непонятным, неосознаваемым. Разум сам кладет печать непонимания на вещи. И гносеология должна вырабатывать для мысли новые стратегии познания, учитывающие приход эпохи непонимания и неосознания.

Долгое время эти парадоксы оставались в качестве уникальных украшений, скрывающих слабости и пороки разума. Постиндустриализм же ставит вопрос об использовании знания о незнании и непонимании в качестве особых средств... познания. Непонимание охватывает несоизмеримо больший мир, чем знания и понимание. Но использование этого средства требует отказа от своей воли и подчинения себя воли непонимания, превращения себя в орудие непонятной мудрости этой воли.

Ситуация радикально изменилась, когда личная *неосознанность*, *личное непонимание* ситуации становятся техническим элементом новейших технологий, требующих и работающих только в условиях их непонимания. Фантастика! Непостижимо! Нужно признать непонимание особой реальностью, учиться работать с ним без понимания, двигаться вглубь непонимания, чтобы сохранить себя. А знания нужны не для преодоления непонимания, а для постижения неосознания и непонимания именно как факторов, превосходящих знание!

И действительно, если осознание и понимание ситуации распределено между оператором и вычислительным комплексом, то понимание доступно лишь этому комплексу, а не его частям. Если же оператор будет руководствоваться своим частичным (мнимым!) пониманием, то он загубит технику и завалит дело. Он должен знать, что ничего не понимает в работе комплекса, использующего его разум и вычислительную технику. Но он должен знать, что есть уже скалярные машины (аналоговые компьютеры), которые обеспечивают синхронизацию, интеграцию сознаний и умов различных субъектов, машин, сетей, компьютеров, создавая для них единую картину видения и единый смысловой проект их работы.

неосознания тоже могут стать творческими числами человека, но куда в итоге они заведут его — вопрос большой.

⁷ «Последние двести лет мы живем в Эпоху Разума, т. е. достаточно долго, чтобы обнаружить, что возможности Разума также достаточно ограничены. Мы готовы вступить в Эпоху Ошибочности. Результаты могут быть также очень вдохновляющими и вскружить голову...» [5, 101].

Индивидуальное осознание и понимание в работе со сложными вычислительными комплексами невозможны, ибо здесь слияния искусственного и человеческого интеллекта порождает новое сознание и новый разум, превосходящие его индивидные измерения. Новые виды разума и сознания нельзя считать ни искусственными, ни естественными, ибо они — гибридные. И они сами определяют цели и действия (чьи?). Не без кризисов, конечно, не без кризисов. Но таковы технологии, разделившие разум людей на искусственный и естественный, соединив их затем в новых конструкциях, которые в личном разуме и личном осознании не нуждаются. Эти технологии сами управляют собой, а человек лишь приспосабливается к ним, исполняет волю их «мудрости» и надеется, что она не забудет о хороших пенсиях для своих создателей.

Ясно одно: сегодня функцию разума и осознания могут выполнять только их гибридные формы, которые к тому же обнаруживают, используют скрытые умы и сознания в вещах, в движениях, в законах, в событиях, в эволюции. Древний анимизм не ошибался, признавая всеобщую одушевленность вещей⁸. И Гераклит прав: «Не человек разумен, а разумен его объемлющий мир» [6, 231]. Гибридный ум Вселенной всеислен, ибо охватывает умы всех людей и существ, выявляя в них единый смысл, нужный миру. Такой же алгоритм повторяется в меньших масштабах во всех модальностях бытия и жизни. И вот теперь человечество стало создавать технологии, работающие по этому гибриднему принципу.

По такому гибриднему алгоритму трудятся и деньги, представляющие общее сознание, общий разум человека (не случайно для Маркса стоимость и деньги суть формы идеальные). Знает и понимает стоимость только рынок, обеспечивающий общую оценку, синхронизацию индивидуальных оценок посредством цен. Если человек будет понимать рынок, последний станет разумным планом человека; если рынок будет все понимать, тогда человек не нужен, и рынок накроется медным тазом. Знание, понимание и непонимание у человека и денег разделены, но совмещены в одной структуре, не допускающей понимания и осознания ни рынку, ни человеку, ни Госплану. Здесь возможен только неодирижизм, посылающий неосознаваемые смысловые импульсы частям от целого, хотя это непонимание и бессознание имеют символическое обозначение и толкование.

Метафизические истоки кризисов и катастроф экономизма коренятся в непонимании человеком гибридной сути разума, с которым он имеет дело в своих операциях на рынке, в незнании того, что непонима-

⁸ Ф.И. Тютчев видел в природе многообразие умов, душ, сознаний, языков.

ние и неосознание имеют свою ценность в макроэволюции рынков, экономики, да и жизни вообще. Руководствуясь индивидуальным сознанием и разумом, человек не улавливает сути *гибридных экономических реалий* (а весь экономизм — сплошное гибридное бытие!), а потому терпит в итоге крушение.

Но крушение ожидает его и в том случае, если он всецело доверится непониманию и бессознанию, «отключив» индивидуальные формы ума и сознания. Это будет клиническая ситуация с душевнобольными. Требуется медиатор, опосредствующее звено, связывающее ум и сознание индивидов с коллективно-технологически-рыночным непониманием и бессознанием.

Европейские жрецы нашли такого медиатора в Логосе, но постепенно низвели его до логики, до рассудка, посредством которого индивид сознает свое «Я» и штампуем абстракции, превращая весь мир, самого Бога в абстракцию. А ведь абстракция есть сознание и мысль смерти, которую гибридный ум и сознание не признают. А сколько ученых стало жертвой смерти, которая посредством абстракций обезглавила ум и сознание от конкурентов Ньютона и Эйнштейна.

Гегель глубоко прав, полагая, что абстракции производят смерть; и защита от абстракций — дело тяжелое. «Смерть есть самое ужасное, и для того, чтобы удержать мертвое, требуется величайшая сила» [7, 17]. Западный мир двадцать веков копил абстракции — эту субстанцию смерти, и сегодня он уже не в силах ее удержать, использовать в своих целях. Поэтому нужны неотлагательная деконструкция Европы и США, уничтожение всех их абстракций, чтобы остальное человечество могло заниматься своими конструкциями. Россия не страшится смертодейственных абстракций из-за софийного устройства своего ума и сознания. «Но не та жизнь, которая страшится смерти и только бережет себя от разрушения, а та, которая претерпевает ее и в ней сохраняется, есть жизнь духа» [7, 17]. Россия подтверждает эту софийную аксиому — претерпевать смерть и сохраняться в ней! Именно непонимание, неосознавание Россией ценностей Запада, самое себя спасает ее до сих пор от гибели; именно признание гибридного ума и сознания как основы непонимания, неосознавания и составляет залог победы России над бандерлогами. Да, русские знают, что они не знают и не понимают мудрости Софии, склоняясь перед ее спасительными смысловыми композициями, впуская в свои решения мудрость Софии, доверяются ему и... побеждают. Русские понимают свою непонимаемость, воспринимают себя как вопрос без ответа, ибо содержание вопроса превосходит любой возможный ответ. Иван-дурак своей глупостью сокрушил всех либералов.

Сакральная мудрость Христа долгое время удерживала европейцев от субъективистской авантюры в отношении ума и сознания⁹. Но гасконский нрав Декарта победил, сделав ум и сознание атрибутами индивида, а материю, вещи, культуру превратив в материал их формирующих сил.

В итоге человек, имея дело с реалиями, в которых царит гибридное сознание и гибридный ум, обращается с этими реалиями как с бездушными, бессознательными, безумными объектами. Ну, а поскольку это не так, то возмущенный ум и гордое сознание мстят за презрение к их добровольной и безвозмездной службе. Мстят войнами, экологией, революциями, айфонными детьми, кризисами, крушением цивилизаций.

Логос может быть медиатором только в жестко техногенных условиях, опосредуя работу индивидов с гибридной мыслью и сознанием, осуществляя экспансию техницизма на все сферы жизни. Даже яркое богословие Логос «обогатил» схоластикой, имеющей смысл лишь для себя.

Но даже в экономике Логос не может опосредовать потребности гибридного сознания человека, рынка и «золотого тельца». Незаметно Логос скатился до служебного орудия ничто, переводя на язык абстракций все смыслы жизни. Но человек живет не для рынка, не для «золотого тельца» и не для экономики; все эти реалии — лишь средства жизни — таинственной, манящей, мучающей, зовущей, ждущей праздника угнетенных с усекновением главы тельца. Но индивиды не замечают, что экономика функционирует на основе и посредством гибридного (хотя и инфернального) сознания и ума, и с ней нужно обращаться на языке логосного медиатора, чтобы соответствовать ее системным гробам. Но Логос ушел в технологии, а люди общаются с гибридным сознанием и умом экономики только через свое частное сознание и частный ум, а потому не воспринимают и не понимают ее системности, не понимают своего непонимания как гиблой творческой силы. Отсюда кризисы, т. е. суд экономических систем, их гибридного сознания и ума над мнимыми умами и сознаниями, не ведающих, с чем они имеют реально дело. Логос уже не может обслуживать гибридную форму ума и

⁹ Читая Священные Писания, общаясь в храмах, люди мыслят и сознают мир, себя по закону гибридного сознания, сочетающего в сакральном непонимании и в бессознании умы и сознания индивидов, институтов, ритуальных действий, создавая из них единую картину священного мира. Религии учат человека умениям мыслить и сознавать реальность по законам гибридного сознания и ума, общаться и работать со священными Медиаторами. В общем, служат технологическому и научному прогрессу.

сознание экономики, а другого медиатора целостно-гибридного сознания и ума западный мир не знает, не может и не желает знать в силу своей сакральной узколюбости, не признающей мудрость Софии.

Философия хозяйства — социальная доктрина современной России

В Античном мире хозяйство и экономика изначально совпадали, обозначая различные аспекты жизни (ведать, делать, измерять *доходы и расходы жизни*), власти (господствовать — судить, исполнять), человека — (*учитель, хозяин, мудрец*), речи — «умное дело» и «доходное дело»¹⁰. В целом хозяйство изначально выступало как живой ум, извлекающий из субстанций мира средства жизнеобеспечения, а экономика — как помощник хозяйства в домоустройении жизни. Хозяйство всегда у всех народов было частью, функцией, органом мудрости религий, мифов, идеологий, власти, т. е. искусство хозяйствования было (и есть!) надревнейшей философией, возникших вместе с человечеством. Адам в Раю занимался садоводством, ибо не угодны Господу бездельники¹¹. Но это было благостное хозяйство, которому земля дарит свои плоды. Тяжелым, подневольным хозяйство стало после греховной катастрофы. Поэтому современная философия хозяйства опирается на древнюю традицию, продолжая ее поныне уже в античеловеческой экономически-инфернальной среде, умножающей пороки, катастрофы, кризисы, приближая свой апокалипсический праздник.

Философия хозяйства не участвует в пирах Валтасара, экономизм не приглашает ее в качестве эксперта, как пророка Даниила; она со стороны изучает общий смысл этого валтасаровского фуршета, ищет причины превращения мудрости экономистов мира сего в цирковое безумие.

Философия хозяйства родилась в начале XX в. как ответ на кризис европейской цивилизации, государства, гуманизма, рационализма, материалистической и позитивистской философии, прагматического обществоведения, христианской религиозности и набравшего силу атеизма. Историческая миссия философии хозяйства состояла в том, чтобы выявить и предложить миру иное мировоззрение, служащее жизни, а не гибели. И философия хозяйства привела мудрость Софии на помощь

¹⁰ Иногда экономику в целом именуют хозяйством, хотя это справедливо лишь в доисторические времена.

¹¹ Не случайно в теологической литературе дьявола нередко именуют, «разорителем садов». Да и одеяния, оружие ангелов, их сакральное пение говорят о том, что и на небе есть хозяйствующие и хозяйственные ангелы, обеспечивающие нужными изделиями ангельские элиты.

для спасения Логоса, ибо нет в Софии парадоксов, антиномий, апорий, нет безличностных смыслов. Не приемлет она и хрематистики, ибо копит она мудрость, знания, способности, умения. Но Запад пошел не путем поиска единения Логоса и Софии, а путем создания искусственного Логоса. Хотя Ницше предупредил, что Логос изначально не мог охватить все творческие силы жизни без содействия хромого и голубого безумия Диониса. Логос, логика бессильны перед цельной мудростью жизни, в которой царят гибридный ум и гибридное сознание. И нелады с Логосом вынудили Европу принять «тройной стандарт»: с папуасами она говорит алогизмами, с толпарями — пороками, а с золотым тельцом — языком голубых финансистов.

Но философия хозяйства возникла не только для восполнения Логоса Софией, но и для избавления от экономики-хрематистики. Возьмем в советники Аристотеля, бессмертной заслугой которого стало открытие сути, тайных пружин и ядов хрематистики мертвого мира, сделавшего деньги своим божеством («золотым тельцом», мамонной), соединив экономику и хрематистику в един ком неразрешимостей, терзающих нашу эпоху.

Какие же причины вызвали к жизни философию хозяйства, обусловили ее смысловую организацию? Книга С.Н. Булгакова «Философия хозяйства» появилась не случайно именно в 1912 г.: пороки человеческие к этому моменту достигли критической массы, грозя гибелью человечества. И Провидение напомнило людям о первичном целостном знании, о софийности всякого знания, чтобы они прозрели и хотя бы отчасти отшатнулись от бездны. Нужно было знание об «Ином Бытии», чтобы можно было увидеть свое родное, гибнущее «Данное Бытие». Но судьба пророков и провидцев трагическая. Люди страстно жаждут узнать будущее и в то же время не желают знать его, убивая знающих. Люди желают знать не столько будущее, сколько обрести свободу произвола, а не истину. И человечество в XX в. с безумным упоением бросилось в кровавую пучину войн, революций, террора и коллективного суицида. И вот накануне этих мирсокрушающих событий появилась книга С.Н. Булгакова «Философия хозяйства» [8], в которой без всяких угроз, ясно и спокойно раскрывался путь хозяйствования, с которого человечество свернуло в эпоху Вырождения, вызвав крушение бытия.

И один факт, загадочный и магический, говорит о том, что философия хозяйства — это не только дело людей, а ее речами говорит уже целостно гибридный ум другой эпохи. Она даже родилась дважды (1912 и 1991 гг.), чтобы видящие прозрели. Нет ни одного случая, чтобы наука, религия, искусство рождались дважды; ибо дух не возрождается, а творит новое. Философия хозяйства пришла в мир не случайно: она

кому-то и для чего-то нужна («если звезды зажигают, значит, это кому-то нужно!»); ее позвали из метамира, и она откликнулась на вопль людей среди симулякров.

Философия хозяйства возникла в начале мировой катастрофы XX в., показавшего человечеству его «достижения». Оно само прокляло себя, ринувшись в кровавую метель революционного суицида классов, сословий, культур, наук, экономик, империй. Суицид поразил и евронауку, которая завопиала: «Материя исчезла!». В экономике исчезла «материя труда», оставив ценные бумаги. Но в кризисе выявился не только разлад экономики, культуры, человека, но и неисцелимая болезнь Логоса, его логики, составляющих научное основание миротворных инициатив Европы.

Философия хозяйства ведет в русской культуре легальную и тайную софийную и ноосферную работу. Это и не наука, и не философия, и не раздел теологии, и не хозяйственная теория, и не проект, не практическая программа, хотя все эти атрибуты ей и присущи. Это — новый и особый род знания, *не теория знания, а знание-реальность*, имеющее свои цели, задачи и способы их решения. Это — эсхатологическое знание, в контексте которого человек может понять мир, самого себя и принять самое важное решение — с кем и куда идти в последний путь.

Философию хозяйства трудно определить, ибо она сама определяет качество мысли своих определителей, решая вопрос о допуске их к столь серьезному делу¹², оставаясь при этом нео-пределенной, но самоопределяемой реалией, готовой принять любые определения и любые реакции ученых и власти. Каждая эпоха имеет свое «первое» — только определяющее, и свое «последнее» — только определяемое. И чтобы постичь философию хозяйства, нужно войти в ее мир, стать ее гражданином, получить допуск к ее смысловым сокровищам. Нужно мыслить, отдав свою мысль хозяйству, которое само подскажет главное. Нужно забыть о себе, как забывает о себе зерно в земле, чтобы стать колосом многознающим!

Философия хозяйства удовлетворяет потребность людей в новом мировоззрении, в центре которого стоит жизнь, устремленная к своему благу. Философия хозяйства затрагивает тот упрямый пласт экономики, тот ее центр, в котором сидит золотой телец, избегающий вербализации

¹² Ап. Павел очень глубоко заметил, что определять могут лишь те, кто сами определены Господом и допущены к столь опасной работе, как познание, из которого-то грех и пороки выползли; а мы сегодня по-научному выбивая клин клином, сами становимся клином, который выбивает лишь смерть. Поэтому философия хозяйства есть не только знание, но и гносеократия.

и словесного разоблачения. Постигнув скрывающийся центр экономики, мы увидим истоки всех остальных ее проблем, поэтому философия хозяйства есть спасительная доктрина эсхатологического человека, обретающего в контакте со своим истоком и концом свою подлинную реальность, свой целостный ум, расщепленный, расстроенный и расхристаный близким, язвящим дыханием экономической и финансовой бездны.

Уже в древности деньги порождали неудовлетворимую страсть к их накоплению. Эти страсть и занятие Аристотель назвал хрематистикой. Кто инициирует эту страсть вопреки ее несуразице: людям нужны вещи, а не деньги за деньги. По Аристотелю, «в основе этого направления лежит стремление к жизни вообще, но не к благой жизни; и так как эта жажда беспредельна, то и стремление к тем средствам, которые служат к утолению этой жажды, также безгранично» [1, 4, 393].

Итак, накопление денег порождает жажду бесконечной жизни, жизни вообще. Но стремление к жизни вообще означает влечение не к жизни, а к абстракции жизни, которая есть ненасытная поглощаемость смерти. Любая абстракция есть ненасытное ничто. Абстракция дерева съест деревья всех времен; и они не насытят ее чрево. Так и все деньги мира не насытят абстракцию жизни. Абстракция всех съест, и все равно будет голодной; проглотив бытие, она пожрет самое себя, но от этого самоедства она плодит новые абстракции. И прожорливость абстракций создает особый мир, в котором рост абстракций и отрицания вещей, людей становятся целью.

Накопительство денег — жуткая штука, кошмары которой укрыты гипнозом мощи, власти и развлечений. В этом накоплении дополнительно (помимо греха) взращивается смерть, хотя самим хремастам мнится, что бессмертие в деньгах таится. Безмерное накопление денег есть безумие, а исцелением от него может быть лишь другое безумие. Деньги переливают в золото ум вещей и людей, делая их слугами безумия. Мощь хрематистики составляет триада: бессмертие, алогизм и безумие. Эти киты образуют основание современной экономики, ищущей причины кризиса, исцеления от него в его же порождающей причине.

Но хрематистика породила не только капитализм, но и либерализм, институционализм, технократизм. Накопительство денег не только умножает смерть, но и все институты, технологии, средства и препараты, инициируемые деньгами, несут в себе гибель. Они прямо не творят смерть, а высвобождают связанную смерть, активируя ее мрак. Все технологии, инициированные экономикой, заряжены смертью, а

потому неизбежно губят природу, людей, назвавших этот суицид прогрессом.

Аристотель не ищет инициатора безмерного накопления денег. Человек добровольно это делает, или сами деньги возбуждают у людей это влечение? Или есть нечто «третье», смертоносное, связывающее человека с неведомыми силами, влекущее деньги и людей друг к другу? Аристотель отвергал ростовщичество, считая его противоестественным делом [1, 4, 395]. Но если деньги — самоцель, противоречат человеку, жизни, богам, значит, они соответствуют нечеловеку, нежизни, неприроде, которые эту самоценность денег развивают вопреки воле полиса. Если нечто противоречит миру и все же процветает в нем, значит, это нечто опирается на мощь внемировых сил.

Для Аристотеля ясно, что деньгонакопительство провоцирует ничто, соблазняя человека вечной жизнью, но подменяет ее вечной смертью. Мистерия смерти внушает, что самой экономной является смерть, ибо ей нужен лишь один ресурс — люди, что она самая богатая, а кризисы ей не ведомы. Но осознать эти галлюциногены экономики-хрематистики современный человек уже не может. А изучение экономики в неосознаваемом контексте смерти ускоряет гибель этих горезнатоков. Кто признает сегодня, что экономика держится смертью? Одной рукой смерть загоняет человека в рынок, а второй — готовит его к закланию. В экономике люди не умирают, а перерабатываются смертью в деньги; даже сознавая ложь ее демонического спектакля, они не могут выйти из него.

Люди убивают животных для сохранения своей жизни, хотя и зря губят больше. А для чего убивают младенцев в чревах матерей? Для возрастания нежизни?! Для людей деньги — средства жизни, но деньги-самоцель превращают жизнь в средство смерти. А цели самой смерти неизвестны. Поэтому кризис, смерть и экономика неразделимы; кризис — плата экономике за кризисы. Да, человек смертен, неожиданно смертен, но он все же целиком не сливается со смертью, сохраняя возможность жизни иной. А экономика-хрематистика знает жизнь только как средство смерти.

Итак, современный термин «экономика» содержит в себе два противоположных смысла: есть экономика-хозяйство, служащая жизни, и экономика-смерть, которая посредством денег питается жизнью. Экономика-хозяйство занимается всей полнотой жизнеотправлений человека. Даже деньги, войны, смерть, убийства животных и людей, вопреки их негативу, могут служить средствами, которыми человек очищает хозяйство от паразитизма. Поэтому столь ценна философия хозяйства,

что в ее контексте можно видеть перспективы хозяйства и богатство тупиков богатства.

Но с эпохи Возрождения экономику-хозяйство незаметно слили с экономикой-хрематистикой, а затем просто стали именовать «экономикой», «забыв», что в этом термине сплетены хозяйство и смерть. Чтобы честно хозяйствовать, рынок вынудит производить вредные и ненужные товары, чтобы угодить хрематистике; пожелаешь отказаться от ее денег — разоришь свое хозяйство. Чтобы хозяйствовать на рубль, платишь дань смерти на два рубля, приближая тем самым срок своей казни. Не платишь дани смерти, не получишь денег для хозяйства, которое обойдется без них, но это будет нежизненное хозяйство. Не работаешь на смерть, не получишь благ для жизни; работаешь для жизни, удели время и смерти! Делай добро, но без участия во зле не выйдет; уходишь от зла, оставь ему часть своего добра! Поэтому экономика-хрематистика наиболее выгодна прямым слугам смерти — криминалу, производителям оружия, наркотиков, алкоголя, табака, инициаторам эмиссий! Их доходы неисчислимы, но им и этого мало! Таков инфернально-сакральный кодекс экономики-хрематистики!

Почему все же хрематистика победила хозяйство и экономику? Каково ее тайное оружие? Ведь хозяйство-экономика производит жизнь, а хрематистику влечет абстракция жизни, смерть!

Ведь и само хозяйство человека — это сплошное мучение, не имеющее высшего оправдания, а только высшее проклятие. Трудясь до кровавого пота, человек усугубляет хозяйство еще и глумлением, жестокостью и грубой эксплуатацией. Жизненные блага, творчество, софийные смыслы лишь иногда сластят его горечь. Хозяйство не имеет высшего оправдания и в качестве раба «золотого тельца», который превращает его в служение адское. Змий не оставил в покое соблазненных, а принуждает их постоянно ублажать смерть. Оттого так мало радости дает даже творчество, ибо искупление греха требует испытать все муки хозяйства. В хозяйство, как и в экономику, змием пролезла хрематистика, которая вынуждает человека наилучшие свои плоды отдавать этому зверю, который превращает их в смерть, а хозяйство и экономику держит в режиме кризиса, дефицита, инфляции, безработицы.

Но даже такое страшно мучительное хозяйство все же работает на продолжение жизни. Поэтому хозяйство, отвергая антихристианский проект, движется через рабский труд к общинному солидаризму, который был социальной основой первых христиан. Но этот проект был подменен золотым тельцом, в котором Моисей и Христос видели главного врага жизни — капитал со своей идеологией: «Деньги сильнее Бога!».

Но есть и малая правда хрематистики. Она изобрела процент, превратила смерть в экономику, в производство богатства, которое сулит даже бессмертие. И она победила хозяйство. Как? Своей работоспособностью смерть превосходит все известные формы производства, сама воспроизводит все необходимое для своего роста. Тесно ей в этом мире — перейдем в мир виртуальный, но идеал первых деньгонакопителей не предадим. А там пусть нас Бог рассудит, если есть у него толковые ангелы-экономисты и хрематисты! Но и без ангелов ясно, что экономика в отрыве от хозяйства, есть «творение навыворот» — путь от бытия в никуда, величайшая авантюра, inferнальный мировой эксперимент. Экономика — это inferнальное производство смерти. Если у накопления денег нет пределов, то почему, идя этим же путем, подчинив себе лучшие умы, взяв в помощники Воланда, нельзя возратить утраченное бессмертие, или создать новое, или сотворить суррогаты бессмертия и рая?

Экономика-хрематистика — прежде всего, антихристианский проект «золотого тельца», и лишь затем — как практика и наука. И без метафизики не постичь ее мощи, угрозы ее крушения. В экономике смерть посредством богатства соблазняет людей. Лукавство исказило суть экономики, выдав ее средства за цели и целое; и если экономика-хозяйство спасает людей от смерти, то экономика-хрематистика спасает смерть от Бога и за счет людей. Поэтому экономисту нужно изучать в контекстах жизни, хозяйства, религии, из которых она вышла, но принуждает их служить смерти. И жизнь, и смерть — в руках людей, но кто вкладывает ум и цели в эти руки? Экономика-хрематистика вышибла из людей Бога и мудрость, заменив их научным непониманием экономики. Хрематистика исказила слово «экономика», сделав его для знающих орудием оглупления людей; а использование этого термина в науке создает хаос, ибо неизвестно, кому он служит в том или ином случае.

Итак, философия хозяйства возникла как необходимое социокультурное и научное восполнение Логоса, как выражение творящей мудрости мира. Цельное знание отчасти доступно человеку посредством Логоса (Слова) и Софии (Смысла). И если Логос воздвигнул европейский мир, и этот мир рушится, то это говорит лишь о том, что истина не в Логосе, а в его союзе с Софией. А София воздвигла в Византии и в России свой мир, в котором родилась ее дочь — философия хозяйства, согласующая законы Логоса и смыслы Софии, дела экономики с законами жизни, исключив из своих проектов золотого тельца, послав его на вольные хлеба Сахары.

И в этом плане философия хозяйства — это не просто проект талантливых ученых, создавших научно-философскую школу, а она про-

должает совместное творчество Логоса и Софии посредством хозяйства, изгоняя из мира хрематистику. И это софийно-логосное видение экономики С.Н. Булгаков и Ю.М. Осипов представили в обликах монументальных живых текстов. И власти научные не знают, что с этой школой делать, ибо чувствуют за своей спиной тяжкий хрип отходящего «золотого тельца».

Философия хозяйства есть завершения логосной эпохи и начало эпохи софийной, в которой Логос станет орудием софийной работы. Поэтому философия хозяйства — это не теория хозяйственного знания, а само хозяйственное знание как особый вид реальности, в котором пребывает познающий субъект. Философия хозяйства — это новое человеческое самосознание, стоящее выше полезности, расчетов, выше гуманизма.

Какие перспективы философии хозяйства?

Философии хозяйства имеет сильное, сакральное, мудрое *прошлое* — хозяйственный традиционализм. Большинство народов живут по заветам философии хозяйства: ради продолжения жизни. И только Запад служит экономике-хрематистике, обеспечивая бессмертие смерти.

Философия хозяйства имеет сильнейший волевой *проект будущего* — многополярный мир, союз хозяйственных империй, сохраняющих свободу для творческих дерзаний и солидаризма народов.

Сегодня только философия хозяйства владеет оригиналами вещей, идей, людей, общества, власти, экономики, институтов, оригиналами ума, сознания, души, знания, понимания и языка, ибо только в ней запечатлены софийные смыслы мира, вера в человека. Софийность, т. е. божественная целостность ее знания, дает меру понимания всего мира. Институциональный идеал философии хозяйства — Дом всего человечества, а экономики-хрематистики — крематорий для всего мира.

Настоящее — вот основная проблема, забота и мука философии хозяйства. Ситуация напоминает положение первых христиан. Людей, институтов, государства, образования нет, сплошные симулякры, которые философия хозяйства отвергает. А на кого же опираться, с кем работать? Или люди философии хозяйства — заблудшие университетские овцы? Ап. Павел говорил, что христиане не от мира сего погибающего, но находятся в нем и должны что-то из него брать. Что принимать христианам из нехристианского мира? Церковь приняла антихристианскую власть и заразилась ею, забыв, ради чего свершился грех, возникли смерть и дьявол? И почему Бог терпит эту наглуую вакханалию? Или теперь ООН, МВФ, НАТО, ЛАС спасают?

Основная миссия философии хозяйства — одолеть хрематистику, все ее хитрости, сокрытые математикой и наукой в симулякре «эконо-

мика». Экономика-хрематистика рухнет сама от тяжести золотого тельца, который сегодня держится еще на инновациях смерти. Цунами хрематистики накроет весь мир, а оставшиеся начнут жить уже по аксиомам философии хозяйства.

Для философии хозяйства бытие — это не данное, а заданное: нужно создать в центре хрематистики наш, новый мир, отвоевав его у «золотого тельца». А для этого нужно не засорять свой ум мнениями и проектами мира, а дать в мыслях хозяйничать самому хозяйству, которое и приведет к нам будущее. Так поступали первые христиане: в муках они дошли до отрицалища эпохи и повернули время в другом направлении. Они умели входить и выходить из времени, не страшась демонов гибели. И нам нужно, опираясь на софийность, уметь видеть мир, экономику, хозяйство и свой ум без иллюзий. Против философии и хозяйства бессилён глобализм, ибо он — паразит и скрыто кормится хозяйством, а не экономикой.

Философия хозяйства имеет настоящего союзника, который пока не подозревает о своей миротворной хозяйственной миссии и не ведаёт, что концепция его общественного и планетарного деяния уже работает. Речь идет об МЧС. В КНР Госплан стал частью Генштаба армии, который планирует хозяйственные проекты. И это не случайно. Дело в том, что экономика разрушает гораздо больше, чем производит. И этот дисбаланс достиг сегодня угрожающих масштабов, требуя сосредоточить силы хозяйства на ликвидации разрушительных последствий «золотого тельца».

Возникнув как институт ликвидации различных катастроф, МЧС со временем стал планетарным субъектом хозяйствования. Его отделения, как и церковные приходы, есть во всех субъектах России, даже в самых малых административных структурах, и даже во многих странах за рубежом. Но главное в том, что МЧС обучает людей именно хозяйству; причем хозяйству в условиях полного крушения экономики-хрематистики. Они постоянно входят в различные отрицалища и возвращают время на пути хозяйствования. Но философия хозяйства знает, что делать после его конца, и есть институт, который это делает уже в масштабах всей планеты. Вопрос в том, когда, как и где философия хозяйства встретится с МЧС, и они совместно решат вопрос о новом Всероссийском МЧС для всей страны.

Все категории экономики нужно профилактически обследовать в философии хозяйства, чтобы изгнать из них паразитов-хрематистов, высвободить их плененные смыслы. Экономика должна решать са-кральную задачу *спасения*, а не роста ВВП. А философия хозяйства — это инструкция правильного использования жизни, экономики и хозяй-

ства. Сегодня она должна декатастрофизировать сознание и умы людей, научить их сражаться с чудовищем, заключенным в лабиринте экономики.

Современная экономика поражена СПИДом хрематистики; поэтому невозможно наладить ее хотя бы сносную работу, ибо в ней сидит антихозяйственный вирус смерти. Рубль добра требует от нее пять рублей зла, а избавление от зла погубит даже самую малость добра. (Табак и водка для жизни и хозяйства смертельны, но для экономики выгодны и полезны.)

Хозяйство само по себе не может решить проблему спасения человечества, но и без него эта проблема неразрешима. А смерть посредством экономики превращает людей в свою энергию. Одолеть смерть может только любовь, жертвующая священным ради спасения грешного.

Незаметно идет мировое возвращение экономизма в хозяйство. И это — самое главное в жизни после казни Спасителя. Не увидев внутренней мертвечины экономики, способа ее исцеления в хозяйстве, мы не поймем ни жизни, ни смерти, вообще, ничего не уразумеем. Это сакральное событие-переход, ибо в хозяйствовании реализуются сакральные умения людей, а в экономике — скрывающие смерть пороки. Хозяйство возможно лишь в контексте жизни и Бога, а экономика — в контексте смерти и дьявола, ибо хозяйство не оперирует фикциями (небытием, деньгами), а экономика на них держится. Запретив плоды с дерева познания добра и зла, Господь запретил превращение хозяйства в экономику. Дьявол был и остается непревзойденным бизнесменом, создавшим первое акционерное общество, в котором соединил грех, смерть и золото. В бизнесе главное даже не «золотой телец», а искажение души, сознания и ума, чтобы они служили не истине, а лжи. Не сразу, не сразу, а через повсеместное служение «золотому тельцу».

И сегодня Запад навязывает миру не свою наилучшую систему жизни, а свою наилучшую систему смерти; не свою правду, а свою ложь, не свое бытие, а свое ничто, не свою сакральную и экзистенциальную идентичность, а свою демоническую фрустрацию. Запад уже проел все смыслы своего Логоса, а посему Европа сегодня не знает самой себя, не может внятно сказать: «Что есть Европа?». И НАТО не придаст Европе лица, ибо его задача — разбивать лица.

А целостно гибридные формы сознания и ума генетически присущи России, поэтому она прекрасно понимает, что в экономике правят бал непонимание и бессознание «золотого тельца». Поэтому она противится «нормальной экономике», связывая свою судьбу с хозяйством, в котором доминирует жизнь, целостность сознания и ума, а медиатором,

опосредующим общение индивидуумов, служит мудрость Софии, которая использует и Логос Запада. Поэтому только философия хозяйства может служить социальной доктриной современной России. А нормальная экономика возможна лишь в Преисподней, где из всех субстанций жизни и смерти извлекают золото.

Философия хозяйства — автократическая и миротворная сущность, в которой можно выделить множество отдельных аспектов.

В сакральном плане философия хозяйства есть *откровение* Софии Премудрости Божьей, ее созидающая, размышляющая и понимающая сила, ставшая умениями и способностями человека, истоком и перводвигателем его хозяйственных инициатив и деяний. И философия хозяйства работает как особый автократический мир, созидающий *средства жизнеобеспечения, органы сознания и мысли*, необходимые для сохранения *животворных связей* с миром сакральным, который ставит первую и последнюю точку в *спасении* человека¹³. Хозяйственный проект работает на спасение человека и служит ему всеми своими элементами и функциями. Человек ушел из вечности и живет для того, чтобы стать достойным вечности. А смерть дана для понимания самого главного — победа над смертью возможна, необходима и неизбежна. Софийный проект хозяйствования есть одно из средств реализации этой антропологической стратегии, вытекающей из софийных оснований, смыслов, идей и целей, человеческого бытия. Само хозяйствование есть смысловая связь вечного и временного. Хозяйство превращает метафизические смыслы в пищу жизни. В этом плане философия хозяйства выражает телеологический и софийный детерминизм бытия и России, которая есть особый автократический проект, строго ведомый философией хозяйства. Поэтому в России не проходят зарубежные проекты, ибо они не соответствуют ее софийному *Проекту*.

Философия хозяйства есть *софийная метафизика*, изучающая смыслы сознания, ума, души и языка, действующие посредством хозяйственного творчества. Запад работает на ресурсах Логоса, но не приемлет софийной метафизики, которая несовместима с золотым тельцом.

России ближе, роднее софийная метафизика, которая признает самоценность русскости, ее озарений, не отвергая и логико-технических благ Логоса, который служит корысти мира сего. София и Логос неразоторжимы, но они и не отождествимы; Логос тяготеет к форме, закону, порядку, организации, провокации, насилию, а София несет смыслы,

¹³ «Кто нашел меня, тот нашел жизнь, и получит благодать от Господа. А согрешающий против меня, наносит вред душе своей; все ненавидящие меня, любят смерть» (Прит. 8:35—36).

вольнодумство, автократию святости, самодействие идеальных ценностей, которые творят новые слова, формы, законы, нормы, инициативы. Логос много говорит, вещает, высчитывает, а София вслушивается, вдумывается, вглядывается, высказывается намеками, описаниями, иконами, храмами, литургией, хозяйством, чтобы прорваться иногда прямо в идеях. София раскрывает, окрыляет любое содержание своими смыслами, размышлениями. Логос — это законмашина, а София — смысловой организм. В небесах Логос и София нашли общий строй, а вот на земле пути их не сходятся. Логос отдал Западу все свои богатства, а исчерпав свои творящие силы, стал прислуживать inferнальным логосам Мефисто и Воланда.

Онтологией хозяйства является идеальный мир многообразия *целевых причин*, посредством которых человек может создавать реалии из самого ничто. Логос несет *закон* этой онтологии, а философия хозяйства утверждает умно-умелое *хозяйствование*, в котором идеи становятся миротворной мощью.

Творческий детерминизм хозяйства коренится в идеальном мире Софии, которая является не только Ангелом Мудрости, но и Мастером в созидании форм бытия. Живейшие лучи идеального ласкают взор и рождают смыслы, меж тем самый мягкий физический сумрак беспрепятственно ранит человека, внушая ему безмерные желания бессознательных монстров его глубин. Множество образов, страдальческих, грациозных и страшных, темных и сияющих, отдаленных и близких, несет человеку его плоть от мириад поколений. Чудовищна власть неизъяснимых галлюцинаций, тайны которых отвергает наша гордыня и тщетно изучает наука, не ведающая тайны смысла.

Философия хозяйства — это *метанаука*, единая в себе метафизику, мировоззрение, антропологию, софиологию и часть экономики. Философия хозяйства ограждает евронауку от ученых, выявляя софийные смыслы в качестве соавторов большинства человеческих дел. Августин даже в христианстве видел не только религию и теологию, но и особую науку. Р. Генон воссоздал образ традиционной науки. Не нужно отождествлять науку с евронаукой, а нужно видеть различные исторические виды и типы наук.

Философия хозяйства преодолевает чистую *гносеологию*, являясь типом онтологического знания, в котором изучаемый предмет служит объектом и субъектом, которые не разделяются до отрыва, но и не сливаются в неразличимое единство. Гносеология философии хозяйства является частью ее онтологии, охватывая софийные смыслы метафизики и эмпирию материи.

Трудности понимания философии хозяйства связаны и с предметным статусом ее знания. Философия хозяйства — это не вид академической науки, а новая наука, сохраняющая в себе отдельные кирпичики старой научности уже в составе метанаучного знания; не является она и частью философии типа философии права, философии истории и др., так как из сочетания смыслов «философия» и «хозяйство» возникает качественно новый смысл. Не является она и междисциплинарным знанием, которого вообще-то нет. Философия хозяйства — это целостное знание, в котором дана неразрывная связь физики и метафизики, смыслологии и праксиса; именно поэтому она оценивает проекты, деяния, вещи, человека, их эсхатологию. В то же время философия хозяйства есть гибридное знание, знание непонимания и бессознания, знание, постигающее свои истоки, свою телеологию и эсхатологию, свою нераздельность с миром и уникальность своего мира. Философия хозяйства опирается на софийную парадигму (субъект и предмет неразделимы, но и не тождественны, а действуют в едином пространстве хозяйства). В то же время она содержит в себе многие новые исследовательские программы.

Философия хозяйства — новое *мировоззрение*, несущие в себе спасительное понимание человеку. Мир — это хозяйство жизни, ведущей непрерывное богослужение... Но философия хозяйства — это и идеология самой жизни, занятой воспроизводством и сохранением связей со своим источником. Философия хозяйства — это и особый институт, посредством которого свершается сохранение и спасение жизни до того срока...

Философия хозяйства — и новая *методология*, использующая проективные потенциалы Св. Троицы, Софии-мудрости, развивая тип цельного разума, преображая на их основе диалектику противоречий в *триалектику* единоречий целостного знания, охватывающего и знание непонимания. И философия хозяйства создала в составе триалектики особый метод определений. Определение должно стать раскрытием хозяйственного деяния, посредством которого предмет стал воплощенной мудростью. И определение философии хозяйства должно стать выявлением ее определения в качестве особой реальности, особого мира, особого деяния, особого Дома для сакрального смысла.

Для философии хозяйства главное состоит в том, чтобы приблизиться к тому основанию, в котором правое, левое, среднее, высокое и низкое, праведное и грешное живут еще в качестве жизнеединого и благого смысла. Философия хозяйства всегда выступает не против чего-то, не против кого-то, а всегда ратует за мудрость, которая делает всякое «против» противным человеку. И экономику, экономическую науку она

не порицает, а спасает от разрушительных инферналий хрематистики. Последним экономическим действием человечества, будет не экономический, а военно-хозяйственный акт; а последним субъектом экономики будет солдат, который по-хозяйски и безвозмездно свершит последние погребения останков золотого тельца.

Поэтому философия хозяйства таит в себе последнюю власть — *софиократию*, которая на основе гибридного ума и сознания соединит государство, церковь и школу в форму христианского социализма. Философии хозяйства суждено стать софиократией, ибо в ней хранится вещая тайна последнего царствующего президента России, который готовит страну для самого Главного События Мира...

Литература

1. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. М., 2000.
2. *Осипов Ю.М.* Время философии хозяйства. М., 2003.
3. *Денисов А.А., Денисова Е.В.* Управляемая конфронтация: война в зоне сингулярности // Экономические стратегии. 2014. № 8.
4. *Паскаль Б.* Мысли. М., 1995.
5. *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. М., 1999.
6. Фрагменты греческих философов. Ч. 1. М., 1989.
7. *Гегель Г.В.Ф.* Соч.: В 14 т. Т 4. М., 1957.
8. *Булгаков С.Н.* Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1993.

И.В. ПШЕНИЦЫН

Уникальное явление русского духа

Аннотация. Статья раскрывает жизнеспособность идеи ЦОН, объект его исследования, принципиальное различие хозяйства и экономики с точки зрения их воздействия на единство России, раскрывающее философию хозяйства.

Ключевые слова: центр, объект науки, предмет, метанаука, Россия, хозяйство, экономика, народ, общество, философия хозяйства.

Abstract. The article discloses the health of the Centre of Social Science's idea, its science object, principle difference of khozyaistvo from economics from the point of influence on the union of Russia, showing philosophy of khozyaistvo.

Keywords: centre, science object, subject, metascience, Russia, khozyaistvo, economics, narod, society, philosophy of khozyaistvo.

Сама идея Центра общественных наук и особенно ее жизнеспособность — удивительное явление нашей жизни: как вообще в обстановке всеобщей децентрализации и отчуждения, национального обособления и освобождения от центра могла не только зародиться, но существовать и реализовываться, да еще как реализовываться(!) идея хоть какого-нибудь центра? — Если бы идея Центра сводилась к объединению структуры общественных наук, подобно Академии, или к обмену научными знаниями и слиянию сил и талантов, все было бы понятно. Как, впрочем, и то, что в период охватившего страну зуда реформирования любая возникшая структура, да еще в СССР и по прямому распоряжению главы советского правительства, должна быть перестроена, преобразована, переименована и, скорее всего, в итоге — ликвидирована. Поэтому, при всем старании, чисто рационального объяснения феномену ЦОН, его непонятной сверхживучести дать не получается — вот и приходится обращаться к иррациональному, потустороннему, метафизическому, к загадкам русской души и тайнам русского духа.

Идея Центра близка понятию метанауки, или пранауки, которую в Древнем мире называли философией, любовью к мудрости. Но та метанаука с созданием конкретных наук ушла в историю, поэтому если бы целью Центра общественных наук была метанаука, то даже его создание в современную эпоху разложения общественной науки на множество обособленных наук было бы фантастикой, а между тем мы отмечаем 25-летие его плодотворной работы. За это время количество общественных наук особенно возросло, но актуальность Центра от этого отнюдь не ослабла. Науки обособляются, формулируя и отстаивая свой предмет, свое право на существование, добиваются финансирования. А получив финансирование, успешно продолжают разрабатывать свои предметы. Но это ли нужно России? Слишком часто получается так, что развитие официально признанных общественных наук не совпадает с потребностями жизни страны и народа.

Потребность страны в любой науке, в том числе в метанауке, а значит, и жизнеспособность этой науки, определяется наличием у нее объекта исследования, который в принципе отличается от ее предмета. Следует, прежде всего, признать это качественное различие объекта и предмета, поскольку регулярно встречающиеся попытки их количественного сравнения, выяснения — что шире, а что уже — скрывают это глубокое сущностное различие. Объект исследования общественной

науки — реальность, жизнь как она есть, душа народа в действии. И, естественно, *никакого отношения к науке объект никогда не имел и не имеет*. Он существует, живет и умирает независимо от того, изучает его хоть какая-нибудь наука или нет. Для страны, для России важно, чтобы наука занималась именно объектом. Напротив, предмет науки образуют знания, продукты научной деятельности, существующие только потому, что есть наука. Конечно, предмет формируется в связи с изучением объекта и должен отражать его, но это не устраняет их качественного родового различия: объект — это реальность, предмет — знание, продукт сознательной деятельности. Таким образом, наряду с предметом науки существует объект исследования, который живет независимо от науки, объективно, в то время как предмет является только результатом научного анализа объекта.

Предмет возникает в процессе научного исследования объекта, но сам становится объектом изучения в сфере образования. Школьники и студенты учат предметы, а не объект, исследуемый наукой. Поэтому в преподавании происходит естественное отождествление объекта с теорией: поскольку преподается только знание, объект из контекста исчезает. В сфере преподавания, изолированной от жизни, преподаватели и ученые, прекрасно владеющие предметом, порой забывают объект, исследуемый наукой. В народе эта особенность процесса образования, его оторванность от жизни, давно подмечена и выражена в поговорках о заумности.

Если в естественных и технических науках полное слияние объекта с предметом невозможно в силу господства эксперимента и практики как главного аргумента в теоретических спорах, то в общественных науках положение принципиально иное. Поэтому там регулярно возникают идеи о *сочинении* науки как идеологии. Понятно, что объекта исследования у идеологии не только нет — он даже не предполагается. Занимается такая наука своим предметом — теорией, т. е. сама собой, и развивается из себя, сочиняя новые теории. В народе говорят об оторванности такой науки от жизни, поэтому существование идеологической науки целиком зависит от ее финансирования. Для сворачивания идеологии не требуется каких-либо теоретических усилий, все решают внешние к науке финансовые условия.

Возвращаясь к интересующей нас жизнеспособности Центра общественных наук, к его тесной связи с судьбой России, мы с вами, внимательный читатель, приходим к выводу, что идея Центра связана, по всей видимости, с особенностями объекта исследования русской научной общественно-научной мысли. Видимо, в Русском мире есть *нечто* такое, что не затрагивается множеством сформировавшихся обществен-

ных наук, совокупностью их предметов, это *нечто* не сводимо к предмету какой-либо отдельной общественной науки, даже вновь созданной; и уж если заниматься этим объектом исследования русской мысли, то следует говорить о некоем Центре. Одним словом, удивительная жизнеспособность Центра вытекает из *специфической природы традиционного объекта исследования русской научной мысли — народного хозяйства*.

Возможно, и даже скорее всего, прочитав последние слова, читатель, в сознании которого народное хозяйство отождествляется с национальной экономикой, воспримет начало статьи как мыльный пузырь, может быть, красивый, переливающийся, но пузырь, который автор статьи усиленно надувал, пыжился изо всех сил — а тот взял и лопнул; для него лопнул, для читателя, в сознании которого нет никакого различия национальной экономики и народного хозяйства. А если читатель еще и думает по-английски, он даже мыльного пузыря не увидит, поскольку не сможет перевести «народное хозяйство» на английский язык иначе как «национальная экономика». Нет для таких слов, как «народ» и «хозяйство», в английском языке, а значит, и в его голове, места.

Так мы подошли к центральной проблеме, раздиравшей и раздирающей русскую мысль, — проблеме соотношения западничества и народничества. Проблема эта иррационально, метафизически, подсознательно существовавшая всегда (помните, у Н.В. Гоголя образ Руси как «птицы-тройки», несущейся неизвестно куда) и проявившаяся в жизнеспособности ЦОН, за последний год, как многим кажется, стала очевидной. Что важнее: западные ценности или сбережение народа, русского народа на Украине, в Крыму? Странно, что не все россияне, включая малых детей, знают правильный ответ на *так поставленный* вопрос, а только 94%, и зачем тут ЦОН, зачем вообще наука? — Очевидность постановки скрыла саму проблему западничества и народничества, сведя ее к внешнему противостоянию с Западом. А проблема-то не в Западе, а в России, в том, что мы творим: народное хозяйство или же национальную экономику.

Какова же специфическая природа народного хозяйства в отличие от национальной экономики? Этот сложный вопрос целесообразно начать с понятия хозяйства, его специфического отличия от экономики. Знающие люди сразу вспоминают Аристотеля и его определение экономики как управления домом, в отличие от хрематистики, погрязшей в деньгах. Можно связать экономику с реальным процессом экономии ресурсов, ростом производительности труда. Здесь нет ни денег, ни рынка, а экономия уже есть и реальная экономика, значит, тоже. Так где же место для хозяйства в отличие от экономики? — Во всех цивилиза-

циях мы видим обмен благами, экономию и экономику. Разве что в совсем давние времена, где-нибудь в пещерах, при первобытнообщинном строе, когда еще не было обмена благами, производства и частной собственности, можно найти нечто чисто хозяйственное, не экономическое.

В чем состоит феномен хозяйствования в отличие от экономии ресурсов, каков принцип хозяйствования — не как экономии ресурсов и роста производительности труда, — вот в чем вопрос. И не сочиняем ли мы, говоря о «хозяйстве», когда западная наука давно пользуется словом «экономика». Народ, русский народ, говорит о *хозяйстве*, а западная наука — об *экономике*. — Вот вам и проблема. А на чьей вы стороне? Вы западник или народник? — Но тут надо вспомнить, что мы же ученые, значит, надо формулировать проблему научно, без эмоций. Какие основания существуют у русского народа говорить о хозяйстве, что в этом хозяйстве есть специфически хозяйственного, не экономического? — Но ведь Аристотель показал, что нет в хозяйстве ничего специфического, так, осталось слово «хозяйство», синоним экономики. Большинство ученых-экономистов, которые пока сохраняют в своем словарном запасе это слово, так его и используют — как синоним экономики. И если раньше в научном языке были устойчивые словосочетания «натуральное хозяйство», «сельское хозяйство», «капиталистическая экономика», «рыночная экономика», то сегодня они размываются, и уже можно встретить и «натуральную экономику», и «капиталистическое хозяйство». No problem! Вопрос закрыт. — Одно не понятно: почему уже 25 лет существует ЦОН, что влечет, держит людей, чем они занимаются? Надуманные структуры так долго не живут.

Примерно таков взгляд со стороны прозападного ученого, экономиста. Между тем, русскому мыслителю специфику хозяйства не надо искать в книгах иностранных авторов, хозяйством заполнено все его подсознание, и ему надо просто вспомнить, что русский народ называет хозяйством. Ярким примером хозяйства является общинное крестьянское хозяйство, которое век назад было основной формой народной жизни на просторах России. Какова специфика этого хозяйства в отличие от экономики? — Прежде всего, хозяйство возможно только в единстве с природой, что сразу же бросалось в глаза отсутствием заборов и свалок мусора. Грязи полно, в непогоду весь перемажешься, а мусора нет. Свалок нет не потому, что мусор вывозят, а потому что отходов нет. В хозяйстве не бывает отходов, оно в принципе безотходное. Хозяйство является способом единства с природой в отличие от экономики. Такова философия хозяйства, превращающая природу в Родину для человека, воспринимающего землю как мать. Поэтому в хозяйстве, в силу его философии, невозможны экологические проблемы, и нет необ-

ходимости в экологии как особой науке — из-за отсутствия для нее объекта исследования. Адекватное взаимодействие с окружающей средой — особенность хозяйства, но не экономики. — Одним словом, хозяйство связано с природой любовью к родной земле, в то время как экономика основана на отчуждении от природы, желании брать у нее, «не дожидаясь милостей».

Еще одной отличительной особенностью хозяйства является основополагающая роль в нем отношений между поколениями. Хозяйство образует, организует, воспроизводит тесную связь поколений, в отличие от экономики, основанной на отношениях между современниками, даже если они люди разного возраста. Это различие настолько существенно, что делает хозяйство и экономику антиподами. — Дело в том, что отношения между поколениями не являются отношениями обмена; в этих отношениях не участвуют граждане, собственники, экономические люди, поскольку человек не является в хозяйстве обособленным индивидом, в частности, он имеет совесть, связывающую его с народом. Поскольку философия хозяйства основана на отношениях между поколениями, хозяйство по своей природе может быть только народным. При этом народ не является обществом современников, подобно гражданскому обществу, демосу или толпе, народ связывают философско-хозяйственные межпоколенные скрепы, определяющие состав семьи из трех поколений. Стержнем хозяйства является жизнедеятельность народа. Выращивание и воспитание детей являются главными потребностями в хозяйстве, что определяет другие основные потребности: когда, что и сколько есть, пить, где, в чем и как жить и т. д. Поэтому в народном хозяйстве не возникает демографических проблем, а значит, нет объекта исследования для особой науки — демографии.

Изучая народное хозяйство, мыслитель, в силу философии хозяйственной деятельности, анализирует и взаимодействие с природой, и связь поколений, а значит, ему нужна метанаука, нужен именно Центр, а не совокупность обособленных частичных наук, таких как экономика, политическая экономия, экология, природопользование, демография, социология, история и т. д. и т. п.

Пример общинного крестьянского хозяйства из недавнего прошлого России кое-что объясняет, дает понимание ограниченности, казалось бы, бесспорно общечеловеческих ценностей, пришедших с Запада, таких как цивилизация, общественное разделение труда, рост производительности труда, увеличение свободного времени. В результате возникает пока еще ощущение ограниченности такой ценности, как экономический прогресс. Но этот пример трудно совместим с настоящим, а тем более с будущим.

Что же представляет собой современная Россия, и каковы в ней перспективы народного хозяйства? Как вообще совместить индустриализацию, экономический рост с хозяйством, с народным хозяйством, как сберечь душу человека, чтобы экономика не превратила его, как на Западе, в экономического человека и потребность жить в детях была у него базовой? Перед нами разворачивается многогранная проблема сбережения народа, его жизнедеятельности, его хозяйственного уклада, проблема сбережения *русскости* на планете. И всем этим не могут заниматься частичные науки, этим может заниматься только Центр. Такова его идея, такова его линия жизни, такова философия хозяйства его гениального творца Юрия Михайловича Осипова.

Соотношение народного хозяйства и национальной экономики в России вот уже целый век меняется в сторону экономики. Экономики становится все больше, но развитой экономики не возникает и не возникнет, поскольку Россия по своей природе народнохозяйственная страна, в ней не проводилось отчуждение народа от земли, а напротив, существовало крепостное право, прикрепляющее народ к земле. Развитие экономики, основывающееся на отчуждении от природы и насаждающее это отчуждение, упирается в естественно присущую народу любовь к родной земле, в патриотизм народов России. Патриотизм — результат хозяйственной, не экономической деятельности, проявление философии хозяйства.

Экономическое развитие приводит к созданию мегаполисов, где в силу отчуждения от природы хозяйство становится невозможно. Связь поколений и связь с землей разрываются. Отчужденные от рода и от природы дети, подрастая, становятся благодатной почвой для организации цветных революций в России. Информационная война становится реальным средством воздействия на гражданское общество, утратившее связь поколений.

С развитием экономики пространство России теряет хозяйственную однородность. Раньше территории жили по-разному, но человек был частью своей природы и своего народа, и страна гарантировала ему это счастье единения, защищая от внешних врагов. С развитием экономики страна забирает у человека его индивидуальное счастье под обещание лучшей материальной жизни, одинаковой для всего гражданского населения. Универсальные экономические показатели качества жизни превращают в сознании экономистов индивидуальные особенности жизни территорий в отсталость мегаполисной инфраструктуры. Уникальные по сути территории становятся количественно сравнимыми по уровню жизни, в человеке формируется сознание экономического человека: Надо жить там, где уровень жизни выше. Те, кто не может

перебраться в мегаполис, воспринимаются как люди второго сорта. Отчуждение от природы подготавливает почву для развала страны. Россию можно сохранить, только культивируя хозяйственное устройство территорий, экономическое развитие погубит страну, как это произошло с СССР, с Югославией, с Чехословакией.

Хочется верить, что наш Центр общественных наук под руководством Юрия Михайловича Осипова внесет свой уникальный вклад в сохранность России и сбережение народа, противопоставив прозападной политике экономического империализма философско-хозяйственный подход!

Г.Р. НАУМОВА

История знаний и юбилей Центра общественных наук

Аннотация. Статья посвящена связи юбилея Центра общественных наук с традицией изучения русской философии. В центре внимания — роль Ю.М. Осипова в развитии идей философии хозяйства.

Ключевые слова: философия хозяйства, история знаний, археология познания.

Annotation. Article is dedicated to the connection of the anniversary of the center of social sciences with the tradition of the study of Russian philosophy. In the center of attention — the role of J.M. Osipov in the development of Philosophy of economy ideas.

Keywords: philosophy of economy, the history of knowledge, archaeology of knowledge.

О юбилее

Юбилеи и памятные даты даются нам как маркеры, вешки, знаки, указывающие, куда нужно двигаться, что корректировать. Юбилей Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова, вполне вписывается во время и пространство человеческой жизни.

Отринем всякого рода формальности и иллюзии и признаем, что содержание отмечаемого юбилея — это в первую очередь и по преимуществу труды и дни Юрия Михайловича Осипова. И дело не только в том, что он является инициатором и бессменным руководителем того научного комплекса (лаборатория, Центр, журнал), в который входит и

ЦОН. Смысл существования этой структуры — в развитии и выработке практики применения философии хозяйства.

Сам Ю.М. Осипов, размышляя о судьбах философии хозяйства, как-то высказал мысль, что, родившись на рубеже XIX—XX вв., философия хозяйства «пережила второе рождение» на рубеже XX—XXI вв. В чем-то это справедливо, однако в своем буквальном значении данная формулировка представляется не совсем точной и требует известной корректировки.

Попытаемся глубже понять и интерпретировать этот важный тезис Юрия Михайловича.

Археология знания

Прежде всего посмотрим на природу сегодняшнего интереса к русской мыслительной традиции, органической частью которой является и философия хозяйства, со стороны истории познания, истории науки. Оттолкнемся, пожалуй, от суждения В.И. Вернадского о Михаиле Васильевиче Ломоносове: «Годы идут — и какие годы в истории естествознания! — а фигура старого, недавно (еще) забытого русского натуралиста становится перед нами, его потомками, все более яркой, сильной, своеобразной. Из его работ, написанных на латыни или стильном русском языке древнего мастера, перед нами открываются поразительные прозрения науки нашего времени. Как это ни странно, но это так. Ряд идей М.В. Ломоносова ближе, яснее и понятнее в начале XX века, чем они были в середине века прошлого» [1, 111].

Да, да, именно так. Верно также и то, что многое из высказанного русскими мыслителями и философами сто лет назад оценивается и осознается в полноте, а не просто в социологическом пересказе, только сейчас. Ведь именно потому история мысли, история идей и даже история науки не могут быть сегодня написаны окончательно и во всей полноте. Мы не только движемся вперед, добывая новые знания, но и выводим из небытия, вспоминаем, начинаем понимать то, что было уже сказано и понято отдельными выдающимися нашими предшественниками. И, как правило, это явленное знание важнее нашей ныне столь ценимой многими «новизны».

В связи с отмеченным тем более важно понимать, что политические интерпретации и ангажементы могут до неузнаваемости исказить первичную мысль любого мыслителя. Нужна иной раз буквально археологическая работа в области реконструкции знания. Сразу приходит на ум наблюдение из статьи американского социолога Ф. Фукуямы «Конец истории?» об опыте спасения Г.В.Ф. Гегеля от его марксистских интерпретаторов в рамках семинара русского эмигранта Александра Кожева.

Именно русские философы указывали на то, что классическая немецкая философия «опасна» для культуры мира в силу той тенденции, которую она заложила через законы диалектики Гегеля, породив стремление европейцев, в том числе и российских европейцев, соединить эти законы с материей.

Здесь уместно вспомнить о том огромном влиянии, которое оказала русская интеллектуальная эмиграция на европейское и англосаксонское мыслительное пространство. Ведь оно (пространство) получило готовую интеллектуальную структуру, которая, что важно, не была для этого мира закрытой или замкнутой, прежде всего в силу общей религиозной корневой системы. Русский мир оказался открытой системой, которая обменивалась с окружающей средой и своей энергией и массой. В итоге структура была размыта, увеличилась энтропия, приведшая к изменениям внутри системы.

В самом общем виде следует указать на национальные пристрастия «принимающей стороны». Если говорить о русской философии, то здесь вкусы разделились. Итальянцы ценят В.В. Розанова, французы — Н.А. Бердяева, англичанам близок В.С. Соловьев, американцы оценили русскую физиологическую школу в лице И.П. Павлова, а вот немцы с поистине немецким тщанием вчитались в «Философию хозяйства» С.Н. Булгакова.

Конечно, именно немцы могли освоить лексический строй языка Булгакова. Наши языки достаточно близки сложностью и интеллектуальной насыщенностью, что обеспечивает возможность взаимодействия в том числе в философской сфере. Но словосочетание «философия хозяйства» германская наука оставила в модуляции подлинника. Многие периферийные европейцы увидели в Булгакове идеолога христианского социализма.

Насколько сложно и даже опасно ориентироваться в оценках и концепциях на зарубежных наших коллег, на зарубежное руссиеведение, можно отчетливо увидеть на примере американской психологической школы.

Американские психологи считают выдающегося русского физиолога Ивана Петровича Павлова одним из отцов-основателей своей науки, однако суть его учения так и не была ими понята до конца. Сам Павлов четко противопоставлял физиологические и психологические подходы к человеку. Это и есть основа русского взгляда на психологию, о которой М.Я. Ярошевский пишет так: «Соединение законов природы с ориентацией поведения на мир духовных ценностей — одна из неотъемлемых особенностей русского пути в науке о поведении» [2, 9, 11].

Археология русской мысли содержится в трудах по истории русской философии, исходивших из разных источников мысли. Этот поток литературы нарастает систематически. Все громче звучит голос естественников. Таков, например, и труд Н.П. Ильина «Трагедия русской философии» [3]. Взгляд физика оказывается достаточно радикальным. В этом, правда, нет ничего нового или неожиданного. XX в. не был глух к откровениям русских мыслителей. Очевиден феномен культурного непонимания русской мысли, который всегда демонстрировали дежурные гуманитарные критики этой мысли. Это в том числе и либеральная периферия нашей мысли, давно заселенная «российскими европейцами», «специалистами» по истории славянофильства, теории культурно-исторических типов и т. д.

В познавательном процессе XX в. была важная полоса, приходившаяся на рубеж конца 1950-х — начала 1970-х гг. Это время смены научных поколений. В науке властвовали специалисты, «рожденные Октябрем». Интерес к русской философской мысли своеобразно проявился в советском обществоведении. Это тома по истории экономической мысли, труды И.С. Кона о «философском идеализме», работы О.Л. Вайнштейна о «буржуазной методологии истории», исторические исследования, посвященные «легальным марксистам», и др. Студенчество увлеклось идеями Н.А. Бердяева, проявился интерес к теории культурно-исторических типов. Последствия этих увлечений были различны для участников процесса и разных отраслей науки. Попытки вступить в права наследства на русскую мысль цели не достигли.

Наконец на рубеже 1980—1990-х гг. стартовал тот период, который мы называем современным. Широкое хождение получила парадигма «интеллектуальной истории». Сегодня уже очевидно, что рожденная англосаксонским познавательным опытом теория «интеллектуальной истории» лежит в русле традиционной схоластики. А нам нужно иное. Археология мысли, историография, история познания требуют своих подходов, теорий, познавательных практик. В России со времен М.В. Ломоносова складывалась собственная модель фундаментальной науки, отличительной чертой которой являлось наличие механизмов кристаллизации прикладного знания. Эту ее особенность хорошо понимали русские ученые, решившие своим опытом и интеллектом поддержать отечество в трудные 1920 — 1930-е гг.

И поддержали.

По предложению В.И. Вернадского, в мае 1921 г. в Российской академии наук была учреждена Комиссия по истории знаний (КИЗ). Вернадский представил «Записку о необходимости создания Комиссии по истории науки, философии и техники». Из-за отъезда ученого за гра-

ницу деятельность КИЗ замерла. В 1926 г. он по приезде на Родину возвращается к этой идее и пишет «Записку о необходимости возобновления работ Комиссии по истории знаний». Записка была представлена общему собранию Академии наук в апреле 1926 г.

Комиссия возобновила свою работу, которая и развернулась под председательством Вернадского. С 1927 г. КИЗ издавала «Очерки по истории знаний» и «Труды Комиссии по истории знаний». Внимание участников проекта было сосредоточено на истории русской науки. На всех этапах существования КИЗ Вернадский считал, что она должна объединять работу как естественников, так и представителей гуманитарных наук. Судьба КИЗ была сложной. В 1938 г. Вернадский опять пишет «Записку о необходимости продолжения изучения истории науки и техники». Принято считать, что деятельность КИЗ была продолжена в стенах Института истории естествознания и техники РАН.

Выявление поиска прикладного значения фундаментального научного знания, добытого в прошлом опыте познания, определит наше развитие в XXI в. Это не простой путь и движение по нему доступно далеко не каждому.

В науке отчетливо наблюдаются два часто взаимно исключающих друг друга процесса: опыт самоутверждения личности, так сказать, личности в себе, и творческий процесс, суть которого в самоотвержении.

Способность творческого самоотвержения — удел немногих. Чтобы продолжить дело, начатое русскими философами и учеными в конце XIX в., нужно отказаться от попыток самоутверждения и перейти к творчеству самоотвержения, приобщиться к творческому методу русской философии. Потому и второе рождение философии — это образ, а суть процесса, протекающего сегодня — в продолжении и развитии этой самой философской традиции. Кому-то это удастся, кому-то нет.

Почему Ю.М. Осипову удается то, что не сумели сделать многие до него. Полагаем, что ответ надо искать в генеалогии ученого, в его научной биографии, в его личном опыте. Разгадка — в «Отце» [4].

Наука

«Наука XX века» — большая и сложная тема. Однако в этой теме есть такой простой, элементарный сюжет, как «научный социум». Именно в XX в. научная среда в нашей стране стала демократичной, массовой. Высшее образование превратилось во входной билет в науку, а принцип отбора обрел некую «демонстративную неестественность». С.Н. Булгаков, прогнозировавший неконтролируемый приток в науку мещанского социума старой России, оказался прав: мещанство, вдох-

новленное своим любимым писателем, вместе с «тремя сестрами», на крыльях «чайки» воспарило в сферу образования — образовывать и образовываться, в сферу народного просвещения — просвещать и просвещаться. Неестественно резкий рост числа наших сограждан, как бы занятых умственным трудом, привел к неуправляемым интеллектуально-психологическим процессам, когда образование оказалось не связанным с общей культурой, с духовной традицией, уровнем начитанности, уровнем осведомленности и тем более с индивидуальными личными генетическими возможностями человека с дипломом. Количество историков, филологов, философов, экономистов, юристов, актеров, режиссеров приобрело такие масштабы, что стало бедствием для культуры.

Еще более прав оказался П.А. Флоренский, говоривший о «научном стаде», вытаптывавшем ростки его новационных идей. Смена поколений в науке привела к падению ее общественного авторитета и, естественно, эффективности. Научная контрреволюция начала 1990-х стала неизбежностью.

Естественно, именно мутировавший социальный состав научного сообщества привел к явлениям научного мракобесия, отрицающего иные формы познания, инструментальный характер научных истин. Оказавшись с помощью хорошо организованных сетевых структур на вершине научной пирамиды, многие «научные лидеры» не имеют возможности признать тот факт, что в известном смысле науки сами создают для себя объекты, устанавливают свои проблемы, определяют методы. За признанием этого автоматически следует утверждение, что научные теории и гипотезы имеют служебное значение и в какой-то момент становятся ненужными.

Но преодоление ложных авторитетов, обремененных регалиями и чинами, должно опираться на взвешенное отношение к новым теориям и гипотезам, новым методам, новациям, возникающим на пересечении методов разных научных дисциплин. С особой осторожностью, даже настороженно следует воспринимать и предложения и выводы, сформулированные на основе принципа аналогичности с использованием теорий и гипотез, основанных на социологии и истории чуждого культурно-исторического типа. Естественнонаучные подходы в этом отношении и проще, универсальнее и объективнее.

Наука — трудовой процесс, направленный на добывание знаний. Одним из самых сложных является вопрос об объединении знаний, накопленных в различных отраслях. И все же объективно возникает потребность у наук объединиться и содержанием. Так случилось, к примеру, с историей и экономикой.

Изучая историю народного хозяйства России, приобщаясь к смыслам философии хозяйства, мы, собственно, и оказались в силовом поле научной структуры, созданной Ю.М. Осиповым. Обретение ориентирующих ценностей, а именно так мы понимаем значение семинаров Юрия Михайловича, в итоге позволяет выявить научные заблуждения, ответить на вопросы жизни, очевидно предшествующие науке.

Таким образом, философия хозяйства в наши дни не родилась вновь. Она открылась своими возможностями, дала точки роста целому ряду научных дисциплин в современной России.

Не следует думать, что привлечение этой философии для анализа современной ситуации будет приветствоваться широкими интеллектуальными кругами, ибо этот метод не для всех, а только для тех, кто в суматохе XX в. сохранил и развил обычный среднестатистический уровень русского образованного человека.

Литература

1. *Вернадский В.* Памяти М.В. Ломоносова // М.В. Ломоносов. К 285-летию со дня рождения. М., 1997.
2. *Ярошевский М.Г.* Наука о поведении: русский путь. М.; Воронеж, 1996.
3. *Ильин Н.П.* Трагедия русской философии. М., 2008.
4. *Осипов Ю.М.* Отец. Очерк о Михаиле Яковлевиче Осипове. М., 2014.

И.П. СМИРНОВ

Спор о Софии Премудрости Божией и его судьба в истории русской мысли

Аннотация. В статье акцентируются наиболее важные, по мнению автора, теоретические проблемы «спора о Софии Премудрости Божией» (1935) и его отголосков в церковной и философской литературе и предлагается взгляд на его результаты в свете истории русской мысли; проводится параллель с актуальной историко-мыслительной ситуацией вокруг софиасофской концепции Ю.М. Осипова.

Ключевые слова: София, С.Н. Булгаков, русская мысль, парижское богословие, сотериология, пантеизм, детерминизм, свобода воли, кеносис, Ю.М. Осипов, междисциплинарный синтез, софиасофия.

Abstract. The article is devoted to the most important, according to the author, theoretical problems «dispute on Sophia — the Wisdom of God» (1935) and its echoes in church and philosophical literature and the view of its results in the light of history of the Russian thought. The author shows the parallel with an actual historical and cogitative situation concerning the Yu.M. Osipov's concept.

Keywords: Sophia, S.N. Bulgakov, Russian thought, Parisian divinity, soteriology, pantheism, determinism, free will, kenosis, Yu.M. Osipov, interdisciplinary synthesis, sophiosophy.

В этом году совпали (поддаваясь торжественности повода, хочется сказать: промыслительно) две даты — 80 лет принципиальному «спору о Софии» и 25 лет со дня образования в Московском университете Центра общественных наук. Между этими событиями существует внутренняя связь. Спор сторонников и противников С.Н. Булгакова о Софии потряс, как казалось современникам, основы русской мысли, но довольно быстро сошел на нет и фактически предан молчаливому забвению. ЦОН при МГУ, если мысленно охватить результаты его деятельности за четверть века, тоже поражает несоответствием между масштабностью и неординарностью решаемых творческих задач и восприятием этого явления со стороны гуманитарного сообщества — точнее говоря, его отсутствием, опять же молчаливым, несмотря на заявляемый всеобщий интерес к междисциплинарным исследованиям и их методам. Поскольку направление русской мысли, к которому относит себя руководитель Центра Ю.М. Осипов, определено им как софийное (софиасофское), совпадение здесь не представляется случайным.

В марте 1935 г. декан Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже протоиерей С.Н. Булгаков произнес перед профессорами и студентами речь в честь десятилетия института. Он говорил, что общий труд собравшихся в Париже русских мыслителей «имеет не узкие, а всемирные рамки», и ставил перед ними высокую задачу: создание отвечающей на вызовы эпохи «школы парижского богословия», которая должна совершить прорыв в русской мысли, будучи свободной и современной и в то же время сохраняя верность святоотеческой традиции.

Дерзкие замыслы протоиерея привлекли внимание церковной иерархии всех трех юрисдикций: Московской Патриархии во главе с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя в Москве митрополитом Сергием (Страгородским), Русской Православной Церкви Заграницей

во главе с Первоиерархом Синода митрополитом Антонием (Храповицким) и вошедшей в 1931 г. в подчинение Константинопольскому Вселенскому Престолу епархиальной церкви в Париже во главе с митрополитом Евлогием, к которой относился и относится по сей день Свято-Сергиевский институт.

Летом 1935 г. митрополит Сергей получает обличительный отзыв на учение С.Н. Булгакова, написанный от имени Братства Св. Фотия В.Н. Лосским. Митрополит Сергей обращается к управляющему делами заграничных церквей Московской Патриархии митрополиту Литовскому и Виленскому Елевферию с поручением изучить идеи С.Н. Булгакова, соответствующий обзор выполнил секретарь литовского митрополита А.В. Ставровский, тоже член Братства Св. Фотия. Оба источника легли в основу Указа митрополита Сергея от 7 сентября 1935 г. № 1651, согласно которому учение С.Н. Булгакова о Софии — Премудрости Божией признавалось «своеобразным и произвольным истолкованием, часто искажающим догматы»; все верные чада Церкви предостерегались от увлечения им, а уже увлеченные призывались к «исправлению ошибок» и к «неуклонной верности здравому учению»; о самом С.Н. Булгакове суждение не выносилось как о состоящем вне общения с Православной Церковью Московской Патриархии, но в случае возникновения вопроса о принятии его в общение в будущем, выдвигалось условие письменного отказа от вероучительных ошибок.

Затем в том же ключе высказалась и Зарубежная церковь: Архидиоцезис Русской Православной Церкви Заграницей вынес свое «Определение о новом учении протоиерея Сергея Булгакова о Софии — Премудрости Божией» от 17/30 октября 1935 г. Обосновавшийся в сербском городке Сремски Карловцы глава церкви митрополит Антоний направил соответствующее письмо митрополиту Евлогию в Париж.

Обе иерархии подтвердили свои заключения повторными документами. Митрополит Сергей издает еще один Указ — № 2267 от 22 декабря 1935 г.; «Определение» РПЦЗ подтверждается II Всезарубежным Собором в 1938 г.

С.Н. Булгаков защищает свои взгляды в двух докладных записках митрополиту Евлогию в октябре 1935 г. и в январе 1936 г. В них он отвергает обвинения в платонизме, гностицизме, в заблуждениях Оригена и ереси имябожников, наконец, в кабалле. Переходя в наступление, Булгаков уличает своих оппонентов в том, что они игнорируют софиологическую проблему, имеющую библейские, святоотеческие,

литургические и иконографические истоки, неверно подходят к догматическому учению о Троичности и Единосущии, о творении, о втором пришествии Христа, к учению о Божией Матери, а также грешат несторианским истолкованием Воплощения и Вознесения.

В споре приняли участие выдающиеся русские мыслители. С яростной защитой Булгакова выступил Н.А. Бердяев в статье «Дух Великого Инквизитора», появившейся в декабрьском 1935 г. номере журнала «Путь». В.Н. Лосский обобщил и систематизировал свою критику в книге «Спор о Софии», вышедшей в Париже в 1936 г. Поскольку в эмигрантских кругах, особенно в близких к Н.А. Бердяеву и его Религиозно-философской Академии в Париже, зазвучало слово «донос» применительно к докладу В.Н. Лосского московскому митрополиту, Владимир Николаевич направил оправдательное письмо в один из печатных органов эмиграции, газету «Возрождение», однако оно не было опубликовано. Попытка примирить сына с Булгаковым содержалась в письмах к последнему Н.О. Лосского, позиция которого сводилась к следующему: митрополиту следовало напечатать трактат Братства Св. Фотия и дожидаться статьи Булгакова в свою защиту, вызвав тем самым богословское состязание, обогатившее бы церковную литературу и приведшее бы в итоге к сближению мнений. Тем не менее, в изданной вскоре после этого статье «О творении мира Богом» Н.О. Лосский по сути присоединился к позиции своего сына.

Архиепископ Серафим (Соболев) собрал возражения и претензии в книге с характерным названием «Защита софианской ереси протоиереем Сергием Булгаковым перед лицом Архиерейского Собора Русской Зарубежной Церкви», изданной в Софии в 1937 г. на основе магистерской диссертации автора. В том же году увидели свет «Пути русского богословия» Г.В. Флоровского, который как ученик Булгакова уклонялся от личных обвинений, но увидел в софиологии движение русской мысли вспять – не синтез на основе святоотеческого наследия, который он полагал необходимым, а «продолжение языческого платонизма на христианской почве». Г.В. Флоровский разошелся с идеями своего бывшего духовника значительно раньше этих событий: в 1923 г. он был одним из членов-основателей булгаковского Братства Св. Софии, но через несколько месяцев вышел из него по богословским соображениям. Среди союзников Булгакова тоже не было единства: если такие мыслители, как Г.П. Федотов, В.В. Зеньковский и Б.П. Вышеславцев, не приняли критику софиологии, то Е.Н. Трубецкой находил рациональное зерно в ряде ее положений. А.В. Карташев проделал эволюцию от защитника Булгакова до его критика (призна-

ющего все же, что булгаковское вольнодумие «безупречно укладывается в рамки ортодоксии»).

Надо отметить, что церковь, к которой принадлежал сам С.Н. Булгаков, не признала его учение ложным. 6 июля 1937 г. созданная митрополитом Евлогием Епархиальная комиссия пришла к выводу о невинности Булгакова в искажении догматов, были последовательно рассмотрены и сняты все пункты обвинения. Правда, в приложении к постановлению комиссии нашли отражение три оговорки, принадлежащие оставшимся в меньшинстве Г.В. Флоровскому и С.И. Четверикову. Но общий вывод гласил: идеи Булгакова являются допускаемыми Церковью «частными богословскими мнениями». Свято-Сергиевский институт провел свою внутреннюю комиссию с участием всех профессоров за исключением устранившегося Г.В. Флоровского. Она единодушно встала на защиту Булгакова, а решение митрополита Сергия признала незаконным с формальной точки зрения, как не подписанное Синодом.

Касаясь содержательной стороны спора, хотелось бы выделить следующие теологические аспекты.

Во-первых, это проблема *Спасения*. Недаром противники Булгакова противопоставили его «софиологическому» богословию богословие «сотериологическое», подчеркивая принципиальность расхождений именно по линии отношения к Спасению. Булгаков понимает спасительное для человечества Воплощение Христа как итог общего Богочеловеческого процесса, предустановленного от начала века, из чего можно сделать вывод, что ради Воплощения и был сотворен мир. Оно было необходимо для того, чтобы София тварная возвратилась к полноте Софии Божественной, в терминах Булгакова. Спасение падшего человека предстает как побочная цель по сравнению с конечной реализацией принципа «Бог всё во всё», о котором писали христианские неоплатоники, немецкие романтики, славянофилы с идеей не индивидуального, но соборного спасения, русские философы Всеединства, теоретики символизма и т.д. Получалось, что в эсхатологической перспективе спасутся все: причина падения человека лежит, как можно заключить, в тварности его природы, а в акте Воплощения эта природа приобретает (возвращает) совершенство. Но Церковь учит, что спасутся только верные; непокаявшиеся грешники не искуплены Крестом, который только положил начало новому человеческому роду «Христовых».

Во-вторых, тенденция системы Булгакова к *пантеизму*. Стремясь раскрыть халкидонский догмат, он хочет дополнить апофатическое определение «неразлучно, неслиянно, неизменно» «позитивным»

определением отношения Бога-Троицы к миру и предполагает, что существо и природа Бога — это и есть Премудрость Божия. Но одновременно он описывает ее как совокупность идей, согласно которым сотворен мир, София — «идеальный образ мира» и даже «предвечное Человечество в Боге». Булгаков решает этот парадокс рассуждением о личности, которая есть ипостась, и ипостаси, которая не есть личность, а также призывает на помощь теоретика исихазма святителя Григория Паламу, считавшего Софию энергией Божественных энергий, доступных твари, тогда как существо Божие остается вне постижения. Эта аргументация не убеждала критиков, не без оснований усматривавших во взглядах Булгакова суждение о «нетварно-тварном» существе человека, ведущее к пантеизму. Булгаков в самом деле признавал, что отношение Божественной и человеческой природы является самым важным пунктом его учения. Если остановиться на его идее, что София не более чем мысль Бога о тварном мире, потенциал и *самооткровение* Духа, а не посредник, связующее звено между Творцом и тварью (основная проблема гностиков), то утверждаемая монотеизмом онтологическая пропасть между Богом и человеком, Богом и миром, отнюдь не уничтожается.

В-третьих, проблема *детерминизма* и *свободы воли*. Пожалуй, наиболее распространенный упрек в адрес Булгакова заключается в том, что человеческая свобода излишняя в его рассуждениях, выбор человека ничего не решает во вселенском Богочеловеческом процессе, судьба его складывается в соответствии с Премудростью Божией, заложена в ней, следовательно, учение Булгакова колеблет основание духовной жизни человека, понижая в нем сознание греховности. Противники усматривали здесь аналог гегелевского или даже марковского детерминизма, намекая на марксистское прошлое протоиерея. Согласно же догматам, если бы человек не пал, а устоял, то и вочеловечение Христа не состоялось бы: Бог предвидел падение человека, но не предопределил его.

Станным образом в игнорировании свободы воли подозревается автор одного из наиболее глубоких анализов проблемы свободы в русской философии, причем, диалектика свободы вскрыта Булгаковым в «Философии хозяйства» — переходном произведении, обозначившем движение от науки к философии и в перспективе к богословию, но стоявшем только в преддверии к его осуществлению. В полемике с экономическим детерминизмом Булгаков доказывал, что человеческая свобода не пассивна, а действительна, она нарушает механистический принцип причинности и является иррациональным актом единства, тождества субъекта и объекта. Не та же ли самая логика лежит в осно-

ве идеи о «сообразности» Бога и человека, воспринятой критиками как полное или частичное отождествление Бога и тварного мира?

В-четвертых, понимание *кеносиса*, как в богословской литературе обозначается самоограничение Абсолюта, накладываемое на Себя Богом при вочеловечении. Отсюда расходятся два варианта интерпретации, один из которых вменялся в вину Булгакову. Согласно учению Церкви, нисходя до человека, Бог полагает рядом со Своей волей его свободное самоопределение, попускает человеческую свободу, из чего вытекает ответственность человека за падение. Булгаков говорит о человеке как «ипостасном центре» тварной Софии, кеносис разворачивается у него в сторону «истощения» Бога, которое было предусмотрено изначальным Божественным замыслом и восполняется Воплощением. Кроме того, в Указе митрополита Сергия Булгакову приписывались симпатии к западному «кеногическому» богословию, исходившему из тезиса об «истощении» Божества в современном мире, однако в этом направлении мыслей можно было заподозрить скорее философию Бердяева, чем софиологию Булгакова.

Спор о Софии Премудрости Божией не перерос в богословскую дискуссию, которая оплодотворила бы русскую мысль и определила бы ее дальнейшее развитие, как надеялся С.Н. Булгаков. В сущности, он носил черты поколенческого спора, вражды отцов и детей. Поколение С.Н. Булгакова ушло, унеся с собой его идею о развитии христианской догматики на новом историческом этапе и отчуждение от «исторического христианства», о «номиналистическом вырождении» которого писал Н.А. Бердяев. После возобладала «неовизантийская» линия поколения детей: воззрения Г.В. Флоровского, который ввиду «отсутствия перспектив русской истории» и «недостаточного своеобразия русского богословия» призывал к возврату к византийской богословской традиции в ее неискаженной чистоте, идеи В.Н. Лосского, считавшего своей задачей противостояние «столь многочисленной в наши дни богословствующей полуинтеллигенции». И хотя В.Н. Лосский признал в одной из поздних работ, что «верность преданию не инертна, а динамична», состоялось это признание только в 1957 г.

С.Н. Булгаков действительно исходил из того, что догматы не застыли и продолжают развиваться в христианстве всегда — и прежде, и теперь, и в будущем. Исключительно апофатический подход не устраивал его, антиномичность построений его друга и наставника П.А. Флоренского, видимо, тоже. Ему нужно было познать, если не прорваться к Истине, то хотя бы приблизиться, часто через бунт. Он не мог принять благоговение перед непознаваемым и охранительную

сдержанность митрополита Сергия, они казались ему агностицизмом, граничащим с «протестантским адогматизмом Шлейермахера».

Многие булгаковские идеи совпадают с основным руслом русской мысли, главным образом в области гносеологии. В частности, его трактовка откровения и соотношения субъекта и объекта. В откровении русские мыслители, развивая выдвинутую А.С. Хомяковым идею живознания, видели сущность познания. Приоритет откровения по отношению к умозрению, прибегая к концептам сборника Л.И. Шестова «Умозрение и откровение», был незыблемым постулатом. Н.О. Лосский подчеркивал, что интуиция по-русски означает «созерцание». Познание связывалось с «самооткровением» вещей, когда их суть «самооткрывается» познающему субъекту. В сознании человека как «микрокосма», по Н.А. Бердяеву, таится разгадка всего мира, философ полагал, что «непосредственно данное» имеет первозаданную природу, оно «преднаходимо» в сущем. С этой идеей корреспондирует учение С.Н. Трубецкого о «соборном сознании человечества», посредством которого осуществляется индивидуальное познание. При таком понимании отношений между субъектом и объектом, первый имеет следы присутствия второго в себе. Из этого вытекает идея о внутреннем воспоминании: познавая тот или иной предмет, мы находим его в себе, припоминаем нечто, что внутренне изначально знали о нем. Как считал П.А. Флоренский, истина познается «через себя» – чтобы узнать истину, надо иметь ее, а для этого «перестать быть только собою». Следуя за учителем, А.Ф. Лосев в своей философии имени развивал идею о взаимодействии познавательной энергии человека и действующей в имени энергии сущности. Фактически следует признать, что С.Н. Булгаков привнес в имманентные русской философской мысли рассуждения лишь имя Софии — Премудрости Божией.

Мне уже доводилось писать о не прямой, имплицитной преемственности между идеями С.Н. Булгакова и Ю.М. Осипова. Возможно, только таким образом осуществима передача традиции – не через подражательное воспроизводство, которое порой граничит с имитацией, а через уникальное личностное творчество в духе традиции. Ю.М. Осипов остается вне богословской оценки софиологии С.Н. Булгакова, поступая в этом отношении подобно В.В. Зеньковскому в «Истории русской философии». Он не выбирает между правдой Церкви и правдой мыслителей-софиологов в споре о Премудрости Божией, а инструментализирует этот конструкт для решения главной задачи, которая заключается для него в познании реальности. Использование собственного языка, что-то принимающего в качестве исходного материала от предшественников, но многое создающего заново (одним из ярких

примеров служит наполнение термина «постмодерн»), — не только особенность авторского стиля Ю.М. Осипова, но и собственно орудие познания в его исследовательском методе. Обращение к понятию Софии стоит, как представляется, в том же ряду. Идеи Ю.М. Осипова нельзя отнести к современным версиям софиологии, тяготеющим, как правило, к гнозису, он в большей степени и в первую очередь обществовед.

Онтологизм, ориентация на реальность, внимание к общественной практике (связь правды-истины с правдой-справедливостью) отличают русскую мысль в целом. Изучая реальность, Ю.М. Осипов приходит к выводу о радикальных изменениях в мире и человеке, произошедших после спора русских мыслителей о Премудрости Божией. Немецкие романтики уже на рубеже XVIII—XIX вв. заметили, что «религия отчуждается духом времени», говоря словами Ф. Шлегеля. В XXI в. гуманистический процесс зашел настолько далеко, что приходится констатировать качественно новое состояние мира. «Восстание масс», о котором писал Х. Ортега-и-Гассет и которое предвидел в «Новом средневековье» Н.А. Бердяев, триумфально завершилось торжеством «массового общества». Сакрализация природного и Божественного миров ушла в историю и окончательно сменилась сакрализацией собственно человека. Вооруженный техникой и поглощаемый ею, он движется по пути пересотворения мира (и собственного сознания) в соответствии со своим, а не с Божеским, представлением. Человек демиургирующий идет от природы к неприроде, которая все больше природу замещает, в этом состоит телеология человеческого хозяйства, ее главное целеположение и устремление. Формируется искусственный мир, который в итоге положит конец самому создавшему его человеку, все в большей степени становящемуся главным объектом человеческой же демиургии. Кризис человека сегодня уже налицо, общество меняется — от социума к постсоциуму, в котором человек уступит место постчеловеку.

Альтернативу Ю.М. Осипов видит в иной хозяйственной телеологии. В хозяйствовании человек не должен игнорировать, хотя и нарочито к этому стремится, не им созданной и ему милостиво данной природы, как и Творца этой природы и самого человека. Человек-творец не может исходить лишь из своих собственных материальных и психологических побуждений, из личного эгоизма, а должен руководствоваться внешней относительно себя критериальностью — как природной, общественной, так и стоящей выше отдельного человека, коллектива, общества, человечества в целом — космогенной, сакральной, иначе говоря, исходить из Софии Премудрости Божией. Но прекрас-

нодушие сторонников концепции «ноосферы» и ее поступательного прогресса не свойственно Ю.М. Осипову, скорее, его отличает трезвый реализм, причем, апокалиптического толка.

Как видим, *софиасофия* Ю.М. Осипова касается самых драматических и таинственных аспектов жизни человека – его демиургии. Она представляет собой, в понимании автора, «не учение о Софии, а творческое с Софией взаимодействие», т.е. не столько собственно знание, сколько ключ к нему, трансцендентальное постижение. По определению Ю.М. Осипова — «смыслологию», проникновение в смыслы. Это возможность целостного видения и отображения трансцендентно обусловленного мира, его динамики и судьбы, с учетом, на основе и через призму действующего в нем творческого субъекта. Вне Софии нельзя понять человеческую реальность, поскольку она более метафизическая, чем физическая, и более духовная, чем материальная. По Ю.М. Осипову, человек софиен, но София Премудрость Божия — высшая относительно человека мудрость. София непременно присутствует в человеке, но всего лишь частично ему свыше дозволенная.

Границы не только между научными дисциплинами, но и между наукой и мировоззрением, мировоззрением и религией, в системе Ю.М. Осипова размыты. Синтез всех познавательных возможностей человека — веры, знания, чувства, воли — был идеалом славянофилов. Его подхватили мыслители «русского духовного ренессанса», ярким представителем которого был С.Н. Булгаков. Они стремились к синтезу науки, философии и религии, но его осуществление относили в будущее, видели в нем задание для русской мысли. Ю.М. Осипов идет по пути не столько синтеза, сколько выхода за пределы каждой из названных областей. И все же, думается, его софиасофия продолжает Серебряный век, прерванный исторической катастрофой России. Только если Г.В. Флоровский говорил об «отсутствии перспектив русской истории», то Ю.М. Осипов верит в сакральную миссию России. Ключевой характеристикой России, ее феномена и парадокса, благодаря которой может спастись мир, он считает «иномирность». В этом же направлении развивались мысли о России С.Н. Булгакова, избравшего Лествицу Иакова, соединяющую два мира, земной и небесный, метафорой для нашей страны. И в этом еще одна область преемственности между идеями двух мыслителей.

С.С. МЕРЗЛЯКОВ

**Центр общественных наук — пространство роста
социального капитала университета**

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Центра общественных наук в контексте повышения социального капитала университетской общности.

Ключевые слова: Центр общественных наук, МГУ, социальный капитал, философия.

Abstract. The article discusses the activities of the Centre for social Sciences in the context of increasing social capital of the University community.

Keywords: Centre of Social Sciences, MSU, social capital, philosophy.

Ребенок однажды узнает, что у Вселенной нет границ — она бесконечна. Но разве такое возможно? У всего есть границы. И у Вселенной тоже границы должны быть. Родители на его вопрос ответили, что знают — легкий и быстрый ответ на еще один вопрос. Но ребенок лежит в кровати и не может заснуть: «Почему у Вселенной нет границы? А если она есть, то что за ней?». Он не может ни понять, ни игнорировать эту проблему: как может быть то, чего быть не может? Он пытается вообразить безграничное пространство, но эти попытки ни к чему не приводят. Он пытается снова и снова вообразить пространство без границы — эта попытка выйти за пределы категорий есть первый опыт «усиленного сознания» [1, 49], первое «взбрыкивание» сознания. Ребенку нет нужды задавать себе этот вопрос, потому что он не связан с его действительными потребностями — это не интересная игра, не вкусная еда, не заботливые родители. Этот вопрос и первая бессонная ночь не являются необходимостью с точки зрения природы. Поэтому один ребенок задает его, а другой обходится без него и так никогда не узнает, что значит думать о бесконечности.

В какой-то момент ребенок сам придумывает ответ на свой же вопрос: «И почему-то это “ничего” казалось эдакой белой пустотой, в которой находится множество шаров-вселенных, как изюм в кексе. Опять же, не знаю почему, но думал, что где-то в этой белой пустоте должен быть Бог. И вот эта мысль — что Вселенная хоть и конечна, но Бог-то все равно должен быть — в свою очередь породила спокойствие», — найденный ответ ребенка на вопрос. Ответ другого человека:

«Сначала пыталась представить себе бесконечность, приходила к тому, что раз все бесконечно, значит где-то точно есть отражение нашей Солнечной системы, а потом пришла к тому, что строение Земли схоже со строением клетки, а значит Земля — тоже клетка в организме, который, возможно, тоже клетка в другом организме». Еще один пример: «Про эмоции не помню, может был страх, а может и не было. Точно знаю, что уже в этот период подумал, что это чушь — бесконечность. Все должно кончатся. Так же думаю и сейчас». Замечательные примеры детской метафизики, т. е. поиска ответа на те вопросы, которые не связаны с нашей биологической природой.

Метафизика — это то, что вырывает нас из природы, заставляет на какое-то время забыть о своей биологической сущности, изменить ей и жить по небологическим принципам, т. е. стать человеком и посмотреть со стороны на сущее. Хайдеггер пишет: «Выход за пределы сущего совершается в самой основе нашего бытия. Но такой выход и есть метафизика в собственном смысле слова. Тем самым подразумевается: метафизика принадлежит “природе человека”. Метафизика есть основное событие в человеческом бытии. Она и есть само человеческое бытие» [2, 23 — 38].

Но что это значит для нас?

Ученый должен делать свою работу. Физик изучает законы материи: он ставит эксперименты, исследует природу квазаров и черных дыр, пытается понять, как устроена Вселенная. Биолог старается выяснить, как устроено живое существо: его жизнь — это исследование структуры ДНК, поиск закономерностей в развитии живых организмов, молекулярная биология и структура биоценозов средней полосы. Для политолога главное: поведение элит и электоральные предпочтения избирателей, а экономист изучает хозяйственную жизнь человека: производство, распределение, обмен и потребление. Психолог занимается мышлением человека, а математик делает свои расчеты в каком-то особом мире чисел. Они все делают свою работу хорошо — они профессионалы.

Но каждый из них иной раз отвлекается от своих графиков и цифр на те фундаментальные вопросы, которые являются общими для всех нас. Это те моменты, в которых сознание заявляет о себе в промежутке между лекцией и написанием очередной статьи и ищет выход из привычного уклада жизни. В эти моменты случается «основное событие в человеческом бытии»: человек выходит на тропинку метафизики, и его сознание создает ценности, которые строят каркас субъективности этого человека.

Тогда появляется потребность в особом пространстве, где можно обсудить еще с кем-то то, что он увидел на этой тропе. Это пространство есть пространство честной рефлексии о себе и мире вокруг себя, т. е. философии. Но и философ тоже нуждается в таком пространстве, потому что чтение текстов пусть даже великих философов и комментариев к ним — это та же рутина, из которой иной раз заставляет выбираться требующее выйти за пределы повседневности сознание. Тут физик, экономист, философ и химик находят общий язык. Так и должно быть среди людей, которые хотя бы изредка чувствуют потребность своего сознания в разговоре о предельных основаниях и фундаментальных ценностях. Среди ученых такое общение всегда было способом сохранить в себе юное и искреннее стремление разгадывать тайны природы и решать загадки науки.

Таким пространством является Центр общественных наук. Центр объединил людей различных взглядов и научных направлений. Сюда приходят экономисты и физики, психологи и политологи, философы и историки. Когда они здесь встречаются, то проблемы общего языка не возникает и всегда находится общий для всех объект обсуждения.

Центр общественных наук — универсальная площадка общения представителей различных факультетов и кафедр, место обсуждения и решения актуальных вопросов. Здесь проявляется суть Университета — места, где ученые разных наук и направлений могут свободно взаимодействовать и сохранять то, что их всех объединяет, а именно — поиск истины.

Центр — пространство науки как таковой, т. е. место, где совершенно разные люди, которые занимаются абсолютно разными дисциплинами, понимают, что, несмотря на различия в методологиях, объектах исследования, привычных языках общения и принятых моделях поведения, все они обладают чем-то общим и принадлежат к гораздо более крупному и древнему сообществу, чем узкопрофессиональное общество их факультетов и кафедр, т. е. они являются частью науки как таковой.

Так получилось, что у своих истоков наука как таковая была философией. Ею она и остается до сих пор на предельном уровне своего существования если не методологически, то субъективно-эмоционально. Именно эту эмоцию принадлежности к древнему сообществу, ностальгическое покаяние от осознания древности и масштаба той деятельности, которой ученый занимается в своей лаборатории, он получает в Центре. И это хорошо и правильно.

С практической точки зрения подобная практика взаимодействия специалистов различных областей плодотворно сказывается на актуаль-

ных исследованиях, поскольку в ее фундаменте находится междисциплинарное взаимодействие, которое в настоящее время является основным движущим фактором развития современной науки — сегодня ни одна область не может замкнуться на себе самой, поскольку в этом случае ее ждет стагнация. Сегодня коммуникация между представителями разных наук — это не просто приятное времяпрепровождение, но полезная практика, вызванная потребностью взглянуть на мир под другим углом.

25 лет — более чем достаточный срок для того, чтобы доказать эффективность и востребованность Центра. Такая площадка, как Центр общественных наук, должна присутствовать в структуре каждого университета — здесь повышается чувство идентичности, растет социальный капитал, т. е. увеличивается доверие друг к другу: работать становится комфортнее, а наука не рискует стать рутинной, но превращается в благородное и красивое совместное движение столь разных людей в направлении истины.

Литература

1. *Достоевский Ф.М.* Записки из подполья: повесть. СПб. 2008.
2. *Хайдеггер М.* Что такое метафизика? // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. СПб., 2007.

У.Ж. АЛИЕВ

Центр общественных наук — кузница свободомыслия и смыслоискателей

(25-летию ЦОН посвящается)

Аннотация. Статья посвящена анализу деятельности Центра общественных наук (ЦОН) и ее руководителя профессора Ю.М. Осипова как основателя научной школы философии хозяйства и содержит данные о сотрудничестве Казахстанского представительства Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова и казахстанского научного сообщества с автобиографическими элементами, выражающиеся в личном отношении автора к ЦОН, научной школе Осипова и ее создателю.

Ключевые слова: Центр общественных наук, хозяйственный механизм, философия хозяйства, духовно-интеллектуальная школа, со-

трудничество, метаосмысление, «вектор Аристотеля — Булгакова — Осипова» (вектор АБО).

Abstract. The article is devoted to the analysis of activity of Center of Social Sciences (CSS) and its head prof. Yu.M. Osipov as a founder, a creator of science school of philosophy of economy and cooperation of CSS with its Kazakhstan representation.

Keywords: Center of social sciences, economic mechanism, philosophy of economy, spiritual and intellectual school, cooperation.

Мое приобщение к Центру общественных наук

Мое знакомство с ЦОН и его руководителем профессором Ю.М. Осиповым состоялось заочно — в виде «незримого колледжа» и «незримых коллег». В конце 1970-х и особенно в 1980-е гг. в СССР одной из модных тем диссертаций, книг и научных статей, как известно, была тема *хозяйственного механизма*. И мы, молодые политэкономы, в том числе и я, были в курсе новых публикаций по этой теме. И именно в эти годы в мои руки попала блестящая научная монография тогдашнего доцента МГУ Ю.М. Осипова «Хозяйственный механизм государственно-монополистического капитализма» (1987) [1], а чуть позже уже доктора наук — работа «Опыт философии хозяйства» (1990) [2], опубликованные Издательством Московского университета. И первая же реакция-оценка — неординарный стиль мышления и не менее неординарный стиль изложения мысли (которые позже, с годами, только оттачивались).

Еще завораживали эпиграфы и особенно посвящение в работе «Опыт философии хозяйства» — «...Всем тем, кто находит в себе желание и мужество быть гуманистом». А я как раз из тех, кто еще не стал, но хотел быть гуманистом, а значит, эта книга, если не посвящена, то написана и для меня. Таким образом, я незримо подружился с книгами Ю.М. Осипова.

Моему «зримому» знакомству с Юрием Михайловичем и через него с Центром общественных наук способствовал профессор МГУ В.М. Кульков. Дело было так. В 2000 г. мы в университете «Туран» (г. Алма-ата), проректором по науке которого я в то время являлся, организовали Летнюю школу повышения квалификации молодых преподавателей экономических дисциплин. И для чтения лекции я пригласил своего давнишнего знакомого и коллегу, проректора МГУ профессора А.В. Сидоровича (в конце 1980-х и в начале 1990-х гг. мы оба заведовали кафедрами политэкономии Института повышения квалификации: он

в МГУ, а я — в КазГУ, г. Алма-Ата, и с тех пор общались). Но в силу занятости вместо него (по его же рекомендации) к нам приехал В.М. Кульков, и от него я более подробно узнал о профессоре Ю.М. Осипове, за которым давно «охотился», лаборатории философия хозяйства, которой он руководил и о журнале «Философия хозяйства». С содействия же Виктора Михайловича Кулькова я опубликовал несколько статей в альманахе «Философия хозяйства» (№ 5, 2001) и в монографиях «Экономическая теория в XXI веке» и очень скоро, в начале 2002 г., приехал в МГУ по своим делам и наконец воочию познакомился с Юрием Михайловичем и заодно с Центром общественных наук.

Тогда я подарил Юрию Михайловичу свою монографию «Теоретическая экономика: общедисциплинарная модель» (2001), а он, в свою очередь, — все ранее им изданные журналы, сборники и свои книги. С тех пор наши встречи стали постоянными: когда я бывал в Москве, Санкт-Петербурге и в других городах России обязательно заходил в лабораторию философии хозяйства, ставшую впоследствии для меня чуть-ли не родным домом, естественно, благодаря ее руководителю и его «правой руке» — незабвенной Елене Серафимовне Зотовой и заведенному ими весьма деловому и одновременно благоприятному морально-психологическому климату в этом прекрасном коллективе, где работали квалифицированные и высоконравственные сотрудники.

Затем наше близкое знакомство продолжалось в Алма-ате, куда я пригласил Юрия Михайловича на «круглый стол», посвященный методологическим проблемам теоретической экономики (январь 2005 г.) и снова в Москве (и в других городах, например, Костроме) — на различных научных форумах, организуемых Центром общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова и лабораторией философия хозяйства вплоть до сегодняшних дней. Вот так на рубеже веков я и приобщился к богатой во всех отношениях деятельности Центра и других интеллектуальных структур, у истоков и во главе которых стоял и находится наш лидер, большой друг и коллега профессор Юрий Михайлович Осипов.

Сотрудничество с Центром

В последующие годы моя творческая интеллектуально-духовная связь с Центром и лабораторией философия хозяйства только укреплялась в различных формах, а именно:

- публикации моих статей в альманахе «Философии хозяйства», монографиях «Экономическая теория в XXI веке» и других изданиях¹⁴;
- принятие меня в действительные члены Философско-экономического ученого собрания при МГУ, затем в Академию философии хозяйства (АФХ), а самое главное — приобщение к мыследя-тельному, мыслестроительному цеху наиболее интеллектуально-одаренных, духовно-богатых, морально чистых гуманистов-мыслоискателей, сформированных его создателем профессором Ю.М. Осиповым;
- выступления на семинарах, конференциях, юбилейных торже-ствах, организуемых ЦОН, ЛФХ и АФХ;
- открытие Казахстанского представительства Центра обще-ственных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова в университете «Ту-ран-Астана» (2012);
- распространение и по возможности развитие философии хо-зяйства в Республике Казахстан;
- опубликование учебника Юрия Михайловича Осипова «Фи-лософия хозяйства» в «Вестнике университета “Туран”» — по иници-ативе автора этих строк лекции печатались по главам из номера в номер в течение нескольких последних лет;
- формирование у нас в университете «Туран-Астана» библио-теки по философии хозяйства, другим изданиям ЦОН и лаборатории философии хозяйства, к которой резко возрос интерес среди моих кол-лег и учеников;
- принятие посильного участия (финансирование) в издании от-дельных номеров альманаха «Философия хозяйства»;
- создание с поддержкой и благословением Юрия Михайловича Осипова в Астане Общественной академии «Universum-Metaepistema».

В плане сотрудничества Образовательной корпорации «Туран» и представительства Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова и лаборатории философии хозяйства стоит проведе-ние в будущем совместных научных форумов различного формата в Казахстане с приглашением членов Академии философии хозяйства и других представительств ЦОН в странах СНГ.

¹⁴ Заинтересованный в моих работах по философии хозяйства читатель может обращаться к альманаху «Философия хозяйства», где опубликован ряд моих статей.

Содержательный анализ деятельности Центра общественных наук, лаборатории философии хозяйства и академии философии хозяйства

Ключевым словом и базовым понятием вышеназванных научных организаций является *философия хозяйства*. Философия хозяйства как особый духовно-интеллектуальный феномен в настоящее время, как было отмечено ранее, проходит третью ступень оценки — «а кто же не знает философию хозяйства». Но все же для меня на сегодня день остается трудноразрешимым актуальный вопрос — «как же мне взяться за философию хозяйства?».

1 Базовое понятие «философия хозяйства» я, в данном случае, рассматриваю в четырех аспектах:

а) философия хозяйства в предельно широком смысле одновременно как онтологическое, так и метаметодологическое основание теоретической рефлексии хозяйственной (в узком смысле экономической) деятельности человека и социума самосебяпознающим человеком именно в этой сфере его жизнедеятельности, причем исключительно философско-размышляющим методологическим инструментарием;

б) философия хозяйства в смысле практической философии хозяйства, принятой (взятой) осознанно или неосознанно, т. е. философия реального хозяйства, точнее, хозяйствования, того или иного общества и сообщества, страны, государства той или иной исторической эпохи, получающая свою конкретную форму реализации в таких выражениях, как «хозяйственная», чаще всего «экономическая», политика государства, «корпоративная философия и стратегия хозяйствования» (хотя следует четко разграничить понятия «философия хозяйствования» и «стратегия хозяйствования»);

в) философия хозяйства как становящаяся и где-то уже ставшая научная школа, вполне определенное институционализированное научное сообщество со своим одновременно формальным и неформальным лидером и вполне институционализированным статусом своей деятельности;

г) философия хозяйства в смысле собственно альманаха Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и лаборатории под тем же названием, которая и призвана реализовывать содержательные и организационно-деятельностные стороны пунктов а), б), в) и 25-летие которой мы, приверженцы и ценители высокого духа философии хозяйства, стремящиеся постичь скрытые ее метасмыслы, с радостью отмечали в прошлом году.

2. К философии хозяйства в перечисленных мною четырех аспектах «приложили свою руку» несколько выдающихся личностей, причем в различные исторические эпохи по-разному, хотя по одному и тому же вектору метаосмысления объекта (и предмета) — хозяйственной деятельности человека.

Это, прежде всего, *Ксенофонт Афинский* и *Аристотель Стагирит* в древности со своими «экономикой» (домохозяйство) в одном случае и «хрематистикой» — в другом.

Это *С.Н. Булгаков* — великий знаток истории философско-этико-богословского учения и знания, продолжатель этой стержневой линии формирования системы знания как таковой, разработчик фундаментальных основ собственно философии хозяйства в виде его докторской диссертации и одноименного произведения «Философия хозяйства» (1912).

Это, наконец, *Ю.М. Осипов* — самобытный продолжатель начинаний С.Н. Булгакова в новых исторических условиях, разработчик и создатель теории хозяйства, философии хозяйства, представленных в научных трудах, учебниках и курсах, оригинальный мыслитель, основоположник и одновременно формальный и неформальный лидер *научной школы философии хозяйства*.

В рассматриваемом мною контексте в философии хозяйства я вижу наиболее адекватный и эффективный методологический инструментальный объяснения и разрешения сегодняшних общих мировых проблем в трех сферах — в сфере человеческого духа, в сфере социально-экономической науки, в сфере экономической деятельности человечества, одним из ярких выражений которых является современный кризис всей либерально-рыночной парадигмы экономической науки и самой экономической практики, основанной на ценностях вездесущей, всеохватывающей, всепроглатывающей и ненасытной финансовой экономики (финансомики, по Ю.М. Осипову) и денежной экономики.

Духовно-интеллектуальная школа Осипова

Проведя краткий анализ школы Осипова по программе «Научные школы», я пришел к основному (для меня весьма приятному) выводу: из всех типов научных школ (эпигонские, компрадорские, автаркические, конкурирующие, авангардные) «школу Осипова» без малейших сомнений и ложной скромности можно отнести именно к *авангардному*. Это школа, продуцирующая парадигмально-концептуальные события (знания) довольно высокого ранга, как правило, «заслуживающие» вначале и даже достаточно долгое время такой отклик со стороны, как: «Что за чушь?» Именно такую реакцию переживала в недавнем прошлом идея

философии хозяйства Ю.М. Осипова. Позже мы имели уже другое мнение со стороны недавних ее «непонимателей» — «в этом что-то есть» (и это уже хорошо). И лишь неустанный предметно размышляющий интеллектуально-духовный труд философско-экономического научного сообщества, куда я себя нескромно причисляю, сможет довести отношение к философии хозяйства, а значит, и к смыслоищущей школе Осипова до третьей ступени — «А кто же об этом не знает?». Кстати, именно такое отношение и оценка деятельности ЛФХ, ЦОНа и АФХ в настоящее время мы имеем.

Разумеется, много ценного и полезного в интеллектуально-духовном плане для нас, его коллег, и весьма приятного и заслуженного в нравственно-ментальном плане для него самого можно было бы написать (как об этом я ранее упоминал) в книге о Юрии Михайловиче в формате «ЖЗЛ», но тут ограничусь лишь упоминанием двух вещей, которые он сделал — одно для всех нас, а другое — лично для меня. Первое, это то, что я назвал в одной из своих статей *вектором Аристотеля — Булгакова — Осипова* (кратко *вектор АБО*) — это философско-хозяйственная линия, обладающая метапарадигмальным векторным свойством и некоей объективной, но субъективно схватываемой лишь особой смыслопостигаемой мыслью указанных лиц, скрытой.

Несколько слов о лидере и руководителе ЦОН

В 1912 г. профессор Императорского Московского университета С.Н. Булгаков защитил докторскую диссертацию по теме «Философия хозяйства». Это был первый и значительный шаг к новому знанию, к новой метафизике реальности.

Почти столетие спустя Юрий Михайлович Осипов в качестве профессора, но уже Московского государственного университета, возродил на новом историческом витке идею философии хозяйства и проделал в этом направлении громадную духовно-интеллектуальную работу, основным результатом которой является, по моему мнению, научная, точнее интеллектуально-духовная, школа его имени — *школа Осипова*.

И в завершение хочу сказать о некоторых личностных качествах лидера духовно-интеллектуальной школы, о которых я ранее неоднократно с удовольствием упоминал. Профессор Ю.М. Осипов, как мне представляется, *Человек*, обладающий уникальным стилем и культурой мышления, владеющий фундаментальными знаниями, монументальностью теоретических построений, великолепными организаторскими способностями, открытостью характера и бескорыстным служением науке и, самое главное, — безграничной любовью к философии, мудр-

ствованию, хочется сказать — мудрологии как таковой (внешне незаметной, но внутренне наполненной философско-мыслительной энергией). Он — *Личность*, вечно работающая и выполняющая великую смыслопостигающую миссию в сфере умопостигаемых и даже, скорее, умонепостигаемых вещей. Хочется быть всегда рядом с этим замечательным человеком — нашим формальным и неформальным *Лидером* в одном лице, президентом Академии философии хозяйства, профессором Ю.М. Осиповым — в качестве зримого (при личных встречах) и «незримого» (при разлуке) коллеги, соратника, ученика и просто внимательного слушателя и собеседника, а также благодарного читателя будущих его *великих* (без преувеличения) творений. Да будет так!

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Хозяйственный механизм государственно-монополистического капитализма. М., 1987.
2. *Осипов Ю.М.* Опыт философии хозяйства. М., 1990.

Н.И. УСИК

Научное конструирование хозяйства будущей России ЦОН

Аннотация. Исследовательская значимость категории «хозяйство» проявляется в нахождении возможного пути позитивного развития современного общества: расширение границ рыночной экономики до хозяйства за счет предлагаемой автором общей институциональной модели, создающей экономические условия хозяйствования. Конструирование хозяйства на экспертных оценках будущего состояния выступает ведущим принципом принятия решений в виде проектов. Центром общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова доказано, что хозяйство будущей России будет развиваться не на предпринимательской, а на патриотической основе.

Ключевые слова: Центр общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова, хозяйство, финансомика, управленческий тоталитаризм, конструирование будущего.

Abstract. Research relevance category «economy» is manifested in finding possible ways of positive development of modern society: expanding the boundaries of a market economy to the economy through the proposed overall institutional author model, creating economic conditions. Design on

expert assessments of future State supports the guiding principle for decision-making in the form of projects. Center of Social Sciences at Moscow State University. Lomonosov Moscow State University proved that the economy of the future Russia will be developed not on business but on a patriotic basis.

Keywords: Center of Social Sciences at Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, agriculture, finansomika, totalitarianism, designing the future.

Подведение итогов развития обществоведческой и философско-хозяйственной мысли в рамках чествования 25-летия Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова значительное событие. Значимость мероприятия определяется тем, что продолжают поиски трендов развития Российской Федерации, отличных от либеральной модели. В прорывных исследованиях философско-хозяйственной мысли Центра общественных наук (ЦОН) показана значимость функционирования хозяйства в отличие от экономического развития регионов Российской Федерации. Вектор научных поисков в обществоведческой и философско-хозяйственной мысли задавал и задает основатель и бессменный директор ЦОН Юрий Михайлович Осипов. Отличительной чертой итогов поисков членов ЦОН, в большинстве случаев, являлось провидческое видение будущих решений возникающих в социально-экономическом движении вперед в отечественной и зарубежной науке. Поэтому научное конструирование хозяйства будущей России, ее ближайшего окружения и дальнего зарубежья, видится нам актуальным и не вызывающим сомнения в нахождении научно обоснованных и реально реализуемых предложений большого числа сторонников-коллег ЦОН.

Как уже стало очевидно ученым, современное развитие экономик различных стран не вполне стыкуется с вопросами развития общества, социума, отдельной личности. Поэтому всё более актуальными для мыслящего научного сообщества становятся исследования категории «хозяйство». По аналогии с границами рыночной экономики, которые не решают социальные вопросы, вопросы естественных монополий, образования (среднего, высшего, фундаментального), здравоохранения, инфраструктуры, наверное, необходимо исследовать содержание и границы хозяйства. Границы как для теоретической, так и практической (технологически-физикалистской) экономики, давно обозначились, поэтому и случилось обращение к философии и категории «хозяйство». Определяющим в исследовательской значимости категории «хозяйство» является утверждение Ю.М. Осипова: «“Хозяйство” явно не сводимо к “экономике”, оно значительно богаче и сложнее по смыслу... Экономии-

ка — частный случай хозяйства, его особая реализация, специфическая организация» [1, 110—111].

Центр общественных наук отличается от других научных сообществ тем, что исследует, пропагандирует, реализует (посредством предложений и рекомендаций органам власти и научной общественности) философию хозяйства, а не экономику, обращая внимание не на финансовый характер экономики, а на хозяйство, характеризуя его как жизнь. Исследования, проводимые научным сообществом ЦОН, сформировали конкурентоспособную организацию ученых. Эта организация осуществляет уже на протяжении 25 лет изучение, обобщение, размышления:

- о хозяйстве и экономике, различиях и их особенностях на новых этапах перестроения;
- о философии хозяйства;
- об империльной сути российского государства;
- о воспроизводственной солидарности;
- о государственно-корпоративном комплексе России;
- о неодирижизме вкупе с неолиберализмом;
- о неоиндустриализации;
- о синергетике;
- о кластерах кооперации;
- об управленческом тоталитаризме;
- о моделях развития и т. д.

Исследования вопросов синергетического эффекта и синергии в хозяйственных взаимоотношениях позволили ученым сделать выводы о проявлении следствия раньше причины из-за того, что наряду с причинно-следственными связями существуют недетерминированные связи. Анализом таких связей занимался Г. Хакен еще в 1970-х гг., обозначив синергетический подход, основывающийся на концепции регулирующих (управляющих) параметров, т. е. небольшого числа наиболее важных характеристик, определяющих основные свойства и поведение системы. До настоящего времени многие исследователи применяют такой подход к анализу практики хозяйствования. Сейчас формируются новые модели хозяйственного развития на базе творческого фактора, знаний и информации. В менеджменте этот процесс можно назвать «конструированием будущего» на основе изменения управляющих параметров, в нашем понимании — это денежно-кредитная политика, ставка банковского процента и технологические инновации [2, 18]. Например, ожидания уменьшения объемов добычи сырой нефти в современном мире ведут к росту цен на нее, а уменьше-

ние ее потребления из-за снижения потребностей в странах или увеличения предложений приводит к снижению цен. Основания изменений находятся не в прошлых периодах времени, а в экспертных оценках будущего состояния на тех или иных рынках. При смене курса доллара (ведущей резервной валюты) в ту или иную сторону, в глобальной экономике дешевеют или дорожают ресурсы (финансовые, материальные, трудовые). Изменение процентной ставки Федеральной резервной системы (ФРС) США влияет на темпы роста ВВП и инфляцию в странах мира. Технологические инновации позволяют опережать конкурентов в борьбе над производством и сбытом товаров. Поэтому сильные страны мира привлекают высококвалифицированных специалистов со всего мира, чтобы контролировать процесс внедрения технологических инноваций (как известно из так называемой «воронки выживаемости» из ста идей реализуются только три).

Озабоченность научного сообщества ЦОН внешним воздействием со стороны различных субъектов глобального порядка на то или иное национальное хозяйство выражается в анализе процессов функционирования национального государственно-корпоративного комплекса, воспроизводственной солидарности по цепочке создания стоимости. Сделаны выводы о подрыве основ воспроизводственного процесса отдельно взятой хозяйственной системы. Выработано понимание того, что проводить научное конструирование хозяйства будущей России в современных условиях возможно не в области поиска оптимальных параметров развития национальной экономики, как целостной самовоспроизводящейся системы, а в области поиска оптимального направления *развития национальной экономики* как части глобальной мирохозяйственной системы. Опыт участия в дискуссиях ЦОН автора статьи позволил высказать гипотезу о расширении границ рыночной экономики в рамках предлагаемой общей институциональной модели, создающей экономические условия хозяйствования на основе комплекса условий, организующих экономическую деятельность в России:

- обеспечения институционального механизма ограничения экономической власти элит, использующей методы вне рыночного принуждения, снижающие эффективность;
- создания условий для превращения краткосрочных капиталов в долгосрочные;
- выработки принципов поддержания конкурентоспособности для создания и коммерциализации технологических и нетехнологических конкурентных преимуществ.

На основе прорывных исследований Ю.М. Осиповым проблем взаимосвязи рыночной трансформации и глобализации показана систе-

мообразующая роль финансового капитала в глобальном мире. Однозначным выводом доказано, что западная наука ошибочно формирует хозяйство не ради производства или потребления, а ради денег. Поскольку это противоречит целям развития государств, то приводит к кризисам: «Наступила эпоха глобальной финансовой ренты» [3, 26]. В дальнейшем указанная тенденция получила широкое распространение в кругах исследователей сущности кризисов в экономике в последние годы, а Ю.М. Осипов дополнил исследование анализом стоимости и вывел новое определение современной экономики, как финансомики [4].

Общеизвестно, что ведущие мировые компании (деловые сети) осуществляют экспансию своей деятельности в развивающиеся страны для того, чтобы использовать огромный спрос со стороны населения этих стран. Их целью является получение прибыли от увеличения объема продаж и иногда так называемой ренты, т. е. части добавленной стоимости из-за более низких затрат на оплату труда наемных работников, электроэнергии и других факторов. Вообще-то в рыночной экономике субъекты могли распределять доход (прибыль, заработная плата, проценты от инвестиций). В настоящее время организационно-управленческие отношения по стандартам ВТО позволяют так организовать деятельность, что можно получить ренту. Отсюда появилось новое выражение конку-ренто-способность, т. е. способность получить ренту, повлиять на ценообразование.

Вопрос о пересмотре концептуальной модели развития экономики и переходе к неоиндустриализации (инновационного социально-экономического развития), когда государство выступает основным источником роста как ключевой инвестор, регулятор рыночной стихии, держатель важнейших институтов развития, ставился в России еще с 2008 г. Результаты научных исследований во главе с Ю.М. Осиповым показали необходимость реализации неодирижизма. В задачи неодирижизма в РФ входят обеспечение стабильной социальной жизни общества, а не сохранение и приращение капитала; нивелирование разрыва низших и высших слоев общества. Общественный интеллект должен работать на социальную справедливость, а не ухудшать качество жизни граждан РФ.

Конструирование будущего вызывает эффект синергии в новых пространственных структурных организациях как объектах управления. Лидирующие субъекты рынка имеют возможность перекладывать риски на формально независимые предприятия; контроль и управление ресурсами в глобальной экономике — основа экономических отношений. На процесс организационной трансформации в деловых сетях (основных

организационных формах постмодерна) оказывают решающее влияние два фактора: глобализация рынков и вложений и технологические изменения, которые приводят к быстрому старению оборудования, поэтому фирмам приходится неустанно обновлять информацию о процессах и продуктах: «В таком контексте кооперация есть не только способ разделить между собой затраты и ресурсы, но также страховой полис против неудачного технологического решения: от последствий такого решения должны также пострадать и конкуренты, поскольку сети всеохватны и взаимно переплетены» [5, 193]. В отличие от кластеров сетевые пространственные структуры (деловые сети) затрагивают только отдельные сегменты и экономические структуры стран и регионов. Рыночные отношения подавляются управленческими решениями (координацией) внутри сети. Управленческие отношения начинают превалировать над экономическими (рыночными). Можно констатировать следующий этап развития глобальной экономики — «управленческий тоталитаризм» (понятие которого введено Ю.М. Осиповым) [3, 36—37], — но в какой модели экономики: спроса или предложения? На самом деле здесь ведущую роль играют отношения собственности и контроля, а не модели экономики.

В разные периоды развития использовались свойственные им стратегии и инструменты управления. Так, управление в индустриальном обществе (Модерн) основывалось на дефиците материальных ресурсов, было капиталоемким, поэтому ориентировалось на экономию издержек. Оно осуществлялось по уровням иерархии или в дивизионах на основе экономики спроса.

Логика управления в постиндустриальном обществе (Постмодерн) основывается на знаниях и экспертизе, поэтому основными ресурсами становятся знание и время, а не материальные ресурсы. Время необходимо для коммуникации и адаптивной интерпретации к изменяющимся условиям. Виртуальная форма организации сокращает затраты времени на разработку и производство нового продукта. Степень дефицитности ресурсов «знание» и «время», а не капитал и труд, определяют возможности качественного совершенствования механизмов и инструментов менеджмента. В развивающемся обществе управление связано с внедрением новых технологий, обеспечивая переход к неоиндустриальной модели, а также повышения конкурентоспособности отрасли, региона и страны в целом. С 2008 г. в России ставился вопрос о пересмотре концептуальной модели развития экономики и переходе к неоиндустриализации (инновационному социально-экономическому развитию), когда государство выступает основным источником роста, как ключевой инвестор, регулятор рыночной стихии, держатель важнейших институ-

тов развития. В обновленной «Стратегии 2020» принята за основу не «экономика спроса», а «экономика предложения», несовместимая с развитием экономики на инновационной основе на основе спроса. Экономика предложения на основе экспортно-сырьевой модели сопровождается деиндустриализацией, а насущная потребность экономической и национальной безопасности состоит в инновационном обновлении материально-технической базы корпоративно-хозяйственного комплекса страны, переживающего нарастающие потери внутреннего производства. В настоящее время качественное совершенствование или улучшение механизмов менеджмента связано с использованием преимущественно инновационной модели экономического развития, приводящей к увеличению добавленной стоимости. В российской же практике организации пытаются выжить, используя формы и методы управления, апробированные и давшие положительные результаты в развитых странах. Необходимый рост производительности труда и достойного уровня жизни населения требует поиска прогрессивной модели развития экономики.

В последние годы ЦОНОм было инициировано исследование национального государственно-корпоративного комплекса России (на основе неолиберализма), который был разрушен в угоду якобы вхождения в круг развитых стран для комфортной жизни — как в Европе и США. Насажение рыночной модели в экономике без переходного этапа привели к значительной утрате промышленного производства. Иностранные инвесторы, становясь акционерами, старались отеснить с рынка конкурентов, за исключением, например, пищевой промышленности (в основном работающей на иностранном сырье). В результате в РФ работают сырьевая модель экономики и спекулятивный финансовый сектор, включенный в глобальную финансовую систему.

Поиски новой эффективной модели хозяйствования в РФ показали необходимость технологической неоиндустриализации и структурной перестройки экономики. Выявление производственно-технологических комплексов с направлением туда инвестиций уже определены. Поэтому эта модель может быть названа неоиндустриализацией на новой технологической основе, или неоиндустриальная модель. Формирующиеся в РФ инновационные кластеры показывают начало функционирования этой модели. Можно отметить эффективное функционирование инновационных кластеров в Калужской и Белгородской областях. Проблемы связаны с тем, что в основе принимаемых правительством решений по обеспечению инвестиций со стороны финансовой системы (механизмы денежно-кредитной, налогово-бюджетной и валютной политики) находится другая модель развития —

продекларированная «экономика спроса», проводимая моделью «экономика предложения».

Модель же развития на основе экономики предложения базируется на стандартной неоклассической модели цены за счет кредитных ресурсов и программ реструктуризации долгов клиентов банков. Уже всем стало ясно, что новые достижения из развитых стран нам недоступны, поэтому необходимо их создавать своими силами. Использование тройной и четверной спирали является средством достижения такой цели, но на иной основе: не предпринимательской, а патриотической.

Научное конструирование будущего России как социально-экономическое проектное развитие регионов из бюджета России с иностранными инвестициями на концессионной основе чревато потерей объектов, так как эксплуатацию по договору осуществляют концессионеры с рассрочкой платежа. Придется опять национализировать созданные за счет бюджета объекты собственности (капитала инвесторов, так называемое софинансирование). Инструмент софинансирования юридически обосновывает переход государственной собственности в частную. Таким образом, капиталистические пути накроют территорию страны. Тем не менее, из-за политической и экономической неопределенности в глобализуемом мире и изменений в так называемых центрах и периферии, формирование странами группировок и реализация проектов представляют собой современный этап научного конструирования будущего хозяйствования в рамках интересов Центра общественных наук. Механизмы и инструменты в основном уже обоснованы. Это неоиндустриализация и структурная перестройка на основе неодирижизма.

Вышеперечисленное является лишь частью исследований, проводимых научной школой философии хозяйства под руководством доктора экономических наук Ю.М. Осипова. Отличительными чертами и конкурентными преимуществами этой научной школы являются прогностическая ценность результатов исследований, а также выработка собственных научных принципов, критериев и способов исследования экономики как части хозяйства. Кроме того, исследования велись и ведутся не в русле мейнстрима — экономикса и его адаптации к современной экономической науке России, а в поиске и нахождении целей социально-экономического развития страны и средств их достижения. Апофеозом научного конструирования хозяйства может служить «воистину кооперационному, а главное, солидаристскому устройству всего планетарного общежития» [6, 21].

Основатель и бессменный руководитель ЦОН Ю.М. Осипов постоянно генерирует новые идеи, возникающие в эту непростую эпоху

развития нашей страны. Его провидческие новации позволяют ученым-исследователям, оказавшимся в ловушке либеральных идей, находить (или отрицать) возможности выхода из капиталистических пут. Юрием Михайловичем была поставлена и последовательно решалась задача консолидации междисциплинарных исследований по созданию фундамента и создания философии хозяйства в России и на постсоветском пространстве, а также в дальнем зарубежье.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Хозяйство и экономика: единство, противоречие... антагонизм? // Философия хозяйства. 2002. № 3.
2. *Усик Н.И.* Исследовательская значимость категории «хозяйство» в современном обществе // Философия хозяйства. 2012. № 4.
3. *Осипов Ю. М.* Экономика в лучах философии хозяйства // Философия хозяйства. 2003. № 2.
4. *Осипов Ю.М.* Финансовая экономика как высшая форма бытия экономики // Философия хозяйства. 2000. № 2.
5. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
6. *Осипов Ю.М.* Перемены в мире и провидчески-державный курс России // Философия хозяйства. 2012. № 5.

Л.И. РОСТОВЦЕВА

Народное движение за народную историю

(во исполнение проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов»)

Аннотация. В статье говорится об инициативном проекте «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов», родившемся на тульской земле в 2009 г. благодаря сотрудничеству ученых Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова и Тульского филиала РЭУ имени Г.В. Плеханова. Проект и подготовленная в его рамках книга воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...» были признаны в 2011 г в докладе Росвоенцентра Правительству РФ новой формой патриотического воспитания молодежи. Вследствие многочисленных откликов проект получил продолжение, дав импульс народному движению.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, подвиг, патриотизм, патриотическое воспитание, нравственность, память, ценности, народная история, народное движение.

Abstract. The article deals with the pilot project «I am Proud of the Great Deeds of Fathers, Grandfathers, Great-grandfathers» that appeared in Tula region in 2009 thanks to the cooperation of The Center of Sciences (Lomonosov Moscow State University) and Tula Branch of Russian University of Economy named after G.V. Plekhanov. Within the framework of the project, the book of recollections «We remember... » was worked out and released in 2011. It was highly estimated by the Russian State Military, Historic and Cultural Center under the Government of the Russian Federation and admitted to be a new form of patriotic upbringing in Russia. Due to numerous public offers, the project keeps on going and a sequel of the book is due to appear soon. It also gives rise to a broad social movement.

Keywords: Great Patriotic war, great deed, war children, patriotism, patriotic education, morality, memory, values, history, broad social movement.

Зоя Космодемьянская... Имя святое для каждого советского человека, сакральное, загадочное, мистическое, символ героизма. Московская школьница, комсомолка-десятиклассница осенью 1941-го добровольцем ушла на фронт, стала бойцом разведывательно-диверсионной части 9903 штаба Западного фронта; своей силой духа, мужеством и стойкостью она вдохновила миллионы соотечественников на подвиг самопожертвования ради Отечества. Нечеловеческие пытки не сломили 18-летнюю девушку; страна вздрогнула от потрясения... Сколько человек повторили описанный Петром Лидовым в газете «Правда» подвиг несломленной Тани (как назвалась на допросе Зоя) в годы Великой Отечественной войны! Сколько людей укрепляли веру и силу в трудные минуты, обращаясь к ее образу! Сколько детей хотели быть похожими на нее, стремясь воспринять высокую нравственную планку!

Поэтому в начале 1990-х, когда началось поругание советских святынь, имя Зои не осталось в стороне. Кто-то по недомыслию, кто-то вполне осознанно с помощью «мягкой силы» принялся за дискредитацию героического образа, переформатирование системы ценностей, договорившись до того, что якобы в Петрищеве немцев и вовсе не было в те судьбоносные для Москвы и всей страны дни ноября 1941 г. Разрушение памятников советскому победителю в Грузии, Эстонии, провозглашение национальным героем Степана Бандеры на Украине, фальси-

фикация исторических фактов в России... А молодежь готова поверить, потому что дезориентирована, плохо знает историю, мало читает.

В 2009 г., познакомившись с рукописью Т.М. Осиповой «Лиза. Воскрешение из забвения», составленной из документов семейного архива, я рассказала студентам-первокурсникам о поисках автором ее пропавшей без вести в 1942 г. тети Елизаветы Ивановны Беневской. Оказалось, что Лиза воевала в той же секретной в/ч 9903, что и Зоя Космодемьянская, Вера Волошина, всего две тысячи человек личного состава, из которых 951 человек, т. е. почти каждый второй, погиб или пропал без вести. Елизавета Беневская ушла на фронт добровольцем и не вернулась с четвертого задания разведгруппы — погибла в бою и была посмертно награждена орденом Красной Звезды. Об этом в конце 1980-х гг. стало известно благодаря московским школьникам-поисковикам под руководством учительницы О.А. Гурьчевой и боевым товарищам, разыскавшим родственников Лизы.

Тут-то и выяснилось, что имя и подвиг Героя Советского Союза Зои Космодемьянской студентам не знакомо, ничего не смогли рассказать они и о своих дедах и прадедах, защищавших Родину. Все это дало импульс для появления проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов». Этому способствовал также накопленный опыт студенческого научного кружка «Поведение потребителей и потребительская культура», подтвердивший необходимость поиска новых форм и методов духовно-нравственного и патриотического воспитания, пробуждения чувства гордости за свою страну, земляков и соотечественников, родных и близких¹⁵.

Так родилась главная идея проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов» — пробудить интерес молодежи к истории страны через историю своей семьи и рода, через живое слово участников войны и очевидцев. При этом преследовались цели: сохранения памяти и выражения благодарности участникам Великой Отечественной войны, обеспечившим Великую Победу; стимулирования творчества и научного интереса у детей и молодежи к истории, экономике, социологии, фи-

¹⁵ В 2007—2008 гг. совместно с ЦОН при МГУ имени М.В. Ломоносова был реализован проект, посвященный 160-летию выхода в свет первого русского учебника политической экономии (изданного на русском языке русским экономистом) «Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии» А.И. Бутовского, в котором члены кружка приняли участие наряду с преподавателями [1]. С начала 2000-х в ТулГУ, а затем в Тульском филиале РГТЭУ (ныне РЭУ им. Г.В. Плеханова) регулярно проводились конкурсы эссе по «Домострою», коллоквиумы по истории русской экономической мысли [2].

лософии войны; укрепления связи поколений ради исторической правды, патриотического и нравственного воспитания молодежи.

С одобрения Центра общественных наук решено было создать книгу воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...». Отсюда был послан молодежи расспросить своих родителей, бабушек и дедушек об участии родных и близких в Великой Отечественной, записать семейные предания о том времени, найти и проанализировать хранящиеся в семьях письма, дневники, фотографии и другие документы. Источником информации также служили встречи с ветеранами и детьми войны. Совместно с департаментом по спорту, туризму и молодежной политике администрации Тульской области был объявлен конкурс эссе «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов», посвященный 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.

Удивительно, что основные решения по реализации проекта и изданию книги принимались в те самые дни, когда решались судьбы столицы, Отечества и Зои Космодемьянской (ее казнь состоялась 29 ноября), в преддверии контрнаступления под Москвой, только 68 лет спустя. Именно тогда проект лег на стол председателя Росмолодежи Г.В. Якеменко (ответа от которого мы так и не получили), зато в ЦОНе коллеги Г.Р. Наумова, д.и.н, профессор, С.А. Ермишина, к.и.н, доцент, Т.Н. Юдина, к.э.н, доцент, А.А. Соболевская, к.э.н, Т.Г. Трубицына выразили интерес и желание рассказать о своих отцах и семьях в годы Великой Отечественной войны.

Так появилась книга «Мы помним...» для молодежи и с участием молодежи, в которую вошли воспоминания и размышления самых разных людей всех возрастов — как известных в стране и во всем мире ученых, писателей, военных и их потомков, так и обычных тружеников, любимых и уважаемых в своих семьях и коллективах [3]. Презентация книги прошла в г. Туле на научно-практической конференции в преддверии 65-го Дня Победы.

Конкурс эссе получился межрегиональным с международным участием — в нем участвовали около 200 человек из Тулы и Тульской области, Москвы, Омска, Санкт-Петербурга, Тбилиси. В книгу «Мы помним...» было включено 149 работ (в том числе 108 эссе молодежи), в которых авторы четырех поколений от 9 до 99 лет рассказывали о подвигах своих родных и земляков на фронтах и в тылу, в плену и оккупации, приводили материалы из семейных архивов, обобщали опыт патриотического воспитания.

В итоге инициативный проект «Я горжусь подвигом отцов, дедов и прадедов» и книга «Мы помним...» получили высокую оценку в сводном докладе Росвоенцентра при Правительстве РФ «О выполнении

государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006—2010 годы»». Они были названы «одной из форм, способствующих совершенствованию системы патриотического воспитания» в стране и отмечены в качестве достижения, в основе которого «заложены новые технологии организации воспитательной работы с молодежью» [4, 28—29].

В результате многочисленных откликов и просьб проект был продолжен, свет увидела вторая книга (в двух частях), посвященная 70-летию битвы под Москвой и героической обороны Тулы [5]. Она объединила 165 авторов работ из 46 городов и населенных пунктов 6 стран: России, Белоруссии, Украины, Германии, Израиля, США. Всего в проекте, с учетом отборочных туров конкурса эссе «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов» внутри образовательных учреждений, приняли участие 487 человек.

15 февраля 2012 г. В.Р. Мединский, д.и.н, профессор, тогда депутат Государственной Думы, ныне министр культуры РФ, написал в своем обращении к участникам международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию битвы под Москвой и героической обороны Тулы: «Для меня стало честью приглашение в книгу “Мы помним”, в которой собраны лучшие эссе конкурса “Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов”. Вы делаете хорошее дело, и ваш опыт заслуживает того, чтобы быть распространенным на всю страну».

Писатель и литературный критик Владимир Бушин, участник Великой Отечественной войны, назвал книги «Мы помним...» (2010 и 2012) в числе лучших книг о войне: «правдивых, грамотных, добросовестных», — наряду с иллюстрированной Энциклопедией войны (2005), двухтомной «Книгой для чтения» о войне (2005), Всероссийской книгой памяти (обзорный том вышел в 2003) [6, 6].

В третью книгу (в двух частях), подготовленную в честь 70-летия Великой Победы и 50-летия учреждения почетного звания «Город-герой», включены эссе 290 авторов из 65 городов и населенных пунктов 9 стран мира: России, Белоруссии, Украины, Казахстана, Англии, Израиля, Канады, США, Чехии [7]. В международном конкурсе эссе, объявленном правительством Тульской области, Центром общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова и Тульским филиалом РЭУ имени Г.В. Плеханова, приняли участие более 700 человек из 25 регионов России.

Так, за 6 лет свет увидела книга (в пяти томах), которая представляет собой:

- народную историю Великой Отечественной войны, в создании которой приняли участие представители разных социальных слоев, воз-

растов, национальностей, конфессий (их возраст, социальный статус, место жительства указываются в информации об авторах);

- учебное пособие для образовательных учреждений разных уровней, которое используется в воспитательной работе и различных курсах (истории Отечества, истории экономики, элитологии, социологии и др.), где каждая страница воздействует на ум и сердце, доносит до читателя историческую правду, к тому же, вызывает гамму чувств и переживаний: любовь и гордость — за подвиги своих героев, негодование и переживание — за предательство, боль и сострадание — за утраты и неудачи;

- эмпирическую базу для дальнейших научных исследований историков, социологов, экономистов, философов, политологов, психологов и антропологов;

- уникальное собрание семейных преданий и документов: дневниковых записей, писем, воспоминаний и фотографий из семейных архивов и музеев;

- памятник советскому народу-победителю в самой кровавой войне.

В книге две части: «О войне из первых уст» и «Великая Отечественная война в ценностном сознании современной молодежи». В свою очередь, первая часть изначально состояла из четырех глав:

«Чтобы живые помнили» — работы научного и мемуарного характера музейщиков, потомков прославленных военачальников, знаменитых оружейников, известных ученых, общественных и политических деятелей о событиях и людях, оказавших значительное влияние на ход войны. Большой ценностью являются специально подготовленные для нашей книги воспоминания Л.А. Вознесенского о своем дяде Н.А. Вознесенском, стратеге экономической Победы СССР в Великой Отечественной войне, председателе Госплана, и об отце А.А. Вознесенском, ректоре ЛГУ, а также публикации дочерей маршалов Советского Союза Г.К. Жукова и Р.Я. Малиновского, детей, внуков и учеников известных на весь мир оружейников М.Т. Калашникова, В.П. Грязева, И.Я. Стечкина, Н.Ф. Макарова, Д.М. Кочетова, В.А. Дегтярева, Л.Н. Кошкина;

- «По дорогам войны» — воспоминания непосредственных участников Великой Отечественной войны о военном прошлом и фактах биографического характера. Мы гордимся тем, что имели возможность общаться с ветеранами, помочь подготовить и опубликовать 31 их работу;

• «Мое военное детство» — эссе детей войны, вспоминающих и размышляющих о своем детстве. Никого не оставляют равнодушным рассказы-исповеди Ж.Т. Тощенко, д.ф.н, профессора, члена-корреспондента РАН, А.Г. Шипунова, академика РАН, д.т.н., профессора, лауреата Государственных премий, Л.Я. Гутман, ветерана труда, К.А. Вощикова, Заслуженного артиста России, профессора и др.;

• «Наши отцы воевали и деды» — воспоминания и размышления послевоенных поколений об участии отцов и дедов в Великой Отечественной. Каждое эссе написано с большой любовью. В первой книге всех заинтересовал рассказ В.С. Кутепова, д.т.н., профессора о своем отце полковнике Кутепове, который явился прообразом генерала Серпилина в «Живых и мертвых» К. Симонова; в определенной мере он способствовал продолжению проекта и появлению второй книги, посвященной 70-летию битвы под Москвой и героической обороны Тулы.

Впоследствии появились главы:

• «Герои рядом», где племянники, соседи, коллеги получили возможность рассказать о своих героях, которых знали не понаслышке. Здесь привлекают внимание имена космонавтов Е.В. Хрунова, С.В. Залетина;

• «Правда о войне. Из писем, дневников, воспоминаний» — глава, основанная на документах из семейных архивов, которые представляют большой интерес и сами по себе, и в сравнении с переведенными дневниковыми записями немецких солдат и швейцарца из «Красного Креста»;

• «Женское лицо войны» — трогательные эссе о мамах, бабушках, прабабушках, славных дочерях России в роли медсестер и врачей, зенитчиц и разведчиц, партизанок и работниц трудового фронта, артисток, переводчиц и даже водолаза.

Вторая часть книги представлена эссе молодежи, лейтмотивом которых является утверждение «Я горжусь подвигом дедов и прадедов». Поскольку проект был задуман, прежде всего, для студентов научного кружка «Поведение потребителей и потребительская культура», постольку в каждой из трех книг «Мы помним...» обязательно присутствует отдельная глава из их работ: «Студенты научного кружка об историях семей в годы войны» (2010), «Студенты научного кружка о ценностях военной поры» (2012, 2015). Всего опубликовано их 46 работ. Кстати, «кружковцы» оказывают большую помощь при наборе текстов, записи воспоминаний, расшифровке дневниковых записей, писем с фронта и в других работах по подготовке книги к изданию.

Благодаря участию в конкурсе молодежи различных возрастов и образовательных учреждений, главы второй части включают эссе работающей молодежи и аспирантов, студентов вузов, учащихся колледжей, лицеев, школ. Из-за большого числа участников нынешнего конкурса и интересных сюжетов в их работах в третьей книге «Мы помним...» появились «смешанные» по возрасту авторов главы, в которых эссе объединены общей тематикой:

- «Молодежь о защитниках городов-героев»;
- «Многонациональная семья героев», в которой рассказывается о Героях Советского Союза и героях в памяти потомков: тувинце, буряте, дагестанце, казахах, евреях, татарах, советских немцах, французах, украинцах и др.;
- «Остались вечно молодыми» — глава о погибших и пропавших без вести: не довоевавших, не долюбивших, не увидевших Победы, дорого заплативших за нее своими жизнями.

Общество нуждается в героях, почитать их оно будет вечно. Герои дают образцы поведения, к которым стремятся люди, особенно молодежь. Но в разные эпохи разные герои, ведь жизнь не стоит на месте, меняются правительства, интересы, идеология, политика. Потому и создаются памятники, чтобы помнить потомкам о связи с предшественниками, чтить их подвиг, иметь надежные ориентиры в жизни, не забывать вечные ценности.

В России сегодня воздвигается много памятников в честь славных событий прошлого, в честь героических личностей, оставивших след в истории страны. Наша книга — тоже памятник. Это памятник нашим любимым отцам, дедам и прадедам, матерям, бабушкам и прабабушкам, взрослым и детям, сражавшимся на фронтах войны и труда. Мы — их преемники.

Мы помним о светлых и темных сторонах истории. Нам приятно называться наследниками Победы, но это обязывает нас быть достойными потомками победителей. Нам стыдно за промахи, ошибки, перегибы, допущенные руководителями государства и отдельными людьми. Но мы можем отличить государство от Отечества с его многовековой богатой историей. И когда некоторые авторы нашей книги рассказывают о своем родословном древе, заглядывая в глубь веков, становится очевидным — им хочется быть достойными памяти своих предков. Это подтвердила также акция «Бессмертный полк» 9 мая 2015 г. Трудно сказать, кто является ее автором, но бесспорно одно — то, что мы сделали в книгах, получило олицетворение на Красной площади и во всей России.

Число участников нашего проекта постоянно растет. В созданной нами двухуровневой системе конкурсов «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов» приняли участие около 1,5 тыс. человек, с учетом членов их семей — это, по меньшей мере, 4,5 тыс. человек. В пяти томах трех книг «Мы помним...» опубликовано 604 работы, в том числе 262 эссе молодежи из более 90 городов и населенных пунктов 35 регионов России и 10 стран мира.

В 2013 г. была зарегистрирована Межрегиональная общественная организация «Историко-просветительский центр «Преемственность» (председатель Ю.М. Осипов), тесно связанная с Центром общественных наук и продолжающим набирать силу общественным движением «Мы помним...», или «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов». ЦОН является средоточием свободно мыслящих, патриотично настроенных профессионалов, где соединяется воедино научная, образовательная и просветительская деятельность. Здесь повышенное внимание уделяется проблемам актуального россиеведения, новым концептуальным историческим разработкам, имеющим прямое отношение к постижению России и укреплению национального духа, осознанию современного положения страны в его связи с прошлым, оценке перспектив и необходимых действий и преобразований. Здесь рождаются новые идеи, отрабатываются в процессе коллективного творчества и разносятся по разным регионам, странам и весям.

ЦОН — уникальный институт. Тоненькими ручейками вливаются сюда идеи, теории, проекты, которыми каждый спешит поделиться на очередном семинаре, конференции, форуме по заблаговременно заданной теме. А в итоге образуется мощный интеллектуальный поток благодаря многообразию и подобию. Различия в мировоззрении, в теоретико-методологических подходах, в политических взглядах и пристрастиях не препятствуют, а напротив, способствуют междисциплинарному анализу проблем, плодотворному обмену мнениями, коллективному творчеству под руководством харизматичного директора Центра.

Вот и наша идея — собрать народные тексты о героях войны на фронтах, в тылу, в плену и оккупации, о Родине, патриотизме, современных представлениях о войне, связав разные поколения, социальные слои и народы, была обсуждена и поддержана, а полученная в итоге книга превзошла по содержанию, патриотическому накалу и духовной высоте все ожидания, став поистине *народной книгой об истории народа*, положив начало *народному движению!*

Продолжается подготовка к новым конкурсам и работа над книгами, среди которых «Сразу после войны», «Мы помним ту страну, в которой жили», «В глубь веков». Мы рады сотрудничеству с Севасто-

полям, Керчью, Брестом, Минском, Киевом, Харьковом, Одессой, пос. Дубровка Брянской области, г. Жуков и г. Юхнов Калужской области, Новороссийском, пос. Мучапский Тамбовской области, пос. Соловецкий Архангельской области и всеми заинтересованными лицами и организациями.

Литература

1. Истоки русской политической экономики: Материалы научной конференции / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. М.; Тула, 2008.
2. *Ростовцева Л.И.* Коллоквиум, курсовая работа, эссе по экономической теории: Учебно-методич. пособ. Тула, 2009.
3. Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула, 2010.
4. *Квятковский Ю.* Сводный доклад о выполнении мероприятий государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006—2009 годы» (Поручение Правительства Российской Федерации от 08.06. 2006 г. № СИ –П4 — 2614) / № 103/Д от 28 марта 2011 г.
5. Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. 1941 / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой: В 2 ч.. Тула, 2012.
6. *Бушин В.* Стукачи // Завтра. 2014. № 36.
7. Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой: В 2 ч. Тула, 2015.

А.А. АНТРОПОВ

Эссе о жизненности и плодотворности философии хозяйства Ю.М. Осипова в области теории хозяйственных (экономических) циклов

Ум — свой, особый мир. И он в себе, внутри,
Способен превратить рай в ад и сделать рай из ада.

Дж. Мильтона

Аннотация. Ю.М. Осипов как ученый и человек принадлежит к славной когорте, в которую входят М.В. Ломоносов, Д.И. Менделеев, Н.И. Пирогов и академик А.Н. Крылов. Их всех объединяет беззаветная

преданность России, как бы она не называлась, бесконечный внутренний прометеевский огонь. С мыслителем, поэтом и дипломатом С.Ф. Тютчевым Осипова объединяет внешняя мягкость характера и ненарочитая гуманность, тончайшие переливы в настроениях души, а иной раз и резкая смена психологических состояний и интонаций. У обоих красочный, сочный, точный, тонкий, изысканный, образный, многомерный, бесконечно пластичный и гибкий язык. С выдающимся экономистом Н.Д. Кондратьевым Осипова объединяет мировоззренческая пронизательность и глубина проникновения в суть экономических явлений, часто опережающие экономико-математическую разработку процессов. Ю.М. Осипов имеет свое целостное представление об экономическом динамизме, в рамках которого он высказал немало ценных заключений, вошедших в сокровищницу мировой экономической мысли.

Ключевые слова: русские ученые и мыслители: М.В. Ломоносов, Д.И. Менделеев, Н.И. Пирогов, академик А.Н. Крылов, Ф.И. Тютчев, Н.Д. Кондратьев, Ю.М. Осипов; российская экономическая мысль, экономическая динамика, вклад в мировую теорию экономической динамики Ю.М. Осипова.

Abstract. The article is devoted to the famous scientists such as Yu.M. Osipov, M. V. Lomonosov, D. I. Mendeleev, N. I. Pirogov and academician A.N. Krylov enter. All of them are united by selfless devotion of Russia as if it was not called, infinite internal Prometeey fire. With F.I. Tyutchev Yu.M. Osipov is united by infinite softness of character and humanity, the thinnest modulations of mood of soul, and also sharp change of moods and intonations. At both of them magnificent and colourful, juicy, exact, thin, refined, figurative, multidimensional, infinitely plastic and flexible language. With N. D. Kondratyev Yu.M. Osipov is united by the general and economic insight and depth of penetration into an essence of economic events often advances their economic-mathematical readiness. Yu.M. Osipov has the complete idea of economic dynamism within he stated many valuable conclusions which entered a treasury of world economic thought.

Keywords: M.V. Lomonosov, D.I. Mendeleev, N.I. Pirogov, academician A.N. Krylov, F.I. Tyutchev, N.D. Kondratyev, Yu.M. Osipov; Russian economic thought, economic dynamics, Yu.M. Osipov's contribution to the world theory of economic dynamics.

Познавать чужие душу, ум и деяния — значит, оценивать их, взвешивать на весах своей души, своего ума и своих дел. А в чьих ду-

шах и умах существуют объективные, точные, аптекарские весы для такой личности, как Ю.М. Осипов?

Я долго и мучительно думал, с кем объективно и беспристрастно можно сравнить Ю.М. Осипова как ученого и человека. Без всякого подхалимства, холопства и позерства мне после кропотливого анализа и сопоставлений пришли на ум М.В. Ломоносов, Д.И. Менделеев, Н.И. Пирогов и академик А.Н. Крылов.

Их всех объединяет: беззаветная преданность вечной Российской империи, как бы она ни называлась; бесконечная энергия, «внутренний, прометеевский огонь»; умение создать свою научную школу, команду и при этом мастерски использовать практически всех, кто есть «под рукой» почти на 100%; неоспоримое лидерство, вождизм — в самом благородном смысле этого слова; настоящая интеллигентность; смелость, умение идти непроторенными тропами, не боясь ни насмешек, ни издевательств, ни плевков в лицо, ни ударов кинжалами в спину, ни обвинений в юродстве; умение стойко выдерживать удары судьбы и «подножки» тьмы недоброжелателей, завистников, не ломаться, но уметь грамотно и эффективно обороняться и, в конце концов, побеждать; энциклопедическая эрудиция; светлый ум; бесконечные по ширине и глубине области исследования в науке; фанатизм в науке (в хорошем, благородном смысле); целостность (системность) и многоцветье (междисциплинарность) в научных исследованиях; стопроцентная оригинальность; умение находить общий язык со всеми — от простых по общественному положению и интеллекту людей до высших (и наших, и иностранных); ¹⁶умение слушать всех и не «давить» на них своими званиями, регалиями, должностями, знаниями и авторитетом; способность не бояться и не брезговать грязной, физической работой.

С Ф.И. Тютчевым Ю.М. Осипова объединяют бесконечная мягкость характера и гуманность, тончайшие переливы настроения души, а также резкая смена настроений и интонаций. У них обоих великолепно-красочный, сочный, точный, тонкий, изысканный, образный, многомерный, бесконечно пластичный и гибкий язык.

С Н.Д. Кондратьевым Ю.М. Осипова объединяют общая и экономическая проницательность и глубина проникновения в суть экономических явлений, которая часто опережает их экономико-математическую подготовленность. Это не беда, а большая заслуга! Автору вспоминается по этому поводу ядовитый, но справедливый афо-

¹⁶ С высшими, при этом, не быть холопом, но быть себе на уме и первоклассным дипломатом и добиваться от них, в том числе макьявеллистическими методами, решений, намеченных целей, причем, если надо, то брать их измором.

ризм Т.Г. Гексли: «Математика, подобно жернову, переламинает то, что под него засыпают, и как, засыпав лебеду, вы не получите пшеничной муки, так, исписав целые страницы формулами, вы не получите истины из ложных предпосылок».

Теория экономических циклов Ю.М. Осипова

Мы не умеем ценить своего потому именно, что мы варвары. Когда у нас будет действительной образованности, когда у нас наука окрепнет, у нас сама собою явится та самая самобытность. А пока надо уметь учиться.

М.Н. Катков

Столь нетерпимые всегда в суждениях,
Поймут ли наши умники слова,
Всех подгоняя под свою же мерку?

Микеланджело Буонарроти

Для анализа теории Ю.М. Осипова по циклам проанализируем следующие его работы: «Опыт философии хозяйства», «Основы теории хозяйственного механизма» и «Теория хозяйства». Наш анализ будет проведен с учетом того, что у автора в первых двух работах упор делался на кризисы и циклы, а в третьей — на хозяйственные волны, а также в ней появились новая лексика, терминология и ракурсы исследования.

1. Достоинства теории экономических циклов Ю.М. Осипова (в развитии и трактовке автора статьи):

1.1. Экономика (как капиталистическая, так и социалистическая) в целом находится в состоянии неравновесия. Эта фундаментальная мысль автора является одним из оснований нашей теории циклов.

1.2. Экономика стремится к равновесию, но она его никогда не достигает. Она его проскакивает по фазам: подъема, процветания, расширенной деловой активности и спада (депрессии, сокращения деловой активности).

1.3. Хозяйственной организации свойственны хозяйственные кризисы («отчаянный беспорядок», «грохочущий шум»). Кризис может затронуть любую хозяйственную систему (и некапиталистическую систему), а соответственно иметь и специфическую обусловленность. В том числе и социалистическую хозяйственную систему! Автор независимо от А. Афталиона и другими путями пришел к этой мысли [1, 171].

1.4. Совокупное предложение оказывается динамичнее совокупного спроса, наступает момент, когда предложение уже не встречает на

рынке соответствующего спроса и затраченный капитал перестает нормально возмещаться.

1.5. Кризис — одновременно и момент разрешения — временно — этих противоречий, он ведет к восстановлению сбалансированности, перестройке производства и перегруппировке капитала. Он — следствие и средство саморегулирования капиталистической системы, разрушительно-созидательный принцип ее функционирования.

1.6. Кризис восстанавливает накопительное состояние хозяйственной системы, а также возвращает систему в исходную накопительную позицию.

1.7. Кризис закрывает одну волну накопления и позволяет открыть — через некоторое время — другую. Он стимулирует перестроение и обновление системы, провоцирует поиск новых воспроизводственных пропорций.

1.8. Кризис играет позитивную роль: он восстанавливает жизнеспособность хозяйственной системы, обеспечивает умирание отжившего в ней и рождение нового, обуславливает совершенствование системы, ее качественное превращение.

1.9. Без кризисов самоорганизующаяся капиталом-конкурентно-рыночная система обойтись не может. Капитал многое теряет от кризисов (например, происходят обесценение вложенных капиталов, банкротство фирм и закрытие предприятий), но многое вследствие их обретается, главное — возможность вновь воспроизводиться.

1.10. Кризис — средство избежать паралича хозяйственной организации, всего процесса производства. Это необходимый механизм в механизме, позволяющий ему действовать посредством «бездействия», торможения, приостановки. Кризис — механизм организации механизма, атрибут конкурентно-рыночной организации, ее реализации во времени.

1.11. Доказана всеобщая обусловленность экономических кризисов: сама экономика и взаимодействующий с ней контекст содержат внутри себя органическую потенцию к созиданию кризисных ситуаций и совершению кризисов. Экономика сама порождает необходимые ей кризисы. Она органически кризисогенна. Экономика в целом (вместе с контекстом) и есть всеобщая обусловленность кризисов.

(Очень дельные, глубокие мысли!)

1.12. Экономика одновременно кризисогенна и циклогенна.

(Очень дельная, глубокая мысль!)

1.13. Кризисы разных типов и соответствующие им циклы не реализуются сами по себе, а накладываются друг на друга, взаимно переплетаются.

1.14. Мир динамических волн многообразен. Волны одного типа накладываются на волну другого типа, волны как стимулируют, так и гасят друг друга, — и в итоге хозяйство имеет очень сложную волновую картину.

(Очень дельные, глубокие мысли!)

1.15. Синтез волновой динамики и кризисов дает особую циклическую динамику хозяйства, когда уже не волны как таковые, а кризисы выполняют циклообразующую функцию.

(Это одно из фундаментальных оснований теории автора статьи.)

1.16. Цикличность разворачивается особым образом от кризиса к кризису. Каждый хозяйственный цикл начинается и завершается кризисом [2, 212—220; 3, 139—146; 4, т. 1, 330—336, т. 2, 383, 390—391, т. 3, 136—232].

(Это положение мы использовали в своих исследованиях!)

1.17.1. Конъюнктурному кризису соответствует краткосрочный цикл (до 5 лет¹⁷). Краткосрочный цикл — это новый цикл. Он, на самом деле, существует, но не входит в классификации циклов Н.Д. Кондратьева, Й.А. Шумпетера и других авторов.

1.17.2. Кризису воспроизводства — среднесрочный цикл (около 10 лет).

Среднесрочный цикл — цикл К. Жуглара.

1.17.3. Кризису воспроизводства — долгосрочные (около 50 лет).

Долгосрочный цикл — цикл Н.Д. Кондратьева.

Где циклы Дж. Китчина (малые волны — 36—40-месячные циклы)? Где 33-летние, 48-летние, 16—24-летние циклы Г.Л. Мура? Где 22—24-летние «вторичные циклы» С. Кузнеца?

18.1. Краткосрочному циклу, по-видимому, достаточно различить три фазы: кризис, оживление и подъем. По симметрии и логике рассуждений в краткосрочном цикле наряду с фазой оживления необходимо ввести фазу спада (депрессии, сокращения деловой активности).

¹⁷ 1. Доля на рынке (%): электромеханических и электронных кассовых аппаратов в США (за 5 лет (1972—1976) доля первых с 90% упала до 10%, а вторых — с 10% увеличилось до 90%). 2. Шин прежней конструкции и радиальных шин в США (за 4 года первая с 100% упала до 3%, а для вторых с 0% увеличилась до 97%) [5, 116, 136]. 3. Моральный износ в машиностроительной промышленности в 1970-е гг. наступал менее чем через 5 лет [6, 159].

18.2. Среднесрочный цикл состоит из четырех фаз: собственно кризиса, зстоя, оживления и подъема;

18.3. Долгосрочный цикл состоит из четырех фаз: кризиса, стабилизации, подъема и дестабилизации.

По среднесрочному и долгосрочному циклам классификация фаз циклов автора является вариацией классификации фаз цикла Г. Хаберлера [7, 279—280]. Она — приемлема.

2. Недостатки теории экономических циклов Ю.М. Осипова.

2.1. Кризис разрушает непригодное и создает пригодное.

Не всегда — непригодное: новатор-производитель может иметь хилую финансовую «подушку» и слабые разработки, проблемы с отладкой оборудования, маркетингом и т. д.

2.2. Типы кризисов (по форме и содержанию).

2.2.1. Конъюнктурный кризис. Он связан с нарушением пропорциональности в сфере обращения, на рынке, с превышением рыночного предложения над рыночным спросом. Это выражается в росте товарных запасов и сокращении заказов. Его длительность по времени — невелика.

2.2.2. Кризис воспроизводства. Он также проявляется в превышении предложения над спросом, но в отличие от конъюнктурного кризиса связан с более глубинными процессами, захватывающими непосредственно сферу производства. Он вызывается несоответствием объема и структуры производства объему и структуре потребления. Выход из него связан со значительной перестройкой производства, изменением его структуры и технической базы, межотраслевым переливом капитала и рабочей силы, развитием новых технологий, производством новой, более разнообразной продукции. Этот тип кризиса имеет структурный характер. Его длительность по времени — год, полтора, а иногда и более

2.2.3. Кризис производства. Он возникает в случае, когда спрос в длительной перспективе оказывается насыщенным, а капитал — перенасыщенным, когда тенденция к перепроизводству превращается в хроническую угрозу воспроизводству. Проявляется кризис в устойчивом и значительном замедлении темпов роста производства и капиталовложений, в долговременном понижении цен (при условии нейтральности инфляционных факторов), нормы прибыли и ставки ссудного процента, в обесценении капитала, в хроническом избытке факторов производства, в стабильной и растущей безработице. Его длительность по времени — многие годы.

Выход из этого типа кризиса связан либо с изменением технического характера производительных сил, их новым распределением, со структурной ломкой производства и потребления, либо с преобразованием социальных систем — собственности и хозяйственного механизма.

Из содержания приведенного материала можно заключить, что термином «кризис» понимается «конечная часть фазы процветания, расширенной деловой активности и сама фаза кризиса в специальном значении».

Сама фаза кризиса в специальном значении не может длиться год, полтора, а тем более — многие годы, ибо кризис в специальном значении — это пик циклической кривой, верхняя точка поворота, т. е. поворот от фазы процветания к фазе депрессии.

2.3. На реализацию циклов оказывают влияние различные внешние факторы: НТП, состояние мирового капиталистического хозяйства, империалистическое соперничество, милитаризация производства, войны и т. д.

На общую кривую конъюнктуры оказывают влияние милитаризация производства и войны, но не на общую циклическую кривую! Все остальное — верно!

Авторская теория хозяйственных (экономических) циклов

Верь сам в себя, наперекор Вселенной.

...

Пусть час не пробил, жди не уставая,
Пусть лгут лжецы, не снисходи до них.

Р. Киплинг

Не правило рождает успех, но успех
рождает правило.

Наполеон Бонапарт

Авторская теория хозяйственных (экономических) циклов [8] основана на семнадцати принципах и допущениях великих западных ученых (К. Птолемей, Н. Коперник, И. Кеплер, Г. Галилей, А. Пуанкаре, М. Борн, В. Гейзенберг, О. Ланге).

Авторская теория хозяйственных (экономических) циклов также основана на фундаментальных идеях и/или гипотезах великих западных и русских ученых (пифагореец Филолай Понтийский, Леонардо да Винчи, Г. Галилей, Б. Паскаль, И. Ньютон, М.М. Филиппов, К. Жуглар, М.И. Туган-Барановский, У.К. Митчелл, Г.Л. Мур, С.С. Кузнец, Н.Д. Кондратьев, Ю.М. Осипов, Й.А. Шумпетер, Э. Роджерс).

Общая методика расчетов и качественное осмысление экономико-математической модели хозяйственных (экономических) циклов на основе философско-хозяйственного подхода основана на семнадцати принципах.

Литература

1. *Жамс Э.* История экономической мысли XX века. М., 1959.
2. *Осипов Ю.М.* Опыт философии хозяйства. М., 1990.
3. *Осипов Ю.М.* Основы теории хозяйственного механизма. М., 1994.
4. *Осипов Ю.М.* Теория хозяйства. Начало высшей экономии.
5. *Фостер Р.* Обновление производства: атакующие выигрывают. М., 1987.
6. *Бялковская В.С., Демченко М.Н., Косичкина В.Б.* Экономика машиностроительной промышленности СССР: Учебник для вузов. М., 1978.
7. *Хаберлер Г.* Процветание и депрессия. Теоретический анализ циклических колебаний. М., 1960.
8. *Антропов А.* Междисциплинарные методы обобщения методик определения циклических кривых. Циклы Китчина—Крума—Митчелла, Осипова, Жуглара, Мура, Кузнеца, Кондратьева и Шумпетера. Саарбрюкен, 2014.

Р.В. КАПИНОС

Современный мудрец

(о профессоре Ю. М. Осипове)

Аннотация. Анализируются особенности творчества и основные идеи одного из ведущих современных экономистов и философов профессора Ю.М. Осипова. Рассматривается учение о софиасофии как оригинальное русское мировоззрение, способное оказать мощное воздействие на все мировое общественное сознание.

Ключевые слова: софиасофия, сверхфилософия, София, русская экономическая мысль, Россия, справедливость, солидарность.

Annotation. The features of work and basic ideas of one of leading modern economists and philosophers, professor Yu. M. Osipov are analysed in the article. Studies are examined about sophiasophia as the original Rus-

sian world view able to render the powerful affecting all world public consciousness.

Keywords: sophiasophia, superphilosophy, Sofia, Russian economic idea, Russia, justice, solidarity.

В общественном сознании существует устойчивый штамп, будто бы все великие мудрецы жили в глубокой древности и чем ближе к нашим дням, тем реже можно встретить даже умных людей. Мой личный опыт убеждает в обратном: во всякое время появляются личности, видящие дальше и больше остальных и поэтому способные показать правильную дорогу многим. Год назад судьба подарила мне незаслуженно огромный подарок: знакомство с одним из самых мудрых мужей современной России профессором МГУ Осиповым Юрием Михайловичем.

Знающие историю помнят, что всегда в самые сложные минуты жизни человечества в нем являлись духовные лидеры, выводящие народ из пустыни к земле обетованной. Такие личности прежде всего сталкивались с внутренним глубоким страданием, и только найдя в себе исключительные силы без посторонней помощи справиться со своими мучениями, они могли оказать помощь другим: «мудрецами не рождаются, ими становятся — в порядке большого исключения, — и исключение это зависит не только от Бога, ...но и от внутреннего чудесного устремления самого человека» [1, 145]. Таким народным целителем для души каждого из нас может стать Ю.М. Осипов. Прекрасно, что по своей исключительной, я бы сказал, не только скромности интеллигента, но отстраненности верующего он никому не навязывает своих советов — он скорее действует, как старец, к которому люди сами идут за поддержкой.

Большой уровень образованности, начитанности, постоянные самоуглубленные напряженные размышления predeterminedли непростоту стиля Осипова — его книги не для всех, хотя могли бы быть для многих. Но образ жизни современной молодежи настолько стремительный и хаотичный, что не каждый современный юноша даст себе труд спокойно следить и разбираться в волнистых, как лесная река, то прячущаяся под корягу, то выбивающаяся на солнечную полянку, движениях мысли мудрого Осипова. Но ведь книги Гегеля были неизмеримо сложнее — а читались и изучались многими. Я думаю, нам, считающим себя учениками Ю.М. Осипова, надо чаще и более открыто проявлять свою жизненную позицию и объяснять общественности мысли Юрия Михайловича — используя не только дорогое и труднодоступное телевидение, но и легкодоступный интернет.

Но нельзя сказать, что Ю.М. Осипов одинок в своих исканиях — есть у него и многочисленные благодарные ученики, и немалое число соратников, и большое число уважающих его, хотя и не во всем согласных коллег. И это целая армия единомышленников, готовых продолжать его дело [2—6].

Говоря о стиле прозы Осипова, следует особое внимание обратить на ее высокую художественность. Среди экономистов, скажем честно, не много найдется тех, кто умеет писать (и говорить) красиво, ярко, образно — часто экономические тексты напоминают мертвую латынь или превращаются в сухую математику — им явно не хватает фантазии, музыкальности фразы, да просто ясности мысли. Все это в избытке есть в книгах Осипова, и в этом он продолжает прекрасную традицию русской экономической мысли, заложенную еще Сильвестром и Посошковым [6]. В этой черте творчества Осипова — залог роста его признания. Его книги надо просто раскрыть (а для начала добыть — уж слишком мал тираж, а должен быть миллионным, да в каждую библиотеку по два экземпляра!) — и тогда от них невозможно оторваться: «Мир — тайна, он весь пронизан тайной, но он пронизан и сознанием — этим знанием тайны, что делает мир тайным знанием, а знание — тайным миром» [1, 8]; «сознание — присутствие *иного* в *этом*, или же *иного мира* в *этом мире*» [1, 13]; спустя время ты будешь возвращаться к ним, перечитывать, каждый раз как бы заново — верный признак живой и глубокомысленной книги: «Сознание — это еще и *бессознание*, или *противосознание*», «сознание — великий дар, но это и великое бремя» [1, 21]; «сознание — целый мир, но мир, не имеющий никакой протяженности ни во времени, ни в пространстве» [1, 23].

И еще. В любом настоящем произведении крупного мастера всегда слышишь его голос — так, как будто он говорит с тобой въявь. Это называется стиль. У Осипова этот стиль сразу заметен — открываешь ли ты его объемный том или маленькую журнальную заметку: ты не только слышишь негромкий, но настойчивый голос мудреца, но видишь всю его фигуру в простом свитере, седовласого, с взглядом светлых глаз, всегда смотрящих в глубь себя — так, как до этого видел его в уютном, полутемном кабинете, похожем скорее на музей: стены, сплошь увешанные картинами, полки, заполненные красивыми старинными книгами, — сидящим в очень мягком палевого оттенка кресле: «в мире развернулась-разошлась большая геостратегическая игра, она же и мировая брань...» [7, 235]; «идет борьба, и за человека тоже, и за планету, которую русский человек Землей называет, и за Россию, за самого русского человека, за природу-матерь» [8, 482].

Ю.М. Осипов — создатель одной из самых оригинальных теорий нашего времени, национального русского учения *софиасофии*, естественно объединившей в себе все традиции и достижения русской философской, экономической, религиозной, социальной, политической, культурной мысли («софиасофия — это как бы сверхфилософия, как и, пожалуй, мегабогословие» [7, 297]; «это новая мудрость, творимая русским миром» [2, 240]). В центре учения Осипова — София как Тайная Мудрость Божия, та мудрость, которая, согласно Писанию, дороже золота и жемчуга — т. е. экономического богатства, постоянное любованье Ее красотой — так, как мы любимся красотой женской. Человек, живущий Софией, не отвергает благосостояние — а скорее забывает о нем, поскольку постоянно занят более важным — желанием познать если не самого Бога, то Его Мудрость, проявляющуюся в мировых делах. Суть учения софиасофии состоит в призыве к любому человеку стать прежде всего человеком, бороться со зверем в себе («унять в себе зверя, преодолеть засевшего в сознании беса... выковырять из себя человека» [1, 66]), не занимать свою голову только мелочными расчетами, но прежде всего дать себе труда, и даже больше — мужества, в своей повседневной борьбе за хлеб насущный думать, просто чаще самому думать — и тогда у тебя естественно возникнут вопросы о том, кто ты таков и что такое жизнь, окружающая тебя, ты неизбежно полюбишь Мудрость — и Она взаимно полюбит тебя, и согласится с тобой на неспешную, тихую беседу: «София, конечно, снисходит в подготовленное для взаимодействия с нею земное сознание, как раз то самое, которое, не удовольствовавшись благоприобретенным знанием, выходит за его пределы — в сферу незнания, — и не просто признавая при этом тайну мира, Софию, как и, само собой разумеется, Бога, а вступая с Софией в творческий контакт» [1, 146].

С горечью видит Юрий Михайлович Осипов, насколько современное человечество и на Западе, и на Востоке ушло от великой человеческой задачи быть человеком: или вернувшись к примитивному скотству, или дойдя до изощренного бесовства («кто обычно берет верх в иерархии?... *бесы, люди-нелюди*» [1, 58]; «СССР-Россия выблонул из себя самую откровенную и последовательную... *дьявольщину*» [1, 518]). И русскому человеку, живущему как в России, так и за ее пределами, как былинному богатырю, стоящему на перепутье, он предлагает выбрать третий, свой путь, подумать собственной, вовсе не глупой, хотя и буйной, головой («Россия “насквозь” рискованная, отчаянная, зигзагообразная страна» все-таки может выбраться «на свою собственную цивилизационную дорогу» [7, 238]), и осознать великую задачу, стоящую перед Россией — вернуть сначала себя, а потом и весь мир, с его эконо-

микой и политикой, на человеческий путь («сохранить человека в человеке вопреки надвигающемуся на человечество бесчеловечному миру» [8, 296]): глубокомысленных спокойных и свободных размышлений, нравственной чистоты, честности к себе и другим, справедливости, постоянной взаимной поддержки (солидарности), в конечном итоге — уважения к каждому («уважение — основа любого совместного бытия!» [7, 239]) — это трудный путь в гору, но только так ты можешь быть ближе к свету.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Наедине с Софией. М., 2014.
2. *Шулевский Н.Б., Лемешонок О.Б.* Софиасофия в поисках русской экологии // *Философия хозяйства*. 2014. № 4.
3. *Осипов Ю.М.* Моя политэкономическая страда // *Философия хозяйства*. 2014. № 4.
4. *Жуликов И.П., Жуликова О.В.* Иной взгляд на развитие человеческого хозяйства // *Философия хозяйства*. 2014. № 3.
5. *Синельников С.Ю.* Домустройство в рамках семейного хозяйства (современный опыт) // *Философия хозяйства*. 2014. № 3.
6. *Капинос Р.В.* Характерные черты русского экономического стиля // *Современная экономика: проблемы и решения*. 2014. № 2.
7. *Осипов Ю.М.* Наедине с Софией. Метафизические реалии // *Философия хозяйства*. 2014. № 4.
8. *Осипов Ю.М.* Реквием. Роман о романе, или роман с романом. Метафизическая проза. М., 2014.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Софиасофия — странный аттрактор современного мира

Аннотация. В статье говорится о метафизика нового типа мудрости, которую вызвало к жизни катастрофическое состояние современного бытия, которая представлена в софиалогии Ю.М. Осипова.

Ключевые слова: софиасофия, мудрость, сознание, разум.

Abstract. The article presents Yu.M. Osipov's sophiosophy as a metaphysics of a new type of wisdom which was brought to life by a catastrophic condition of a modern being. The author researches metaphysical, ontological, gnoseological, methodological, evolutionary, social, anthropological,

world outlook, economic, historiosophical, economy's, technological aspects of sophiosophy.

Keywords: sophiosophy, wisdom, consciousness, mind.

I

Современный мир и кормящая его природа погружаются в хаос, запуская новые механизмы саморазрушения социокультурных, антропологических форм жизни. Масса людей, одержима идеей «конца света», чувствуя очень близкую глобальную угрозу, но не зная, в чем она кроется. А кроется она в отсутствии мудрости, указывающей высшее благо бытия и целевую причину современного мира. Ж. Бодрийяр полагает, что так называемые «современные люди» живут в эпоху, когда конец, развязка западного мира уже наступила, когда будущее слилось с настоящим; они живут после конца, после развязки и после будущего в режиме обратного отсчета времен. А что же имеет место после конца? «По ту сторону конца располагается виртуальная реальность, иначе говоря, обязанная своим существованием некоей программе особая действительность, в пространстве которой все, чем мы обладаем, как-то: память, чувства, мышление, а также сексуальность и способность к труду — все это шаг за шагом превращается в нечто совершенно бесполезное. По ту сторону конца, в эпоху трансполитики, трансэстетического и транссексуального, все наши машины желания становятся машинами на холостом ходу, механизмами, работающими абсолютно впустую. Режим обратного отсчета не что иное, как режим неизбежного исчезновения мира» [1, 128].

Автор, пожалуй, прав. Свершающаяся развязка истории западного человека разрушительно воздействует на мир и делает невозможным не только прогнозы, но и все идеологии и все методологии, даже — простое познание. Становятся невозможными и все религии, ибо предсказываемый ими «конец света» уже прошел. Но если Запад уже «проскочил» свой конец и развязку и целиком вошел в виртуальность, то у России есть много концов и развязок, ибо тайная история ее *Dasein* лишь начинается. Концы и развязки определяются самой Россией, а не Россия зависит от этих атрибутов большого времени. Да и виртуальность пока лишь вошла в Россию, которая не думает переселяться в этот мнимый мир. Поэтому в России возникает новый тип мудрости, которая преобразует в своем смысле Универсуме философию, науку, религию и виртуальность. Вот почему коварная бифуркация не спешит покинуть неопределенность и выбрать новое русло эволюции человечества, играя своими аттракторами в русскую рулетку. Бифуркация ждет решения России о судьбе концов и развязок истории. Ясно, что до конца

и до развязки работает одна парадигма, а после них нужна другая — даже не парадигма (ибо она тоже получила отставку), а другой тип мудрости. Вот почему коварная бифуркация не спешит покинуть неопределенность и выбрать какое-то новое русло эволюции человечества, играя своими аттракторами в русскую рулетку. Бифуркация ждет решения России о судьбе концов и развязок истории.

Интеллектуальные элиты различных стран ищут возможные аттракторы и выходы мира из нарастающей неопределенности в философии, которая, пожалуй, является одним из главных соавторов запущенной самодеструкции мира и человека. Идеи, мысли не только правят миром, но они незаметно и творят его, внушая правящим элитам, их экспертам свои — свои! — а не человеческие цели. Идеи и мысли сильнее воли людей, незаметно определяя их цели, которые уже диктуют выбор средств. А мысли, идеи рождаются и живут в философии, откуда они внедряются в жизнь людей.

Даже позитивистски настроенные умы, презирая, отрицая философию, все же неведомо для себя исполняют ее смысловые и правовые директивы. Поэтому в ноосфере Запада давно установлен культ разума: разум стал определителем человека (*Homo sapiens*), целью образования, органом устройства общества и власти, утверждения свободы и прав человека, орудием развития производительных сил, технологий прогресса.

Но таковы ли благодеяния разума на самом деле? Один пример заставит нас усомниться. Гераклит¹⁸ прямо, открыто, в зловещем пророчестве выдвинул три неразделимых, хотя и неслиянных, тезиса о том, что миром правит Логос (разум), ну, а отцом Логоса и разума является война, которая и правит этим царем мира и человека; а работу разума и войны устраивают и направляют диалектика противоречий и мировой огонь, который рассудит и осудит людей за то, что они осуждают лучших. Этот союз разума и войны — кровный, нерушимый, и только в роковые дни своею тайной inferнальной он убивает нас издалека, вблизи. Так, например, разум выдвигает тезис: «Бог есть Абсолют»; начиная доказывать эту тезу, разум порождает споры, переходящие в конфликты и завершающиеся религиозными войнами. Спасаясь от последствий теизма, разум становится атеизмом, утверждая тезис: «Бога

¹⁸ «Мудрость заключается только в одном: признать разум как то, что управляет всем при помощи всего. ...Хотя этот логос существует вечно, люди не понимают его — ни прежде, чем услышат о нем, ни услышав впервые. ...Война — отец всего и всего царь. ...Суд над космосом и над всеми находящимися в нем совершается через огонь... Следует знать, что война всеобща и правда — борьба и что все происходит через борьбу и по необходимости» [2, 45, 42,46, 47, 48].

нет»; начиная аргументировать это суждение, разум вновь порождает споры, переходящие в конфликты и завершающиеся опять-таки войнами. Кант доказал, что антиномичность разума, выдвигающего по каждой проблеме тезис и отрицающего его логически равноценный антитезис, составляет его истинную, изначальную сущность. Это не болезнь разума, а такова его натура. Западные интеллектуалы считают разум средством решений проблем, а он «решает» их путем нагромождения неразрешимостей, т. е. служит средством неразрешимостей, средством блокировки решений любых проблем. Все разрешаемое и решаемое разум превращает в неразрешимости. Таков рабочий алгоритм разума, который и завел экономическую цивилизацию в бифуркацию, которая, видимо, так и не найдет приемлемого для себя аттрактора, а превратит мир и человека в суицидную войну. Ведь западный мир создан разумными и здравомыслящими людьми, которые руководствовались разумом и только разумом, почтив его даже Нобелевской премией, учрежденной (в шутку, что ли?) на доходы от динамита, реализовав сокровенную мысль Гераклита о войне как высшем разуме. Поразительно, но два тысячелетия ученые мужи изучают Гераклита, но никак не реагируют на его «открытия» о единой правде Логоса (разума), войны и диалектики противоречий. Признание «одной» из этих величин автоматически влечет за собой признание и двух остальных, а мировой огонь своим язвющим пламенем всех рассудит!

Еще одним открытием и культом философия заложила мину под экономическую цивилизацию, Речь идет о содомизме, который был признан, усвоен философией Эллады и завершил свою бифуркацию странным аттрактором однополюс «семьи». Сократ и Платон были философскими пионерами и знаменосцами «гейской» инфернологии¹⁹. Но идолопоклонников разума не смущает, что на основе и посредством разума создается безумный, милитаристский, содомитский мир, упрямо, с полной интеллектуальной выкладкой работающий над саморазрушением цивилизации.

И честь учреждения культа разума принадлежит именно философии, скрывшей друзей и соратников разума — войну и содомизм. Тем самым философия исполнила свою тайную инфернальную миссию, запустив цепную реакцию содомизма и милитаризма, движимых обезумевшим интеллектуализмом. Философия, вообще, является западным

¹⁹ Философским, художественным и мистическим манифестом «гейской» инфернологии является диалог Платона «Пир», в котором развернута общеевропейская, вообще, западная программа глобальной содомизации всего человечества. (см.: [3, 90—127]).

проектом интеллектуального господства: в других культурах людям достаточно мудрости, представляющей высшее благо как целостный ансамбль разума, сознания, морали, человека, семьи, Родины.

Нельзя сказать, что на Западе нет мыслителей, которые бы не замечали пагубной роли философии для экономической цивилизации. Традиционалист Р. Генон полагает, что философия выражает лишь субъективные намерения людей обрести мудрость, а также начальную ступень знания Высшего Блага. Но философия скрыла свой скромный статус предмудрости, предзнания и стала выступать как сама мудрость, как знание Высшего Блага, ради которого нам дана жизнь, идеальные органы — разум и сознание. Эта подмена мудрости философскими мнениями, которые завершаются знаменитым ответом скептицизма на все вопросы: «Не знаю!». Отсюда следуют метафизические дефекты ноосферы западного мира, его глобальных целей и принимаемых решений (см.: [4, 20—21]).

Но Р. Генон — все же европеец, хотя и перешедший в мир ислама. Поэтому мудрость, Высшее Благо, он видит опять-таки только в метафизике чистого интеллекта. Все метафизические и смысловые богатства сознания, Софии Премудрости Божьей его почти не интересуют.

Метафизика изучает Высшее Благо в качестве целостного духа, действующего посредством Логоса и Софии. Метафизическое знание субъективно отражается человеком, но оно дается и объективно в качестве откровений, озарений нравственно чистому и профессионально развитому сознанию, способному к работе в сфере смысловой рефлексии. Но философия сделала метафизику своей частью, отринув как возможность достижения знания высших смыслов, так и возможность их самооткровений человеку. А ведь эти смыслы определяют цели человечества и цивилизаций, способы решения ими своих планетарных проблем. А от этих высших цивилизационных решений зависят решения уже региональных, локальных, узко прагматических проблем общества, индивидов.

И даже Аристотель, признав «первую философию» (метафизику) мудростью, высшим знанием, цель и суть этого знания свел к признанию и познанию космического ума как целевой причины, как «перводвигателя», как «формы форм», как «теологии» и «телеологии». Вне метафизики Аристотеля остались смысловые ресурсы сознания, которое определяет сам разум, его логику, формы и функции, а главное — наделяет разум умением свободного целеполагания, способностью воспринимать откровения сущего, даром творчества и преобразования ничто в бытие, искусством воображения невозможного, силой фантазии, проникающей в неизвестное, в заколдованные замки и университеты судьбы,

в инфернальные бездны мрака и абсолютной тьмы. Сознание позволяет разуму стать органом стяжания, обретения даров, смыслов сакрального духа, который служит источником, вдохновителем, гарантом даже его логических успехов. Разум же служит и всегда служил средством, орудием сознания и самосознания в их сражениях за обретение смысла, правды и понимания. Разум же сам по себе дает лишь логическую правильность знаниям, понятиям, но не смысл и понимание. Силлогизм: «Все люди смертные; Сократ человек, следовательно, он смертный» — соответствует правилам логики и разума, но он не раскрывает смысла смертности человека, не дает сознанию понимания смерти.

Сама этимология философии как любви к мудрости странная, скрывающая в себе двусмысленности и неопределенность. Ведь сама мудрость и есть любовь — целостное ведение, а любовь к любви напоминает температуру самой температуры, цвет самого цвета и др. Да и любовь есть целостное действие познавательных, моральных, социокультурных, сакральных и природных сил человека, выраженных в знаниях, поступках, нравах, профессионализме, в верности «отеческим гробам» и Родине, в самопожертвовании Высшему Благу. Любовь и мудрость феномены одного рода, ибо как мудрость, так и любовь суть знание и признание Высшего Блага, высшего понимания, высшего прощания, высшей жертвы.

Выражение эллинических философов — «любовь к мудрости» реально скрывает в себе культ предельного рационализма, культ войны и культ «чистой однополюсной любви». И поскольку эти культы на современном Западе держатся уже законами и банальной обыденщиной, то философия получила полную отставку. Если позитивизм отверг философию как метафизику, оставив ее в качестве служанки науки, то постмодернизм провозгласил конец всякой философии, как и конец субъекта, конец науки, конец социальности, конец истории, забыв добавить «конец самого конца» («в конце концов!»). Ж. Бодрийяр пишет: «Философия сегодня исчезла (в этом и состоит ее проблема: как существовать в исчезнувшем состоянии?)» [5, 133—134]. Но тогда книги автора нужно воспринимать как философские репортажи с «того» света; и постмодернизм справедливо, последовательно и открыто утверждает культ безумия, паранойи, шизоанализа, выворачивая наизнанку сам разум, который до сих пор скрывал эти свои инфернальные свойства. А культ содомии²⁰, утверждает сегодня себя посредством юриспруденции, пра-

²⁰ Корифей постмодернизма, Ж. Делез, заявляет: «Меня не покидало ощущение, что история философии — это некий вид извращенного совокупления или, что-то же самое, непорочного зачатия. И тогда я вообразил себя подходящим к ав-

ва, не доверяя свои ценности исчезнувшей философии. А в инфернальной «зачистке» культуры преуспевает постмодернизм²¹.

В итоге экономическая цивилизация Запада, ведомая инфернальной и гейской антитроицей идет в автокатастрофу, растворяясь в джунглях этнических миров, разделяя судьбу подобных ей уже исчезнувших цивилизаций. Эта антитроица определяет идентичность Запада, и отречение от нее равноценно отречению Запада от самого себя. Да и антитроица уже не выпустит из своих инфернальных когтей столь жирную добычу.

Правоверный «западник» может с негодованием уличить автора в ксенофобии, сославшись на успехи Запада в науках, технологиях, организации производства и др. Отвечает вопросами, которые лишают подобные возражения всякого смысла: «А какова цена успехов Запада? Стоят ли они разоренной природы? Стоят ли они превращения людей в стадо сверхпотребителей и в массу, умирающую от голода? Стоят ли они постоянной угрозы уничтожения человечества, ибо накопленное ядерное оружие все равно будет пущено в ход? Кому или чему служит экономическая цивилизация, превращающая жизнь людей в средство накопления неживой материи — золота?». Ответы на эти вопросы дает однополая семья!

Кризис западного мира — это не автономная реалья, а средство неотвратимой замены экономической цивилизации *хозяйственной формой*, несущей в себе зародыши софийного общества, которое сведет в целостный, дирижистский ансамбль отношения человека к человеку, человека к обществу, человека к природе, выведет бытие из рискованной зоны ничто в сферу духовных ценностей бесконечного творчества. Но даже перманентный кризис не просвещает интеллектуальную элиту Запада, ибо она осмысляет его только посредством разума в отрыве от сознания, в котором разум следует не только законам логики, но и смысловым императивам бытия, морали, совести, духа и судьбы.

Русская культура, ментальность русских народов и этносов не приняли догму Гераклита о единстве Логоса (разума) и войны, догму,

тору сзади и дарующим ему ребенка, но так, чтобы это был именно его ребенок, который при том оказался бы еще и чудовищем» [6, 121].

²¹ «Культура, образованность — это то, что существует впридачу, это то, что мы должны отбрасывать, ликвидировать, без чего мы должны уметь обходиться. По-настоящему же значимо нечто другое». Что именно? Знание тайн, секретов души и Бога, умение соблюдать эти тайны и хранить эти секреты. Умственная и словесная распущенность в священных реалиях привлекает лукавого вместе со смертью и болезнями [1, 187].

ставшую мудростью диалектики и «перводвигателем» западного мира. Не приняли они из брезгливости и культ содомии, педофилии, толерантности к порокам. Александр Невский и Ф.И. Тютчев выразили это неприятие в качестве императивов русской земли: «Кто на Русь с мечом придет — от меча погибнет!», «Умом Россию не понять!». Эти императивы выражают и географию, суровый климат России, который забирает у человека почти все силы на борьбу с холодом, бездорожьем, на ведение земледелия, оставляет порокам мало шансов в сравнении с умеренным климатом Европы.

Если с войной все ясно (никто на словах не желает воевать), если неприятие содомии и толерантности к порокам само стало пороком, то неприятие разума как высшего органа познания Высшего Блага, самой России вызывает и поныне недоразумения и недоумения. Если умом Россию не понять, то каким тогда способом можно приблизиться к ее пониманию, ибо полное понимание ее сути и судьбы откроется лишь в конце времен после исчерпания смысловых ресурсов всех методологий. Ограничение ума Россией не дает шансов иррационализму, который вообще отрицает понимающее знание. Вера? Но вера — это не только бессознательное принятие религиозных представлений, но и сознательная всеобщая форма познания посредством сознания. Поэтому русская культура вовсе не отрицает многообразные возможности разума, а подчиняет его логическую и абстрактную работу смысловому творчеству сознания, из которого разум вышел, в котором он находит свои цели и задачи, свой «категорический императив», в котором преодолевает свои антиномии и ограниченность своих абстракций. Разум — средство сознания, которое представляет целостность и конкретность человеческого познания, его связь с откровениями и отражениями Духа.

Кант прав в том, что ограниченность разума восполняется верой (см.: [7, 95])²². Да разум и сам себя ограничивает посредством противоречий с самим собой. Разум напоминает паука, сидящего между стеклами окна и пытающегося поймать в свою паутину ползающую по ту сторону стекла муху. Так как паук не видит стекла, прозрачной реальности, то он не может словить муху и полагает, что причина его неудач в слабости его паутины. Он усложняет ее, но муха все же не ловится; и это усложнение паутины завершается тем, что паук уже не может сам двигаться и погибает от сверхсложной и сверхплотной паутины. Так и разум, видя слабость своих абстракций, создает все новые и новые аб-

²² «Я не могу даже допустить существование Бога, свободы и бессмертия, если не отниму у спекулятивного разума также его притязаний на трансцендентные знания» [7, 552].

стракты, пока не запутается в них и будет искать спасения в силе, в войне. Поэтому судьба разума трагическая: «На долю человеческого разума в одном из видов его познания выпала странная судьба: его осаждают вопросы, от которых он не может уклониться, так как они навязаны ему его собственной природой; но в то же время он не может ответить на них, так как они превосходят возможности человеческого разума» [7, 73]. Так что русская культура в плане признания ограниченности Логоса, разума, вполне солидарна с мировой культурой.

II

Русская философия еще в XIX в. выявила ограниченности Логоса и разума, почуяла трупный запах евровойн и евросодомии и стала искать способы развития мысли и сознания на других путях, собственных именно России. Нужно заметить, что русскую мудрость (как и китайскую, индийскую) «западники» назвали, подражая Западу, философией, хотя на деле эти учения не соответствуют стандартам и нормам той дисциплины, которую на Западе именуют философией. Консерваторы пытались называть философию «любомудрием», но термин не прижился. Правда осталась за М.В. Ломоносовым, который изначально именовал философию «метафизикой», полагая, что эта дисциплина содержит в себе все «философское добро», обогащая при этом разум «умозрением» («умными очами»), и внушая ему в обязанность неперемное богопознание. Так что в строгом смысле слова коренной и самобытной русской философии нет, и быть не может, а есть заморский продукт, подаваемый под русским соусом внутренними эмигрантами России. А невозможность русской философии обусловлена тем, что она во всех своих формах опиралась на органическое единство сознания, разума и религии. Даже атеизм и социализм революционеров неосознанно опирались на единство разума, сакральности и демонизма²³. Са-

²³ К. Маркс, например, ясно осознавая эту связь писал: «Идеи, которые овладевают нашей мыслью, подчиняют себе наши убеждения и к которым разум приковывает нашу совесть, — это узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца, это *демоны* (курсив мой. — Н.Ш.), которых человек может победить, лишь подчинившись им» [8, 118]. Конечно, коммунизм — это не демонизм, но насколько велика его сила и привлекательность, что даже демоны почтили его своим содействием, увы, не бескорыстным. Не зря русская притча говорит, что если садишься с чертом обедать, то нужно иметь запасную ложку. Известный французский писатель-антикоммунист и атеист, А. Жид, сообщает о своем разговоре с Н.А. Островским: «Я не могу говорить об Островском, не испытывая чувства глубочайшего уважения. Если бы мы не были в СССР, я бы сказал: “Это святой”. Религия не создала более прекрасного лица. Вот наглядное

мо поклонение марксистов диалектике, сочетающей в себе разум, демонизм и войну, говорит о том, что реально они руководствовались не философией, а другой, тайной идеологией. Ибо философия требует допущения абсолютного разума, но в России абсолютный рационализм не разделял даже Ленин, верящий в бесконечную мощь и правду разума; но главной проблемой для него были сознание, сознательность, сочетание в них отражения и творческих инициаций. Поэтому употребляемое автором в дальнейшем выражение «русская философия» нужно принимать с учетом этой оговорки.

Русская культура и мысль после критического разбора содержания, смыслов и методов западной философии с необходимостью вышли на проблему Софии Премудрости Божьей. Вернее, даже не вышли, а возвратились к идейным истокам русскости, выраженной символическим языком в иконах, в соборах Святой Софии — Премудрости Божией в Константинополе, в Киеве, в Новгороде, в Москве, в Болгарии.

Русский этнос избрал для себя в качестве идеала высшего знания и жизни чистую божественную мудрость — Софию Премудрость Божью, смысловое содержание которой наполняет глубинные истоки русского ума и сознания, определяет «идеологию» и методологию их исследования. София — это не любовь к мудрости, а мудрость высшей любви, которая не требует от людей любви, ибо сама преисполнена ею, а дарит своим избранникам любовь и мудрость — цельное знание и понимание через расширение и углубление смыслового поля сознания. Вкратце, София есть цельное сознание как метод изучения реальности и метод изучения самого же сознания во всех его проявлениях. София спасает Логос, разум, логику, превращая их в смысловые органы сознания-мудрости.

В XIX — начале XX в. русская культура в трудах Вл.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского и других мыслителей развивала учение о Софии в рамках парадигмы софиологии, преодолевая ожесточенное сопротивление богословов, философов, ученых, властей. 1917 г. закрыл эту плодотворную исследовательскую школу в области сознания и Логоса.

доказательство того, что святых рождает не только религия. Достаточно горячего убеждения, без надежды на будущее вознаграждение. Ничего, кроме удовлетворения от сознания выполненного долга» [9, 197]. А в последнем интервью, которое он успел взять у отходящего в вечность героя-коммуниста и атеиста, писатель с искренним сокрушением воскликнул: «Я видел современного Иисуса Христа!» [10]. Вряд ли «святой атеист» возможен без божественной благодати!

Возрождение софиологии произошло в 1990-х гг. результате титанических усилий Ю.М. Осипова (Юр. Михайлова) — выдающегося русского мыслителя, ученого, деятеля культуры. Это возрождение можно назвать прямо-таки волшебным, ибо история не знает случая, когда бы насильственно изъятая на 75 лет из жизни учение вновь восстало. И восстало не только в изначальном виде, не только в обновленной форме, но и как новое творение русского сознания. Без откровения Софии Премудрости Божьей такое возрождение невозможно!

Сначала восставшая из нави софиология развивалась как часть философии хозяйства и на основе парадигмы Логоса, разума. Но вскоре выяснилось, что сам Логос, разум, его логика исчерпали свое автономное развитие, свои творческие и сакральные смыслы, нуждаясь в притоке свежей крови от более фундаментального порождающего их принципа — Премудрости Софии. И вот раскрытие единства Софии и Логоса породило новую парадигму и естественно завершилось созданием софиософии, которая представляет собой не просто новую форму мудрости, философии и православия, а качественно новый по содержанию тип мудрости, органически преобразивший в себе философию, теологию и науку. София и Логос сохраняют свою автономию, но софиософия творит из их знаниевых ресурсов новую мудрость, превосходящую их генетическую смысловую обусловленность. Как в составе воды кислород и водород преобразуются в качественно новую реалию, так и в составе софиософии философия, теология и наука преобразуются в качественно новые смыслы нового типа мудрости.

Пару слов о самой мудрости. Древние философы установили, что мудрость человеку недоступна; но порождает ли любовь к мудрости философию как особый вид знания — это вызывает большие сомнения, тем более, что сама философия языком скептицизма, агностицизма, критицизма, субъективизма, интуиционизма, экзистенциализма заявила, что не только мудрость, но и научное, обыденное знание человеку недоступны. Есть немало людей, полагающих, что насилие и удовольствия являются высшей мудростью; а максимум насилия и удовольствий дают войны и половые извращения.

Действительно, мудрость недоступна человеку, ибо смертному существу она несет лишь одни страдания. Но проблема в том, что сам человек доступен, открыт для мудрости и беззащитен перед ней. Поэтому он пытается хотя бы аналитически описать мудрость через ее основные признаки. Во-первых, мудрость есть знание, порождающие цели и смыслы; во-вторых, мудрость есть знание, превращающее хаос в самоорганизацию; в-третьих, мудрость есть Логос, разум, открывающий, создающий законы; в-четвертых, мудрость есть знание, находящее во

всем меру; во-пятых, мудрость есть знание справедливости и способность утверждать ее в жизни; в-шестых, мудрость есть умение творить по закону красоты. Мудрость есть целостное знание, включающее в себя принципы целеполагания, самоорганизации, закономерности, меры, справедливости и красоты. Увы, но ближе всего к такому целостному знанию стоят лишь мировые религии. А теперь — и софиасофия! Нет, все же недаром, Москва, изгаженная либералом, не отдалась ему, а родила софиасофию — новую мудрость для новой жизни!

Сам термин «софиасофия» и пилотный проект ее содержания выдвинул Ю.М. Осипов, который стал творцом и апостолом нового типа русской и мировой мудрости, идущей на смену самоотрицающей себя философии [11; 12, 527—544]. Русская мысль и русское сознание впервые со времен возникновения философии и христианства бросили стремительно деградирующим западным элитам дерзкий вызов — сотворили не просто новую философию, а новую мудрость, которая в большей мере, чем философия, соответствует современным нуждам мира и человека, истории и метафизике, времени, безвременью и вечности. Причины софиасофии, которая не ревизует скрижали Священного Писания, не отрицает философию и науку, а включает их в апокалиптический контекст новых реалий энтропирующего мира. И только в этом контексте можно встретиться с вечной, нетленной правдой, без которой даже ничто не бывало бы.

(Сам Ю.М. Осипов, как и все апостолы Духа, не в полной мере осознает величие и спасительную значимость для России и мира своего открытия, соавтором которого является рождающийся в апокалиптических ужасах, кошмарах и муках неведомый мир. Ю.М. Осипов стал сегодня центром русского духа, центром глубинной и скрытой русской жизни. Другого человека такого в нашей жизни уже не будет. Язык его текстов не только человеческий, его смысловые композиции имеют тайного и благого соавтора. Изучать его творчество нужно для того, чтобы сохранить сознание и ум, способность хотя бы минимального понимания.)

Софиасофия есть продукт исторической и сакральной необходимости и в то же время абсолютно необходимая реакция мысли и сознания на эпохальные перемены в мире и мира, абсолютная необходимость революционного развития философии, православия и науки, чтобы охватить, осмыслить и понять итоги этих эпохальных мировых перемен. Софиасофия не модернизирует скрижали Священного Писания, не отвергает «добро» философии и науки, а включает их в апокалиптический контекст новых реалий энтропирующего мира. Ибо только в этом кон-

тексте можно встретиться с вечной, нетленной правдой, без которой даже ничто не бывало бы.

Сегодня только в России идет мощное метафизическое творчество во всех сферах бытия. Только в России сохраняется неограниченная свободная импровизация разума и, особенно — сознания, ибо основной орган понимания России не разум, а сознание! Россия не только признала апокалиптическую суть современного бытия, но осознала и выразила его смыслологию, превратив последнюю в белые чистые ризы новой мудрости — софиасофию. Мысль и сознание России сами по себе активизируются лишь в условиях смертельной угрозы бытию. Ибо бытие есть риск — большой и малый, спасительный и пагубный, известный и неизвестный, человеческий и роковой. Пресыщенность и тщеславие притупили, усыпили мудрость западного мира, который находит свое утешение и спасение в войнах и в инфернальных извращениях, которые этот мир превратят в «запчасти» для нравственных варваров.

Софиасофия исходит из того глубинного факта, что творение мира и бытия не завершилось, а продолжается совместными силами Бога, Священного Писания, природы, дьявола, человечества, созданной им техносферы и ноосферы, запущенными им кризисами и экологическими катастрофами. И для постижения и понимания этой целостной, интегральной, трагически-катастрофической эволюции нужно не просто обновление той мудрости, которая породила философию и христианство и до сих пор определяет разум и сознание в их смысловой работе. Нужна качественно иная мудрость, которая могла бы дать понимание ислама (как возможной стала новая религия после последней религии — христианства), инквизиции, научно-технического прогресса, внутрехристианских мировых войн, массовых убийств младенцев в чревах матерей (абортов), виртуального мира, клонирования человека, экологических проблем, которая раскрывала бы глубинные причины и смысл оружия массового поражения, конечные цели выхода человека в космос и проникновения в микромир.

Софиасофия, преображая сакральные, философские и научные подходы в новый тип мудрости, позволяет христианству, философии и науке избавиться от гносеологических, мировоззренческих, методологических амбиций и трактовок своего содержания, от субъективистских практик и адекватно реагировать на вызовы последних времен.

В то же время софиасофия, вдохновляемая откровениями Софии Премудрости Божьей, смысловыми синтезами философии, искусства и науки, является предельно метафизическим и предельно конкретным учением, мировоззрением, путем-методом, социальным проектом. Софиасофия является универсальным смысловым пространством, и в этом

пространстве православие, Премудрость Софии, философия, наука, искусство выходят за свои дисциплинарные и жанровые рамки, раскрываясь как органы постижения единой великой и тайной мудрости-правды Божьей.

Ю.М. Осипов видит в софиасофии некую Чашу мудрости, русский Грааль, который по сути своей не поддается однозначному дефинированию, упрощению, популяризации, даже — обучению и освоению. Сколько нужно учиться даже простым вещам, например, тачать сапоги, шить рубахи! А софиасофия — самая простая, сверхпростая вещь, которая занимается нами тогда, когда мы занимаемся всеми остальными «важными» делами. Вхождение в мир софиасофии требует долгих, упорных трудов, разочарований в наличной мудрости, размышлений и самокритических бичеваний, жизненного опыта, тревожного напряжения мысли, сознания, души. Войти в мир софиасофии можно, лишь признав ее неопределенные и неопределяемые, метафизически потаенные, ускользающие, несистемные, немодельные, нециклические, смысловые константы. Перводвигателем софиасофии служат те же самые силы, которыми создан мир, и которые питают его до сих пор своей сакральной смысловой энергией.

Софиасофия преобразует философию в метафилософские, внефилософские сакральные сюжеты, о которых философия и ее диалектика не подозревают. Софиасофия возвышает науку, ибо признает в изучаемых предметах науки метанаучное и сверхнаучное содержание. Софиасофия выходит за рамки христианства, ибо она, двигаясь его же путем, идет дальше навстречу Идущему к ней. Софиасофия преобразует миф в смысловое пространство откровений неисчерпаемого Иного, молний мыслеподобных, благодати, ищущей достойных. Софиасофия — это судьба современного мира, ибо все судьбоносное в ней становится отчасти понятным и доступным. Софиасофия подчиняется воле Провидения, но допускает невообразимую свободу творчества. Есть в софиасофии и дары, и сладостные напевы Муз, но немало в ней суровых, жестких, карающих, тяжелых смыслов, в которых работает незримая гильотина правды. Софиасофия — это дисциплина эзотерическая, но она работает на благо сознательных и простых людей.

Софиасофия мгновенно, прямо-таки мистически и магически, осуществила метафизический синтез вопиющих смыслов правды для современного мира, превращая возможную свою критику в часть своего содержания. Софиасофия, как и вся русская культура, опирается на парадигму неразрывного, но и неслиянного единства сакральных и мирских смыслов, ценностей, бытийных фактуалий.

Сама материя услышала в софиасофии именно то слово, которое ждут иссохшая от жажды и сникерсов позитивизма наука, философия, теология. Объем материала, тем, сюжетов, методов, идей, метафизических прозрений и озарений, духовных откровений, практических новаций новорожденной ноосферы софиасофии поражает. Случились вулканическое смыслоизвержение имыслеизъявление софийной субстанции, которые не вмещались ни в какие теории и математические модели; только софиасофия смогла принять новорожденный смысловой плод пылающей эпохи и превратить его в творящую силу русской жизни. И Ю.М. Осипов прав, увидев в софиасофии знаниевый, мыслительный прорыв, переворот в сознании, скачок в движении творческих инициатив русского гения, погрузившегося в принадлежащую ему по праву «русскую неотмирность мира сего», чтобы извлечь из нее смыслы нерукотворные, противостоящие величайшей катастрофе бытия.

Софиасофия сама по себе есть величайшее достижение мятущегося сознания, возмущенного разума, встревоженной души и рас-христианного языка. Достижение русское, выстраданное, объясняющее, просветляющее и позволяющее встретиться с ней — да, да, с ней, с правдой непреложной, вне коей правды нет. А правда в том, что человек, пересотворяя мир, получает не новый мир, а катастрофу. Софиасофия представляет собой в первом приближении ту новую (а, может, и не совсем новую) эпоху, которая вываривается, оформляется в язвящих, кислотно-огненных испытаниях апокалипсиса, наследуя его жизнеспособные элементы.

Эта эпоха представляет собой уникальную новую формацию бытия, новую экзистенцию, новый смысловой контекст, в котором все наличное и безличное взвешиваются, оцениваются и признаются по своей меропродуктивной силе, по своей способности утверждать, держать и охранять меру как священное достояние разума, сознания, души, слова и человека. А все темное и неизвестное допускаются, но испытываются и признаются опять-таки на весах сакральной миростроевской меры.

Софиасофия — это идейно-практическое взаимодействие с Софией, творческий с ней контакт. Это *неожиданная встреча-откровение искателя истины с истиной, ищущей своего искателя*; или — это откровение, выходящее из сокрытости и ищущее своего мыслителя, который жертвует своей субъективностью ради обретения метафизических смыслов впадающей в безумие жизни.

И тут есть существенная смысловая тонкость. Встреча эта произойдет в любом случае, но путь к ней долгий, тернистый, мучительный, страдательный и рискованный, покрытый мраком, и перспективы

неясные. «Софиасофия — постнаучная и даже во многом постфилософская мудрость, рождающаяся от кризиса науки и академической философии, как и от кризиса религии тоже. Это мудрость человека, лишившегося вдруг... мудрости, а потому возвращающегося к Богу и Софии, к той же первородной философии. Очень много повидавшего, об очень многом поразмышлявшего и очень немало настрадавшегося. Однако возвращение тут не ученическое, а творческое, созидательное, новаторское, а потому с новой силой, не бывшей ранее, мудростью» [11, 123]. Миру нужна иная мудрость, нужна софиасофия как прямое обращение к Софии, как знание-размышление, добывающее своим творчеством из ничего новые смыслы.

Софиасофия — это не религиозная философия, а новая мудрость, возникающая вследствие острейшего и губительного кризиса Модерна и циничного фокусничества Постмодерна. «Апокалиптическое время требует и соответствующего ему мудрствования — апокалиптико-апокастатического, а такое может состояться на основе и в рамках софиасофии» [11, 123]. Софиасофия пока режет слух ученым, академиком, религиозным лидерам, имеющим прямое сотворческое отношение к апокалипсису; хотя он и пришел не по их желанию и воле, но их лукавое безмыслие не заметило самую главную аксиому своей религии и современного мира.

В этой связи Ю.М. Осипов затрагивает крайне болезненный вопрос религии и Священного Писания: «Ответ тут может быть таким: знать и использовать, понимать и руководствоваться, но, видимо, этим всем не ограничиваться, ибо жизнь всегда полнее и богаче, она активно изменяется, хотя в чем-то всегда лишь воспроизводясь, рождает новые проблемы и ставит новые вопросы... Меняется отношение человека к божественному сакралу, к природе, ну и к самому себе» [11, 126]. Ведь Писание не только что-то написанное в прошлом, но оно и непременно свершающееся и сопровождающее человека настоящее. «Не надо приносить человека, запрещая ему продолжать свое глобальное имманентно-трансцендентное историческое писание, пусть поначалу и боговдохновенное...» [11, 127]. Человек узнал не только то, что произошло с Христом, что было после, в Средневековье, в Новое время, узнал инквизицию и научно-технический прогресс, ядерные «игрушки», геноциды и мировые войны. Человек узнал не только первое Откровение, но в нем и через него он хочет новых откровений, новых суждений и оценок; он хочет испытать себя на страдном пути откровеннических знаний. Не надо вторгаться в древние писания, хранящие свою первозданную сакральность, модернизировать их. «Но ничто не должно мешать человеку вести текущее писание — научное, философское, религиозное, как и

метафизическое. Бытие человека думающего, ищущего решений, жаждущего откровений, и есть по сути своей писание, выраженное при этом в письме или нет, но писание, которое в итоге никогда не прекращается и прекратиться, пока есть человек, не может» [11, 127].

Золотые слова, золотые формулы, золотые смыслы и перспективы! Жизнь человека — непрерывно длящееся священное писание, которое отбирает из этой жизни нужные ему буквы, слова, точки, запятые, знаки и знамения! София — суть, атрибут и ведение Бога; в отношении же к человеку она ничья и не принадлежит ни религии, ни науке, ни искусству, ни эзотерике, ни хозяйству. Поэтому стремление и выход на диалог с Софией никому не запрещены, а вот отклик на эти обращения всецело в ее ведении. Софиасофия как исконно русская мудрость становится первым словом в деле продолжения новой книги *Вечного Писания* на русской земле...

III

Содержание софиасофии можно вкратце представить в символической матрице, состоящей из 12 смысловых опорных узлов.

1. *Метафизика*. Софиасофия развивает *софийную метафизику сознания*, которое выступает для нее как чрезвычайный и полномочный посол Духа вечности, раскрывая в образных, логических, фантастических и воображаемых картинах глубинные послания этого Духа. Логос и разум в софиасофии работают в качестве средств осознания неведомых сил Духа.

2. *Онтология*. Софиасофия работает на основе апокалиптической онтологии, в которой бытие выступает как предельный риск из-за близости ничто. *Апокалиптика* в софиасофии — главный определитель бытия, человека, который вершит суд над природой, сакралом, культурой, самим собой. Для софиасофии апокалиптика — это не ожидаемое грозное будущее, а постоянное настоящее, а она находится в ее эпицентре, изучая исходы, аттракторы этой апокалиптической катастрофы истории. Поэтому во взаимодействиях человека с миром ничтожествует разум отрицания, обращенного против бытия, против всех творений людей, против них самих. Но софиасофия предвидит, что апокалиптика выступит и против самой апокалиптики, а разбуженное человеческой алчностью отрицание пойдет войной против отрицания и завершится хозяйственным утверждением нового Неба, новой Земли, нового человека, человека-хозяина, отвечающего за осмысленность мира и своих деяний.

3. *Гносеология*. Софиасофия развивает софийную гносеологию, в которой метафизические *откровения* органически сочетаются с творческими *отражениями* человеком мира, вещей, эволюции, сознания в

едином смысловом ансамбле. Мы открываем, нас открывают, мы отражаем, нас отражают, мы творим, из нас творят, мы закрываем, нас закрывают. Софиасофия учитывает в своей гносеологии обратные действия и реакции бытия на человеческую агрессивность. И метафизическим субъектом познания в софиасофии выступает всеведущая София Премудрая.

4. *Методология.* В софиасофии действует интегральная методология, в которой диалектика воинственных противоречий преобразуется в *триалектику* многоведающих сакральных единоречий. В софиасофии философия, религия, наука, искусство преобразуются в универсальный смысловой метод познания и понимания. Этот метод требует исследовать любой предмет, любое событие как троичную матрицу (трансценденция — имманенция — виртуаленция), ибо смысл и понимание рождаются во внутреннем мире Св. Троицы и транслируются по всему мирозданию.

Софиасофия качественно меняет сами определения, которые теряют свои диктаторские методы, становясь зависимыми от сознания. Определения в ней в ужасе сами ставят себе пределы перед безднами *ничто*, стремящегося стать *нечто*, *бытием*. И только в софиасофии пределы ставят смыслы, а не накладываются извне. Но первым определителем софиасофии служит закон непрерывного превращения ничто в бытие, ибо обратное своим беглым рабов ничто не принимает, ибо понимающие ничто для него опасны.

5. *Развитие.* Софиасофия содержит в себе развитие в форме *планетарного эволюционизма*, который преобразует человека и Землю в единый субъект развития, восстанавливающего сакральное, метафизическое и смысловое родство мира видимого и миров невидимых. Софиасофия развивает само развитие, переводя его в режим сохраняющего преобразования.

6. *Антропология.* Софиасофия развивает традиционалистскую антропологию, в которой суть человека определяется не Логосом, не разумом (*Homo sapiens*), а *Духом и сознанием*. Разум же служит человеку техническим средством, изобретающим средства жизни, логики, познания, понимания, выражения, но разум не ведает целеполаганием, смыслами, идеалами, моралью и ценностями. Разум не самостоятельный персонаж; даже в философии, как доказал Кант, разум не может определить свою высшую цель, преодолеть терзающую его суицидную диалектику противоречий. Разум суть продукт и средство сознания, средство решения объективных, творческих и экзистенциальных проблем сознания. Низведение сознания на вторые роли и возведение разума в ранг властителя человека грозят гибелью современной цивилизации.

Легче и проще доказать, что человек не разумное, а безумствующее существо, что, собственно, и сделали психоанализ и постмодернизм. Да и в чем разум человека проявляется? В том, что он успешно и поспешно уничтожает свой природный дом и самого себя, преуспевая лишь в создании все более чудовищных видов оружия. Поэтому в софиасофии человек — это самосознательное существо, которое осознает, т. е. держит под моральным и сакральным контролем свои цели и средства, держит в жесточайшей узде свободолюбие разума. Сознание одаряет человека интуицией, воображением, фантазией, которые создают пространство абсолютной свободы для творчества и мудрости, преодолевающей барьеры невозможного.

Сознание — более фундаментальная константа мироздания, чем Логос и разум, которые определяются сознанием, задающем ему смысловые нормативы, делает его вменяемым, т. е. понимающим свои цели, функции и задачи. София и есть целостное, т. е. совершенное, т. е. священное сознание, достигшее в своем устремлении к Духу уровня ангельской Личности. Гомер видел в сознании «священную силу». Человек может лишиться разума, сильно повредить его, но и безумное существо живет, а вот потеря сознания означает летальный исход. В безумии есть своя логика, и это логика сознания, сохраняющего жизнь даже безумцам с малой и с большой буквы. Человек — это сознательное, т. е. вменяемое существо, сознательник, использующий разум как самое грозное орудие блага, правды и гибели. Сознание — орган вечности, порождающий, сохраняющий, охраняющий, умножающий смысловые семена мира, а разум — орган времени, развития, подчиняющегося его закону: «Was, alles entsteht, ist wert, zu Grunde geht» («Все возникающее ценно тем, что достойно гибели»). Если для разума все возникшее достойно гибели, то для сознания все погибающее достойно требовать расследования своей гибели, выяснения того, почему его снимают с корабля вечности, вынуждая страдать в качестве абстракции разума. Поэтому сознание в софиасофии — субъект мудрости, мудрого человека, а разум — их средство.

Софиасофия зорко следит за трансформациями и деформациями человека, за возникновением големов, чиповеев, клонов, киборгов, люденев, биороботов и другого антропологического мусора, не допуская его к истине.

7. *Социология.* Софиасофия содержит в себе смысловые алгоритмы для новых типов социумных сообществ. Она развивает *соборную* социологию, в которой демиургами общества и его социальной дифференциации становятся школы, университеты, вообще институты образования и культуры. Софиасофская соборность социума формируется

учителями, творцами образования, культуры, науки, специалистами военного дела, деятелями Церкви и религии, вообще людьми, которые развивают, обогащают сознание и разум народа, его идеальные производительные силы и технологии, будят и активизируют его творческую активность, его естественную мудрость.

8. *Хозяйство*. Софиасофия преобразует экономику золотого тельца в формы спасительного хозяйствования, ведущего к восстановлению и к обновлению Золотого века. Для софиасофии экономика действует как соавтор смерти, убивая природу, смыслы, культуру, человека ради роста тука золотого тельца, устанавливая в итоге царство виртуальных нежитей. Она вынуждает даже деньги каяться в своих грехах, искуплять их на службе жизни. Хозяйствование же служит средством осуществления мудрости, которая сама выступает как абсолютное хозяйство, спонтанно творящее смысловое обеспечение жизни. Софиасофия есть чистое сознание хозяйства и смысловое хозяйство сознания, которое, строго следуя внутреннему закону, созидает хозяйственный дом и для экономики, а строительным материалом ей служат метакирпичи смысла, ищущие свой Дом. Софиасофия плачет и рыдает, жалеет и скорбит о роде экономическом, но создает для него мозговые выпрямители и смысловую закуску. Софиасофия содержит в себе соборное учение об организации производственной жизни социума (дирижизм), порождая для него цели, смыслы, средства, основания.

9. *Власть*. Софиасофия обосновывает новый тип власти — *софиакратию*, которая выступает как власть мудрости и людей мудрых, реализуясь посредством *империи*, *трибуната* и *Соборной Думы* как совета лучших специалистов всех основных профессий. Империя защищает жизнь входящих в нее народов, сохраняет их идентичность, защищает ее от внешних и внутренних посягательств; Соборная Дума вырабатывает законы социума, а трибуналы²⁴ стоят на страже справедливости в отношениях отдельных классов, групп, наций. Софиасофия

²⁴ Древний Рим в 495 г. до н. э. после сецессии (плебеи покинули общину и вышли за пределы города) плебеев учредил институт народных трибунов. «Личность трибуна была объявлена неприкосновенной, нарушение этого правила каралось смертью. Трибун мог привлечь к суду любое лицо, включая сенаторов и консулов, имел право вето на решение любого магистрата, а также коллег трибунов, следил за правильностью налогообложения, взимания арендной платы, регулировал цены на хлеб в Риме, имел право арестовать нарушителя закона и штрафовать его. Фактически, он стал органом надзора за исполнительной властью, и если по своей идеальной природе народное собрание утверждало в обществе справедливость, то трибунал принуждал к ее осуществлению» [13, 76—77]).

есть власть, но не только власть земная, а та власть, которая не совсем от неба, не совсем от людей, а главным образом от самой власти. Софиасофия требует от власти не забывать свой основной закон: «Враги везде, и даже там, где никого нет!» (Шекспир). Поэтому нужно космическое, ангельское войско, вооруженное священным огнем, сжигающим убийц, порочных и охраняющим продолжателей жизни.

10. *Технологии.* Софиасофия видит губительную порочность современных (демонических) технологий, которые, разрушая равновесие материи и морали в основаниях бытия, угрожают жизни, человеку. Но софиасофия не отрицает технологий, а несет в себе проекты иных, безотходных *благотных* технологий, согласующих в себе законы природы, императивы морали и потребности людей, работающих на самовозобновляющихся ресурсах. «Зеленые технологии» — первая ласточка такого индустриализма.

11. *История.* Софиасофия развивает принципиально новую историософию, новое понимание истории в духе парадигмы триалектики и полилектики. Основными творящими и движущими силами истории являются комбинации, состоящие из сознания, разума человека, «объективного хода вещей», хитрости, иронии, Неизвестности (судьбы, кары Божьего Суда). Особое место в софиасофской историософии занимают роль и судьба России, которая вошла в историю только для того, чтобы разоблачить скрываемую неполноту, преходящесть истории, которая оторвалась от своих метафизических корней, от непреложной правды вечности. В последние времена истории России суждено стать заповедником свободной мысли, свободного сознания, детерминированного не злобой дня, а только потребностями их смыслового развития и обогащения. Но именно свободные, самообуславливающиеся импровизации мысли и сознания могут найти пути-выходы современного мира из каскада бифуркаций, затягивающих человечество в непредсказуемый и неведомый режим суицида. Слово «Россия» содержит в себе тайну Священного Слова, известную лишь Богу и Софии. Но Россия содержит и тайну малого Слова, предотвращающего современный мир от сползания в необратимый хаос.

12. *Мировоззрение.* Софиасофия является целостным мировоззрением современного мира. Это мировоззрение выступает не просто как сумма знаний, идеалов, ценностей, но оно представляет мироздание прежде всего как *соборно-иерархическую смысловую структуру* идеальных сил, субстанций, субъектов. Вершины этой смысловой иерархии — Святой Дух и его справедливая помощница, художница — София Премудрая. Далее — София создает смысловой мир оригиналов, идей, прообразов, чисел, представляющих творческие силы вечного бытия.

Далее — София форматирует сознание и разум, наделяя их даром выражения в многообразных чувственных и рациональных формах смыслового богатства сакрального мира, его откровений. София и Логос совместно творят науки, искусства, учения мудрости, вызывая из их глубин творческие силы, умения, способности. Далее — идет уже синергия смыслов и материи, совместно создающих стихии, вещи, существа, растения, животных, технику, человеческие институты и культуры. Далее — смыслы вырождаются, упрощаются, становясь иллюзиями, тенями, копиями, отражениями, призраками. И нижним завершением мировоззрения софиасофии служат инферналии, демоны, деструктивные, энтропийные субъекты мрака, порождающие извращения смыслов, охраняющие плененный ими смысл и свет. Субнижним пределом софиасофского мировоззрения является виртуальный мир, в котором все силы, не приемлющие новый тип мудрости, создают искусственные аналоги смысловых реалий бытия и человека, включая и создание искусственного человека.

Софиасофия — последний и высший плод эволюционного творчества сознания и разума, творчества, инициированного, вдохновенного и неведомо поддерживаемого Софией Премудростью Божьей, творчества, создающего островки безопасности для существ, твердо и провиденциально решивших до конца сохранять свою русскость, нести в себе ее тяжкую сакральную ношу. Поэтому Ю.М. Осипов, создатель софиасофии, не без оснований заявил: «Религия для масс, философия — для немногих, софиасофия — для единиц» [12, 534]. Наверное, справедливее будет сказать, что есть софиасофия, философия и религия для мудрецов, есть для масс, но есть и для извращенных. В любом случае, достаточно нескольких человек, чтобы основные идеи, смыслы, ценности софиасофии преобразили сознание и разум масс, сделали их субъектами собственной жизни, субъектами, держащих нити спасения *Dasein* в своем идеальном мире. Христос не случайно называл христиан солью Земли, закваской для теста, т. е. признавал, что для преобразующей активности его учения нужно немного знатоков, понимающих его смыслы. Софиасофия сама воспитает своих апостолов, ибо новая мудрость — это императив вечности и времени, уставшего выполнять свою бессмысленную работу (порождать, чтобы уничтожать).

Софиасофия — высший плод духовного творчества современного человечества. Она представляет новый тип мудрости, метамудрость, которая выражает императивы возникающего нового бытия, новой правды, новой методологии, новой антропологии, нового социума, новой эволюции, новой историософии, нового мировоззрения, выражая самую плодотворную перспективу движения в тот мир, который муд-

рость веков называла Золотым веком, Раем, Царством Божьим, коммунизмом.

Итак, философия, выдвинув закон всеобщего развития, согласно которому все изменяется как по формам, так и по сути, и одоблив этот закон принципом «все возникшее достойно лишь гибели», сама должна исполнить его завет и преобразиться уже не просто в мудрость, как полагал Гегель, а в новый тип мудрости, обобщающий страдальный и смрадный путь человечества за два с половиной тысячелетия его истории. И софиасофия — единственный наследник и продолжатель этого тяжелейшего дара, данного человеку в наказание за его философское тщеславие, грозящее ему гибелью.

Литература

1. *Бодрийяр Ж.* Пароли. От фрагмента к фрагменту. М., 2006.
2. *Материалисты Древней Греции.* М., 1955.
3. *Платон.* Соч.: В 3 т. Т. 3. Ч. 1. М., 1970.
4. *Генон Р.* Кризис современного мира. М., 1991.
5. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. М., 2000.
6. *Новейший философский словарь.* Постмодернизм. Минск, 2007.
7. *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1964.
8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1.
9. *Н. Островский — человек и писатель в воспоминаниях современников.* М., 2002.
10. *Ключников Ю.* Зачем миру нужны герои? // «Завтра». 2004. № 42.
11. *Осипов Ю.М.* Философические откровения // *Философия хозяйства.* 2014. № 1.
12. *Юр. Михайлов (Осипов Ю.М.).* Блики и срезы. М., 2015.
13. *Козлачков А.А.* «Третье общение» в софиологии С.Н. Булгакова // *Философия хозяйства.* 2015. № 2.

Раздел II

Философия хозяйства в цоновском размыслительном поле

В.К. КОРОЛЕВ

«Философия хозяйства»: актуализация концептуального дискурса или вольная «бесхозяйственность»?

Аннотация. Размышляя над судьбами философии хозяйства С.Н. Булгакова и Ю.М. Осипова, автор выделяет три актуальных проблемы ее современного бытия и развития: определение места в системе социогуманитарного знания; теоретическая востребованность; потенциал культурологии в ее разработке.

Ключевые слова: философия, хозяйство, экономическая теория, культура, гуманизация.

Abstract. By reflecting about destiny of S.Bulgakov and Y.Osipov philosophy of economy, author distinguish three update problems it modern existence and development outlooks: qualification it position in social-human knowledge system; theoretical demand; culturology potential in it study.

Keywords: philosophy, economy, economical theory, cultura, humanization.

Мой интерес к проблематике, называемой «философия хозяйства», возник почти четверть века назад. Не могу удержаться от некоторых лично-исторических пояснений, имеющих не ностальгический, навеянный юбилеем ЦОНа, но и смысловой характер.

Поступал я на философское отделение факультета экономико-философского. В параллели с нами, философами, учились политэкономы и экономические кибернетики. У нас были некоторые общие лекции, много образовательного общения, так сказать, междисциплинарного характера, которое помогало ценить «свое», соотносить его с «иным». Со многими политэкономками сложились долгие приятельские от-

ношения (а с одной из «экономкибернетичек» вообще идем по жизни уже пятый десяток). Кроме того, как-то получалось, что в общежитии я жил именно с экономистами. Так что со студенческой поры был в контакте с экономической проблематикой.

Перестроечные реалии не просто обнажили ее болезненную важность, но и поставили вопросы о причинах неудач «рыночной» трансформации нашей экономики. Для меня становилось все более понятным, что дело не в плохой работе экономических институтов самих по себе, не в ошибках реформаторов (хотя они, несомненно, были), не в недостатке опыта «капиталистического строительства», а в самом подходе к этой задаче как частноэкономической, без прояснения и формирования *философии реформ* как основы перестроения всего образа жизни общества и человека. Занятия культурологией укрепили представления о хозяйствовании как жизнеобеспечивающей деятельности человека — субъекта культуры, что разделило «целостное» хозяйство и «векторную» экономику.

В своих размышлениях я не случайно «набрел» на «Философию хозяйства» С.Н. Булгакова. Для меня эта книга тогда, четверть века назад, была весьма сложным чтением, и я мысленно отложил ее до теоретически лучших времен. Они не заставили себя долго ждать — быстро наступили в начале 1990-х с публикациями Ю.М. Осипова, который вновь открыл, «реанимировал» эту сферу знания, ввел ее в научный оборот, объединив вокруг себя единомышленников и последователей.

Примечательна и моя первая личная встреча с ним. Дело было в ходе III Российского философского конгресса, проходившего в Ростове-на-Дону в сентябре 2002 г. Несмотря на сомнения коллег, я добился отдельной секции философии хозяйства, которую, естественно, и модерировал. Юрий Михайлович не был заявленным участником, но приехал в Ростов и как-то органично и активно включился в работу секции — в аудитории сразу почувствовался приход настоящего «хозяина»!.. С этого времени и началось мое посильное участие в работе руководимых Ю.М. Осиповым структур, утвердивших становление этого течения русской гуманитарной мысли, — от ЦОНа до Академии философии хозяйства.

Огромную роль в пропаганде и развитии ее идей играет одноименный журнал — «луч света» в царстве академического формата. Во многом это заслуга мудрости и доброжелательности его многолетней «домоправительницы» — первого заместителя и научного редактора Елены Серафимовны Зотовой. Журнал привлекает духом интеллектуального свободомыслия, «непричесанного» умствования, в нем всегда можно найти интересные мысли, тон которым задают оригинальные по

содержанию и часто юношески задорные по форме публикации его редактора Главного.

Новым этапом в моем понимании и осмыслении постоянно ускользающей и болезненно манящей проблематики философии хозяйства стал научно-публицистически-художественный цикл метафизической прозы Ю.М. Осипова — «Иное», «Requiem», «Обретение», «Наедине с Софией». Эти работы не просто расширили мои представления о философии хозяйства, но и обозначили ее интересные перспективы в теоретическом освоении актуальных проблем современности (и не только экономических), возможности бытия «иной» России в мутирующем, требующем метафизического пересмотра своих мировоззренческих основ Мире.

В моем понимании современного состояния и перспектив философии хозяйства позволю выделить для обсуждения три представляющих актуальными и сложными проблемы.

Первая — *дисциплинарное конституирование* философии хозяйства. Как философ, полагаю, что ее главная проблема состоит в том, что она так и не состоялась в качестве философского направления, как замыслил ее основоположник, полагавший, что искомая новая «философия хозяйства входит в общую философию... а не есть лишь незаконное детище политической экономии» [1, 31]. Тут возникают естественные вопросы. Почему сам С.Н. Булгаков быстро забросил свой замысел и ушел в богословие? Почему за век своего существования философия хозяйства так и не «застолбила» за собой статус направления философии мысли, подобного философии права, философии истории, философии жизни, философии религии, философии науки, философии культуры и др., которые прочно вошли в философский «пантеон» (сам Булгаков говорил и о «философии искусства» и зиммелевской «философии денег»)? Почему ее идеи были не востребованы в течение почти 80 лет, пока другой мыслитель — Ю.М. Осипов — не нашел потребным выйти на тот же путь, вновь воспроизведя идеи философии хозяйства, их расширив, модернизировав, чем и продолжил проблематику, заданную С.Н. Булгаковым?

Дело тут, полагаю, в некой амбивалентности самой концепции этой философии. Ее автор в речи на докторском диспуте говорил, что философия хозяйства «...относится по своему плану одновременно и к чистой философии и к семейству социально-экономических наук» [1, 320]. Очевидно, «благодаря» этому, философия хозяйства и «...не находит себе должного внимания ни среди философов, ни среди экономистов, между тем как имеет одинаковые права на внимание и тех и других» [1, 319].

Естественно, возникает сомнение — стоит ли вообще пытаться предметно формализовать философию хозяйства — тем более что она не столько теория, сколько мировоззрение («мироделание»)? В этом случае предполагается нелегкий выбор: все же как-нибудь «прописать-ся» по некому философскому ведомству, дабы втиснуться в упомянутый пантеон, или как-то «подружиться» с экономическим знанием, мировоззренчески обогатить его?

Но является ли случай «этим»? Нужен ли такой выбор? А если оба варианта «хуже»? Философы Булгакова особо не жалуется, не выделяют как основоположника нового философского направления, в истории русской философии он скромно проходит как один из мыслителей. В чем дело? Булгаков не интересен, малозначителен как философ? Почему на философских конгрессах, кроме упомянутого Ростовского, отсутствовали секции философии хозяйства? Эта проблематика так мало-значительна?

Философов можно понять: не говоря даже о неоднозначности содержания, стоит ли выделять философское направление на основе одной небольшой и незаконченной работы, которая, если и получила некоторый резонанс у современников, то, в основном, критический? Они (в частности, Н.Н. Алексеев, Н.А. Бердяев) упрекали С.Н. Булгакова за непонятную увлеченность западной, главным образом, немецкой философией (примечательно, что на «Экономическо-философские рукописи 1844 г.», где К. Маркс критиковал и политэкономия, и философию, он внимания почему-то не обратил), отмечали, что булгаковская «модернизация» православия западными философскими идеями неудачна из-за неразрешимого противоречия между его устоями и кантовской, главным образом, методологией. Анализ текста «Философии хозяйства» показывают, что у современных Булгакову критиков были основания для таких замечаний. Полагаю, он чувствовал это, и в «Свете невечернем» очевиден его уход от философии хозяйства. Из этого понятно, почему философы сторонятся его детища.

Экономисты тоже не хотят связываться с этим философско-«софиасофским» «Граалем», предпочитая заниматься конкретными экономическими проблемами. Думаю, их трудно осуждать за это, тем более после булгаковской критики экономической науки. (Тем не менее на международных экономических «биеннале», проводимых в Ростове-на-Дону с 2006 г. на базе экономического факультета ЮФУ и Высшей школы бизнеса А.Ю. Архипова, секции философии хозяйства, с постоянным участием Ю.М. Осипова всегда присутствуют).

Складывается впечатление, что и философы, и экономисты побаиваются философии хозяйства. Юрий Михайлович за двадцать пять лет

написал сотни страниц, где обстоятельно рассмотрел сложность ее взаимоотношений с философией и экономической теорией, вряд ли к этому можно добавить нечто оригинальное. Он, по сути, спасает философию хозяйства от проблемы неявного, но неустранимого имманентного выбора — к какому берегу, философскому или экономическому, влечет это течение, или оно должно «течь» само по себе, без этих берегов, идет дальше основоположника? Поняв некорректность названного «основного вопроса философии хозяйства», Ю.М. Осипов, как Одиссей, проводит ее между Сциллой (пусть это будет экономика) и Харибдой (философия), не решая его ни в чью пользу (правда, мудрый грек, при том, что обе «хуже», все же прошел ближе к менее губительной первой твари, нежели второй), трактует философию хозяйства как вольное, «беспредметное» размышление над метафизическими, и не только хозяйственными, проблемами бытия человека и общества. По мнению Осипова, философия хозяйства возможна как «течение мысли», постнаучное и метафизическое, но не как отрасль философии (а Булгаков, как уже отмечалось, хотел видеть в философии хозяйства новое направление именно философской мысли), и не как раздел экономической теории [2]. Он изящно уходит от предметной определенности философии хозяйства, тем самым сохраняя ее в виде некоего проблемного социально-гуманитарного поля. В этом смысле какая-то компромиссная связь с указанными «берегами» несет опасность для статуса философии хозяйства. Парадоксально? Да, но зато продуктивно!

Здесь можно вспомнить и слова С.Н. Булгакова, который в упомянутой докторской речи мудро заметил, «...что наряду с данной (своей. — В.К.) философией хозяйства может быть построена и совершенно иная» [1, 327]). Очевидно, в качестве такой «иной» может рассматриваться именно «осиповская», имеющая больший «размыслительный» потенциал.

Описанная ситуация рождает мой «диагноз» нынешней нашей философии хозяйства — *предметно-дисциплинарная бесхозность*. Почему этот диагноз, несмотря на вышесказанное, полагаю, имеет резоны и вызывает тревогу? Дело в том, что философия хозяйства разрабатывается исключительно преподавателями вузов, как правило, в «инициативном» порядке. Для ее развития этого недостаточно, все же нужна какая-то «вписанность» философии хозяйства в структуры научно-образовательного функционирования, не лишаящая ее самостоятельности, но делающая более комфортным и стабильным существование ее «разработчиков».

Может ли сделать это при отмеченной предметной неопределенности философии хозяйства соответствующая бюрократия? Она, есте-

ственно, более чем осторожна в ее «конституировании». Хорошо, что на экономическом факультете МГУ есть лаборатория философии хозяйства, но вот на факультете философском нет кафедры философии хозяйства, хотя есть кафедра философии политики и права. Где вообще есть кафедры философии хозяйства? Была попытка проф. И.Р. Бугаяна сделать такую в Ростовском государственном экономическом институте («народного хозяйства»), но дело это тихо свернулось, не успев толком развернуться. Возможно, где-то еще есть такие попытки, не знаю, но системы нет определенно.

Но если мы не хотим, чтобы наша философия хозяйства развивалась практически только в МГУ, оставалась организационно «бесхозной» и институционально «маргинальной», необходима ее «конституционализация» в системе социогуманитарного знания через наличие философии хозяйства в перечне научных специальностей, среди учебно-образовательных программ (хотя бы подготовки философов и экономистов) вузов, образование в них специальных кафедр, обязательное присутствие на научных конференциях, подготовку «грифованных» учебных пособий, выделение грантов и др. А перспективы здесь есть, в частности, в формуле специальности 08.00.01 — «Экономическая теория» постулируются «гуманизация экономического роста» (1.1), и «философские, этические и методологические предпосылки экономических теорий» (4.1), и «междисциплинарные взаимодействия в экономической науке» (4.3).

Попытки работы в этом направлении были, но конкретных результатов не дали, поэтому необходимо искать какое-то простое и убедительное для научно-образовательной бюрократии обоснование места философии хозяйства в структуре указанного знания, тем более что новая, (анти)кризисная, социально-экономическая ситуация дает шанс вновь попытаться сделать это. Иначе надо оставить надежды на получение преимуществ ее предметно-дисциплинарного конституирования: полагаю, поскольку в собственно философии перспектив у нее нет, своим «хозяйством» надо ориентироваться на экономическую теорию, например, поставить проблему возможности *философии хозяйственной экономики* как типа экономического бытия, *экономическо-философской теории*. Это позволило бы реализовать завет Булгакова: «Философское исследование общих предпосылок экономической деятельности и экономического мышления вообще составляет прямую задачу философии хозяйства» [1, 31].

Вторая проблема, тесно связанная с первой, — актуализация, *прагматизация* проблематики философии хозяйства, в частности, в теоретическом освоении новой, кризисно-антикризисной социально-

экономической реальности. Что может сделать философия хозяйства в этом деле? Конечно, легко сказать, что она призвана давать экономической теории (если, конечно, это ей интересно) лишь гуманитарно-мировоззренческую, метафизическую основу, но не экономические рекомендации. Конечно, как уже отмечалось, никакого прямого, непосредственного значения «булгаковская» философия хозяйства для экономической теории не имеет и иметь не может — это разные течения гуманитарного знания. А «осиповская»? Ее нельзя считать чисто абстрактным умствованием, она имеет и некое практическое значение, хотя бы своим мониторингом реальности, причем не только экономической, прогнозированием ее актуальных проблем (в частности, финансомика, общество и человек экономики Постпостмодерна, антикризис и др.).

Так или иначе, в условиях нынешнего сползания нашей экономики в новое качество идеи философии хозяйства представляются весьма актуальными, имеющими значение мировоззренческого обеспечения понимания новой реальности: если философия хозяйства для С.Н. Булгакова есть запрос на новое мировоззрение для экономистов, то в любом случае ее идеи в антикризисном контексте представляются весьма перспективными для экономической теории (о работе в этом направлении см., напр.: [3]).

Но тут возникают серьезные вопросы: даже если (чудесным образом) удастся родить искомую современную «софийно-хозяйственную» мысль, то кому она нужна, если власть нацелена на решение повседневных экономических проблем и не приемлет стратегических размышлений, экспертного анализа, предложений ведущих специалистов? Почему они не востребованы не только властью, но и экономической теорией? Полагаю, дело еще и в том, что мы занимаемся не экономикой, а *хозяйством*, говорим о стратегическом мировоззренческом переходе к нему от экономики. А в научно-образовательном, не говоря уже о практическом, плане существует только хорошо формализуемая, в отличие от загадочного «хозяйства», экономика с ее конкретными аспектами и проблемами. Конечно, постиндустриализм, постмодернизм создают предпосылки для этого «перехода», но нужна специальная теоретическая работа по «переводу» идеологии экономики в мировоззрение хозяйствования.

Естественно, тут возникает еще один острый вопрос — какая же может быть философия хозяйства, если «хозяйства» у нас нет? Оно было подорвано в конце XIX в. индустриализацией крестьянской России, развитием в ней экономики западного типа (на что и отреагировал С.Н. Булгаков). В советский период эта тенденция была продолжена

сталинской модернизацией, послевоенным стремлением «догнать и перегнать» Запад, прежде всего — в экономическом развитии. В конечном счете дело кончилось «разводом» экономики и человека, не довольного своим материальным положением.

Но некие «атавизмы» именно хозяйствования в СССР оставались и функционировали, в частности, просматривались в программе развития экономики как материально-технической базы нового, гуманного общества с соответствующими отношениями, воспитания всесторонне развитой личности: экономика не имела самодостаточного значения, замыкаясь, пусть и декларативно, на человека. Она была ближе к «хозяйству» своей коммунистической «софийностью» проектирования такого общества, госплановой разумностью, социальной ответственностью, нравственным значением труда в воспитании человека, стремлением одухотворить его материальные потребности в борьбе с культом вещного потребительства, системой социальных льгот, выходящих за сферу «чистой» экономики. И не случайно называлась она народным *хозяйством*. Но народ отверг эту «народнохозяйственную» экономику в пользу «частнохозяйственной», западной и, хотя та никак не получается, не жалеет об этом. А мы принципиально настаиваем на «хозяйстве». Сейчас оно стало если и не «антинародным», то упрямо устремленным к «экономике», понимаемой и реализуемой в парадигме экономика, в которой экономика «должна быть экономной» (этот советский лозунг наконец-то реализован... для большинства беднеющего населения). А мы говорим, что экономике следует быть если не «хозяйством», то «хозяйственной», мудро (софийно) направленной на человека, не просто удовлетворять его материальные потребности, но быть основой гуманизации всей общественной жизни, и т. п.

Поэтому применим ли термин «хозяйство», в частности, для формирования идеологии экономической политики страны — вопрос не терминологический. Западная экономика у нас не получается, это дает шанс думать о хозяйстве. Но этот «переход» к нему — проблема проблем даже теоретически! Насколько продуктивно нынешнее отрешение философии хозяйства от экономической теории? Какие могут быть связи с ней? Как соотносятся философия хозяйства и философия экономики, если таковая может быть предметом рассмотрения? Какие идеи философии хозяйства экономисты-теоретики должны (?) воспринимать, если вдруг (!) возникнет такое желание, для выработки *философии хозяйственной экономики* как мировоззренческой основы экономической политики?

Очевидно, необходимо в качестве ответов на поставленные кризисом вопросы давать философско-мировоззренческие рекомендации по

гуманизации экономической теории, как бы ни относилась она к философии хозяйства (например, по проблематике «человеческого капитала», «человеческого фактора», экономической культуры). Это позволит ей играть свою метафизическую роль в мировоззренческом обеспечении экономического становления России как «Иного».

Первый опыт такой работы уже есть. Возьмем, например, коллективную монографию «Ренессанс философии хозяйства» [4]. Ее актуальность вызвана не просто юбилеями С.Н. Булгакова и Ю.М. Осипова, а своей проблематикой, осмыслением предыдущего кризиса. В книге есть хорошие философско-хозяйственные подходы к актуальной тематике. Сейчас «горячим» опытом работы в этом направлении является постановка проблемы *Антикризиса* [5]. Важно конкретизировать эту работу, что дает хороший шанс философии хозяйства показать и свои «прагматические» возможности.

Третья, менее глобальная, но интересная для меня проблема, способствующая решению двух предыдущих, — *модернизация дисциплинарного пространства* философии хозяйства. Полагаю, в «осиповском социально-гуманитарном поле» давно пора «активировать» культурологию. Запрос на нее можно легко обнаружить у самого С.Н. Булгакова. Так, по сути дела, говоря культурологическим языком, философия хозяйства в его понимании занимается *материальной культурой* — сферой, воплощающей мир как объект трудовой деятельности, в которой взаимодействуют человек в природе и природа в человеке как субъекте этой деятельности по своему материальному жизнеобеспечению [1, 21].

Важно отметить, что для Булгакова «хозяйство есть творческая деятельность человека над природой», в которой человек «...творит культуру» [1, 145]. По сути дела, он реализует тот подход в понимании культуры, который потом назвали «деятельностным», и который развивает ростовская культурологическая школа. Мне особенно импонируют слова С.Н. Булгакова, «...что вся культура есть хозяйство» [1, 300]. Дело в том, что воззрение на культуру именно как на духовное творчество доминирует не только в обыденных представлениях. Поэтому дорого стоят слова признанного «духовника» о том, что «в хозяйстве творится культура, вся она имеет хозяйственную подоснову...» [1, 322]. Да и сам Осипов в своих работах, в частности, в цикле метафизических размышлений, дает блестящие очерки, сюжеты из истории культуры, рассматривает ее как контекст хозяйственных и экономических проблем. Да, в поле зрения междисциплинарной лаборатории философии хозяйства МГУ присутствует и культурология, но ее проблематика, судя по публикациям, нуждается в актуализации, ибо исследование культурного контекста экономической жизни представляется весьма перспективным

и необходимым. Свою роль в обработке культурологического участка социально-гуманитарного поля философии хозяйства, возможно, судя по названию, достойна иметь международная лаборатория культурного разнообразия и экономического развития экономического факультета МГУ, ибо исследование культурного контекста экономической жизни представляется весьма перспективным и необходимым. Кроме того, полагаю, философия хозяйства может быть основой мировоззренческой социокультурной метапарадигмы для идеологии «хозяйственно-экономической» теории [6].

Суммируя, можно сказать, что «осиповская» философия хозяйства является своего рода хорошим «провокатором» гуманизации экономического знания, обоснования метафизических проблем экономической теории, межпредметным «инкубатором» идей, полезных всем социально-гуманитарным наукам. Полагаю, в таком качестве *вольной мысли* она вполне состоялась и имеет несомненные заслуги. Но, не ограничивая предметно полет этой мысли, надо думать над ее выходом в новое качество философского исследования экономического знания, что позволит философии хозяйства поднять теоретический статус, получить организационную стабильность своего существования и развития.

Эти соображения надо воспринимать именно как *проблемы* («знания о незнании») для размышлений о судьбе философии хозяйства в нашу эпоху экономической «турбулентности» в миксте с «социальной консервацией».

Литература

1. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 2008.
2. Осипов Ю.М. Время философии хозяйства. М., 2003.
3. Канке В.А. Философия экономической науки. М., 2010.
4. Ренессанс философии хозяйства / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2011.
5. Осипов Ю.М. Российский антикризис как насущная реальность (семь значимых тезисов) // Философия хозяйства. 2014. № 6.
6. Королев В.К. Философия хозяйства как «метапарадигма» современной экономической теории // Философия хозяйства. 2012. № 2.

А.А. ГРИЦЕНКО

**Философия хозяйства и политическая экономия:
комплементарный дискурс**

Аннотация. Раскрыты закономерности возникновения и развития философии хозяйства и политической экономии, основные исторические этапы их взаимодействия и современные основания актуализации комплементарного дискурса.

Ключевые слова: философия хозяйства, политическая экономия, логико-историческая методология, комплементарный дискурс

Abstract. The regularities of the emergence and development of philosophy of economy and political economy are revealed as well as the main historical stages of their interaction and modern base for actualization of the complementary discourse.

Keywords: philosophy of economy, political economy, logical-historical methodology, complementary discourse.

Философия хозяйства и политическая экономия переживают ренессанс. Институциональными основами ренессанса философии хозяйства являются деятельность Центра общественных наук при МГУ имени В.М. Ломоносова, которому в этом году исполняется 25 лет, лаборатории философии хозяйства на экономическом факультете, издание журнала «Философия хозяйства», функционирование Академии философии хозяйства. Сформирован достаточно широкий круг исследователей, работающих на предметном поле философии хозяйства. Есть бесспорный лидер и глава этого направления — Юрий Михайлович Осипов. Ряд идей, рожденных в лоне философии хозяйства, получили общероссийское признание и звучание. Данное направление философской мысли усиливает свое влияние на общественную жизнь и власть. Философия хозяйства стала также учебной дисциплиной, известной не только в МГУ. Такой курс, например, читается в Харьковском национальном университете имени В.Н. Каразина на Украине. Закономерно, что возрождение философии хозяйства началось в Московском университете, где она первоначально сформировалась, благодаря деятельности С.Н. Булгакова.

Политическая экономия после почти двадцатилетних притеснений и даже гонений на территориях распавшегося СССР и пребывания за пределами мейнстрима на периферии экономической науки в западных странах стала возрождаться. Притом причудливо, нетрадиционно.

Появилось множество различных политэкономий: радикальная, сравнительная, международная, неортодоксальная, институциональная, феминистская, экологическая, структуралистская, конституционная, новая (с разными смыслами), политическая экономия развития, богатства, власти, будущего и т. д. [1, 332; 2, 19—32; 3, 38—57; 4, 218, 272—273; 5, 90—99].

Почему так происходит? Это обусловлено какими-то случайными обстоятельствами или это закономерный процесс? И как связаны между собой возрождение и актуализация политической экономии и ренессанс философии хозяйства? Ответы на эти вопросы можно найти, рассмотрев проблему в логико-историческом контексте. Философия хозяйства и политическая экономия находятся во взаимосвязи, которая исторически развивается, меняет свои формы, но служит постоянным источником взаимного обогащения.

Первоначально экономические (точнее даже не экономические, а хозяйственные) знания были вплетены в «язык реальной жизни», затем они находились в качестве составляющих элементов внутри философского и религиозного сознания и лишь на определенном, достаточно высоком уровне развития общества, превращаются в систему и обособляются в виде особой науки. Имя этой науки — политическая экономия, которой исполнилось уже 400 лет. Философия хозяйства как особый способ постижения реальности и размышления гораздо моложе. Ей чуть более 100 лет. Докторская диссертация С.Н. Булгакова «Философия хозяйства» была защищена в Московском университете в 2012 г.

Краткий и очень емкий очерк исторического пути философии хозяйства дан Ю.М. Осиповым: «Своими истоками философия хозяйства восходит к древним временам — еще дофилософическим. Была она немало затронута и древней философической эпохой. Не осталась без внимания ни в Средневековье, ни в Новое время, когда возникла и выросла одна из первых целостных версий философии хозяйства — политическая экономия. В течение XIX и XX вв. политическая экономия, все более онаучиваясь, технологизируясь и математизируясь, заметно ушла и от философско-хозяйственного размыслительного тока; и философии хозяйства, тогда еще *пра*-философии хозяйства, пришлось, отталкиваясь от сциентистски настроенной теоретической экономии, проторивать свой путь: сначала в германских умах вроде М. Вебера, Г. Шмоллера и того же В. Зомбарта, помышлявших о чем-то вроде философии хозяйства, а затем и в российском уме С.Н. Булгакова, ставшего в начале XX в. отцом-основателем уже самостоятельного и целостно сообразованного течения мысли» [6, 3].

Конечно, истоки философии хозяйства — это еще не философия хозяйства. Это просто знание о моментах хозяйственной жизни, вплетенное в саму эту жизнь и неотделимое от нее. Но это в такой же мере и истоки политической экономии как науки. Истоки можно увидеть и определить в качестве таковых только с позиций развитого предмета: только тогда, когда философия хозяйства стала особым, относительно обособленным от других, феноменом, можно увидеть ее истоки.

Была ли политическая экономия одной из первых целостных версий философии хозяйства? И да, и нет. Политическая экономия отрицала философию как общую систему знаний самим фактом обособления своего предмета. Философию, но не философию хозяйства. Наоборот, это было утверждение философии, но на особом, специфическом поле экономической жизни. Поэтому философия хозяйства в этом формировании политической экономии была содержательно тождественна ей, или, что то же самое, но выражено с отрицательной стороны, ее как особой формы мысли не было, или, что объединяет и то, и другое, политическая экономия была формой целостной версии философии хозяйства (формула Ю.М. Осипова). Как нечто особенное здесь философия хозяйства существовала только в самом обособлении политической экономии, в переходе, на границе, как исчезающий, но в то же время и постоянно появляющийся момент, который есть, но которого в то же время и нет, как во всяком процессе становления.

Философия хозяйства в своем самостоятельном определении появляется только из размышления над тем экономическим содержанием, которое развила политическая экономия. Без политической экономии и вне ее она не могла бы стать самостоятельной. Только неудовлетворенность политической экономией, ее отчужденностью от человека, критика политической экономии, ее отрицание и выход за ее пределы полагают философию хозяйства как самостоятельный способ познания реальности. В этой диалектике заключены единство и различие предметов политической экономии и философии хозяйства.

И политическая экономия, и философия хозяйства постигают человека в его отношениях к другим людям и окружающему миру. Но политическая экономия делает это в отчужденных формах, в формах предметного бытия человека в объективном мире, который, хотя и создан человеком, но становится независимым от него, более того, подчиняющим себе человека и господствующим над ним. Стоимость есть не что иное, как материальное бытие человека, его затрат труда в материальном предмете, овеществление труда, превращение его в самостоятельную социальную форму, подчиняющую своему движению всю систему. Стоимость — не предмет, а общественное отношение, реально

отличное от предмета, но в то же время неизменно пребывающее в нем, становится для себя самой целью, превращается в капитал, переворачивает субъектно-объектное отношение. И уже не человек есть субъект, а капитал. Он определяет цели человека как капиталиста, рабочего, образ их мыслей, жизненные устремления. Капитал с легкостью заменяет тех, кто плохо ему служит, отбирая посредством разорения, банкротств и т. д. наиболее соответствующих его собственной природе. Он и науку подчиняет себе, заставляя ее искать более эффективные способы достижения его капитальных целей. Процесс хозяйствования человека разлагается на фрагменты, теряет целостность и человечность, превращается в экономику, в которой человек не творец и создатель, а агент.

Этого не приемлет философия хозяйства. Она тоже изучает человека в его отношениях, но не в материально-предметных формах его бытия, а как субъекта, для которого предметные формы лишь инструменты, средства реализации своих собственных, человеческих целей. Политическая экономия подвергается критике на ее собственном экономическом поле. И формой этой критики становится философия хозяйства. Вместе с логикой политической экономии подвергается критике и научная (естественноисторическая) форма логики как таковая. Ибо оставаясь на позициях науки, нельзя не согласиться с логикой политэкономии. Только выйдя за ее пределы, но не отвергая, а диалектически отрицая, можно увидеть ее историческую ограниченность.

Это проявляется и в особенностях категориального строя (или его отсутствия) философии хозяйства, которая никогда не упускает субъектность, делает ее субстанциональной. Именно поэтому философия носит личностный характер. Политэкономии можно излагать как некую систему категорий, объективно отражающую действительность, независимо от того, кто принимал участие в создании этой системы научного знания. Философию хозяйства так излагать нельзя, ибо в самом содержании знания присутствуют субъект, личность философа, его видение предмета. Поэтому не может быть нормативного курса философии хозяйства, он всегда будет носить личностный, авторский характер.

Однако это не означает, что философия хозяйства не дает объективных знаний, а только отражает видение проблем автором. Она дает способы постижения мира, недоступные научному знанию. Воспитывает (точнее, пробуждает) способность впитывать в себя, непосредственно постигать определенные формы деятельности не посредством усвоения неких истин, а через совместно-разделенную деятельность двух философов, преподавателя и студента (выражаясь привычно), создающих в процессе своего общения адекватные миру способы мышления, находящиеся за пределами собственно научного знания.

Эту мысль можно пояснить на простом примере обучения ребенка речи. Это, как правило, не специальный процесс обучения, а совместно-разделенная деятельность родителей и ребенка в процессе обычной жизни. Но, например, пятилетний ребенок уже достаточно грамотно говорит, правильно строит предложения, спрягает, склоняет, изменяет соответствующим образом окончания, не имея представления, что это описывается сложной системой грамматических правил, постичь которые, возможно, ему до конца никогда и не удастся. Но, тем не менее, он достаточно уверенно и правильно осуществляет свою речевую деятельность, строящуюся по внутренним достаточно сложным законам. Эти законы ребенок постигает вместе со способами предметной и речевой деятельности, ее динамикой, алгоритмами и неотделимо от них на уровне подсознания, специально не думая о них и не осознавая их.

Если спросить, а знает ли ребенок правила построения речи? Обычный ответ будет отрицательным. А ребенок может даже не понять, о чем его спрашивают. Но если он не знает этих правил, то как же он ими пользуется? Ведь строит он свою речь по этим правилам. Этот пример демонстрирует то, что есть иные способы постижения мира, овладения его законами, отличные от обыденного и научного знания. Философия хозяйства имеет дело именно с такими способами постижения реальности.

Научное, логически доказуемое знание всегда опирается на некие аксиомы, которые не получаются логическим путем, а предшествуют ему в качестве оснований. Откуда они берутся? Они не получаются из обобщений эмпирических наблюдений или каких-либо логических операций. Они постигаются человеком непосредственно. Поэтому формальная и диалектическая логика должна быть дополнена постигающей логикой, которая, однако, уже и не логика, а ее отрицание. Это и есть метод философии хозяйства. Или, что является лишь иным выражением той же мысли, философия хозяйства не имеет своего собственного научного метода. Она постигает предмет непосредственно, но в процессе совместно-разделенной деятельности субъектов.

Раскрытие современных особенностей взаимосвязи философии хозяйства и политической экономии предполагает изучение предшествующей их истории. Политическая экономия как особая наука возникла только вместе с появлением объективных обстоятельств для этого. Эти обстоятельства заключались в том, что с формированием в Западной Европе, начиная с XVI в., рыночной системы организации хозяйства, капитализма, усложняются связи между видимым движением предметных форм богатства и скрытой сущностью происходящих эко-

номических процессов. Если в аграрной экономике отношения между людьми по поводу условий и результатов труда были представлены непосредственно как отношения субъектов, то в рыночной системе они приобретают предметные формы, выступают как отношения товаров, денег, капитала, внутренние законы движения которых не совпадают с их внешними видимыми формами. Это порождает массовую потребность в более глубоких экономических знаниях, которые бы помогали людям ориентироваться в сложном мире рыночных отношений и принимать эффективные решения. В этих условиях экономические знания обособляются от других знаний, приобретают систематический характер и превращаются в особую науку, которая получает название политической экономии.

Завершение процесса формирования капиталистического способа производства переносит акцент с познания сущности на воспроизводство функциональных связей. На смену политэкономии приходит экономикс, который не интересуется вопросом «что это такое?», а отвечает на вопрос «как это работает?». И пока экономика является в основном сбалансированной и сохраняет старую качественную определенность, такой подход является вполне успешным. Методологической основой функционального анализа является маржинализм, применяющий субъективистский подход к анализу экономических процессов и объясняющий стоимость предельной полезностью благ. Маржинализм формируется практически одновременно с трудовой теорией стоимости, но по мере развития объективного процесса усиления значения функциональных связей в уже сложившемся капиталистическом обществе он начинает играть определяющую роль, оттеснив трудовую теорию на периферию экономической науки.

В начале XX в. вместе с возникновением государства, поставившего задачу строительства социалистического общества, произошло разделение экономической науки по идеологическому принципу. В СССР методологическими основами понимания экономических процессов были теория стоимости и прибавочной стоимости К. Маркса, изложенная в «Капитале», и теория монополистического капитализма как загнивающего и паразитического, кануна социалистической революции, созданная В. Лениным. На Западе господствовала основанная на маржинальных подходах теория, изложенная А. Маршаллом в «Принципах экономической науки» и работах других выдающихся представителей этого направления. А после мирового кризиса 1929—1933 гг. и написания Кейнсом в 1936 г. «Общей теории занятости, процента и денег» лидерство переходит к кейнсианскому направлению, признающему необходимость государственного регулирования экономики.

В СССР некоторое время преобладали взгляды, согласно которым политическая экономия заканчивается вместе с капиталистическим обществом, но затем по мере осознания необходимости учитывать в процессе социалистического строительства объективные экономические закономерности, возникло понимание политэкономии как науки, не ограничивающейся изучением капиталистического способа производства. В 1930-е гг. появился термин «политическая экономия социализма». А первый официальный учебник, подготовленный в начале 1950-х гг., признавал наличие товарно-денежных отношений при социализме, формулировал основной экономический закон нового способа производства, давал систему экономических категорий социализма и признавал наличие политэкономии в широком смысле, изучающей все известные способы производства. В 1960-е гг. появился другой учебник — «Курс политической экономии» под редакцией Н. Цаголова, в котором излагался иной подход к построению системы категорий коммунистического способа производства. В нем первоначально излагалась система категорий, отражающих общие основы коммунистического способа производства, а затем изучалась специфика социализма как его первой фазы. Развернутые в этих учебниках подходы были основными в построении системы категорий, хотя различных предложений на уровне определения исходного отношения и общей схемы построения системы было несколько десятков.

В 1970-е гг., когда применение кейнсианских методов регулирования привело к существенному росту инфляции, происходит возвращение к неоклассической методологии с монетаризмом во главе и постепенное формирование на этой основе мейнстрима, ставшего не только господствующей методологией, но и идеологией международных экономических организаций. И только разразившийся в 2008 г. глобальный финансово-экономический кризис положил конец господству этой идеологии и широкому развертыванию поиска адекватных изменившейся действительности подходов.

Динамизм экономических процессов, существенные изменения закономерностей функционирования экономики не могут быть отражены в экономиксе (микро- и макроэкономикой), так как она не нацелена на раскрытие сущности экономических явлений и процессов, а лишь теоретически воспроизводит механизм функционирования. Мейнстрим оказывается неспособным дать ответы на новые вызовы. Поэтому начинается поиск альтернативных теорий и методов познания, позволяющих раскрыть скрывающиеся за внешними функциональными формами существенные изменения. Политическая экономия исторически сформировалась именно для решения такого рода задач и, в отличие от эконо-

микса, имеет методологический инструментарий для их решения. Именно с этим связана актуализация политической экономии на современном этапе. Применение политэкономического инструментария для решения как общих, так и частных задач, приводит к тому, что политэкономия дифференцируется на глобальную, призванную теоретически воспроизвести движение экономических систем на всех этапах исторического развития, и на локальную, сосредотачивающуюся на раскрытии сущности отдельных экономических явлений и процессов (политэкономия власти, богатства, развития и т. д.).

Философия хозяйства обособилась от политической экономии в начале XX в., так как именно тогда особенно остро проявилась нечеловеческая и античеловеческая сущность капитала, изучением которого преимущественно занималась политическая экономия. В этом контексте философия хозяйства несет огромный гуманистически потенциал, противостоящий идеологии накопления абстрактного богатства.

Таким образом, философия хозяйства как особый способ постижения реальности возникает на базе политической экономии как ее отрицание и возвращение к философии, но с учетом результатов пройденного политической экономией пути. Таковы логика предмета философии хозяйства и логика жизненного пути ее субъектов.

А. Смит, прежде чем создал свой основной экономический труд, занимался теорией нравственных чувств. К. Маркс, осуществляя свободный поиск определяющей сферы общественной жизни, исходил из гуманистических целей и создал «Экономическо-философские рукописи 1844 года», центральной категорией которых было отчуждение, подлежащее преодолению последующим исторически движением. То есть К. Маркс в рамках философских подходов выявляет экономическую сферу как определяющую, обнаруживает в ней отчуждение как главное основание капиталистического способа производства и ищет способы его преодоления.

Это означает, что, начиная с философии, он переходит к политической экономии, но с позиций необходимости восстановления целостности человеческой жизни. Таким образом, он проявляет себя как философ хозяйства, критикующий политическую экономию. К. Маркс рассматривал будущее общество как упразднение «...самоотчуждения человека — и в силу этого как подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку *общественному*, т. е. *человечному*» [7, 116]. Будущее состояние обще-

ства он рассматривал как не «как завершённый натурализм, = гуманизму, а как завершённый гуманизм, = натурализму» [7, 116].

Последующий переход К. Маркса к предметному исследованию капитала как отчужденной формы человеческого бытия (это исследование по своему содержанию является политико-экономическим) вовсе не отменяет его авторской позиции как критика капитализма и его теоретической системы, представленной политической экономией. «Капитал» — основной труд К. Маркса — имеет подзаголовок «Критика политической экономии». В рукописях К. Маркс, анализируя капиталистический способ производства и соответствующие ему формы богатства, постоянно противопоставляет им подлинно человеческое богатство. «На самом деле, — пишет он, — если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем же иным является богатство... как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествующего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления» [8, 476]. Под этим мог бы подписаться любой исследователь, стоящий на позициях философии хозяйства.

По этой же логике «философия — политическая экономия — философия хозяйства», но на следующем этапе, эволюционируют взгляды С.Н. Булгакова. Он начинал как политэконом. С 1890 г., когда С.Н. Булгаков поступил на юридический факультет, где специализировался по политической экономии, и до 1920 г., в котором он еще до высылки из России занимал должность профессора Таврического университета в Симферополе по кафедре политической экономии, его жизнь была связана с политической экономией [9, 55]. Но уже в 1912 г. он защищает диссертацию по политической экономии, которая имела название «Философия хозяйства» и знаменовала выход на новые мировоззренческие позиции.

Оценивая путь С.Н. Булгакова от политической экономии к философии хозяйства, В.Т. Рязанов пишет: «В подходе Булгакова к определению хозяйства и его природы уже содержится отличие от традиционных взглядов политэкономов. Обычная трактовка труда и хозяйства связана с их односторонним отождествлением с производством материальных благ (товаров) для удовлетворения потребностей людей. Этим ограничивается хозяйство объективной стороной и недооценивается

творческая природа самой трудовой деятельности субъектов. Особое внимание к субъектной стороне хозяйственной деятельности помещает в центр исследования антропологические характеристики экономики, связанные с целеполаганием, смыслом, ценностями, мотивами, этикой» [9, 57].

Такой же путь проделал и нынешний лидер философско-хозяйственного направления мысли Ю.М. Осипов. Он начинал как политэконом. Его кандидатская и докторская диссертации были защищены по политической экономии. Хотя и здесь уже чувствовалась тяга к «живой» экономике, к хозяйству, что выразилось в интересе к хозяйственному механизму, который ближе к человеку, к его влиянию на экономику, на ход хозяйственных процессов. Дальнейшие размышления над процессами хозяйствования и неудовлетворенность политико-экономическими подходами привели к переходу на позиции философии хозяйства [10, 263—267].

Современная философия хозяйства охватывает своим взором всю общественно-человеческую жизнь в ее хозяйственном преломлении, выражающем корень целостности всего многообразия форм жизнедеятельности человека. Это мир человека, пытающегося стать его духовным творцом, хозяином и пользователем. Достаточно посмотреть на выпуски журнала «Философия хозяйства», тематические сборники, темы семинаров, симпозиумов и конференций, чтобы увидеть широту, глубину и оригинальность видения современной реальности, нацеленность на человека, на то, что в нем научно непостижимо и требует «иновидения» (термин Ю.М. Осипова) [6, 7].

Но в этом дискурсе присутствует и политическая экономия. И не только как объект критики, но и как положительное движение, дающее философии хозяйства новый материал для осмысления и само испытывающее влияние философии хозяйства, позволяющее преодолевать узкий экономизм и выходить на мировоззренческие проблемы, смыкающиеся с проблематикой философии хозяйства. Без политической экономии философия хозяйства теряет почву, от которой она исторически и логически отталкивается, воспаряя ввысь и освещая земное с высоты духовного парения. Но и современная политическая экономия без актуальной сопряженности с философией хозяйства превращается в техноэкономическую науку, не способную давать ответы на вопросы человеческого бытия в системе хозяйствования.

Политическая экономия и философия хозяйства — комплементарные основания понимания современного мир-хозяйства, которое содержит в себе как экономику, так и человекотворческое начало, пытающееся овладеть экономикой. Это не поглощение и не зряшное

отрицание одного другим, а постоянный взаимообогащающий дискурс. Здесь соединяется и обособляется, дифференцируется и интегрируется, обогащается и взаимодополняется многое: Логос и София, научное и непостижимое, экономическое и духовно-культурное, эмпирико-фактологическое и мифологическое, и еще многое такое, без чего современный мир ни в реальности, ни в сознании, ни между ними, ни сверх них не существует.

«Философия — политическая экономия — философия хозяйства» — это не три этапа развития (хотя и они тоже), а три момента единого процесса постижения мира человека, поочередно актуализирующиеся и приобретающие определяющее значение на определенных ступенях развития общества, человеческого познания и вследствие личного озарения. Но сейчас актуализируется и приобретает фундаментальное значение уже сам процесс их взаимозависимости и взаимодействия. Актуальная комплементарность политической экономии и философии хозяйства становится необходимым условием их собственного развития как моментов постижения мира человека.

Особую роль в возникновении такой ситуации сыграл глобальный кризис, имеющий в своем базисе развитие информационно-сетевой экономики, ведущее одновременно к глобализации и фрагментации не только мирового хозяйства и общества, но и самого человека, его сознания. Человек раскладывается на фрагменты, интегрирующиеся в иную, постхозяйственную — в постчеловеческую и постгуманистическую целостность. Это вызов человечеству и человеческой личности со стороны формирующегося сетевого человека (*Netmana*) [11, 10]. Ответить на него сама политическая экономия не может. Ее собственная логико-историческая задача состоит в том, чтобы выяснить сущность новых экономических явлений и процессов, имеющих нетрадиционный и постгуманистический характер, а задача поиска путей подчинения этих процессов человеко-творческому началу находится на стороне философии хозяйства. И только в комплементарном взаимодействии можно попытаться решить эту двуединую задачу.

Литература

1. *Либман А.М.* Политико-экономические исследования: обзор и некоторые приложения // Теоретическая экономика. Труды семинара. Кн. 2 / Под ред. А. Рубинштейна. М., 2008.
2. *Олейник А.* Политэкономия власти: подходы к анализу отношений между государством и бизнесом в России // Вопросы экономики. 2011. № 5.

3. *О'Хара Ф.* Современные принципы неортодоксальной политической экономики // Вопросы экономики. 2009. № 12.
4. *Худокормов А.Г.* Основные тенденции в новейшей экономической теории Запада // Теоретическая экономика. Труды семинара. / Под ред. А. Рубинштейна. М., 2009.
5. *Чекмарев В.В.* Разные новые политические экономики // Философия хозяйства. 2009. № 5.
6. *Осипов Ю.М.* Вместо предисловия // Ренессанс философии хозяйства / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2011.
7. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42.
8. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857—1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II.
9. *Рязанов В.Т.* С.Н. Булгаков и современность: философско-хозяйственный метод в политической экономике // Ренессанс философии хозяйства / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2011.
10. *Осипов Ю.М.* Моя политэкономическая страда // Философия хозяйства. 2014. № 4.
11. Иерархия и сети в институциональной архитектонике экономических систем / Под ред. А.А. Гриценко. К., 2013.

С.В. СИНЯКОВ

Теория социального познания и философия хозяйства

Аннотация. Рассматриваются актуальные проблемы социального познания: его специфика, структура, соотношение субъективного и объективного, природа истины. Исследуются место и роль философии хозяйства как составной части социальной гносеологии в процессе изучения общества.

Ключевые слова: социальное познание, философия хозяйства, познавательная структура, специфика субъекта и объекта, социальная истина, понимание и объяснение, обыденное знание.

Abstract. The article is devoted to actual problems of social knowledge, its specifics, structure, ratio subjective and objective, truth nature. The author investigates the place and a role of philosophy of economy as a component of social gnoseology in the course of studying of society.

Keywords: social knowledge, philosophy of economy, informative structure, subject and object specifics, social truth, understanding and explanation, ordinary knowledge.

В связи с продолжающимся кризисом, серьезными социально-экономическими и жизненными изменениями в мире, произошедшими в последние десятилетия, изучение социальной гносеологии актуализируется, поскольку дает возможность более глубокого проникновения в природу кризисных явлений, сущность общественных феноменов. Мир и кризис в эпоху Постмодерна связаны неразрывно. «Описание нынешнего мира — описание его кризиса, — пишет Ю.М. Осипов, — а описание кризиса мира — описание самого мира. Мир — *кризис*, а *кризис* — мир» [1, 167]. Изучение социального мира имеет свою специфику: наличие сознательного, субъективного элемента в процессе человеческой деятельности, качественное совпадение субъекта и объекта познания, присутствие неустранимого ценностного момента в познавательном образе. Перечисленное создает дополнительные трудности для ученого и требует дальнейшего исследования методологической реальности в этой области знаний. Теория социального познания реализует важнейшие гносеологические и аксиологические идеи, связанные с жизнью и развитием общества, анализирует специфику субъективного и объективного, ценностного и познавательного аспектов, эмпирического и теоретического уровней исследования. Главной задачей теории социального познания является гносеологический анализ социального знания как специфической формы познания действительности, что органически включает в себя разработку проблемы истины и критерия истинности знания. Философия хозяйства является в гносеологическом аспекте составной частью общей теории социального познания. Она содержит в себе как все неповторимые свойства последней, так и собственные черты и особенности.

Целью статьи является постижение специфики социального познания, его структуры, места в нем философско-экономической проблематики — философии хозяйства. Гносеологический анализ социального познания основывается на признании фундаментальной роли субъекта и осуществляется под углом зрения взаимосвязи научно-познавательных и ценностных аспектов.

Социальное познание имеет свою специфику, которая заключается в следующем: во-первых, социум является самым сложным из объектов познания вообще. Поэтому раскрыть сущность социальных явлений, выявить закономерные связи между ними гораздо труднее,

чем это происходит при исследовании неорганической и органической природы; во-вторых, в социальном познании мы имеем дело с исследованием не только материальных, но и духовных процессов; в-третьих, в социальном познании общество выступает и как объект, и как субъект познания.

Люди творят свою историю, и они же и познают ее. Теория социального познания — это теория самопознания, и на ее разработку существенно влияет социальная позиция познающего субъекта. В общественных науках существует гораздо больший соблазн и имеются значительно большие возможности отойти от истины, чем, например, в естествознании. В задачи теории социального познания входит не только формулировка закономерностей процесса познания общественных явлений, но и выработка на их основе требований, принципов, ориентирующих познающего субъекта в процессе исследования. Поэтому социальная гносеология — это еще и учение о применении методов в исследовании, о способах и границах использования концептуальных средств познания — это теория рационального применения теоретико-познавательных средств, учение об условиях, при которых познавательная активность субъекта реализуется оптимально, с наибольшими результатами. Социальная наука в силу особенностей своего объекта, специфики его изучения дает богатейший материал для исследования субъективной стороны познания, взаимосвязи субъективного и объективного в социальном исследовании. Сложность соотношения субъективного и объективного в процессе социальной реконструкции значительно возрастает в силу специфичности объекта и форм его проявления в изучении прошлого. Соотношение субъективного и объективного здесь удваивается. Оно присуще не только формам, в которых субъект отражает свидетельства источников, но и данным документа, выступающего в противоречивой роли — с одной стороны, как определенного носителя информации, с другой — как промежуточного объекта исследования.

Социальное бытие, в отличие от природы, есть продукт жизнедеятельности людей, его развитие и функционирование связаны с феноменом сознания. Будучи специфическим объектом познания, общество, в отличие от природного объекта, представлено человечеством в качестве субъекта социального творчества и, одновременно, в качестве субъекта социального познания. Говоря о специфике социального познания, следует избегать крайностей. Одна из них представляет собой полный перенос естественнонаучного подхода на изучение общественных процессов и явлений (Т. Парсонс, Я. Морено, Д. Мертон). Другая крайность связана с точкой зрения, что наука об

обществе не способна познать и объяснить сущность исторического развития. Так, в работах Г. Риккерта, В. Дильтея и В. Виндельбанда акцентируется внимание на том, что истинными науками могут быть только науки, изучающие природные явления. Общественные науки, или «науки о духе», выступают как простые «регистраторы» фактов, поскольку все явления общественной жизни — неповторимы и индивидуально. Если в природе действуют слепые, стихийные природные силы, то в обществе — люди, наделенные сознанием и волей. Реальное многообразие повседневной деятельности людей, отсутствие абсолютной повторяемости в истории затрудняет нахождение закономерности, устойчивости в общественном развитии. «Мир человека — это не мир логики и права, а мир его абсурда, — пишет Ф.И. Гиренок. — В мире же абсурда требуется не ум, а воля к власти. Волю человека нельзя обуздать умом и направить ее к цели» [2, 182].

История — результат деятельности людей, обладающих сознанием, имеющих желания, занимающих ту или иную идеологическую позицию. Достижения человеческой цивилизации и культуры в сфере духовного и технико-экономического, материального развития напрямую связаны с целенаправленной, сознательной человеческой активностью. Изучая человека, его деятельность и культуру, трудно не заметить индивидуальность, уникальность и неповторимость исторической жизни различных человеческих общностей. Каждое социальное явление обладает своеобразными чертами. Оно ограничено определенными историческими рамками, характеризуется относительной устойчивостью, может быть индивидуальным и неповторимым феноменом. Вместе с тем любое социальное явление, так или иначе, входит в другое, более масштабное, вплоть до мировой цивилизации в целом. Отсюда вытекает методологическое требование: при исследовании любого социального объекта необходимо рассматривать его одновременно и как нечто отдельное, и как особенное другого, более широкого.

Положение о том, что общество, в отличие от природы, является не только объектом познания, но и его субъектом, имеет очень важное гносеологическое и методологическое значение. Оно позволяет рассматривать социальный объект как единство объективного, идеального и субъективного, выделить в нем собственно объективную и субъективную стороны. Фундаментальной проблемой теории социального познания является возможность познания объекта через его понимание. Без этого невозможно проникнуть в духовный мир человека, в такие феномены сферы духа, как воля, настроение, мнение,

чувства. Изучается это через тексты, письменные источники и другие носители информации, в которых объективирован дух человека.

Формы понимания обладают таким же инструментально-познавательным значением, каким наделяются в естествознании логические формы объяснения. Под объяснением в науке подразумевают подведение отдельных явлений, событий, фактов под общий закон. Но, чтобы объяснение не было формальным, механическим, необходимо понять значение объясняемых фактов в системе уже известных, объясненных. Поэтому не может быть правильного объяснения без понимания, и в этом смысле понимание становится таким же методом естественных наук, как и гуманитарных. Однако в познании человеческого бытия смысл понимания расширяется, поскольку объектом социальных исследований выступают люди, наделенные разумом, волей, чувствами. Для того чтобы правильно объяснить действия и поступки людей, образующие в совокупности какое-то социальное событие, необходимо изучить как объективные факторы, так метафизические и субъективные причины. А когда речь идет о событиях исторического прошлого, большое значение приобретают не только рациональное объяснение поступков, но и эмоциональное сопереживание событий, умение поставить себя на место исторического героя, возможно, воспитанного в другой культуре и разделяющего иную систему ценностей.

Процедуры понимания и объяснения не должны рассматриваться как альтернативы. Различаясь по своему объекту, по форме поведения субъекта, имея свою сферу действия, свои цели и задачи, обе процедуры являются моментами, сторонами единого познавательного процесса. Понимание, будучи универсальной формой духовного освоения мира, ни в коей мере не принижает роли объяснения. Между этими познавательными формами в социальном исследовании существует тесная взаимосвязь. Понимание может включать в себя процедуры объяснения, а объяснение всегда предполагает понимание. В процессе понимания и объяснения происходят усвоение знания, включение знания в определенную систему концептуальных средств и ценностных представлений. Но если при объяснении делается акцент на логические элементы знания, то для понимания важнейшим является ценностный, моральный, мировоззренческий аспекты. Так, люди разделяют логические определения и ценностные суждения, рациональное и сокровенное, свободу и справедливость. Ф.И. Гиренок пишет о различном отношении людей к истине и правде: «...истина на деле — это правда, а не право... Стоять насмерть можно за правду, а не за логическую истину»

[2, 179]. Нельзя не согласиться с этим. Поэтому если объяснение означает выведение из имеющихся истин, то понимание предполагает подведение под ценность. Следовательно, соотношение объяснения и понимания является стороной проблемы соотношения истины и ценности.

Другой важной особенностью социального познания является то, что описание и объяснение объекта исследования всегда или почти всегда переплетаются с личностным отношением к нему, с определенной оценкой, характер которой, в конечном счете, оказывается связанным с ценностно-мировоззренческой позицией познающего субъекта. Социальное знание изначально несет в себе ценностное отношение, так как социальное познание — познание социально значимых объектов человеческого бытия. Проблема ценности и познания как диалектика практического и теоретического разума, поставленная в свое время И. Кантом, решалась в различных теориях ценностей с точки зрения соотношения человека и общества, субъекта и объекта познания. Ценностное отношение, обусловленное условиями жизни, интересами, целями исследования, представляет единство субъективного и объективного и имеет относительно самостоятельный характер. Если в естественнонаучном познании мировоззренческому и идеологическому воздействию подвергается не само содержание научных теорий, а лишь полученные на их основе общетеоретические, философские выводы, то в общественных науках ценностно-мировоззренческая интерпретация затрагивает как результаты, так и каждую стадию научного исследования. Соответственно соотношению между познанием и оценкой в разных сферах проявляются по-разному. Для того чтобы определить ценность объекта социального познания, необходимо соотнести его с некоторым идеалом, образцом, нормой и установить степень соответствия этим эталонам. Идеалы, в свою очередь, формируются культурой, передаются сообществом ученых или отдельным субъектом при помощи культурно-исторической или научной традиции. В изучении прошлого оценка и познание занимают равное место, а ценностная установка не обязательно совпадает с истиной. Ценностью для людей могут быть и заблуждения. Достаточно вспомнить основанные на ложных идейных установках: религиозный фундаментализм, политический экстремизм, национализм и другие опасные социальные движения прошлого и настоящего.

Еще одной интересной особенностью социального познания является неустраняемая связь социального знания с обыденными формами знания. Познавательный момент присутствует во всех формах

общественного сознания, в содержании обыденного знания. В отличие от естественнонаучного познания, социальное познание не сводится только к научной форме. Ученые, приступающие к исследованию, уже обладают набором каких-либо знаний об обществе, его истории, культуре, политических и экономических отношениях. К обыденному знанию обычно относят всю совокупность несистематизированного, фрагментарного, частичного знания. Таким знанием могут быть: представления о правде, морали, истории, войне и мире, экономике, политике, идеологические установки, политические взгляды, убеждения, мировоззрение в целом. Эти знания часто малообоснованны, не выражены в ясной, логической форме и существуют в виде чувств, побуждений. Однако они оказывают серьезного воздействия на сознание человека, на его понимание настоящего, прошлого и будущего. В процессе социального исследования ученому трудно освободиться от уже имеющихся в силу жизненного опыта обыденных знаний. Существование социального знания в обыденной форме порождает иллюзию простоты этого знания в сравнении со знанием естественнонаучным, легкости достижения такого знания. В известном смысле носителем такого социального знания является каждый человек, но если дилетант воздерживается от суждений в области специальных естественных знаний (химии, физики, микробиологии и др.), то в сфере обществоведческих интересов он без труда дает оценки социальным явлениям, событиям, фактам, выносит суждения и имеет убеждения.

Изучение прошлого и современного социального бытия не может осуществляться лишь при помощи рациональных и логических средств исследования. Общественные события вызывают всевозможные эмоции и чувства исследователя, который не может быть к ним безучастен. Поэтому процесс познания социальных и культурных феноменов в немалой степени несет на себе отпечаток личностного отношения ученого к исследуемым фактам. Социальное познание всегда сталкивается с необходимостью исследования сложной, трудно уловимой внутренней связи объективных условий общественного бытия и субъективных целей и интересов людей, действующих в условиях той или иной эпохи. В социальных исследованиях цели, идеологические установки, мировоззренческие ориентации, переплетаясь с личностными моментами, формируют субъективную сторону познания. Основными чертами субъективного являются идеальность, односторонность, неполнота, относительность познавательного образа. Помимо этого, существует еще такой важный признак субъективности знания, как «привнесенность» в него некоторых элементов со-

знания. К субъективной стороне познания, наряду с собственно мыслительной деятельностью, следует отнести такие моменты, как интересы, наклонности, личностные устремления, симпатии и антипатии исследователя. Поэтому полученные социальные знания, будучи результатом исследовательской деятельности, несмотря на свое возможное объективное содержание или познавательное совпадение с объектом, являются также и субъективными в силу указанных причин.

В социальных исследованиях многое зависит от интеллекта, воспитания, образования и даже эмоциональности ученого. Субъективные моменты в познании приводят к отрицательным результатам, если субъект познания не овладел в достаточной мере теоретико-концептуальным аппаратом или его ценностно-мировоззренческие ориентации закрывают объективный анализ фактов. Творческая активность ученого в таком случае может порождать предпосылки для возникновения заблуждений, поскольку в процессе изучения социальных феноменов ему приходится сталкиваться с многочисленными трудностями, успешное преодоление которых невозможно без гибкости мышления, умения сознательно фиксировать и разрешать возникающие противоречия. Высокая методологическая культура исследователя является важным условием, обеспечивающим объективность и истинность познания. Субъективный фактор в исследовании является необходимым компонентом, и задача методолога науки заключается не в том, чтобы устранить его влияние, а в том, чтобы выяснить условия, при которых он может содействовать процессу достижения истины.

Задача выяснения предпосылок и условий, обеспечивающих реализацию субъективной стороны познания с положительным результатом, представляется очень важной проблемой теории социального познания. Если даже признать право на существование, полезность, эффективность и допустимость всех теоретико-методологических принципов исследования в зависимости от своеобразия объектов общественных наук, то возникает специфическая задача правильного использования всего этого инструментария. История социально-философских, социологических, экономических учений, исторических и политологических концепций дает немало образцов и достижений; но известно также, что на этом долгом и *непростом* пути имели место ошибки и просчеты, грубые искажения истины. Ученые нередко откликались на злобу дня, колебания политической конъюнктуры, выражали взгляды и пристрастия сильных мира сего, выполняли идеологический заказ или реализовывали корыстный груп-

повой интерес в науке. Имеется достаточно примеров нарушения логико-методологических принципов исследования, случаев подтасовок и прямых фальсификаций материалов. Даже оставив в стороне случаи профессиональной некомпетентности, личной беспринципности и безответственности отдельных исследователей, сохраняется возможность заблуждений в силу некорректного применения теоретико-познавательных средств исследования. Нередко источниками ошибок в исследовании являлись неправомерное расширение границ применения отдельных методов исследования в ущерб другим, неоправданное увлечение какими-либо методиками, подходами, приемами и одновременное игнорирование других. Увлечение историческими аналогиями отвлекало ученых от необходимого учета специфики и качественных различий отдельных эпох и регионов.

Особое место в анализе процесса социального познания и его результатов, а также ценностно-мировоззренческих оснований социального знания принадлежит философии хозяйства. Философия хозяйства является наиболее общей формой самопознания хозяйственной и культурной деятельности. В абстрактно-логической и теоретической форме философия хозяйства осуществляет рефлекссию над основаниями жизнедеятельности, разрабатывает фундаментальные мировоззренческие принципы хозяйственного бытия людей. Философия хозяйства анализирует и рационально осмысливает познавательное, ценностное, этическое и эстетическое основания взаимодействия субъекта с природой, хозяйством, обществом и другими людьми. Философия хозяйства всегда находилась в прямой зависимости от религиозных, идеологических и мировоззренческих предпосылок. Поэтому такие вечные философские проблемы, как проблема истины, смысла жизни, соотношения материального и духовного, знания и незнания, в философии хозяйства получали новые способы решения. Будучи особой формой общественного сознания и человеческого знания, философия хозяйства выработала свои специфические методы познания, не тождественные методам естественных наук, — умозрение, рефлекссию. Метод умозрения — это традиционный общеполитический метод, имеющий многочисленные заслуги. Благодаря этому приему, философия могла выполнять функцию «интеллектуальной разведки», опережая на столетия в своих гипотезах естественные и общественные науки. Критическая рефлексия — особый способ философского рассуждения, исследование предпосылок, оснований, исходных принципов, категориального аппарата и методов познания. Философия осуществляет теоретическую рефлекссию по отношению ко всем формам духовной жизни, знания и культуры.

Философия хозяйства играет незаменимую роль в исследовании мировоззренческих и духовных явлений, имеющих место в жизнедеятельности общества. Философия хозяйства на основе имеющегося опыта, наработанных навыков и сложившихся приемов может способствовать процессу рационализации сознания исследователей экономики, общества, человека, очищению его от всевозможных мифологических представлений, идеологических стереотипов, предрассудков, догматизма, старых и новых утопий. При всей важности участия философии хозяйства в решении конкретных вопросов сегодняшнего дня ее стратегическая социальная задача — побуждать у людей мысли и сомнения, подталкивать общество к самоанализу, развитию духовности, предупреждать человечество о грозящих ему опасностях. Основоположник современной философии хозяйства — Ю.М. Осипов — блестяще подтвердил достоинства метода критической рефлексии в процессе анализа хозяйства, экономики, финансов, а также современного кризиса. «Философия дает воззрение, начиная им сознание, задает координаты осознанного бытия, хотя и не занимается его непосредственным строительством и прямой реализацией, — пишет он. Даже такая вроде бы практическая философская отрасль знания и мысли, как философия хозяйства, выполняет более осознательно-направительную, чем собственно практическую функцию» [3, 12]. Анализируя глобальный кризис эпохи Постмодерна, описывая его внутреннюю природу и глубинные механизмы, Ю.М. Осипов пишет: «Глобальный постмодерн намертво сочетал мир с кризисом, а кризис — с миром. Это уже *мир миров*, то бишь не мир стран, культур, цивилизаций, континентов, а именно *мир миров* — и борьба внутри него есть *борьба миров* — не менее и не более. Да ладно бы борьба передового мира с остальным миром... борьба *анти-мира с еще миром*» [1, 167—168]. Разве можно что-то возразить против этого!

Все сказанное говорит о том, что познавательная активность мышления исследователя реализуется как противоречивый процесс по своей структуре, содержанию и роли. Поэтому достижение истины в социальном познании зависит от ряда условий, которые формируют рациональные границы для творческой активности мышления ученого. Процесс отбора, поиска, обобщения и истолкования социальных фактов у социальных философов и экономистов бывает настолько сложным, трудоемким и мучительно противоречивым, что здесь ценностно-мировоззренческие ориентации могут при определенных условиях породить соблазн принять желаемое за действительность; отдельный факт — за полное подтверждение гипотезы; удовлетворенность добытыми результатами — за объективную полноту рекон-

струкции событий. Вместе с тем для большинства публикаций философов, историков, экономистов, посвященных проблемам методологии познания, присуще внимание к анализу, прежде всего, результатов исследования, а не самого процесса познания, способа достижения данного результата. Такой подход является малопоучительным. Поэтому целесообразно указать на существование данного противоречия уже в самом методе познания.

Метод нельзя вывести только из объекта познания, но его нельзя найти только в активности субъекта познания. Он является продуктом диалектически противоречивого отношения субъекта и объекта в процессе познавательной деятельности. Отсюда ясно, что нельзя субъективность, заинтересованность, эмоциональность в процессе работы исследователя рассматривать как негативные факторы познания вообще, вне рассмотрения содержания субъективного фактора. Гегель еще в 1817 г. высмеял требование, согласно которому возможно чистое и беспристрастное написание истории без цели и интереса к предмету. «В особенности это требование предъявляют по обыкновению к истории философии, в которой не должны, как думают, проявляться никакие пристрастия в пользу того или иного представления или мнения, подобно тому, как судья не должен быть настроен в пользу одной из спорящих сторон. По отношению к судье предполагается, однако, в то же время, что свою служебную обязанность он исполнял бы нелепо и плохо, если бы он не имел интереса, и притом даже исключительно интереса к праву, если бы это право он не ставил себе целью, и притом единственной целью; и если бы стал воздерживаться от вынесения приговора. Это требование к судье можно назвать партийным отношением к праву, и эту партийность обыкновенно очень хорошо умеют отличать от партийности субъективной. Однако в беспартийности, требуемой от историка, упомянутое различие стирается в пошлой, самодовольной болтовне, и оба рода интереса отвергаются, когда желают, чтобы историк не привносил от себя никакой определенной цели и воззрения, сообразно которым он выделял бы, устанавливал и обсуждал события, но, чтобы он рассказывал о них как раз в той случайной форме, в какой он их находит, в их безотносительной и никакой мыслью не проникнутой партикулярной» [4, 367]. Из этой цитаты следует, что Гегель на первое место ставил проявляемый в исследовании интерес к истине, заинтересованность в достижении истинного знания и считал это идеалом познания. Настоящее исследование должно считаться с реальностью противоречия между объективной и субъективной сторонами процесса познания, внимательно учитывать все аспекты их взаимодействия, а не отсекал искусственно одну из

сторон реального противоречия и выдавать эту односторонность за подлинную мудрость методологии познания.

Дальнейшее изучение социальной гносеологии и методологических проблем общественных наук является жизненно важным, поскольку дает не только возможность более глубокого проникновения в сущность современных общественных явлений и процессов, но раскрывает и укрепляет необходимость связи данной области социальной философии со смежными областями теоретических и прикладных социальных исследований: философией хозяйства, экономической теорией, социальной статистикой, теоретической и прикладной социологией, демографией, исторической наукой.

Литература

1. *Осинов Ю.М.* Кризис мира и мир кризиса // Философия хозяйства. 2014. № 5.
2. *Гиренок Ф.И.* Антропология власти // Философия хозяйства. 2014. № 5.
3. *Осинов Ю.М.* Философия на миру: абстракции и практики // Философия хозяйства. 2014. № 3.
4. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 3. М., 1977.

А.И. СУБЕТТО, В.В. ЧЕКМАРЕВ

Философы ли мы? Хозяйства ли?*

Аннотация. Диалог двух ученых, их размышления о науке «философия хозяйства», модернизме и постмодернизме, истории экономики и хозяйства.

Ключевые слова: философия хозяйства, философия экономики, Модерн, Постмодерн.

*Наука давно стала полицентричной. Монологи все чаще уступают место диалогам. Конференции и симпозиумы все чаще становятся местом для кукареканья. Однако ЦОН является исключением из этого почти правила. В рупоре ЦОН — журнале «Философия хозяйства» — не раз уже публиковались статьи в виде диалогов ученых. Вот и в данной статье представлены размышления о философии хозяйства двух академиков АФХ А.И. Субетто и В.В. Чекмарева как размышления в русле личного творческого пути в единении с ЦОН.

Abstract. The article presents a dialogue of two scientists, their reflections about a science «philosophy of economy», modernism and post-modernism, history of economy and economy.

Keywords: philosophy of economy, philosophy of economics, Modern, Postmodern.

В. Ч.: Когда в июне 2014 г. ЦОН провел симпозиум на тему «Философско-хозяйственная трактовка экономики», то его основным рефреном в постановке Ю.М. Осипова звучала идея о том, что философия хозяйства склонна не отождествлять «хозяйство» и «экономику», видя в последней лишь особенное по мотивам и организации хозяйство. Отсюда хозяйство не всегда экономика, хотя экономика, разумеется, всегда хозяйство.

Философия хозяйства дает свою интерпретацию экономики, видя в ней лишь один, пусть и универсальный, способ хозяйства, основанный на приоритетном использовании фундаментального метафизического феномена — феномена стоимости. Экономика — стоимостное хозяйство. Где стоимость, там и экономика, где экономика, там и стоимость. Стоимость — самое экономическое в экономике, это ядро экономики, ее «грааль». Экономика — это стоимость, ее движение, ее реализация, а стоимость в движении и реализации — экономика. В итоге — иное понимание сути экономики, ее функциональной и исторической роли, места и значения в хозяйстве и в бытии человека.

Согласны ли Вы, Александр Иванович, с таким подходом к философии хозяйства?

А. С.: Хозяйство и экономика мною никогда не отождествлялись. Отсюда и рассматривать экономику как стоимостное хозяйство мне затруднительно. Экономика (теоретическая экономика) явление очень многообразное. Например, экономика развития, экономика недоверия, экономика дефицита, экономика солидарности, виртуальная экономика и т. п. О философии какой экономики будет идти речь? Видимо, вначале следует определить проблемные области философии экономики. На мой взгляд, философия экономики включает в себя несколько десятков разделов, которые можно объединить в большие отделы. Так, мне известны такие разделы, как:

- методологические проблемы философии экономики (экономическая методология) — сюда относятся: проблема предмета экономической науки, а также проблемы принципов, законов, категорий (и т. п.) экономической науки; к этому разделу также следует отнести методологический анализ философией экономики собственной истории (история философии экономики);

- философия рынка — включает в себя пять основных направлений: философию собственности, философию труда, философию денег, философию товара и потребительского выбора (название несколько условное: очевидно, например, что собственность и труд существовали до всякого рынка и до появления рыночной экономики);

- философские проблемы экономического сознания — сюда относятся: проблемы экономической идеологии, философия экономической политики, а также то, что часто обозначается *расплывчатым* и *неопределенным* термином «экономическая философия» — философская рефлексия относительно практических проблем хозяйства;

- экономическая аксиология — включает в себя философско-экономический анализ проблемы справедливости, философию экономической свободы, а также в целом исследование проблемы ценностей в экономической науке и экономическом поведении;

- экономическая этика и антропология — здесь философией экономики исследуются проблемы хозяйственной этики, а также философские проблемы экономической антропологии.

В. Ч.: С Вами и авторами названных разделов можно согласиться, но с достаточной долей условности. Ведь, например, экономическая этика, этика бизнеса, может быть рассмотрена в контексте философии эстетизма. А как известно, предшественниками эстетизма явились прерафаэлиты, которые также выступали против закостенелости искусства и звали к морали общества, обличая в своих работах упадок нравов. В этике бизнеса мы видим звание к морали в более усугубленной форме. Очевидно, влияние прерафаэлитов на этическое поведение современников не было настолько сильным, как хотелось и предполагалось, что красота их работ затмит социальный аспект, и потребуются движение более радикальное.

Прерафаэлиты начали с поиска новых визуальных образов, обращаясь к искусству более раннего времени. Уайльд — человек чрезвычайно образованный, эрудит, выпускник классического отделения Оксфорда, еще с юных лет впитавший в себя принципы высокого искусства, которые ему захотелось поломать. При этом он утверждал, что «искусство — единственная серьезная вещь в мире...». Движение в сторону нового принимало иногда радикальные формы. И все тот же Уайльд говорил, что в искусстве каждое следующее поколение убивает своих отцов. Но эти перемены для него имеют самоценность, потому что искусство, таким образом, развивается не от жизни, а от самого

движения в искусстве. По мнению Уайльда, искусство должно влиять на природу, а не природа — на искусство. Искусство должно влиять на жизнь.

Может быть, и в философии хозяйства происходит подобный метаморфоз?

А. С.: Может быть... Но для того, чтобы разобраться и дать какой-либо не умозрительный ответ, я бы, возвращаясь к предмету философии хозяйства, начал с выявления и различия функций философии хозяйства и философии экономики. Функции философии хозяйства детально рассмотрены Юрием Михайловичем Осиповым, и нет смысла их перечислять в нашем диалоге. Функция философии экономики все же стоит напомнить. Но вначале определим, что же это такое — функции философии экономики.

Функции *философии экономики* — те задачи, которые философия экономики выполняет в исследовании хозяйственных процессов, и философские основания экономической науки (как, в чем конкретно философия экономики способствует развитию экономической науки).

Теперь назову основные из них.

- *Мировоззренческая функция.* Заключается в том, что философия экономики оказывает существенное влияние на формирование мировоззрения как профессиональных экономистов, так и всех хозяйствующих субъектов. Философия экономики здесь закладывает *общий базис знаний для целостного видения экономических явлений и процессов, их схватывания в масштабной перспективе.*

- *Методологическая функция.* Заключается в том, что философия экономики играет роль всеобщей методологии для экономической науки, заимствуя для этого принципы, разработанные философией в целом. Далее эти принципы проходят апробацию во всей методологии социальных и гуманитарных наук, а затем непосредственно в экономической методологии, которая, в свою очередь, внедряет их в саму экономическую науку.

- *Критическая (скептическая) функция.* Представляет собой направленность философско-экономического знания на постоянный скепсис в отношении истин, вырабатываемых экономической наукой. Если экономическая наука в большинстве случаев склонна считать эти истины *абсолютными*, то философия экономики рассматривает их большей частью как *относительные истины*, которые со временем могут быть изменены. Если экономическая наука, как и всякая «зрелая наука» (по Т. Куну), в некотором роде всегда *догматична*, то философия экономики считает, что все принципы и законы экономики должны на любом этапе ее развития подвергаться критике и критическому разбору,

при условии, что это есть *рациональная критика и рациональный разбор*.

- *Культурогенетическая функция*. Заключается в формировании философией экономики теоретических и методологических оснований для конструирования культурных ценностей и образцов для хозяйственного поведения. Другими словами, философия экономики принимает участие в формировании и конструировании образцов и норм экономического поведения, выставляющих себя в качестве *нормативно-духовных ценностей и идеалов* данного конкретного общества, т. е. того, что называется *экономической культурой (или хозяйственной культурой)*. Очевидно также, что эти ценности и идеалы должны быть высокими, т. е. содержать в себе элемент духовности — как духовного опыта человечества с ярко выраженным в нем противостоянием добра и зла, высоких и низких ценностей, иначе сама по себе культурогенетическая функция философии экономики может быть истолкована превратно.

- *Прогностическая функция*. Состоит в том, что философия экономики пытается *прогнозировать*, т. е. экстраполировать хозяйственное знание о прошлом и настоящем на будущие события экономической жизни. При этом она не предсказывает будущее «вслепую», а стремится сделать прогноз *научным* и разработать философско-методологическую базу как для частных, так и для глобальных экономических прогнозов: в этом аспекте прогностическая функция философии экономики сливается с ее методологической функцией.

- *Интегративная функция*. Заключается в том, что философия экономики играет роль медиатора (посредника) между экономикой и другими социально-гуманитарными и естественными дисциплинами, стимулирует экономическую науку к междисциплинарному взаимодействию и междисциплинарному синтезу, помогает осмыслить результаты, получаемые экономической наукой как *полидисциплинарные*, т. е. как имеющие значение не только для экономистов, но для ученых — представителей других дисциплин.

В. Ч.: Выделение функций философии хозяйства и философии экономики хотя и дают онтологический базис к пониманию различий между хозяйством и экономикой, но мне все же представляется недостаточным их идентификация для современного понимания различий. И в ЦОНе эта проблема уже обозначалась в дискуссии о модерне и постмодерне. Коротко напомню ее суть.

Общество Модерна берет начало примерно 500 лет назад, тогда эпоха Ренессанса принесла в европейский мир новую ментальность,

способствовала распространению рациональности и изменила религиозную этику. Теология и метафизика, в терминах О. Конта, уступали место позитивному. Экономика из простого средства к жизни становится самой жизнью общества, происходит гениальное преобразование — простое хозяйствование, обычная функция жизнедеятельности, становится отдельным занятием, которое круто переворачивает как жизнь отдельных людей, так и классов и общества в целом. Происходит отделение аристотелевской хрематистики от экономии. Первая окончательно подчиняет себе вторую, присваивая себе даже ее имя. Постепенно этические отношения людей в экономической сфере, ранее обладавшие безусловным приоритетом, были построены по схеме «свой — чужой», когда своим всегда отдавалось предпочтение и свои всегда были гарантированы от обмана или несправедливости. Теперь же этика попала в подчинение экономике. Например, если раньше, согласно христианским канонам, процент был совсем запрещен (потому-то ростовщиками в Средние века становились нехристиане), то теперь процент был не только разрешен, но даже, по выражению К. Маркса, стал этическим критерием оценки человека — вряд ли человек, не отдавший взятые в долг деньги, будет считаться порядочным.

Черты кризиса общества Модерна проявились прежде всего не в соотношении экономики и общества, а в сфере культуры. Конец XIX — начало XX в. — вот яркий период, когда основные принципы модерна в культуре стали подвергаться сомнению, и вскоре кризис стал явным. Термины «постмодерн» и «постмодернизм» изначально возникли в теории изобразительного искусства и архитектуры. В архитектуре постмодернизм означает стиль, отличающийся от стандартной функциональной архитектуры времени модернизма.

На рубеже 1960—1970 гг. в экономическом бытии общества проявились те знаменитые черты, которые создали поле для нового дискурса. Именно в рамках этого дискурса было описано то качественно новое общественное состояние, о наступлении которого одними из первых заявили Д. Белл и О. Тоффлер. При всей пестроте названий и оценок в деталях, все эти концепции выделяют общие сдвиги, которые происходят в обществе Постмодерна.

Первое изменение состоит в том, что экономика утрачивает свой статус доминирующей подсистемы общества, задающей условия и правила функционирования всем другим подсистемам. Более того, выделяются две других, столь же значительных и самостоятельных в новом обществе, подсистемы — телекоммуникационная и система образования (О. Тоффлер).

Система образования становится «почти доминирующей» подсистемой общества. Она определяет сферу труда и экономики, является стратегическим ресурсом функционирования государственных и политических структур, становится доминирующим фактором группообразования, статусной принадлежности, фундаментальной основой социализации.

На этой основе происходят существенные изменения и в системе социальной дифференциации общества. Собственность уже не является основным критерием, а класс — основным элементом социальной стратификации. Социальная структура становится более фрагментальной и сложной, характеризуется наличием множества оснований дифференциации. Классовая структура заменяется статусной иерархией, которая формируется уже не на основе профессии, а на основе образования, уровня культуры и ценностных ориентаций. Именно культурная идентичность становится основой системы социальной иерархии и группообразования. Ось социального конфликта пролегает теперь не по линии обладания или необладания собственностью, а по линии обладания — необладания образованием и контролем над информацией.

В экономике нарушается основной принцип стоимостной оценки — принцип эквивалентности затрат и результатов. Теперь меньшие затраты ведут к большим результатам (особенно ярко это проявляется в сфере применения новых изобретений и технологии: один раз совершенное научное открытие не требует далее повторения самого процесса совершения открытия, можно просто купить патент и пользоваться изобретением). Сама экономика по своей внутренней структуре вряд ли может называться теперь индустриальной — все большее количество занятых отвлекается в сферу обслуживания или в ту область, которая теперь называется «cultural economy», т. е. образование, науку, рекламу, туризм и проч.

В эпоху Постмодерна коренным образом меняется соотношение производства и потребления: общество из производительного опять возвращается в состояние потребительного. Важно то, что основные потребности населения — в питании, жилье, медицинском обслуживании, труде, так или иначе удовлетворяются, и более важное значение приобретают другие потребности, бывшие ранее вторичными, кстати, и сами эти потребности теперь могут регулироваться обществом с помощью рекламы и других средств воздействия на массовое сознание. Производительное общество требовало расширенного воспроизводства и высоких темпов развития, высокого уровня инвестиций. В обществе Постмодерна темпы экономического роста

становятся более умеренными, все большая часть прибыли не реинвестируется, а уходит в заработную плату и в налоги, с помощью которых содержится «welfare state» — государство, где развита социальная помощь и социальная защита. В производительном обществе труд, затраты труда, стоимость, прибавочная стоимость, прибыль являются основными категориями, в потребительном обществе затраченный труд и стоимость уступают место потребительной стоимости и потребительно-стоимостным механизмам. Например, доля затрат собственно на производство и продажу нового товара гораздо меньше, чем доля затрат на рекламу этого товара, научно-технологическую подготовку его производства, продвижение торговой марки — и, кстати, основным объектом распространения является уже не сам товар, а торговая марка.

Второе изменение, фиксируемое постмодернистским дискурсом, — это «необщественность» нового общества — его фрагментарность, локализация и плюралистичность. Все социологические теории, описывающие общества Постмодерна, отмечают не только утрату экономикой былой роли доминирующей и системообразующей структуры, но и растущий разрыв экономической и политической сферы, религиозной сферы и сферы приватной жизни. У теоретиков постмодернизма это явление получило название «нового трайбализма».

А. С.: Модернизм, постмодернизм, гносеология постмодернизма — темы, конечно, интересные. Но представляется, что «борьба» с постмодерном в экономической теории также невозможна, как борьба с собственным отражением в зеркале или с той экологической нишей, в которой проживаешь. Вместо того чтобы закрашивать синяки и морщины своего зеркального двойника, лучше заняться собственной физиономией. Борьба с постмодерном — это построение иной экономической реальности на основе воплощения программных положений авторитетной экономической доктрины. Последняя создается на основе доминирования вскрытой и отточенной системы этических принципов хозяйствования. Например, если среди разнообразия предлагаемых ныне антикризисных программ находится и воплощается та, которая вмещает в себя наиболее безупречную систему взглядов этического характера, то по мере утверждения успехов данной программы сама социальная реальность изменяется настолько, что выбивает все онтологические и гносеологические аргументы из-под ног эстетствующих постмодернистов. Теория очищается от ценностей релятивизма, вновь утверждаются долговременные императивы экономических законов, сама наука возвращает себе потерянный

общественный престиж. Самое важное — поиск этической конструкции, противоположной мировоззрению постмодерна. Здесь экономическая теория бессильна без этически ориентированной практики, и это обстоятельство возвращает нас к необходимости осмысления проблем философии хозяйства в контексте философии экономики, и наоборот. Иначе наука вырождается в скороспелое конструирование реальности, не имеющее этического смысла.

В.А. УШАНКОВ

**«Хозяйство» и «экономика»: общее и особенное,
или два смысла**

Аннотация. В статье предпринимается попытка всесторонне рассмотреть содержание и смысл таких понятий, как «хозяйство» и «экономика», и на этом основании дать объяснение возможных вариантов их соотношения.

Ключевые слова: хозяйство, экономика, рациональность, нормативность.

Abstract. This article attempts to give full consideration to the content and meaning of such concepts as «economy», «economy» and on this basis to explain the options their relationship.

Key words: agriculture, economy, rationality, normative.

Важнейшим итогом размыслительного процесса, интенсивно осуществляемого в рамках школы философии хозяйства, следует отнести развитие идеи о хозяйстве как о многосложном явлении современности. Хозяйство — это не ретрообозначение экономики, а понятие, способное адекватно раскрыть глубочайшие процессы современного развития обществ. Философско-хозяйственный взгляд на современное хозяйство позволяет преодолеть упрощенное плоско-линейное представление о нем и сложить в итоге более объемную картину современного экономического развития

Экономическая лингвистика

Хозяйство как дом. В современном русском языке для обозначения обширной сферы человеческой деятельности, обеспечивающей всем необходимым жизнь человека, используют два термина: «хозяй-

ство» и «экономика». На первый взгляд, это почти одно и то же. На самом деле, для общего употребления этих, казалось бы, разных в произношении слов, есть убедительные основания. Оба слова этимологически берут начало от слова «дом». «Экономика» — от «ойкос» (греч.) и «хозяйство» — от «хаус» (от готского корня «hus»)²⁶. Отсюда — «хаузйство», или современное «хозяйство».

Общее понятие «дом», обнаруживаемое в словах «хозяйство» и «экономика», не случайно. Здесь скрывается их общая природа. Оно служит для обозначения сути особой сферы жизнедеятельности человека, которую называют хозяйством или экономикой. Дом — явление жизни, место совместной жизни некой общности людей (не обязательно связанных между собой родственными связями). Дом — сфера обеспечения жизни (укрытие, защита), выживания, со всеми принадлежностями и атрибутами.

Домохозяйство — ведение домашнего хозяйства определенным порядком (домоводство, домострой) — органически объединяет в себе набор различных функций: организационной, управленческой, производственной, финансовой, властной и т. д., в совокупности обеспечивающих жизнь, выживание и благосостояние некой общности людей («жить, поживать и добра наживать»).

В широком смысле дом как жизнеутверждающее явление охватывает собой любую общность людей, ведущих совместное хозяйство. Государство, страна — это тоже дом, только большой («Россия — наш общий дом»), Родина. Показательно — с сербского языка слово «домовина» переводится на русский как «родина».

Неслучайно до появления современной экономики слова «хозяйство», «ойкономика», «домострой», «домоводство» имели одно значение и употреблялись как синонимы²⁷. Ими обозначалась особая сфера жизни людей, отличная от других таких же больших сфер жизнедеятельности (религии, культуры, политики).

«Хозяйство» и «экономика». Итак, казалось бы, единая природа слов «хозяйство» и «экономика» — от дома, должна была бы означать их полную синонимичность. Однако живой русский язык улавливает здесь принципиальную разницу.

Одним из вариантов, объясняющих различие в их словоупотреблении, служит версия о том, что за словом «хозяйство» закрепилось

²⁶ В германском языке «хаус» — дом, близкое к нему — восточнославянское «хижа» («hiža») — хижина (хата, халупа).

²⁷ Понятия «домострой», «ойкономия», «экономия», «домоводство» употребляются как синонимы (см.: [1]).

обозначение архаичного, патриархального хозяйства. А за термином «экономика» скрывается достаточно строгое обозначение особой сферы жизнедеятельности, в которой действуют особые, экономические законы. В науке вместо неопределенного понятия «хозяйство», «хозяйственный» принято употреблять содержательные «научные» понятия — «экономика», «экономический» и т. п. В современном языке экономического мейнстрима «хозяйство» практически не используется, во всяком случае, как строгое научное понятие.

Вместе с тем современный язык, наряду с «экономикой», упорно сохраняет это бессодержательное слово «хозяйство». Более того, в некоторых случаях язык прямо указывает на необходимость вместо «экономики» употреблять «хозяйство». Например, «экономика древнего государства Урарту» — не звучит, а «хозяйство древнего государства Урарту» — вполне приемлемо. То же самое: «натуральная экономика» — не звучит, а «натуральное хозяйство» — благозвучно.

Причина такого терминологического дуализма, сложившегося в современном экономическом языке, состоит в том, что за этими родственными по происхождению словами скрываются принципиальные смысловые различия. Свидетельством того, что живой язык на самом деле улавливает принципиальные смысловые различия в словоупотреблении, служит фраза: «экономика народного хозяйства».

О недостатках терминологии. Так сложилось в современном русском языке, что термин «экономика» имеет два совершенно разных значения. Во-первых, им обозначают реальный хозяйственный процесс, или функционирующее образование (национальное хозяйство, экономика предприятия, отрасли, семьи). Для обозначения экономики как феномена в английском языке используется слово — *economy* (*political economy*). Во-вторых, слово «экономика» в отечественной литературе служит для обозначения учебной дисциплины. В английском языке употребляют слово *economics*. Следует заметить, что понимать под словом «экономика» (*economics*) современную экономическую науку ошибочно. Нет такой науки. На самом деле, *economics* это не наука, а учебная дисциплина, объединившая в себе две научные теории — неоклассику (микроэкономику) и кейнсианство (макроэкономику).

В сравнении со словом «экономика» термин «хозяйство» еще более не определен. В различных областях системного знания это слово наполняется весьма различным содержанием. И тем не менее внимательный взгляд на употребление этого слова в литературе дает возможность обозначить два принципиальных взгляда на него.

В одном случае речь идет о широком, почти философском, понимании хозяйства как явления, обозначающего собой некий жизнеутвер-

ждающий процесс социальной формы существования человека. В другом — хозяйство предстает как особая, элементарная сфера жизнедеятельности человека, существующая наряду с другими такими же элементарными, т. е. не сводимыми друг к другу, сферами, в которых решаются свои специфические задачи.

Сложность выделения названных значений слова «хозяйство» связана с тем, что в современном языке не сложилось специального термина, призванного обозначить различие между двумя принципиальными восприятиями хозяйства. Это может быть как восприятие хозяйства в различных его смыслах, уровнях или значениях (узком и широком, первого и второго родов). Об этой проблеме писали многие отечественные авторы (С.Н. Булгаков, М.И. Туган-Барановский, А.Д. Билимович и др.). У зарубежных авторов наиболее серьезно тему хозяйства развивает известный историк экономической мысли американский экономист Карл Полаanyi. Проблему отсутствия специального термина, позволившего бы обозначить различия в восприятии хозяйства, Полаanyi решает, вводя различия между содержательным и формальным значениями «экономического».

Хозяйство и содержательные уровни его восприятия

Хозяйство — жизнеобеспечивающая форма социальной жизни. Жить, выживать — значит прилагать к этому усилия, т. е. хозяйствовать. С самого начала человеческой истории законы жизни и выживания составляют важнейшую сферу человеческой жизнедеятельности, которая в самом широком смысле называется хозяйством. Хозяйство в этом значении представляет собой общественную сферу жизнедеятельности, в которой человек в борьбе с силами природы обеспечивает себе жизнь и выживание. «Борьба за жизнь с враждебными силами природы и в целях защиты, утверждения и расширения, в стремлении ими овладеть, приручить их сделаться их хозяином и есть то, что в самом широком и предварительном смысле слова может быть названо хозяйством». Человеческое хозяйство есть элементарное обстоятельство существования человека и общества и в этом смысле, оно есть «частный случай биологической борьбы за существование» [2, 38—39].

Между хозяйством, как проявлением борьбы человека за свое существование и жизнью человека в сообществе можно поставить знак равенства. Хозяйствуя, человеческое сообщество обеспечивает себя всем необходимым для жизни, преодолевая тем самым свою зависимость от природы. Благодаря хозяйству человек может существовать вне природы, рядом с ней, т. е. следуя не только биологическим, но и

своим родовым законам и нормам. В этом смысле хозяйство есть то, что делает человека человеком.

Жизнедеятельность человека в широком хозяйственном значении представляет собой деятельность, направленную на обеспечение жизни и выживания, и в этом смысле она может быть слита с человеческой деятельностью вообще — «как всякая забота о жизни».

Итак, за словом «хозяйство» в широком его понимании закрепляется один из его смыслов — обеспечения жизни, выживания людей, благополучия и достатка во времени и пространстве со всеми их культурными и нравственными обстоятельствами, что имеет и воспроизводительный смысл. Хозяйство — сфера, в которой человеком совершаются действия, направленные на обеспечение своей жизни.

Хозяйство — особая отрасль жизнедеятельности. Из факта зависимости человека от окружающей его природы и следующей из этого необходимости осуществления им определенных действий вытекает *содержательное значение хозяйства*. Сохранение жизни и ее воспроизводство, т. е. обеспечение человека и общества всем необходимым для жизни и выживания, в реальности распадается на ряд элементарных (неразложимых) и не сводимых друг к другу видов жизнедеятельности.

Хозяйство в широком его понимании как «борьба за жизнь с враждебными силами природы» может быть представлено как совокупность элементарных разнородных сфер жизнедеятельности, таких как власть, религия, культура и т. д. Каждая из этих элементарных сфер жизнедеятельности руководствуется своими, только ей присущими закономерностями.

Наравне с другими такими же элементарными отраслями жизнедеятельности человека выделяется отрасль, в которой осуществляется особый вид деятельности: возникает понятие «хозяйство» в узком значении этого слова. Хозяйство как особая сфера жизнедеятельности, существующая с другими сферами, в которой осуществляется особая деятельность и решается задача, не сводимая ни к одной другой сфере.

Хозяйственная деятельность

Дискуссия о содержании хозяйственной деятельности²⁸. Важной характеризующей чертой хозяйствования, отличающей ее от других сфер жизнедеятельности, может быть особенность деятельности, осуществляемой в ее рамках. Хозяйство — особая отрасль жизнедеятель-

²⁸ Наиболее полно дискуссия о содержании хозяйственной деятельности представлена в кн.: [3].

ности, определяется тем, что делает деятельность именно хозяйственной.

К хозяйственной относят деятельность, «проникнутую хозяйственным принципом» (М.И. Туган-Барановский). Хозяйственный принцип, еще имеющий в экономической литературе обозначение как «принцип экономии энергии», «принцип наименьшей траты сил», или «экономический принцип», в самом общем виде сводится к выражению разумности, или рациональности, поведения хозяйствующего субъекта («принцип рационализации»). Сложность этого вопроса заключается лишь в том, что считать разумным, или рациональным, поведением.

Хозяйственный принцип в широкой его трактовке. Стремление достичь результата в хозяйственной деятельности с наименьшими усилиями — всеобщее и универсальное явление. Принцип наименьших усилий или экономии затрат — характеристика жизнедеятельности человека, отличающая ее от других элементарных сфер (власть, религия, искусство). Еще Платон в своем элементарном определении человеческого общества замечал, что поскольку в нем принимает участие несколько участников, то между ними обязательно будет возникать разделение труда, а следовательно, всегда будут происходить некие логистические мероприятия, направленные на улучшение взаимоотношений между ними. Иными словами, хозяйственная деятельность осуществляется всегда разумно, продуктивно. Но в хозяйстве, понимаемом в широком смысле, продуктивность, достигаемая разумно, — это обеспечение жизни и выживания. Это создание достатка, обеспечивающего жизнь и воспроизводство людей, т. е. обеспечение жизни и выживания в хозяйственной сфере решается в соответствии с хозяйственным принципом. Очевидно, здесь важен не расчет как таковой, но целью рационализации является сохранение жизни людей в достатке. Достаток, а не прибыль как таковая — цель хозяйствования.

На ранних стадиях хозяйственного развития в патриархальных обществах с закрытой экономикой разумность хозяйствования оценивалась по достижению такого уровня достатка, который позволял выживать и воспроизводиться. Вряд ли здесь рациональность имела вид формального (денежного) расчета во внутриобщинных меновых отношениях.

Вместе с историческим изменением содержания хозяйственной жизни меняются критерии оценки рационального поведения. В открытой экономике с ее разделением труда, рыночным способом взаимосвязи между участниками хозяйственного процесса хозяйственный принцип рационального поведения преобразуется в экономический принцип.

Хозяйственный принцип в узкой его трактовке. В открытом хозяйстве с его опосредованными деньгами меновыми отношениями хозяйственный расчет получает свое точное количественное выражение в деньгах. Воспроизводственный процесс всего хозяйства обеспечивается теперь через соблюдение экономического принципа поведения каждым отдельным участником рыночного хозяйства.

Суть сохранения хозяйственного принципа в экономике сводится к принятию наилучшего решения из возможных каждым единичным хозяйственным звеном, т. е. речь идет о расчетливом принятии решения, выбора. Принять наилучшее решение, т. е. поступить рационально, экономно и с меньшими затратами средств, достичь заранее намеченную цель. Хозяйственный принцип поведения достигается посредством наиболее эффективного (максимум эффекта) принятия решения, осуществленного в результате сопоставления, соизмерения, расчета. Рационально — значит экономно, т. е. с наименьшими затратами средств.

Итак, хозяйственный принцип в узкой его трактовке — это всегда деятельность, ориентированная на получение максимального результата (дохода) при наименьших затратах средств. Возникает ограничительная (ограниченная рыночным хозяйством) версия определения хозяйственной деятельности, осуществляемой в соответствии с экономическим принципом. Очевидно, что хозяйственная деятельность связывается с рыночным обменом, деньгами, ценой. Хозяйственная деятельность — это лишь экономическая деятельность, которая приобретает денежное выражение — цену (П. Струве). Все, что лежит за пределами расчета, выраженного в деньгах, относится здесь к нехозяйственной деятельности. Или, как у Мизеса, хозяйственная деятельность — это «расширенное (рыночное) сотрудничество».

В неоклассическом направлении экономической науки хозяйственный принцип относится, прежде всего, к поведению отдельного хозяйствующего субъекта, осуществляющего свой рациональный выбор, т. е. речь идет о расчетливости, или рациональности, в принятии решения на уровне частного единичного хозяйства. По Менгеру, «экономическая деятельность» означает деятельность, которая направлена на достижение наибольшей (предельной) полезности от использования ограниченных ресурсов (маржинализм) [4, 205].

Экономическая деятельность. Экономическая деятельность, в отличие от хозяйственной, всегда формализована, расчетлива, т. е. направлена на получение наибольшего результата при минимальном использовании необходимых для этого затрат. Экономическая деятельность — сопоставление, соизмерение, калькуляция и рациональный выбор, направленные на получение эффекта, выражаемого в денежной

форме. Ни в одной другой сфере человеческой жизнедеятельности деятельность не подчиняется законам соизмерения, сопоставления, калькуляции. Хозяйственный, или экономический, принцип — принцип учета затрат и результатов — это то, что принципиально отличает хозяйственную деятельность от всех других.

«Хозяйственное» и «экономическое». Итак, различия хозяйственного и экономического в критериях хозяйственного расчета: одно дело — расчет обеспечения жизни и выживания и другое — получение экономического эффекта.

Специальный, «экономический» смысл хозяйствования, в современном русском языке достаточно точно обнаруживается через родственные с «экономическим» словами: «экономный», «экономия». «Какой?» — экономный, экономящий.

В микроэкономической теории «экономическое» выражается еще более определенно: «экономия одного ресурса за счет другого». Иными словами, рациональный выбор одного ресурса означает одновременно экономию другого. Или, что то же самое — «выбор альтернативы применения ограниченного ресурса», что означает экономическое поведение хозяйствующего субъекта. «Экономическое» — это экономное, расчетливое, ориентированное на получение эффекта. В микроэкономике «экономическое» получает свое теоретическое наполнение — «экономия одного ресурса за счет другого», т. е. при рациональном выборе использование одного ресурса и одновременно означает «экономия» другого. Таким образом, суть «экономического» — рациональный (экономный) выбор альтернативы применения ограниченного ресурса для достижения эффекта (экономический принцип).

Для раскрытия содержания «экономического» необходимо исходить из аксиомы об ограниченности ресурсов. Именно ограниченность становится основанием для расчетливого или рационального принятия экономического решения.

Различные позиции в соотношении понятий «хозяйство» и «экономика»

В экономической литературе в зависимости от того, что вкладывается в содержание слов «хозяйство» и «экономика», сложилось несколько позиций в понимании их соотношения.

1. «Хозяйство» и «экономика» различаются между собой как понятия, выражающие различные исторические формы экономической деятельности. Хозяйство — архаическая форма хозяйствования, исторически и логически предшествующая появлению экономики.

Неразделенный еще, единый смысл «хозяйственной» и «экономической» деятельности в жизни человеческого сообщества мог существовать лишь внутри замкнутого, натурального хозяйства. Натуральный (еще неформализованный) характер сопоставления, сравнения результатов деятельности не создавал условий «экономическому». Хозяйственное содержание деятельности на определенном этапе развития приобретает свою экономическую форму проявления.

Экономика исторически приходит на смену хозяйству, а вместе с ней из современной экономической жизни уходит «хозяйственное». Хозяйство и экономика решают одни и те же задачи, но каждая способами, характерными для своего времени.

За отрицанием возможности существования хозяйственных начал в современной экономике, как правило, обнаруживается некий шовинизм экономизма. Такая позиция характерна для современного мейнстрима в экономической науке.

2. «Хозяйственное» и «экономическое» — два принципиальных неустранимых равнозначных начала, они сосуществуют в жизнедеятельности человека и общества. Хозяйственный смысл неустраним и сосуществует наряду с экономическим с самого начала человеческой истории в любой жизнедеятельности, которую называют по-современному «экономикой».

«Хозяйственное» и «экономическое» — два начала единого общественного процесса жизнедеятельности, обеспечивающего жизнь и выживание человека, находятся во взаимодействии и переплетении.

Постоянное противостояние и противоборство различных смыслов в Хозяйстве с большой буквы предстает как история постоянной «борьбы» двух смыслов — «хозяйственного» и «экономического». В каждый данный момент, в одном и том же действии можно обнаружить как хозяйственную, так и экономическую сторону.

История противостояния этих двух смысловых начал в истории экономической науки в середине XIX в. получает свое внешнее проявление в виде оформления двух научных направлений в экономической науке. Каждая из них берет за основу ту или иную сторону хозяйства. Классическая политическая политэкономия и последовавший за ней марксизм взяли за основу идею общественного воспроизводства (ойкономия). Так называемое субъективистское направление в экономической науке (маржинализм) за основу своей теории взяло идею «эконо-

мического», что довольно полно выразилось в теории рационального поведения отдельного хозяйствующего субъекта²⁹.

3. Понятия «хозяйство» и «экономика» соотносятся так же, как в гегелевской диалектике содержание и форма («содержание всегда формирует форму, а форма всегда содержательна»).

Иначе говоря, «хозяйственное», поскольку оно выражает собой изначальный смысл жизнедеятельности человека, т. е. обеспечение всем необходимым для жизни человека и всего сообщества, всегда составляет суть «экономического», или «экономического» предстает как внешняя форма существования «хозяйственного». Экономическая форма содержательна и реально содержит в себе хозяйственные начала, а хозяйственное развитие всегда предстает в экономической форме.

Историю хозяйственного развития можно представить как диалектический процесс борьбы «хозяйственного» содержания и его «экономической» формы.

4. «Хозяйственное» и «экономическое» соотносятся как общее и особенное (принцип матрешки). «Хозяйственное» как глубинное, сущностное, изначальное обнаруживается во всевозможных экономических проявлениях, или формах, жизнедеятельности человека. Иначе говоря, экономические мероприятия могут быть направлены на реализацию хозяйственной сущности жизнедеятельности. Но реализация «хозяйственного» через «экономическое» невозможно. «Экономическое» изменяет, модифицирует «хозяйственное». «Хозяйственное» здесь теряет свое изначальное смысловое значение (достижение воспроизводственных целей нерасчетливым способом) и становится также «экономическим». «Хозяйственное» может реализоваться через «экономическое», но «экономическое» через «хозяйственное» не реализуется. Расчет, калькуляция, выраженные в количественных показателях (в деньгах), приобретают свой собственный, нехозяйственный смысл.

Несколько причин для различий «хозяйства» и «экономики»

Наличие различных смыслов. Идея двух смыслов — «хозяйственного» и «экономического» в жизнедеятельности человека — впервые была сформулирована Аристотелем. В одном случае хозяйство («ойкономия») имеет воспроизводственный смысл — как искусство вести хозяйство ради достижения «истинного богатства» или достатка, необходимого «свободному гражданину греческого полиса» для жизни

²⁹ Отсюда следует необходимость вооружения современной экономической науки приемами философско-хозяйственных рассуждений, способствующих выработке адекватной развитию экономической политики.

и выживания. В другом случае хозяйство («хрематистика») имеет смысл рачительного хозяйствования как искусство «расчета».

Идея смысловых различий хозяйства есть у С.Н. Булгакова, противопоставлявшего «хозяйственное» «экономизму». Достаточно четко она выражена у М.И. Туган-Барановского, различавшего «хозяйство первого и второго рода». Идея различных смыслов хозяйственного и экономического рассматривается в научно-философской школе под руководством профессора Московского университета Ю.М. Осипова³⁰.

Различия в субъектности. «Хозяйственное» и «экономическое» начала в хозяйствовании исходят из различий в субъектности. Субъектом «хозяйственного» (воспроизводственного), или хозяйства в широком его понимании, предстает социальная общность — община, род, народ (национальное хозяйство). Хозяйство здесь предстает как социальная сфера жизнедеятельности, бытия общества. Общественное начало в хозяйстве первично.

Субъектом экономики, открытого хозяйства с определенным уровнем разделения общественного и внутрипроизводственного труда, представленного многочисленными самостоятельными первичными или единичными хозяйствующими ячейками производства, является частный субъект. Рациональное экономическое поведение основано на рациональной логике субъективного решения, частном выборе. Экономическая рациональность субъективна, ибо исходит из воли субъекта, преследующего свои собственные личные цели.

Содержательное и формальное значения «экономического». Отсутствие специального термина, способного адекватно отразить различие «хозяйственного» и экономического», К. Поланьи возмещает тем, что в «экономическом» выделяет два значения — «содержательное» (в нашем понимании «хозяйственное») и «формальное» [4, 47]. К чести исследователя «экономическое», или «формальное», содержание хозяйствования у него не представляет собой изначальную и вечную сущность хозяйственного процесса. Изначально хозяйство в широком смысле объединяло в себе как «содержательное», так и «формальное», т. е. было и «хозяйственным», и «экономическим» началом. Экономическая форма хозяйства сложилась лишь в последние два-три столетия и связана с установлением господства ценообразующих рынков.

Нормативность и формализм оценки рационального. Хозяйствование, и это следует из факта зависимости человека от окружающей его природы, в своем сущностном значении направленно на обеспечение «жизни, выживания и добра наживания». Потребность сохранения

³⁰ См. издания лаборатории философии хозяйства и труды Ю.М. Осипова.

жизни и выживания в совместной или общественной жизни людей абсолютна, ей нет замены. Жизнь и выживание — ценности самоценные, не имеющие альтернативы. Все средства, обеспечивающие жизнь, соответствуют цели жизнедеятельности и не требуют своего количественного выражения. Здесь не возникает выбора альтернативы наилучшего применения средств достижения этой цели. В этом широком понимании хозяйствование представляет собой категорию нормативную, вытекающую из нормальной жизнеутверждающей идеи.

Ведение хозяйства, обеспечение жизни всем необходимым — жизнеутверждающая идея — уже на уровне аффектации здорового организма проявляется как высшая ценность, не имеющая своего аналога³¹. Достижение целей (высших) не отделено от средств, не формализовано. Все, что направлено на обеспечение жизни, изначально разумно, рационально. Здесь нет сопоставления, соизмерения.

В тот момент, когда в сознании хозяйствующего субъекта происходит разделение цели хозяйствования и средств ее достижения, цель хозяйствования ставится в зависимость от средств ее достижения. Возникает необходимость выбора варианта наилучшего применения средств достижения результата. Рациональный выбор здесь становится возможным лишь после осуществления процедуры сопоставления, соизмерения и оценки. Процедура сопоставления ценностей, соизмерения их и расчета неизбежно означает их количественное выражение и формализацию.

Цель и средства ее достижения в хозяйственной деятельности приобретают формальные черты (оформляются). Дальнейшие действия по достижению хозяйственных целей попадают в зависимость от логики выбора. Рациональный выбор всегда предполагает расчет и сопоставление вариантов принятия решения. А это, в свою очередь, предполагает использование целого набора инструментария: критерия оценки (ценность, издержки), единиц измерения (деньги), правовых условий для возможности осуществления выбора (отношения собственности), политических и хозяйственных институтов, способствующих осуществлению выбора средств для достижения целей. С формальных позиций акцент в хозяйственном поведении переносится с того, «что» производится, на то, «как» производится — рационально или экономно.

Выделение в хозяйствовании его формального содержания переводит рассмотрение хозяйства в область формально-логических рас-

³¹ Аффект — противостоящее целенаправленной рассудочной деятельности, рационально логическому сознанию, жизненно закономерное проявление человеческой природы.

суждений. Формализация хозяйствования может быть представлена уже в виде формально-логических, причинно-следственных связей.

Рациональность хозяйственная и экономическая. Если с позиций хозяйствования разумным будет поведение — обеспечить достижение всего необходимого для жизни («что»), то с позиций экономического поведения — наилучшим образом обеспечить получение разницы между затратами и результатом («как»).

Рациональность экономического поведения отрывается от цели хозяйствования. Для принятия рационального экономического решения теперь уже не важно, какая цель достижения выбрана. При осуществлении экономической рациональности важным становится формально-логическая, операционалистская логика принятия решения, которая безразлична к хозяйственной цели. Здесь речь идет уже о том, «как» — экономно. Иными словами, не цель («что») определяет рациональность экономического поведения, и даже не какими средствами, а «как». «Как» становится важнейшей характеристикой экономической рациональности. «Как?» — экономно.

Происходит подмена цели хозяйственной деятельности экономической рациональностью. Вместо «жить, выживать и добра наживать» появляется *самостоятельная цель экономического хозяйствования* — достижение наилучшего результата, или получение эффекта (эффективность). Рациональная логика экономического поведения — логика наилучшего расчета, не сама цель, как таковая, а именно процедура достижения.

Однако с позиций экономической (формальной) логики рациональность хозяйственного поведения не ограничивается лишь переходом к расчетливому (экономному) выбору наилучших средств достижения поставленной цели. Сам выбор цели хозяйствования подпадает под формальную логику рационального выбора. Выбор цели экономического поведения будет склоняться к той, которая в максимальной степени обеспечит экономический эффект. В условиях ограниченности ресурсов, рациональность экономического проведения не только допускает, но и предполагает выбор хозяйственных целей.

Итак, выбор средств и целей «хозяйственного» поведения в рамках формальной логики теряет свою самостоятельность и становится в зависимость от экономической логики.

Пример. Следует заметить, что часто приводимое в микроэкономике утверждение о том, что рациональность экономического поведения субъекта определяется выбором, обеспечивающим ему достижение наибольшей пользы, на самом деле, не вполне логично и требует своего уточнения. С формально-логических позиций рациональность поведе-

ния субъекта не означает максимизацию полезности его потребления от присваиваемых благ, а обеспечивает всего лишь оптимизацию его потребления в имеющихся условиях. Например, «я люблю красные яблоки, но они дорогие. Зеленые яблоки я люблю меньше, но они дешевые. В итоге, исходя из имеющегося у меня бюджетного ограничения (наличия денег), я все же покупаю зеленые яблоки». Иными словами, в соответствии с экономическим принципом (соизмерения, калькуляции) происходит не реализация цели «что» для хозяйствующего субъекта (красные яблоки), а всего лишь оптимизация потребления субъекта (зеленые яблоки).

Хозяйство «достатка» и экономика «редкости». Очевидно, что различие между хозяйством и экономикой лежит в целях достижения. В одном случае хозяйственная логика разумного поведения субъекта в хозяйстве подчинена достижению воспроизводственных целей — обеспечения жизни, выживания и достатка (то, что у Аристотеля называется «истинным богатством»). Итогом или результатом успешного хозяйствования будет *достаток*. Достаток — состояние хозяйствования, при котором обеспечиваются жизнь и выживание (воспроизводство). Хозяйственный расчет здесь имеет нормативную природу и ориентирован на соблюдение норм потребления, хранения, запасов и т. д., обеспечивающих выживание, а также соблюдение социальных и статусных норм (жертвоприношения, экология и т. д.).

Хозяйственной ценностью вещи мы называем то значение, которое она приобретает как необходимое условие для благополучия субъекта. Признание необходимости, нужды в какой-либо вещи — это всего лишь идеальное суждение о ее ценности, которое не имеет непосредственного отношения к ее экономической оценке.

В другом случае речь идет о достижении формализованного расчетного или расчетного количественного показателя — эффекта. Оценка чего-либо в экономике (экономии одного за счет другого) выражается количественно (в деньгах). Экономическая ценность вещей всегда есть результат сопоставления, соизмерения и количественного выражения («это стоит таких-то денег»).

Ценностная оценка в экономике содержит в себе момент количественного выражения суждения: «на сколько полезно или бесполезно?». Ценность блага приобретает значение экономической оценки, осуществляемой в терминах формально-логических рассуждений.

Суждение о ценности («ценное — неценное»), или на сколько «это» ценнее «того», в рамках экономического (не хозяйственного) делает то, что предмет рассуждений становится не сама ценность (нужда) чего-либо или в чем-либо, а вопрос «на сколько?». Соизмерение, сопо-

ставление («на сколько?»), калькуляция, есть особенность понятия «ценность» в экономической науке.

В хозяйстве «достатка» цель — непосредственное потребление, в экономике «редкости» — правильный расчет, выраженный количественно, в доходе или прибыли. Два смысла хозяйствования, два принципа рациональности хозяйственного поведения, и соответственно два критерия оценки.

Хозяйство и экономика

Хозяйство. Хозяйство терминологически — сфера жизнедеятельности человека, в которой он совместно с другими совершает действия, направленные на обеспечение жизни, выживания и достижение благосостояния. Сфера обеспечения жизни и выживания («жить-поживать и добра наживать») имеет воспроизводственный смысл. Критерием оценки рациональной хозяйственной деятельности является достижение воспроизводственной цели («что»), достатка или «истинного богатства» (по Аристотелю). Хозяйство решает задачу обеспечения жизни, выживания во взаимодействии с окружающим его миром, в соответствии с естественными и социальными законами природопользования.

Термин «хозяйство» удовлетворяет, сохраняющуюся в живом русском языке, потребность выразить воспроизводственный, нерасчетливый смысл усилий человека и общества в своей хозяйственной деятельности. В этом своем значении хозяйство ориентировано на достижение безусловной, высшей цели, т. е. не имеющей своей альтернативы, а потому не поддающейся расчету, взвешиванию, и, соответственно, не имеющей выбора. За термином «хозяйство» закрепляется жизнеутверждающей смысл деятельности человека и общества.

Хозяйство — историческая организационно-хозяйственная форма хозяйствования. Хозяйство укоренено в институтах общества и реализуется через них. Хозяйственный процесс — это определенный набор традиций, табу, нравственных норм.

Экономика. Экономика — особое состояние хозяйства, при котором его цели (жить и выживать) достигаются посредством рациональной деятельности, подчиненной формальной логике (сопоставление, сравнение, выбор).

Экономика — историческая форма рачительного или расчетливого ведения хозяйства. Ее характеризуют сопоставление, соизмерение, калькуляция и расчет, выражаемые в деньгах. Критерий рационального расчетливого поведения — эффект (доход, прибыль, рентабельность и т. д.). Формальная сторона хозяйствования — расчет — становится пер-

вичной относительно его хозяйственного содержания. Экономикой называют хозяйство, представленное как последовательное осуществление актов рационального выбора, осуществляющих экономию в условиях ограниченности ресурсов.

Экономика — особая сфера жизнедеятельности человеческого общества (хозяйствования), в которой деятельность по обеспечению жизни, выживания человека и всего сообщества, осуществляется в соответствии с законами экономического, или экономного («экономия одного ресурса за счет другого»), и соответственно выбора наилучшего варианта хозяйственного решения. Экономика — совокупность отношений между людьми, построенные на сопоставлении, соизмерении, расчете и рациональном выборе. Экономия одного ресурса за счет другого ресурса, т. е. выбор наилучшего варианта применения ограниченного ресурса (альтернативная стоимость), представляет отличительную черту открытого хозяйства (экономики) современного общества.

За словом «экономика» в современном русском языке закрепляется смысл рачительного или расчетливого ведения хозяйства. Здесь результат расчета первичен и является определяющей характеристикой деятельности в хозяйстве. Экономикой обозначают ту сферу жизнедеятельности, деятельность которой характеризуется сопоставлением, соизмерением, калькуляцией и расчетом, выражаемыми в деньгах.

Суть термина «экономика» в современном русском языке довольно точно обнаруживает себя в родственных словах: «экономный», «экономия». Это микроэкономическое: «экономия одного ресурса за счет другого». Иными словами, мы при рациональном выборе используем один ресурс и одновременно экономим другой. Или, что то же самое, «выбор альтернативы применения ограниченного ресурса». Рациональный (экономный) выбор для достижения эффекта (экономический принцип) — суть «экономического».

Экономика обозначают реально существующую организацию расчетливых действий. Например, экономика фирмы, семьи, отрасли или экономика национального хозяйства.

Литература

1. *Татищев В.Н.* Представление о купечестве и ремеслах (1748) // Татищев В.Н. Избр. произв. Ленинград, 1979.
2. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 1990.
3. *Билимович А.Д.* Введение в экономическую науку. Два подхода к научной картине мира. Экономический строй освобожденной России: труды. СПб., 2007.
4. *Менгер К.* Избранные работы. М., 2005.

5. *Поланьи К.* Экономика как институционально оформленный процесс // Поланьи К. Избр. работы. М., 2013.

П.С. ЛЕМЕЩЕНКО

**Наука экономика и экономика жизни:
путь исканий**

Экономическая наука не только познает, открывает, рекомендует, проверяет... Она, если действительно находится в хорошем «рабочем» состоянии, занимая достойное место в социальной структуре, явно или неявно объединяет людей общим представлением об окружающем мире, о нормах взаимоотношения между людьми, об эффективности и справедливости. И никто этого не может сделать лучше нее...

Аннотация. В контексте развития производственных отношений, отношений общения, этапов эволюции теории стоимости делается попытка зафиксировать роль и значение Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова как идейно-методологического и организационного центра развития экономической науки в России и других странах. В качестве отдельной самостоятельной категории анализируется стоимость и ее соответствующие формы, которая в силу своих внутренних свойств, а также под влиянием технических, социальных и других факторов эволюционирует в институциональную ценность. Представляется основная структура данной категории, ее познавательное и практическое значение в современной глобальной экономике.

Ключевые слова: экономическая наука, Центр общественных наук, стоимость, институциональная ценность, глобальная рента.

Abstract. In the context of development of the relations of production, relations of communication, stages of evolution of the theory of value attempts to capture the role and importance of the Center of social Sciences of Lomonosov Moscow State University as ideological-methodological and organizational development center of economic science in Russia and other countries. As separate categories analyzed value and its corresponding forms, which due to its internal properties, and under the influence of technical, social and other factors evolving in institutional value. The basic structure of

this category, its educational and practical value in the modern global economy.

Keyword: economic science, Center of Social Sciences, value, institutional value, global rent.

Оправдан историей, или Центр общественных наук двадцать пять лет спустя

Экономическая наука — больше чем наука. Это не просто аналитика, о чем пытались и пытаются говорить в рамках некой «чистой» экономической доктрины, основанной на математике. Аналитика — даже не первая производная от методологии, теории, концепции. Наука об экономике — это и религия, и искусство, и политика, и мировоззрение, и деятельность, и, безусловно, мудрость, и ориентир даже не экономической, а человеческой справедливости отношений. Без нее, т. е. без науки об экономике, как показывают современные исследования, реальная экономика деформируется и теряет свой потенциал к развитию, а общество деградирует, начиная от чисто демографических проблем и заканчивая нравственно-культурными, что сегодня не может не беспокоить. Этот междисциплинарный дискурс, который витал в период 1990-х гг., отразил Центр общественных наук — уже своим названием, своим идейно-организационным фокусом, своей идеей. Тогда общественные науки, начиная с истории КПСС и заканчивая даже не научным коммунизмом или политэкономией социализма, а историей или той же философией, метались, можно сказать, в некой агонии выхода из гносеологического тупика. Проблема была не только в том, что практика хозяйствования СССР и других социалистических стран пыталась найти пути повышения эффективности своей экономики и преодолеть сложившиеся деформации в производстве, распределении и пр. — придать социализму «человеческое лицо», но и весь мир, включая так называемые развитые страны, обнаружил и осознал возникшие серьезные глобальные проблемы — от экологических и технологических до социально-психологических, ставших преградой для устойчивого развития мир-экономики. Потребовалось ответить и на такой вопрос, который, по сути, пока еще не решен до сих пор, как переход на новую теоретическую платформу политико-социального и технико-экономического развития, поскольку старая доктрина рыночного устройства, служившая более двух веков более или менее успешно, с учетом многих объективных и субъективных изменений просто себя исчерпала. И в этом смысле наложение двух циклов — собственного, базировавшегося на социалистической модели хозяйствования, и ново-

го, зарождающегося, во многом неизвестного из-за уникальности проводимых структурных реформ, — заложили не только хаос в реальной хозяйственной практике, но и привели к потере исторической памяти, растерянности в настоящем и крайней неуверенности перед будущим. Правда, то, что сегодня происходит в «пореформенный период»: инфляция, безработица, закрытие предприятий, повторяющиеся кризисы, дифференциация по доходам и по собственности, отчуждение и индивидуализация и пр. — давно уже описано политэкономией капитализма, но почему-то забыто и не воспринимается научной, политической и широкой общественностью в целом.

Парадокс и одновременно трагедия текущей ситуации состоит в том, что молодые реформирующиеся государства попали в «трансформационную ловушку». Воодушевленные идеей романтического реформизма, эти страны начали разрушение старой системы раньше, чем были сделаны какие-либо серьезные и прагматичные теоретические разработки. А поскольку в бывших социалистических странах не оказалось ни политического (типа монархии или научно-культурной элиты), ни идеологического, ни экономического, ни других стабилизаторов, придающих устойчивость любой социально-экономической системе, то трансакционные издержки, порождаемые реформами, значительно превысили их полезный эффект. Эта ситуация обострилась состоянием неопределенности и размытости нравственно-этических ценностей и мотивов различных социальных групп и классов, регламентирующих поведение этих людей во все времена.

Собственно, эти мысли высказаны для того, чтобы как-то обозначить *трудный путь исканий современной и весьма своевременной теории хозяйства*, междисциплинарной научной отрасли, не имеющей пока большой истории, но имеющей большую практическую перспективу. Она несет в себе тот кумулятивный, национально-исторический эффект, который отражает начало и основание человеческого бытия в экономике, в политике, культуре, семье и пр. По сути, вполне логичным было решение Совета Министров СССР об учреждении двадцать пять лет назад в МГУ имени М.В. Ломоносова Центра общественных наук, рискнувшего в тот сложный хаотичный период сфокусировать гуманитарную мысль в некое единое целое. Таким образом, если учесть междисциплинарный характер этой идеи, вполне объясним и факт любопытства к разрабатываемой теории, но с элементом некоего сциентистского скепсиса коллег по экономическому цеху и, конечно, своеобразного восприятия учеными других сложившихся научных сфер: свой среди чужих и чужой среди своих. Это же отношение, на наш взгляд, испытывает все это время и бессменный руководитель центра

профессор Ю.М. Осипов, спокойно, но крайне основательно и проработанно заложивший верные контуры развития Центра. Причем это свершалось не через бюрократические процедуры, увеличение штата и пр., а через идеи, которые привлекали, притягивали своей оригинальностью, новизной и остротой не только политэкономов, но и историков, философов, политологов, филологов и культурологов да и всех думающих людей. Сегодня, спустя двадцать пять лет, ЦОН знают не только на постсоветском пространстве, но и далеко за его пределами, о чем говорят многочисленные публикации в журнале «Философия хозяйства», добротных изданных монографиях, география авторов которых подтверждает влияние и развитие Центра общественных наук.

Собственно, речь идет о *переосмыслении той рациональности*, или, иначе говоря, житейской философии, выдвинувшей свои неожиданные проблемы в первые годы перестройки, осмыслении в новых условиях марксистской диалектики, как-то потерявшей ориентиры и растерявшейся перед лицом очередных острых вопросов, а также философии позитивизма (неопозитивизма), воспринятой ортодоксальной экономической теорией, но которая в практическом опыте и логике обнаружилась «ограниченную», если не сказать примитивную, рациональность мышления и поведения. Высокая теория отвечает сложному миру и духу жизни, а примитивная или вульгарная (в переводе — описательная) отражает соответствующую экономическую материю. Но «странность» в том, что именно философия позитивизма, получившая уже на своей исторической родине серьезное поражение по известным и неизвестным причинам стала более востребованной в реформируемых странах, чем, например, диалектика.

В этом смысле нельзя не отметить научного чутья организаторов и участников конференции, проведенной в декабре 1995 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова, где удивительным образом точно и емко были сформулированы фундаментальные проблемы экономической науки [1], положившей начало активному обсуждению гносеологических возможностей и ограничениям, оценке и перспективе политэкономики, других школ и научных направлений. Трудно также переоценить те усилия и огромную кропотливую работу профессора Ю.М. Осипова, который лично инициировал и до сих пор остается генератором многих новых идей, начинаний и одновременно является непревзойденным мастером, блестяще и остро формулирующим не только экономические проблемы, но и злободневные вопросы культуры в широком смысле этого слова. Об этом свидетельствуют многочисленные и оригинальные публикации, проводимые конференции, семинары, дискуссии, личные встречи и впечатления. На наш взгляд, для осмысления всего сделанного под руко-

водством Ю.М., написанного им лично и при его прямом и косвенном участии, необходимы время, усилия, подготовка.

Знакомство автора, пишущего эти строки, с руководителем ЦОН Ю.М. Осиповым произошла в г. Минске в Белгосуниверситете, где он читал свои популярные лекции по не менее популярному курсу — хозяйственному механизму. Это был в некотором смысле еретический курс, поскольку по своему содержанию и логике он выходил за сложившийся предмет политической экономии. Действительно, производственные отношения — это важно. Но как этими отношениями более эффективно управлять? Сегодня, кстати, этими проблемами пытается заниматься одно из течений институциональной теории. Но, справедливости ради, надо отметить, что начало организационно-институциональным аспектам исследования экономического развития стран СССР (и не только) было положено Ю.М. Осиповым еще в начале 1980-х гг.

Однако когда в начале 1990-х гг. перестройка своим разрушительным крылом коснулась и системы образования, а следовательно, и замены политэкономии какой-то иной (?) «экономикой», то новая «минская встреча» и обсуждение этих научно-учебных проблем с директором ЦОНа позволили и коллективу нашей кафедры экономических наук определить свой вектор формирования стратегии экономического образования. Конечно, этому способствовали и конференции, проводимые Центром, изданные на основе этого книги «Экономическая теория на пороге XXI века», выпуски Альманахов Центра общественных наук, журналов «Философия хозяйства». Даже по прошествии уже нескольких десятков лет (!) вспоминаются ощущения приятного удивления, поскольку содержание статей отражало не царившую на тот период безумную и крайне легковесную идеологию рынка, а попытку более серьезного и основательного подхода к возникшим острым проблемам мира в целом и России в частности. И действительно, сто дней до рыночного рая обернулись крайне сложным и даже трагичным путем очередных реформаторских испытаний. Но дело даже не в этом. А в том, что можно и следует представить и оценить то настроение, тот напряженный мыслительный поиск, риск и ответственность за свое новое начинание — издавать абсолютно некоммерческий журнал, другие издания во имя важной научной и просветительской задачи. И это в то время, когда лихорадка издавать популистское, но денежное — что-то типа «Учим рынку» или «Все о рынке» — охватила и университетскую профессию. Поэтому поражает и благородство цели создателей публикаций, и терпение к инакомыслию, и спокойствие в рассуждениях, а еще больше — создаваемая новая мыслительная традиция, отвечающая со-

временным изменениям. Ведь экономисты, действительно, чудаки, которые накладывают денежные пластыри на язвы экономического тела, забывая о том, что у нации может быть просто душевное заболевание. Поэтому, когда взглядом из Белоруссии замечаешь и отмечаешь важность данной культурной единицы, которой ныне является Центр общественных наук, журнал «Философия хозяйства», другие публикации, невольно задумываешься о крайне непросто́м процессе творческой и одновременно рутинной работы. И ведь все это на инициативе людей, мотивы которых никак не укладываются в мотивы современной философско-экономической реформы — прибыль, материальное благо, выгода.

Если не триумф, то по крайней мере состоявшийся успех ЦОНа, безусловно, налицо. Но есть если и не трагедийный, то противоречивый, мягко говоря, момент в его судьбе, включая журнал и пр. Темы и содержание статей крайне актуальны по возникшим и существующим проблемам, их освещению и разрешению. Однако противоречие заключается в том, что общественное сознание игроков текущего социально-экономического поля слишком отстало, а лучше сказать, находится в другом векторе измерения и не в координатах будущего развития. Экономическое же сознание, равно как и его господствующее научное сопровождение, так называемый, «мейнстрим», не взирая на обширную критику, до сих пор не покинет уровня пещерного «экономического человека» с его утилитаристскими наклонностями: пицца или гамбургер. Иначе говоря, почти всеми (риторически) вроде бы признается тупиковая ветвь эволюции современной цивилизации, но теоретически никак не фиксируется в соответствующих категориях и соответствующем понятийном аппарате. Политические же и финансовые системы вообще живут по своим законам и правилам, отрешенным от человеческого существования. Предлагаемая же философией хозяйства ЦОНа ведущего вуза России — МГУ — парадигма, на наш взгляд, разрешает данное глобальное противоречие, но при этом находится в тени академических интриг. Ну, понятно, для политиков реальных и дутых «элит» освоение и признание данного направления философско-экономического среза культуры меняют во многом смыслы и мотивы их деятельности, что подрывает основы их существования.

Конечно, признание новых идей всегда сопровождается определенными сложностями и трудностями. Так было, так есть и так будет. Но в данном случае надо разделить участвующих в том, что называется наукой, на действительно людей науки и людей, состоящих при науке и около науки. Есть еще те, кто занимается лженаукой и мифами, скрывающимися за научными терминами. Отличить одно от другого крайне

сложно. Служители истины тоже люди, и денежно-рыночная мотивация также проникла в эту сферу, чем породила хаос в мышлении и возможности финансовым игрокам строить свои мировые пирамиды, подкрепляемые научными титулами и авторитетами. Наслоение вымыслов, мифов и пр. создали неопределенность политико-экономической ситуации, которая стала нормой, но в ее основании уже не могут разобраться даже «просвещенные», создавшие этот мировой экономический порядок. И они тоже пожинают плоды «просвещения» непросвещенной эпохи. К тому же обычно люди науки и от науки боятся заниматься переоценкой своего «начитанного» багажа знаний и всего сопутствующего этому, потому что у них в арсенале нет лучших идей и адекватных альтернатив. У основателей же Центра есть не только смелость, она бывает и у людей других профессий, но и дерзость мысли, ответственность (!) за мысль и идею, понимание процедуры развертывания ее в самые глубокие пласты жизни. Замахнуться на авторитетнейший институт науки, его служителей, их интересы и пр. — для этого надо иметь еще и глубочайшее убеждение и уверенность в необходимости пересмотра того арсенала знаний, который уже не несет в себе правды жизни. Казалось бы, чего проще — профессорствуй и пожинай соответствующую академическую ренту, пропагандируя новую идеологию. Но Ю.М. Осипов нашел в себе силы и мужество дерзнуть на поиск истины сам и притянул к себе огромное количество единомышленников, а также присматривающихся, сомневающих, в конце концов, людей думающих. Ну и что? Они, конечно, получают истинное наслаждение от удач своих коллег, своих находок. Но также вынуждены страдать от тернистого и крайне трудного процесса познания и признания истины. Последняя, к сожалению, не является необходимым элементом царящей спекулятивной экономики финансов. «Теория» последней не должна быть истинной. Главное, чтобы она была признанной большим количеством игроков. Конечно, такое возможно потому, что сама наука перестала быть наукой в том смысле, какой она имела в эпоху своего возрождения и расцвета. Классика сменилась неоклассикой, неклассикой, постмодерн мышления завел человеческое сознание в тупик. А выбраться из него можно только через критическую смену основания человеческого бытия и сознания, что, в общем-то, составляет основу философии хозяйства. По крайней мере, так нам представляется. И выдержать 25 лет крайне сложно, за что уже можно выразить огромную признательность и уважение и главному редактору журнала, и всему коллективу его творящих. Периодичность конференций, искрометность тем, изящество их формулировок и всегда оригинальный комментарий во все времена (и в

наше тоже) отражают талант организаторов, а также кропотливую работу по редактированию, поиску финансов и пр.

Но еще сложнее, ответственнее продолжить свое начинание. Многие ведь ждут или закрытия издания, или вырождения идей. Но как раз-таки верно сформулированная гипотеза и методология нового направления Метанауки заложили основу взрыва новых идей, чем оказалось богато сообщество философов хозяйства. И развитие каких-то очень удачно сформулированных руководителями ЦОН проблем, что является еще одним несомненным достижением, порождает мощный синергетический эффект для познания и самопознания.

Есть еще одна черта Центра, которую можно оценить со знаком «плюс», а можно и со знаком «минус». Это уже зависит от того, как сам человек о себе думает. Эта черта — благородство, потому что большинство публикаций изданных книг, статей журнала видят в человеке человеческое, гуманное и социальное начало. В неоклассической же теории человек — счетная машина, думающая ежесекундно об утилитарных потребностях и о доходах, о личных выгодах, о том, как в конкуренции поработить другого человека.

На больших и малых конференциях, семинарах, симпозиумах и встречах с мыслью не борются. Ее пытаются понять и обсудить, не осуждая и не отвергая. Чего стоят свои принципы дискуссии? При этом новая идея всегда приветствуется. Здесь есть право на высказывание, которого у других журналов нет. Нет монополии на истину. Она, истина, ищется, потому что требуется возродить новый порядок из хаоса. И действительно, новый мыслительный порядок, преодолевающий хаос, воссоздается.

Для умных (хочется думать, что и сами принадлежим к ним) — ЦОН, «Философия хозяйства» — это благо и широкое поле для отработки своего мышления, тестирования, как сегодня говорят, на адекватность и зрелость. Кстати, и для утилитариста материал журнала дает широчайшую пищу. Это к тому же очень практичный для бизнеса журнал, поскольку его материалы отражают еще неизведанные и не прописанные человеческие грани и отношения.

Публикациям книг, журналу «Философия хозяйства» уже нельзя сетовать, что они сегодня не популярны. Отнюдь, ссылки на опубликованные статьи встречаются уже достаточно часто, а мысли, высказанные при общении, приобретают смысл пословиц и эпитафий. Иначе говоря, институционализация нового образа мышления уже наметилась весьма очевидно. И критическая масса накоплена. Конечно, не хватает политической поддержки, которая бы ставшую популярной теорию вмонтировала в реальную политико-экономическую систему. Но такая

ситуация объяснима. Ведь рыночно-денежная идеология охватила и политическую сферу, а государственное мышление уже не мыслит себя вне индивидуальных выгод в ущерб общественным интересам. К сожалению, новая экономическая реформа явственно показала, как так называемые национальные элиты буквально сдают за бесценок национально-государственные интересы.

Таким образом, теория хозяйства по своему замыслу, цели, назначению, с нашей точки зрения, это *мегапроект* XIX в., если использовать современную терминологию. Его назначение как раз и заключается в том, чтобы синкретично рассмотреть, переосмыслить фрагментарно обозначенные выше проблемы онтологии (метафизики), гносеологии и теологии (теософии). Это не простая проблема, если учитывать не только политико-экономическое пространство России, но дух, душевность, образ мышления и тем более поведения. На специфику славянского мышления указывал в свое время еще Н.А. Бердяев: «Русские обладают исключительной способностью к усвоению западных идей и учений и к их своеобразной переработке. Но усвоение западных идей и учений русской интеллигенцией было в большинстве случаев догматическим. То, что на Западе было научной теорией, подлежащей критике, гипотезой или, во всяком случае, истиной относительной, частичной, не претендующей на всеобщность, у русских интеллигентов превращалось в догматику, во что-то вроде религиозного откровения. Русские все склонны воспринимать тоталитарно, им чужд скептический критицизм западных людей... Она (русская душа. — П.Л.) совершает смешение, принимает относительное за абсолютное, частное за универсальное, и тогда впадает в идолопоклонство» [2, 154].

Теория хозяйства, заложенная в МГУ, пожалуй, единственная инновация, которая пока иницируется в России и российскими учеными, которая имеет не только просветительское значение, но может дать и практический результат. Пока же на протяжении всей истории русской экономической мысли, за исключением, наверное, идей И.Т. Посошкова, можно наблюдать лишь *освоение*, изучение, критику отечественными экономистами иных, а точнее, западных идей и теорий. Но настало время уже выучить уроки, уроки жизни, уроки науки и уроки политики. Время не ждет, и даже российские ресурсы не безграничны. Параллельно можно вспомнить, что эта сфера активно разрабатывается и западными социологами, экономистами, политиками, историками. В качестве примера следует привести П. Козловского, Ф. Найта, Дж. Ходжсона, Р. Нельсона, С. Уинтера, Ф. Хирша, Ф. Броделя, И. Валлерстайна и других авторов, идеи которых пересекаются с теорией хозяйства Ю.М. Осипова.

**Расширяя предмет:
от стоимости к институциональной ценности**

Любая наука имеет свою первооснову, свой атом, ген, клетку, молекулу, не только закладывающую методологическую основу познания своего объекта, но и тем самым определяющую начало своего предмета. Отличительная особенность науки современного этапа эволюции заключается в том, что она единственная из всех наук, которая не имеет своего ядра.

Было две попытки построить единые известные теоретические политико-экономические системы: из категории стоимость, а также из категории ценность. Нельзя сказать, что они неудачные. Есть положительные фрагменты в развитии теории стоимости и у Ю.М. Осипова. Но обращением к трансцендентности, как нам представляется, познавательный эффект эволюции стоимости не усиливается.

При всех своих эвристических ограничениях, которые можно заметить лишь с позиций текущего дня, все-таки каждая теория в рамках определенного периода времени раскрывала потенциал для производственно-экономического и социального развития. Первая, если говорить о классической политэкономии, — в производстве, фокусируемой в рамках воспроизводства; вторая — интенсифицируя субъективистско-психологическим инструментарием фазу обмена.

По определению, главная институция — это доминирующий образ мышления о структуре, формах и закономерностях функционирования хозяйственной системы определенного периода с учетом ее пространственных и временных изменений. Однако этот образ мышления, выступающий парадигмальным основанием для теории, все же имеет как пространственное, так и временное ограничения. Иначе говоря, каждая из фундаментальных теорий имеет свой цикл — как отражение реального хозяйственного процесса, так и влияния (!) на него. Люди на самых разных уровнях, когда они мыслят категориями одного порядка и в рамках одной системы координат, т. е. единой парадигмы, не только лучше понимают друг друга, но и сами создают основу того, что иногда называют системой, чем обеспечивают прирост знания и его целостность. Этот цикл равен примерно 80—110 годам, после чего политико-экономическая доктрина сменяется. Эту мысль следует подчеркнуть, поскольку, кроме всего прочего, любая доктрина имеет свою гуманитарно-идеологическую компоненту, выражаемую культурой, интересом, мотивом, эмоциями и пр. В контексте этого заметим, что прошедшие десятилетия современной экономической реформы не обеспечили главного — единого институционального образа, или адекватной опреде-

ленной целостной доктрины с набором ее категориального аппарата. Административно-бюрократический набор понятий, характеризующий риторику современного политического процесса, не принимается в расчет, хотя его влияние существенно, правда, не обязательно в сторону общественного развития¹.

Чтобы знать, понимать (!), что сегодня происходит в изменившемся мире, отношениях, мотивации и поведении, все-таки надо позитивно-критически смотреть (правда, при условии, что он все-таки освоен пишущим) на прошлый инструментарий познания и видеть тенденции формирования методологических подходов, фокусирующих внимание на общем мирохозяйственном устройстве, его структуре, тенденциях эволюции. И что бы практики, политики ни говорили, часто пренебрежительно относясь к теории, они всегда находятся в плену своих бывших познаний, или заимствованных у плохого учителя, или же исходящих из накопившегося отрицательного небольшого личного опыта, помноженного иногда на элементарное невежество.

Мы признаем факт глобализационных процессов в различных проявлениях. Но почему-то не задумываемся над тем, что и мышление должно идти (и оно реально в этом расширяющемся направлении движется) к воссозданию в первом приближении общей картины современной мир-системы. Оценивая причину современного общего кризиса, П. Кругман пишет: «Истинная редкость в мире — это не ресурсы и даже не добродетели, а понимание происходящего... Единственными важными структурными преградами на пути к процветанию мира являются устаревшие доктрины, которые затуманивают мышление людей»

¹ Понятие «развитие» далеко выходит за пределы «экономического роста». Данная проблема сформировала предмет классической политэкономии. Неоклассицизм и неоклассика под влиянием возникших хозяйственных проблем разработали методологию и инструментарий исследования экономического роста. Но рост может быть и без развития, что показала практика 1970-х гг. *Экономическое развитие* — это такая комбинация интеллектуальных, ресурсных и институциональных изменений системы, которые создают условия для накопления кумулятивного потенциала, способного 1) осваивать совершенные технологии, 2) создавать новые виды продукта, 3) осваивать иные рынки сбыта, 4) увеличивать реальный продукт для потребления, 5) обеспечивать благоприятные условия для жизнедеятельности человека, продолжительности его жизни (Й.А. Шумпетер). Иначе говоря, *экономическое развитие* — это расширенное воспроизводство доминирующего уклада и соответствующих отношений общества в процессе хозяйственной деятельности. Вполне уместен вопрос, заложен ли хотя бы потенциал для *развития* за период рыночных преобразований в бывших социалистических странах?

[3, 296]. И действительно, как показывают практика и история науки, преодолению любых кризисов предшествует новая идея, являющаяся результатом стихийного возникновения или целенаправленной интеллектуально-практической работы.

Сегодня почти незаметны различия в ведущих научных экономических направлениях по основным методологическим критериям, от выбора которых зависит и исследовательский результат. Почему? Дело в том, что стала более или менее очерченной и устойчивой в рамках понимания и определений объектно-предметная база. Поиск истины, сущности, законов, доказательности и пр., которые создавали прецеденты для дискурса, ушли из научного оборота. Полезность экономической науки объявляется главным ее свойством. Вместе с тем сама общественная практика обострила вопросы о стратегии политико-экономического развития, методах реализации этой стратегии как в мире, так и в отдельных странах под влиянием доминирующих международных институтов, о формах и источниках богатства, принципах и законах его распределения и пр. Ответ на эти и многие другие вопросы может быть лишь в том случае, если сделать шаг к новому теоретическому уровню — новой политической экономии, которая является следствием отражения изменений в самой теории и практике². В современной экономической науке явно обнаруживаются закономерность завершения методологического цикла, сформулированного классико-неоклассической доктриной, и тенденция интеграции идей, гипотез и прочих методологических свойств, фиксирующих современный уровень хозяйственной практики и дающих *старт новому циклу развития*. Экономическая наука должна быть не только полезной для частного круга лиц, но и раскрывать сущность многих новых явлений современности, реализуя общественную полезность и общие интересы существования индивидов, бизнеса, государства, финансовых институтов и пр. И описательности, а также утилитарного рационализма, к которым обратились представители мейнстрима, здесь уже явно недостаточно.

То, что данный термин — «новая политическая экономия» — как бы занят известной теорией о политическом процессе (Бьюкенен и др.), лишь подтверждает мысль о том, что выводы этой теории должны быть существенно расширены и дополнены, поскольку политический процесс и соответствующие изменения могут быть признаны успешными (или же нет), если они способствуют эффективной реализации объективных экономических тенденций и законов. Но каких законов? Каких тенден-

² На эту тему нами опубликован ряд статей и других изданий (см., напр.: [4, 11—34]).

ций? Каков критерий эффективности координации и регулирования государства и других институтов? Сегодня мало кто скажет. Ведь политический процесс — это, понятно, демократия — тоже нужна, но кто ответит за высокий рост цен, техногенные или природные катастрофы? Кто, как и за чей счет выполнит функции обеспечения многоликостью национальной безопасности?

Экономическая наука, пожалуй, единственная из наук, позволяющая в рамках одной парадигмы классифицировать несколько школ. Поэтому и под «новую политэкономия» необходимо «подвести» определенную аксиоматику, отражающую сложившиеся онтологические и гносеологические изменения. Одно из таких аксиоматических свойств — это институциональная ценность. Она приходит на смену стоимости, проявляющейся через цену производства, совокупности монопольных цен и... системы нормативов, стандартов, брендов, трансфертов. Последние являются доминирующими, допроизводственными, дорыночными и осознанно сформированными(!). Правда, вопросы о том, кто разрабатывает эти нормы и стандарты, правила и нормы, кому они в большей степени служат, — как-то не принято задавать в научном обществе. Политики же, как правило, оформляют новые институциональные нормы в рамки общих цивилизационных ценностей, хотя очевидным является устойчивый факт нарастания различного рода диспропорций, политико-экономической и социально-психологической нестабильности. Современный порядок из хаоса — это весьма глубокое наблюдение, и следует вывод о порядке, выходящем из хаоса: хаоса мысли, поведения, действия, решений. Все хаотично, кроме одного, того, что все-таки этот хаос мир-системы задается...

Качественные изменения в глобальной экономике обусловлены новым технологическим прыжком пятого цикла, для которого характерны, прежде всего, наличие Software, мультимедиа, доминирование информационных и биотехнологий, глобальных сетей. Принципиальной ошибкой при реформировании социалистической экономики во всех странах явилось то, что сложившимся к 1980-м гг. четвертому и пятому технологическим укладам насильственно вменили политэкономические формы мелкотоварного производства, ориентированного на стоимость как общественный норматив производства и обмена. В результате, например, Белоруссия, которая на начало 1990-х гг. имела около 10% продукции пятого технологического способа производства в структуре ВВП, сегодня с трудом «добывает» 3—4%, да и то с помощью статистики. Об этом можно судить по основным источникам в республике «добычи» валюты: калийные удобрения, переработка нефти, продукция металлопереработки и сельское хозяйство.

Жизнь как ценность в начале XIX в. приобретает иной смысл, но не у всех одинаково, как это требует демократическое общество. Сформировалась новация в виде *метакапитала*, где около 98% составляют финансово-валютные трансакции и только 2—3% — операции по обмену реальными товарами. Этот вид капитала явился следствием глубокой интеграции финансового капитала, организованного *капитал-интеллекта* в виде отдельных научных учреждений и СМИ и *капитал-института*, сросшегося с рядом государственных институтов. А уже следствием этого явилось то, что законы права и политики, олицетворяющие реализацию далеких от национально-государственных интересов, подавили и узурпировали экономические законы. Богатство не только материальное, но информационное, доступ к власти, социальный статус и пр. распределились и распределяются далеко не в соответствии с демократическими принципами, а по законам рынка.

Жизнь в кредит усилила *отрицание частной собственности*, создав в экономической сети дополнительные риски для расширенного воспроизводства. Права собственности и право пользования углубили обособление капитала и социума. И если ранее связующим звеном капиталов выступала *цена производства*, регулируя не только отношения между ними, но и доли распределения *совокупным капиталом* добавленной стоимости, в рамках *метакапитала* уже институциональная ценность в некоторой степени выступает *связующим отношением*, ориентиром, или нормой, для обеспечения относительного равновесия между глобальным спросом и глобальным предложением. *А что лежит в основе колебания этих агрегатов?* С нашей точки зрения — это институциональная ценность, которая отражает не только меру затрат, но и момент вмененных социальных ориентиров, ценностей, спекуляций. Финансовый рынок как доминирующая форма функционирования рынка в целом создает фиктивный капитал, который никак не может проявляться без субъективистско-психологического вменения. Но парадокс в том, что реальные активы в своей оценке зависят в первую очередь от движения и поведения игроков биржи, института, где формируется ложная социальная стоимость. Финансовые рынки по своей сути являются нестабильными; кроме того, существуют общественные потребности, которые не могут быть удовлетворены путем предоставления полной свободы рыночным силам.

Последствия и проявления этой ситуации на практике самые разные. Но применительно к нашим трансформациям это означает, что страны, не являющиеся основными политико-экономическими игроками, *свои реформы должны начинать* под признаваемую идею и ориентиры, выражаемые в явных и неявных формах. И этот «стандарт» пове-

дения будет искусно поддерживаться и контролироваться мировым сообществом. От выполнения страной разных рекомендуемых стандартов зависит возможность получения кредита, инвестиций, степень поддержки кадровой политики, приглашение к участию в работе каких-либо международных организаций, рейтинговые оценки, прогнозы развития «влиятельных» экспертов и пр.

Внедрение информационно-психологических технологий и внедрение их в сознание, *не разрушая традиционных укладов (!)*, все же в целом создают новое качество взаимодействия техники и технологий, экономических отношений и форм, институциональных и социальных связей. В результате срабатывает синергетический (кумулятивный) эффект у тех стран, у которых сложилась *критически накопленная структура нового технологического уклада*. Доля последнего в продукции ВВП не должна быть менее четверти. Институциональный капитал³ сегодня обрамляет, организует (!) все виды капитала и укладов, приводя их в действие, обеспечивая определенный тип воспроизводства. Поэтому причина низкой эффективности функционирования как государственных предприятий, так и частного бизнеса, роста отчуждения наемного труда и его мотивации, отчуждения чиновников от результатов своей деятельности, т. е. обострения бюрократизма, лежит в плоскости понимания и, следовательно, умения организовать всю совокупность *институционального капитала*.

Уже сегодня накопленные данные позволяют заключить, что из всей совокупности циклов цикл информационный, в котором информация является главной сферой и средой деятельности институционального капитала, является доминирующим. От него зависят все другие циклы⁴. Информационно-образовательно-психологический цикл (подчеркнем — мировой цикл) отражает, прежде

³ Институциональный капитал — это накопленный и сохраненный в процессе общественного развития страны (мира) такой набор взаимосвязанных между собой институтов (формальных и неформальных), который обеспечивает условия для расширенного и эффективного экономического роста и развития. Что касается воспроизводства, речь идет об интенсивном типе данного явления, в котором обеспечивается, кроме всего прочего, воспроизводство *отношений развития*.

⁴ Как-то так получается, что именно информационный цикл является наименее изученным. Определенную лепту в раскрытие природы функционирования информации внесли Дж. Стиглер, Дж. Стиглиц, М. Спенс, А. Акерлоф. Однако главная проблема в прорыве понимания производства и воспроизводства информации заключается в том, что данное явление исследуется в рамках методологических традиций изучения и изложения рынка, денег и капитала.

всего, способ мышления, а также способ работы с информацией: ее сбором, обработкой, производством, накоплением, обновлением, защитой, передачей, обменом и использованием. Временные рамки информационного цикла выходят за пределы долгосрочного кондратьевского периода, а его траектория имеет дискретный S-образный характер и фиксирует переход на качественно новую научную и образовательную парадигму.

Институциональная ценность как категория новой политэкономии

Норма прибыли, не взирая на общую ее тенденцию к понижению, сегодня также имеет значение. Это наиболее характерно для краткосрочного периода. Но институциональная ценность отражает норму влияния, деятельности и контроля метакapитала остальных видов капитала, давая последним эту финансовую прибыль. Но последнюю невозможно понять без понятия издержек.

Понятие издержек для просто экономиста и институционального экономиста имеет разный смысл. Если просто экономиста интересуют оплачиваемые внешние издержки по производству товаров и услуг, а «хорошего» экономиста — издержки и внутренние, рассчитываемые по особым методикам, то институциональный экономист обязан, кроме всего прочего, обратиться к издержкам/полезности функционирования всей институциональной системы. Эти совокупные издержки/полезность отражают ценность, а, следовательно, и эффективность функционирования определенной модели хозяйствования, которой институты задают стратегическую генерацию и вместе с тем ограничения развития. Их кратко можно выразить формулой:

$TC = PC + TrC + TrCi$, где TC — совокупные издержки, PC — производственные издержки, TrC — транзакционные издержки по товарным операциям, $TrCi$ — транзакционные институциональные издержки, опосредующие институциональные транзакции реформы. Они включают не только издержки по ликвидации старых институтов, но и необходимые затраты по строительству новой институциональной системы. Институциональные транзакции являются условием и результатом реформ. Если будут перерыв и дискретность между ликвидированными старыми и формирующимися новыми институтами, то образовавшийся вакуум создаст отрицательный эффект хаоса и неопределенности. Это тот случай, когда возникает некооперированное поведение из-за отсутствия некой идеологии, признаваемой большинством и позволяющей одинаково понимать текущее и планировать с более чет-

кой определенностью будущее поведение и его возможные сценарии. Это ситуация переходных периодов.

Институциональная среда не просто превращает технико-технологические возможности в действительность, но и выступает исходным, базовым условием определенной модели хозяйствования, создающей условия для дополнительного социально-экономического эффекта, называемого институциональным доходом (R_i). По существу это рентный доход, поскольку он напрямую чаще всего никак не связан с капитальными или же трудовыми затратами. Например, сеть Интернет создает дополнительный полезный эффект с подключением каждого его дополнительного участника. Здесь предельный полезный эффект стремится к максимуму при стремлении к минимуму предельных издержек. Такого не может быть при производстве и потреблении обычных товаров.

Она, институциональная рента, кроме *субъективированных ценностных оценок* содержит элемент (большой или меньший по величине) *добавленной, вмененной стоимости*, создаваемой в других странах. Таким образом, *институциональная ценность вменяется* обществу и индивидам в отдельности, и ее связь с затратами имеет косвенный характер. Она служит основой неэквивалентного обмена по сути, хотя формирует видимость равнопартнерских отношений между странами или субъектами хозяйствования. Таким образом, принцип демократического поведения внешне соблюдается, и он на явленческом уровне вполне приемлемо описывается позитивистской методологией, но в рамках сущностного подхода уже более четко отражаются и другие аспекты современной реальности — отношение далеко не равных возможностей, свободы выбора и явного «нарушения» закона стоимости. Однако в рамках категорий мейнстрима последнего как раз-таки и нет. Вот поэтому и проблемы эксплуатации нет...

Институциональная ценность (V_i) равна: $(V_i) = PC + TrC + TrC_i + R_i$. Она распадается на эти элементы, потому что она фиксирует качественную целостность общества или отдельного сообщества, группы. В конечном счете, именно данная норма, а эта есть общественная норма поведения всех участников хозяйственной деятельности и в первую очередь четко выкристаллизованных, сложившихся элементов социально-классовой структуры, определяет допустимые пределы производственных (PC) и трансакционных издержек (TrC). Это же относится и к размеру распределяемых рентных доходов. В меньшей степени люди на рациональном уровне далеко не одинаково понимают суть институциональных изменений (TrC) и всех выгод (R_i), получаемых от этих изменений. Лозунг «Движение — все, конечная цель — ничто» часто лежит

в основе инициатив или мотивов участия в реформах. Но это для масс, для электората. Элита же, иницилирующая реформы, почти всегда понимает, к чему она стремится. Ее целью является институциональная рента, которая выступает следствием разрушения старой системы норм и правил и построения таких новых «порядков», которые в той или иной степени обеспечат интерес не только реформаторов «первой волны», но и последующих ее участников. Институциональная рента делится далеко не всех членов общества. Ее законы распределения выходят за пределы привычных законов рыночно-капиталистического распределения. Ее формы также не только деньги и далеко не деньги: это должностные портфели, привилегии, возможности влияния, ордена и пр.

Стоимость и институциональная ценность взаимосвязаны. Институциональная ценность указывает на развитие социально-экономических процессов, динамику происходящих изменений. Но стоимость отражает меру физической жизнедеятельности человека или фирмы, производящей услуги. Однако по мере решения этих злободневных проблем диапазон витальных потребностей человека расширяется и углубляется за счет социально-психологических переживаний, эмоций.

Экономическая сфера на текущий период уже не может рассматриваться отдельно от социальной, культурной, коммуникативной, психологической. Возрастает значимость институционально-социально-психологических и пр. потребностей, которые значительно расширяют рыночный обмен, виртуально увеличивают размер ВВП, условий и факторов, т. е. того, что входит в понятие социального капитала. Богатство народов сегодня вышло далеко за привычные рамки и формы, сформулированные еще А. Смитом. Для того чтобы обеспечить мир материальными благами текущего уровня в современной экономике вполне достаточно, чтобы их производили около 20% занятых. Остальные производят не просто услуги, а отношения общения. Таким образом, основным средством, или, может быть, механизмом, приращения и возрастания капитала стали не производство и технологические инновации, а манипуляции сознанием потребителя. Открыто то, что можно назвать душой экономики. А последняя слишком хрупка и зависит от всего еще мало изученного комплекса социально-психологических и информационных факторов. Именно в этом суть информационных технологий, которые практически не обеспечили качественный прирост знания о современной экономике. Причина — новые сферы человеческой деятельности или осознанно не замечаются, или их пробуют исследовать старыми методологическими подходами и инструментами. Например, деньгами, которые узурпировали уже практически все человеческие

ценности, разрушающими даже капитализм как производительную систему. Сегодня от денег и соответствующего вида капитала и капиталистов (далеко не предпринимателей) надо защищать капитализм. Иначе говоря, институциональная ценность, которая во многом выстраивается из оценки смысла жизни, сегодня офинансирована или монетизирована, а вернее — демонизирована (термины Ю.М. Осипова).

Естественно, под влияние фиктивного капитала и разных его производных начинает расти и объем ВВП, и другие не совсем стандартные экономические показатели за счет процесса и специфической экономики, имеющей субъективированные параметры. Например, объемы ВВП страны, отражаемые в национальной валюте, по обменному курсу и по паритету покупательной способности не совпадают по причине субъективных оценок ценности и разной покупательной способности валют. Эта покупательная сила вменяется обществом под влиянием финансового капитала, и реальные издержки здесь не имеют существенного значения. Интересно то, что покупательная сила денег развитых стран почти в полтора раза переоценена по сравнению с валютами стран более низкого уровня развития, ценность валюты которых занижена почти в два раза. Мировые ресурсы имеют 57,7% финансовой основы и только 42,3% материальной.

Если посмотреть на мировой ВВП по обменному курсу и сравнить его с уровнем по покупательной способности, то оказывается, что в последнем случае он почти в два раза больше. Эта разница образуется за счет недооцененной валюты так называемых развивающихся стран и стран с формирующимися рынками и переоцененной валюты стран индустриально-развитых. И чисто экономических факторов здесь нет. Есть вмененная стоимость, а точнее ценность, которую благодаря субъективной оценке получает доллар США. Термин «денежная экономика» возник вовсе не зря, а потому, что можно, используя валютно-денежные и финансовые отношения, осуществлять перераспределение реального богатства.

Институциональная ценность характеризует в некоторой степени меру качества жизнедеятельности человека (!), уход последнего в психологические переживания и эмоции. Диапазон последних значительно шире, чем удовольствия и переживания, обусловленные материальными благами, размером ВВП. Возникла уже политэкономия счастья [5, 94—107], где имеют значение не только материальные блага (ВВП и пр.), но и субъективное восприятие многих моментов жизни и трудовой деятельности человека. С методологической точки зрения надо видеть расширение как объекта, так и предмета экономической науки. Им ста-

новится сознание человека — не только индивидуальное, но и общественное и пр. — во всех формах проявления.

Итак, институциональная ценность — это в высшей мере субъективированные оценки потребляемой произведенной услуги, полезные качества которой формируются или в процессе коллективного пользования, или же вследствие первоначально высокого общественного признания. В последующем эта высокая мера оценки, например, какой-то информации или услуги распространяется за счет субъективной оценки других субъектов хозяйствования, потребления их другими индивидами, институционализации всего хозяйственного процесса.

Когда индексы на фондовых биржах уменьшаются или увеличиваются, то размер реальных активов от этого не меняется, идет лишь перераспределение субъективных массовых оценок, зависимых от биржи, трейдеров и игроков от экономики. Сфера социально- и политико-экономической психологии только сейчас начинает приобретать определенное осмысление и значение. Речь идет об интерпретативной рациональности, смысл которой задают, например, эксперты, также имеющие свои интересы и мировоззренческий фокус.

Натурально-имущественная и стоимостная формы уходят как бы в основание общей структуры создаваемого (и произведенного) богатства, вершину которого замыкает богатство информационно-психологическое. Последнее имеет крайне специфическую потребительную ценность. Стоимость, созданная знанием, по своему характеру требует в высшей степени институционализированного общества, иначе она не сможет получить должного признания (пример, Айфон). И покупатель платит не за дополнительные граммы или площади изделия, а за те особенности потребительной стоимости, обязанные *общественному признанию марки* фирмы, ее популярности.

Институциональная ценность выступает, таким образом, субстанцией глобальной ренты. Это сегодня главная форма дохода. На этапе *формирования* мирового рынка глобальную ренту извлекали политико-экономические альянсы в рамках закрепившегося международного разделения труда, специализации и кооперации. Этот политико-экономический эффект был все же следствием минимизации транзакционных издержек на международном уровне. Следовательно, в доходах от *международной кооперации* кроме рентного была часть дохода экономически оправданного, признаваемого и выгодного всему обществу. Войны между странами, характерные особенно в период образования монополистического капитализма, можно объяснить именно таким видом борьбы за глобальную ренту. Сегодня стремление стран Восточной Европы войти под «защиту» соответствующего союза, включая воен-

ный, также объяснимо с точки зрения желания извлечь ренту при изменении мирового экономического порядка без усиления экономической активности и «напряжения» своих хозяйствующих субъектов. Показательно то, что от конкуренции капиталов через конкуренцию стран в настоящее время осуществляется *переход к конкуренции блоков, союзов, альянсов, корпораций*. Речь идет о *конкуренции институтов наднационального уровня*. Здесь сообщество постиндустриальных стран играет ведущую роль, *без согласия которых и без их поддержки ни одна страна не может изменить свое положение*.

Институциональная ценность проявляется также во всеобщей стандартизации, в ценности денег, которые не сберегают никаких накоплений, дешевых, но опасных нормах технологии, приводящих к техногенным катастрофам, антисоциальным нормам, минимизирующих издержки и дающих далеко не рыночные прибыли. Кроме того, за последние полстолетия экономическое неравенство между странами и людьми резко увеличилось, возникла новая форма эксплуатации и неравенства — информационная, т. е. разноступенчатость стран и людей к достоверной (!) и научной (!) информации. Согласно данным ООН и ОЭСР, более 87% всех расходов на НИОКР сосредоточено в 31-й стране, составляющих не более 13,4% общего количества национальных хозяйств. Остальные же 86,6% хозяйств лишь около 10% расходов осуществляют на научно-информационную и конструкторскую деятельность.

Возник новый вид частной собственности — право на формирование и управление новыми международными институтами. На этой первичной стадии страны, включенные в «первый список», извлекают глобальную ренту через институциональные инновации, обеспечивающие выгоды «первопроходцам», иницирующим если и не новое знание, то новые смыслы. В последующем происходит дальнейшее распределение информационного продукта посредством денег. И законы этой стадии распределения также никак не отвечают известным экономической теории законам распределения совокупного общественного продукта: равенство предельных издержек предельным выгодам.

Современный капитал не делит уже самостоятельность и ответственность за свои действия, как в прошлом, а предпочитает приватизировать доходы, позволяя национализировать своим странам и миру в целом возникающие издержки и другие негативные последствия. Трансакционные издержки в мировом ВВП уже составляют большую его часть (!), но их за минимальную оплату принимают на себя «третьи» страны.

Формой регулирования институциональной ценности является институциональное планирование: это сознательное формирование таких норм, правил, порядков, которые, отражая закономерности противоречивых современных тенденций, позволяют оптимизировать отношения и интересы различных социальных групп и классов, достигая компромисса интересов как на международном уровне, так и на уровне национально-государственного устройства.

Поэтому нельзя арену институционального строительства отдать на откуп только известным странам, международным центрам, как и управление деньгами нельзя отдавать на откуп лишь банкирам, которые сегодня превзошли даже ростовщиков по своему устремлению к извлечению денежной ренты. Влияние объемов кредитования на производство и потребление почти ликвидировало институт частной собственности, потому что до тех пор, пока кредитор-получатель не рассчитается с банком, собственность имущества юридически принадлежит банку. Центр, тяжесть конкуренции из сферы экономической, влиявшей на национальную политику, переносится уже в политическую сферу, что диктует в свою очередь правила конкурентной борьбы в области экономической. Речь идет о конкуренции институтов, а точнее монополии, потому что формирует международную политико-экономическую стратегию лишь небольшое (известное) количество стран. Конкретные же субъекты «строительства» международного экономического порядка неизвестны. Поэтому глобальная политика определяет и необходимость увеличения открытости экономик, которая возросла с 16% в 1950 г. до 37% в 2000 г. Это принципиально иной вид либерализма. И в этом проявляется один из множества парадоксов, которые сопровождают мир-экономику.

Суть его заключается в том, что увеличение открытости экономики какой-либо страны не только подрывает ее национальный суверенитет со всеми составляющими, но и создает в том числе условия для извлечения глобальной ренты ТНК и ТНБ. Этим закрепляется экономическое, политическое и социальное неравенство страны или стран. Но, с другой стороны, государство, создающее жесткие границы, также лишается возможности извлечь выгоду от торговли, инвестиций, внедрения институциональных, технических и организационных инноваций. Но уже очевидно, что современные слаборазвитые государства сами не сумеют преодолеть установленные для него различными способами пределы для своего развития, потому что за последние десятилетия разрыв между странами не только не сократился (как прогнозировали), а значительно увеличился. Монополярная система, а именно так можно охарактеризовать современную мир-экономику, должна обслуживать на

200

неэквивалентной основе центр, куда входит уже не известная семерка держав, а межнациональный капитал — метакapитал — со всей своей инфраструктурой и специфическими товарами и услугами, и периферию со своей товарно-сырьевой специализацией в экономике и производной подчиненностью в политике, науке, технологиях, идеологии. Это одно из самых значимых противоречий современного капитала, имеющее самые разные формы проявления.

Для этого же создан особый порядок из свода условий и правил, по которым финансовый кризис лишает миллионы людей своих сбережений, а счет можно предъявить только к феноменологии рынка, т. е. ни к кому. Действительно, вызывает не только недоумение, но и протест то обстоятельство, что американские граждане по результатам последнего кризиса потеряли 7 трлн дол., а банки — всего лишь 1 трлн дол. Но самая массовая и активная помощь оказывалась не теряющим свое последнее богатство гражданам, а банкам. Налицо острейший институциональный конфликт современной мир-системы, в основе функционирования которой лежит глобальный капитал; создана антиэкономика, утерявшая первоначальный свой смысл — человеческой деятельности, равно как и классические либеральные традиции — право защиты частной собственности в современном рыночно-капиталистическом обществе. И если имущественное неравенство, вскрытое ранее, может как-то еще и не замечаться, то информационно-статусное неравенство, осознанно к тому же культивируемое, практически полностью исключает демократические принципы человеческого общения, свободу выбора и поведения. Рентная мотивация — это также один из первых признаков современного глобального капитала, функционирующий на институциональной ценности, а глобальная рента является ее конкретным видом проявления, механизм формирования и изъятия достаточно сложен и мало изучен.

Антироссийские санкции как проявление общего кризиса глобального капитализма

Сегодня можно наблюдать очередной этап формирования новой мир-системы, характеризующийся достаточно структурированной с точки зрения доступа к различным базам данных агрессивной и недемократичной информацией. Новый метод коммуникации, который можно назвать методом джунглей, породил удивительное сочетание правды и вымысла, что само по себе является сутью информационной войны, но не конкуренции. С последней, как показали события на Украине, начнутся реальные войны. Война на Украине, санкционная война, объявленная России, — закономерный этап проявления общего кризиса гло-

бального капитала, который не сумел другими методами обеспечить свое существование. Эта война подтверждает ту закономерность, что каждый общий кризис всегда не просто сопровождается локальным военным конфликтом, а имеет крайне серьезные военно-политические события. И, к сожалению, Россия всегда не просто оказывалась затронутой историческими событиями (1812, 1914, 1941 гг.), а становилась их главным актером. Не будем рассматривать иные мировые баталии, но вопрос возникает крайне серьезный: что это и в чем причины такого жесткого очередного противостояния уже не двух систем, а России и, по сути, западной системы ценностей и возможностей геополитического влияния; как же можно преодолеть текущую информационную и политико-экономическую войну (пока такую) и какова перспектива более мягкого выхода из этой сложной ситуации? Борьба за глобальную ренту (!) как основную форму дохода глобального капитала выходит за пределы экономической конкуренции на уровень конкуренции институциональной. Реально она проявилась как санкции против самостоятельного политико-экономического поведения России в мировом пространстве и отстаивания своего права на законную долю национальной добавленной стоимости.

Регионализация — средство минимизации последствий санкционной политики Запада

Как показывает анализ эволюции технологических, хозяйственно-экономических и социальных тенденций, последствия санкционной войны можно минимизировать посредством регионализации, т. е. выбора независимых партнеров, имеющих исторические традиции экономических и культурных отношений, интересы которых непротиворечивы или же совпадают на определенном историческом отрезке. Следует, во-первых, отойти от стандартов оценок «традиционной» (неоклассической) теории в текущей ситуации, поскольку именно она привела Россию и другие постсоциалистические страны к неокOLONиальной зависимости. Конечно, теория теорией, а голову свою имей, но, к сожалению, массовая атака общественного мнения: приватизация, либерализация и пр. свою задачу полностью выполнила — переходный период закончился, но что дальше? Во-вторых, следует объективно оценить качество собственных институтов как через призму сложившегося расчета всемирных индикаторов, например, индексов человеческого развития, глобализации, привлечения иностранных инвестиций и др., так и в контексте своей колеи исторической эволюции. В-третьих, подлежат рациональной оценке положительные стороны России и ее государственных партнеров в текущей ситуации. Что касается последнего обстоятельства,

то политико-экономическая сила страны, прежде всего, заключается, как бы это ни парадоксально звучало, в хотя и противоречивой, но все же в длительной самостоятельной истории ее народа, умеющего в нужное время аккумулировать свой духовный, экономический и политический потенциал. Далее, это большие золотовалютные резервы, положительные международные инвестиционные позиции, маленький государственный долг и относительно низкий бюджетный дефицит, некритический уровень инфляции и безработицы. Есть и другие положительные институциональные свойства, которые, так или иначе, проявляются в российской экономической истории. Данные табл. 2 показывают то, что мы имеем для физической, или природной, экономики, а табл. 3 — потенциальные возможности экономики интеллектуальной, способствующей инновационной стадии развития.

Таблица 2

Производство сельхозпродукции на душу населения (2013), кг

Страна	Казахстан	Белоруссия	Россия
Зерно	1072	803	636
Сахарная свекла	4	459	274
Картофель	196	625	210
Овощи	190	172	102
Скот и птица в уб. весе	55	124	60
Молоко	287	703	214
Яйца	228	418	288

Источник: расчеты по данным www.world.bank.org, данным статистики стран.

Показатели табл. 3 свидетельствуют о *качественном уровне* социально-экономического потенциала наших стран с точки зрения освоения ими укладов и отраслей «новой экономики». Это важные характеристики для оценки потенциальных возможностей постиндустриального развития [1].

Таблица 3

**Место стран ЕАЭС в рейтинге готовности к экономике знаний
(2012)**

Страна	Knowledge Economy index	Knowledge index	Innovation index	Education index	ICT-index
Белоруссия	59	45	60	33	47
Казахстан	73	63	91	40	68
Россия	55	40	40	44	44
Армения	71	78	82	39	100

Источник: www.world.bank.org.

Несколько выводов

Современный период высветил, что национальные рынки и не только финансовые, но и товарные, рынок физических активов капитала и труда, рынок идей утратили состояние устойчивости, а сложившиеся формальные институты не обеспечивают защиты собственности в рамках тех критериев нравственности и справедливости, которые выработаны А. Смитом. По сути, это было главным завоеванием капитала, которое симулировало снижение затрат, повышение эффективности и, таким образом, формировало условия для развития. А сегодня это основное противоречие этапа глобального капитала. Глобальный капитал нарушил основные нормы поведения капитала как главного экономического института рыночной системы — сохранение политико-экономической демократии и обеспечение равновеликой прибыли на равновеликий капитал. Острота противоречия очевидна: никто как бы конкретно не виноват по юридическим законам (они ведь устанавливаются конкретными людьми и под конкретные интересы), но эти законы никак не координируются с экономическими законами — произведенная стоимость не может исчезнуть бесследно, хотя вполне может изменить свою форму и (или) субъекта присвоения. Иначе говоря, законы права подавили и узурпировали законы экономики. Нравственно-этические законы и принципы вообще исчезли из правил человеческого общения в этой эпохе. Таким образом, предсказанная Т. Вебленом дихотомия бизнеса и предпринимательства довела эту проблему до разлома. Таким образом, современный кризис мирового хозяйства глобального капитала — кризис парадигмы самого капитала не только в практике,

но и в теории. Новый экономический бестселлер Т. Пикетти подтверждает это, равно как и очередная книга известного Дж. Стиглица [6; 7]. Институты имеют значение. Они начинаются с идеи, трансформируются в теории и оформляются в хозяйственной практике. Идеи, заложенные двадцать пять лет тому назад Центром общественных наук о том, что мыслить надо глобально, а действовать национально, пожалуй, уверенно подтверждаются.

Литература

1. Экономическая теория на пороге XXI века / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Т. Пуляева. СПб., 1996.
2. Бердяев Н.А. Философия свободы: Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1997.
3. Кругман П. Возвращение великой депрессии. М., 2009.
4. Экономика. Университетский курс: Учеб. пособ. / Под ред. П.С. Лемещенко, С.В. Лукина. Мн., 2007.
5. Антипина О. Экономическая теория счастья как направление научных исследований // Вопросы экономики. 2012. № 2.
6. Piketty T. Capital in the Twenty-First Century. Harvard University Press, 2014.
7. Стиглиц Дж. Цена неравенства. М., 2015.

В.А. КУТЫРЁВ

Глобальный челове(йни)к: превращение в Технос

Аннотация. Происходящее под влиянием глобализации разложение культуры и социальности превращает человеческое общество в «человеиник». По своей сути это постобщество, характеризующееся технологизацией межчеловеческих отношений и самого человека. В таком качестве оно предстает как «технос», а его члены — техноидами, когда вместо личности возникают человеческий фактор, зомби, агент, персона-ж. Задача философии в том, чтобы противостоять нашей «деградации в новое», защищая человека и его общество как традицию.

Ключевые слова: глобализм, культура, Ницше, Леонтьев, социальность, технос, техноиды, человеиник, постобщество, mortido, философия хозяйства, традиция.

Abstract. Occurs under the influence of globalization, the expansion of culture and sociality transforms human society «cheloveinik». At its core is postobschestvo characterized technologization interpersonal relations and the individual. As such, it appears as «Technos», and its members — tehnoidami when, instead of the individual human error occurs, zombies, agent, person-w. The task of philosophy is to confront our «degradation in the new» protecting the man and his society as a tradition.

Keywords: globalism, culture, Nietzsche, Leontiev, sociality, Technos, tehnoidy, chelove(yni)k, postobschestvo, mortido, philosophy of farming, tradition.

В конце XIX в., в разгар торжества модерна, всеобщего пиетета перед Разумом и великих надежд на новые достижения человечества в ходе промышленной революции, Ницше предупреждал и объявлял: «Я утверждаю, что все ценности, к которым в настоящее время человечество стремится как наивысшим — суть *ценности decadence*... Я утверждаю, что всем высшим ценностям человечества *недостает* этой воли (к власти. — *В.К.*), что под самыми святыми именами господствуют ценности упадка, *нигилистические ценности*» [1, 268]. Этот упадок воли к власти, ведущий в конце концов человечество к превращению в нечто Иное, Ницше связывал с господством в Европе христианской религии, основанной на ней морали и науки. Они — «высшие ценности». И именно они подавляют силу человека, заменяя страсть и радость ее проявления в борьбе другими представителями жизни расчетом и мещанским благополучием. Всячески проклиная их во имя сохранения природного человека, его инстинктов, обобщенно выражающихся в стремлении к самоутверждению (власти), он защищал натурализм, цельность духа, аристократизм и благородство чаемого им «сверхчеловека». Собственно говоря, *защищал природу от культуры*, как она сложилась к тому времени в виде науки, гуманизма и демократии.

С тех пор прошло более 100 лет. Если бы Ницше попал в наше время, то при первом взгляде на ситуацию возрадовался бы. Не говоря пока о науке, которая обрела самостоятельность и фактически перестала быть частью культуры (теперь говорят/пишут: наука *и* культура), ненавидные ему христианская религия и мораль находятся на последнем издыхании. По крайней мере, в Евроамерике, т. е. на передовой линии прогресса, под лозунгами свободы и прав человека идут их подавление, открытая диффамация, отказ от них. Грех, совесть, любовь, честь, авторитет старших и семьи, а также все так называемые традиционные культурные ценности размываются, терпят поражение. Любые боги осмеиваются, проявление религиозных чувств допустимо лишь в специально

отведенных церковных резервациях, а публично нельзя даже обозначать принадлежность к той или иной конфессии. От государства отделяется не только религия, но и мораль (оно провозглашается «правовым»: все, что не запрещено законом — разрешено). Противоположность добра и зла притупляется, обволакиваясь толерантностью. Легализация браков «по гендеру», а не по полу, другие формы перверсивной сексуальности, ювенальная юстиция, пропаганда child free возводятся в норму. Презируемый Ницше гуманизм тоже вытесняется неким «трансгуманизмом». Возникли феномен мизантропологии, поношения человека, показ его ущербности в сравнении с будущими роботами [2]. Человечество намерено (и как-то умудряется) жить без регулирующих социальные отношения культурно-духовных традиций, норм, идеалов и другого «лицемерия».

При втором взгляде он бы, однако, озадачился. Никакого возрастания воли к жизни после умаления ее противников почему-то не произошло. Напротив, она приближается к нулю, перерождаясь в «волю» к смерти. Теоретически эта (не)воля выразилась в господстве «пост» — в отношении всего, что раньше рассматривалось как культура: истории, искусства, разумеется, религии и морали, наконец, самого человека. Вместо реальной истории говорят о «социальной памяти» или вообще не говорят, господствуют фантастика и футурология. Все нестандартное, сильное, мужское, активное, что он защищал от нивелирующих их «высших ценностей», умалается еще больше. Кльта Бога нет, но он сменился другим культом — богатства и комфорта. О необходимости сохранения природы напоминают только какие-то «зеленые», а о/против любви, в основном, какие-то «голубые» и феминистки. «Права человека», на которых помешалось западное общество, Ницше сразу бы определил как права индивида, превозносимые во вред роду, т. е. продолжению человечества. И совсем бы впал в ступор, увидев, что «смерть человека» как такового стала брендом прогрессистской мысли. Возникает общество без святых и героев, без различения высокого и низкого, а если оно существует, то по инерции, в отсталых странах, которое, если они хотят стать «цивилизованными и демократическими», надо преодолевать. Философия перешла от защиты Бытия к апологии Ничто: теперь оно, пустота, объявлено подлинным содержанием всего.

Этот «тренд» к отказу цивилизации от религии, морали, других «высоких» культурных ценностей и основанного на них образа жизни наметился уже в XIX в., что в борьбе с ними не увидел Ницше, а у(рас)смотрел его русский союзник по консерватизму К.Н. Леонтьев, посвятивший данному явлению специальную статью с характерным заголовком: «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разру-

шения». «Все меньше и меньше сдерживают кого-либо религия, семья, любовь к Отечеству — именно потому, что они все-таки сдерживают, — считал он, — на них более всего обрушиваются ненависть и проклятия современного человечества. Они падут — и человек станет абсолютно и впервые “свободен”. Свободен как атом трупы, который стал прахом... Быть может, это так и нужно; но чему же тут радоваться?.. Не могу понять и не умею!» [3, 130]. В отличие от Ницше К. Леонтьев *защищал культуру от техники*, экспансии капитализма и промышленной революции, полагая, что она является последним рубежом в сохранении собственно человеческого общества. Если же говорить без преувеличений, то вопрос о прямой угрозе человеку еще не стоял, фактически он защищал личность от ее перерождения в «актера» (дельца, прагматичного деятеля).

Никто не может предвидеть будущее сколько-нибудь точно. К. Леонтьев, как и Ницше, тоже был бы удивлен, попав в наше время. Идеал среднего европейца практически осуществился, более того, распространяется в глобальном масштабе, религия, семья, любовь к Отечеству действительно попадают в маргинальное положение, но насчет «разрушения» он был бы вынужден признать, что ошибся. Крик о свободах стоит, внутренне люди атомизированы, все более бесчувственные, постэстетические (появился даже термин «*undead*» — не мертвые, хотя уже не живые), но общество не распалось, наоборот, все пронизано связями и коммуникацией, притом во всемирном масштабе. Вместо атомизации — тотализация, скученность и совместность приобрели невиданные никогда и нигде масштабы, «группы», как от них бы ожидалось, вовсе не неподвижны, они мельтешат и перемещаются с огромными скоростями. Кроме поверхности земли, как было при жизни К. Леонтьева и Ф. Ницше — под землей, в/на воде, в воздухе, в космосе — во всех средах. Планета кип(ш)ит от разнообразного и многомерного функционирования «свободных человеческих атомов».

Но как эти люди-атомы могут действовать вместе без духовных регуляторов? Без Бога, — думал Ф.М. Достоевский, — все позволено. А тут и без моральных скрепов, и, однако, все движется, люди множатся, теснятся — и сосуществуют, не перекусали друг друга, «толерантны». При каких условиях и на чем держится общество, отказывающееся от культуры? По-видимому, только при условии, что возникает какой-то другой, «посткультурный», способ влияния на их поведение; что социальность трансформируется в новое качество или, может быть, заменяется иной формой связи людей между собой. Какой?

Несмотря на споры по поводу определений, культура немыслима без табу, норм и регламентаций, общего представления о долге, стыде и

совести, составляющих содержание моральных, религиозных и эстетических регуляторов. Это ценностно-рациональное отношение к миру. Оно ограничивает свободу индивида, его личные интересы. Эгоизм, «гордость», самодостаточность — самые большие грехи в любой религии и подвергаются порицанию во всех традиционных обществах, включая социализм, требующих «служения» чему-то внешнему, высшему, Богу или социуму. Эти принципы служения элемента целому, индивида роду несовместимы с функционированием состоящего из акторов «свободного и холодного» — так называемого «открытого» — общества, которое формируется в эпоху глобализма. Максимум, что в нем допустимо — правовое государство, потому что оно тоже стремится преодолеть остатки ценностного подхода к социальным проблемам вплоть до провозглашения «приоритета права над благом». Принципы служения, делающие общество «теплым и душевным», тоталитарным, «закрытым», в нем преодолеваются. Другими словами, преодолеваются культура и личность, которые теперь, если и существуют, то в остаточной форме, как «традиция».

И напротив, общество определяется как «открытое», когда люди в нем действуют, руководствуясь принципом полезности и личной выгоды, опираясь на расчет. Все его члены — разумные эгоисты, механизм их взаимосвязи — эквивалентный обмен услугами. Когда не только экономика, а сама социальность — вся — превращается в товар. Внеэкономические формы поведения, характерные для сфер искусства, образования, врачевания, любовные, дружеские отношения или исчезли, или продаются. Заменяются *целе*-рациональными. Не случайно Запад в настоящее время характеризует себя в терминах не культуры, а цивилизации. Оставшиеся недемократическими страны тоже стремятся не общиться будто бы к более высокой, нежели у них, культуре, а «вступить в цивилизацию». Происходящее *оче*-видное разложение культуры не встречает должного отпора, оно успешно и результативно, потому что служит дальнейшему техническому прогрессу, является его выражением.

В пределе, если исключить «пережитки культуры» и брать рациональность в действии, «состояние цивилизации» — это когда все вопросы регулирования жизни решаются технологически (социо- и психотехника, сексуальные технологии, техника общения и т. п.). Цивилизация предполагает целе-рациональные отношения между людьми, а это, по сути, технологический подход к миру, даже если он еще не воплотился в товары или «железную» технику. Сейчас она устремилась к своему идеалу: некоему саморазвивающемуся, все более производительному социотехническому образованию, в котором цело-

век — только средство этого развития. На повестке дня — технологизация всего и вся, вплоть до процессов творчества. Возникает цивилизация универсальных систем и сетей (цусс). Или пусть будет — *Технос*, а населяющие его люди — *техноидами*. Технос как глобальная открытая цивилизация — это уже *постобщество*. Или, если воспользоваться введенным А. Зиновьевым понятием, — технологически регулируемый Челове(йни)к [4].

Технос не просто сфера наряду с другими (техносфера), а именно то, что как когда-то культура, пронизывает все. Торжествует принцип пользы, расчета, автоматической обязательности. Если при приеме на работу практикуют предварительное тестирование и проверку на детекторе лжи, то совесть и профессиональная честь большой роли не играют. Если брак заключают как контракт, а ребенок рождается от совокупления шприца с пробиркой, то вопрос о любви и чувствах при создании семьи снимается. Если служба в армии стала профессией, то проблема патриотизма и священного долга перед Родиной не актуальна. Человеческое общение вытесняется социальной и гуманитарной техникой (Hi-tech). Когда-то офицера сажали под домашний арест под честное слово, теперь — под «электронный браслет». Все решается «извне», в том числе в интимно-внутренней жизни, в сфере духа. Вместо воспитания личности к ней начинают применять психопрограммирование вплоть до применения Hi-Nume, деконструкции и перекодирования. Наиболее последовательные техноиды мечтают об изначальном конструировании человека — о дизайн-бэби.

В технологическую стадию постепенно перерастает и экономика, становясь «посткапиталистической». Без конкретных собственников и «гуру-управленцев», которых вытесняют логистические процессы. В ближайшей перспективе возможно образование интеллектуально-технологических систем, которые непосредственно, без финансовых расчетов будут объединять субъектов хозяйства, управления, а потом и жизни в некую общую транснациональную систему. «Через искусственный спутник Земли центральный компьютер конкретного предприятия включен в глобальную коммуникационную сеть, по которой получает руководящие программы и может связываться с локальными сетями субподрядчика» [5, 61]. Для реализации подобных проектов был создан мировой консорциум. Пока у него есть оппоненты, опасющиеся, что отказ от конкуренции и других принципов экономизма не ускорит, а замедлит темпы внедрения новых технологий, которые в этой системе хозяйствования становятся абсолютной ценностью. Проектировщики «глобального производства» заверяют, что нет — при условии, что им будут управлять соответствующие по характеру и квалификации люди.

Действительно, для функционирования таких систем нужен не экономический, а «технологический человек». Сейчас, как видим, он возникает, все больше и лучше укладываясь в своих проявлениях в оператора в производстве и носителя магнитной карточки в быту, которая от его имени представляет в контактах с остальным миром³².

Главная забота идеологов техницизма в настоящее время — как обмануть себя и других насчет того, куда идет дело, как замаскировать процесс самоотрицания. Любопытно, как это пытаются сделать через манипуляцию языком. «Имя ожидаемого результата эволюции очень и очень важно. Постчеловечность ассоциируется с *бесчеловечностью*, *постчеловек* — с *нелюдью*. Названия “киборг” или “биоробот” также не являются подходящими, поскольку изначально соответствующие устройства предназначаются для того, чтобы выполнять волю человека, а их выход из подчинения рассматривается как катастрофа. Между тем, название “*техночеловек*” как синоним и обозначение новой стадии эволюции “*человека технологизирующегося*” не только лучше характеризует существующую направленность эволюции, но и больше подходит для создания положительного ценностно-эмоционального контекста, столь необходимого для формирования мировоззренческой программы технобиоразвития» [7, 19]. Мировоззрение нужно для программы технобиоразвития, а не человека! А понятие техночеловека (если без маски, то постчеловека, биоробота, киборга) наделяется сугубо положительным статусом, достичь которого желательнее всего как можно скорее. И никаких сомнений в том, что это хорошо. Чудовищная будто бы философия (лжи)! На переднем крае. На наших глазах.

Таким образом, по мере роста возможностей технологического манипулирования людьми, культура как духовность, как механизм поддержания их социальности устаревает, становится ненужной. Отмирает и личность, даже «актор» (функциональный, но самостоятельный деятель), на смену которому идет то, что от них остается. Техноиды: чело-

³² Анализируя процессы перерождения общества в технос, надо помнить, что они еще не захватили его на всю глубину: остаются живые социальные отношения, высокое и народное искусство, традиционная семья и мораль. Даже в экономике существуют очаги ее трактовки как обусловленного культурой хозяйства. Центром сопротивления превращению экономики в экономикс и технос в нашей стране, а, может быть, и мире, является направление философии хозяйства, возникшее в начале XX в. усилиями С.Н. Булгакова в Московском университете и возрожденное в том же университете в конце XX в. усилиями Ю.М. Осипова. С позиции философии хозяйства мы, собственно говоря, столь святотатственно и осмеливаемся обличать суицидные тенденции современного прогресса [6].

веческий фактор (социотехнической системы) зомби (мыслящий без осознания зачем и для чего мыслит), агент (компьютерных сетей), персона-ж (виртуальный концепт человека). А потом следующая стадия: технoчеловек — киборг, биороботы, просто роботы. Если в перспективе и вместе — рoбoвe(йни)к?

Этот технологический человек, «техноид», бурно протестуя против ограничения своей свободы культурными регуляторами, довольно легко смиряется, если они будут техническими. Лишение индивида имени, замена его номером и тем более «клеймение» всегда воспринимались как надругательство над достоинством человека. Но если номер обещают ставить лазерным лучом и хранить в компьютере, то у «прогрессивной общественности» особых возражений нет. Протестуют консерваторы, фундаменталисты и прочие антиглобалисты. Слежка за гражданином, наружное наблюдение и письменные доносы — тоталитаризм, стукачество, но если посредством телекамер просматриваются целые кварталы и обо всем подозрительном предлагается звонить по специально объявленным «телефонам доверия», это воспринимается как необходимость обеспечения общественной безопасности. Поставьте «телескринов» больше, наблюдайте на всех станциях метро, — умоляют обыватели правовых государств. Обыск в форме ощупывания одежды руками отвергается как нечто унижительное (хотя теперь его открыто практикуют), но если по телу водят электронной палкой, все стоят, как покорные бараны. И т. д. и т. п. Лишь бы не со стороны живых людей, не от имени культуры, а техникой — и защитники прав и свобод соглашаются на самый тотальный контроль. Современные либералы незаметно, возможно, для самих себя, перерождаются в техно(идов)кратов. Открытое гражданское общество становится поли-техническим, оно закрыто и регламентировано не меньше, чем традиционные, культурные, разница в том, что закрытость здесь «усовершенствованная», технологическая. Человейник — за(от)крытое образование, част(ич)ным идеалом которого, по-видимому, можно считать «электронный концлагерь» типа Сингапура. *В условиях постобщества демократия заменяется технократией.*

Замену хотя и стандартных, одномерных, но культурных отношений между людьми на технологические можно считать рубежом превращения глобализации в глобализм. Этот «изм» — выражение перехода к жизни без оценки поступков с точки зрения греха и воздаяния, добра и зла, прекрасного и безобразного. Главное — не нарушать правила игры, требующие из всего извлекать пользу, вписываться в потребности дальнейшего роста производства и совершенствования техники. В традиционных обществах спорили о высоких целях, в

глобальном челове(й)нике — о высоких технологиях и комфорте. Они стали целями человечества. Комфорт по-русски — удобство. Цели современного человека, провозглашаемые в том числе в России на государственном уровне, — «удобства». И чтобы как можно ближе. Их наличие отождествляется со счастьем. Глобальный челове(й)ник — это общество, которое предсказывали фантасты-утописты начала XX в. Одни с упованием, другие с ужасом. Рассматривая его с временной дистанции практического становления «мирового государства», Дж. Оруэлл писал о складывающемся механизме посткультурного развития человечества: «Будущее представляется все более ускоряющимся маршем технического прогресса: машины, избавляющие от физического труда, машины, избавляющие от размышлений, машины, избавляющие от боли, гигиена, высокая производительность труда, четкая организация производства, больше гигиены, рост производительности труда, лучшая организация производства — пока вы не окажетесь в знакомой уэллсовской утопии, тонко спародированной в “О прекрасном новом мире”, рае маленьких толстяков» [8, 170]. Ну, все так и есть, только Оруэлл не предполагал, что люди будут считать это благом и среди них почти не останется сил, способных сопротивляться своему вы(пере)рождению или даже видеть его. Что они не (за)хотят знать, когда и как их не будет. Что они пойдут по пути эвтаназии.

Глобальный челове(й)ник — это конец истории, точнее, *конец социально-культурной истории человечества*, в ходе которой сформировался традиционный Гомо сапиенс как разумное, но телесное, чувственное, ценностно-духовное, а не виртуально-информационное существо. Очевидно, что все, считающие себя представителями этого типа бытия, за сохранение культуры должны бороться. Объявивший «конец истории» Ф. Фукуяма совершенно логично доводит его до провозглашения «конца человека». «Биотехнология предоставит нам средства, позволяющие завершить то, чего не удалось специалистам по социальной инженерии. *И тогда мы окончательно покончим с человеческой историей, поскольку мы отменим “человеческие существа” как таковые. И тогда начнется новая история, история по ту сторону человеческого*» (цит. по: [9, 173]).

Это людоедское = трансгуманное теоретизирование, которому нацистские идеи XX в. годятся только в подметки (сам Фукуяма этих идей не разделяет, наоборот, он их критикует, специально доводя до логического конца) базируется на вполне реальных фактах и тенденциях развития Западной цивилизации. Как с гордостью за успехи человеческого (?) прогресса сообщают газеты, Билл Гейтс, под лозунгом осуществления «капитализма без помех» недавно запатентовал «исключи-

тельные права на использование человеческого тела как локальной беспроводной сети» (патент № 6754472). В заявлении компании «Microsoft» говорится, что человеческое тело — это всего лишь «объект интеллектуальной собственности, который подлежит лицензированию» и, следовательно, продаже. Да мало ли чего следует — после человека? Казалось бы, защитники демократии и прав человека в свете таких тенденций должны рвать на себе волосы и биться головой об стену, но мы видим почти олимпийское спокойствие, они оживляются только против культурных ограничителей, особенно если те нужны ради продолжения человеческого рода. Потому что современные либералы (в изумлении от коварства истории, повторим это еще раз), сами того не замечая, стали сторонниками тоталитаризма, только не политического, а технологического. *Зная свободы выпало из рук прогрессистов (фаталистов), отныне его несут консерваторы (защитники свободы).*

И теперь, глядя на эти тенденции, любой честно мыслящий автор — невольник, понуждаемый объективными обстоятельствами следовать по дороге Ницше, в соответствии с новой ситуацией обязан признать, что *вместо decadence (упадка воли к жизни) наступают ценности Moritudo (отказа от жизни и воли к смерти). Под лозунгами прав человека, политкорректности и толерантности господствуют ценности самоотрицания и техницизма, идеология автогеноцида. Человечества! Его Бытия!* [10]. Именно под давлением этих сил человека пора заносить в Красную книгу. Потому что он становится традицией, сохранение которой равнозначно продолжению его дальнейшего существования. Не видеть подобных тенденций могут только слепые и трусы. Или только слепые, потому что трусы, будто бы оптимисты, на самом деле «комфортники», «гламурники», ленивые души и деятельные, но ограниченные технократы (как много их!). Не понимать этого могут только те, кто мыслит не дальше хода e^{-2} — e^{-4} , — кажется, их большинство, и особенно кажется — оно ученое. Не случайно эти то и дело по разным поводам ожидания апокалипсиса, его перенос на новые сроки. Потому что *он происходит* — здесь и сейчас, вполне реально. Не обязательно мгновенно, в дыму и пламени, а в эту эпоху. Глобального челове(йни)чества.

«Деградация в новое», в состояние «пост» всего сущего — так можно определить ее трагическую для человечества суть. Технократизм, идеология инновационизма, когда все вещи считаются существующими не для того, чтобы быть, работать, а скорее исчезнуть, замениться другими, более совершенными — этот растянутый во времени, непрерывный апокалипсис стал фактической целью переднего края технонауки. И теперь, когда провозглашенная постмодернизмом идея смерти человека воплощается на практике, посредством его замены

техноидами, потом киборгами и «трансхьюманами», а общество превращается в глобальный человеиник, задачей подлинной философии становится раскрытие закрываемых техноидеологической катарактой теоретических глаз человечества. Смысл и надежду на продолжение его существования (при)дает консерватизм: борьба с наступающим временем. Опираясь на новейшую науку, которая полагает его многовекторным. *За Традицию Человека.*

Так продлимся...

Литература

1. *Ницше Ф.* Сумерки кумиров // Ницше Ф. Соч.: В 5 т. Т. 5. М., 2012.
2. *Гуревич П.С.* Мизантропология как метанойя // Человек. 2014. № 6.
3. *Леонтьев К.Н.* Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения. М., 2011.
4. *Зиновьев А.А.* Глобальный человеиник. М., 1997.
5. *Рувинова Э.* Управление производством XXI века. Фантастика и реальность // Электроника (наука, технология, бизнес). 1996. № 6.
6. *Осипов Ю.М.* Эпоха Постмодерна. М., 2004.
7. *Алексеева И.Ю., Аршинов В.И., Чеклецов В.В.* «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС-революция и будущее человека // Вопросы философии. 2013. № 3.
8. *Orrwell G. Wells, Hitler and the World State.* L., 1970.
9. *Вирлино П.* Информационная бомба. М., 2002.
10. *Кутырёв В.А.* Время Mortido. СПб., 2012.

А.А. ПОГРЕБНЯК

Философско-хозяйственные вариации*

Аннотации. В статье дается анализ некоторых проблем классической и современной философии хозяйства, таких как проблема стоимости, экономизма, трансценденции, эсхатологии и т. п. Предлагаемый анализ базируется на интерпретации концепций русских (от

* Жанр «вариаций» избран с целью показать на нескольких, казалось бы, мало связанных друг с другом сюжетах многообразие и разноплановость, с необходимостью присутствующие проблемному полю *философии хозяйства.*

С.Н. Булгакова до В.В. Бибихина и Ю.М. Осипова) и западных (от Ксенофонта до Д. Агамбена) мыслителей.

Ключевые слова: философия, хозяйство, стоимость, экономизм, трансценденция, эсхатология.

Abstract. The article analyzes some of the problems of classical and modern philosophy of economy such as value, economism, transcendence, eschatology, etc. The analyze is based on the interpretations of the conceptions of russian (from S. Bulgakov to V. Bibikhin and Yu. Osipov) and western (from Xenophon to G. Agamben) thinkers.

Keywords: philosophy, economy, value, economism, transcendence, eschatology

От экономики — к философии хозяйства

В начале 1990-х экономическая специальность была на пике популярности — очевидно, по причине возвращения России к капитализму. В это время в преподавании экономической науки официально провозглашен отказ от парадигмы марксистской политической экономии в пользу экономикса, как тогда калькировали принятое в англосаксонской традиции наименование данной дисциплины. Вместо диалектического метода с его нацеленностью на выявление противоречий — формальная дедукция тех или иных положений из общих принципов; вместо историзма — опора на математические модели, и т. д. На конференциях еще идут споры, но в учебном процессе — *бесспорное господство* неоклассики, отражающее не столько ее более высокую степень соответствия объективной действительности, сколько простой факт, что такова якобы ситуация «во всех цивилизованных странах». Конечно, сразу же обратят внимание на кейнсианство и неонституционализм как на альтернативные, «неортодоксальные» течения; но более глубокое ознакомление с «мейнстримом» приведет к пониманию, что неоклассика обладает способностью «обволакивать» (по выражению В.С. Автономова — см.: [1]) эти «альтернативы», т. е. включать их точку зрения в поле *своей собственной* аксиоматики.

Философия в это время также освобождается от диктата марксистско-ленинской догмы, но, в отличие от экономической теории, не подчиняется тут же безусловному господству новой, неолиберальной идеологии — возможно, по причине своей относительной «бесполезности». Кто-то (увидев, что это позволительно) продолжает исповедовать прежние принципы, кое-как перелицевав их, кто-то (благо выбор велик: от русской религиозной метафизики до французского постструктура-

лизма) находит себе новую «парадигму», кто-то пытается синтезировать некую новую, оригинальную версию философского знания. Важнее, однако, то, что сам дух времени — само *бытие* в его исторической конкретности — оказывается *избыточно философичным* (поэтому те или иные философские построения лишь частично успевали отразить его суть). Вот цитата из курса «Чтение философии» В.В. Библихина, прочитанного в МГУ в 1991—1992 гг., как своего рода документальное изображение момента: «...Наша страна сейчас в удивительном, может быть, небывалом положении *открытой*, явленной метафизики, — как бы оголенная философия, структура человеческого бытия обнажилась, это проявляется в коллективной амехании, в ожидании, у закованного народа, разрешающего слова: действительно, удивительное существование сотен миллионов, страшно сказать, людей, у каждого из которых есть дела, дел ждет семья, которая в распаде, земля, которая в запустении, воды, вообще пространство, дороги, которых уже почти совсем нет, почти всего нет, все почти ждет человеческих рук, и эти руки есть, и есть способности, и люди *готовы* уже немедленно вернуться к делу, к строительству, но словно заперты отсутствием разрешающего слова, которое ни друг от друга, ни сверху они не слышат» [2, 447]. Философия — не предпринимательство и активизм, запущенные в ход *любым* словом — а понимание того, «как все есть» — есть *так*, что *нет* «готового слова», которое бы автоматически «разрешило ситуацию». Возникает вопрос: чисто ли негативна связь между экономикой и философией?

Приходится вспомнить, что еще в начале XX столетия С.Н. Булгаков написал свою «Философию хозяйства», где определил господствующее в мире мировоззрение как *экономизм*: «Наше время понимает, чувствует, переживает *мир как хозяйство*, а мощь человечества как богатство преимущественно в экономическом смысле слова» [3, 54]. Без преувеличения можно сказать, что мировая философия (в той мере, в какой она не сводится к эпистемологической функции) будет в XX в. (и продолжает быть в начале XXI в.) именно *философией хозяйства*, т. е. попыткой отдать себе отчет в той *истине*, которая реализуется в господстве экономической установки. Фундаментальная онтология М. Хайдеггера, учение о «деятельной жизни» Х. Арндт, «всеобщая экономия» Ж. Батая, критика неокapитализма мыслителями Франкфуртской школы, концепция биовласти М. Фуко, «шизоанализ» Ж. Делеза и Ф. Гваттари, концепция «символического обмена» Ж. Бодрийяра, генеалогия экономики Д. Агамбена — вот далеко не полный список доктрин, так или иначе реализующих задачу философии как *критики экономизма*.

В 1990-е гг. восходящая к трудам С.Н. Булгакова отечественная традиция философии хозяйства возрождается Ю.М. Осиповым. Слово «хозяйство» берется им не как синоним, но скорее как антоним экономики — для того чтобы показать следующее: перед нами не просто некая особенная «сфера деятельности», но универсальный способ нашего бытия в мире — что, в частности, подтверждается современным господством «экономизма», т. е. идеологии, которая исходит именно из подобной универсальности, хотя и воспроизводит ее в абстрактной, «превращенной» форме. «Изобилие экономики сопровождается дефицитом хозяйства» [4, 497].

Ключевым тезисом концепции Ю.М. Осипова было и остается утверждение о *трансцендентном характере стоимости*: «Однако нас не страшит вопрос о природе стоимости, ибо мы не показываем стоимость, указывая на нее пальцем, а рассказываем о стоимости, признавая один очень важный момент — *трансцендентность стоимости как феномена и ее трансцендентальность как научной категории*» [4, 85]. Трансцендентное — то, что выходит за пределы налично данного; трансцендентальное — то, что позволяет мыслить нечто выходящее за рамки родов и видов сущего. К примеру, *сущее* (ens) — это *трансценденталия*, так как этим понятием охватываются все роды и виды, а значит, само сущее не есть какой-то из своих родов. В этом смысле стоимость пронизывает *все сущее* — в той мере, в какой оно подчинено точке зрения экономизма; но именно поэтому здесь поставлен вопрос и о *границе* такого рода истолкования...

Марксизм, трансценденция и эсхатология

Определение, данное стоимости Ю.М. Осиповым, — стоимость есть субстанция, но субстанция идеальная [4, 83] — отражает его полемику с Марксом. Однако ведь и у Маркса стоимость существует как *трансценденция*: во-первых, эта субстанция возникает в результате абстракции труда, тем самым трансцендируя его конкретные формы; во-вторых, стоимость не только субстанция, но и субъект — как мертвый, капитализированный прошлый труд, являющийся причиной для субстантивации, «кристаллизации» труда настоящего, живого; в-третьих, стоимость обнаруживает в своей сущности коммунистическую природу человеческого общения («родовая сущность», «general intellect»), трансцендируя («снимая») свое бытие в форме капитала — и тем самым, по идее, самоотрицается (т. е. перестает быть господствующим определением сущего). В итоге, стоимость понимается как сущностная специфика сущего, понятого как хозяйство — и тем самым она его предельная, трансцендентальная (а значит, и трансцендирующая, преодолевающая

такое определение) характеристика. Таким образом, встает вопрос об *эсхатологии* хозяйства.

В философском плане эсхатология — это проблема *завершения и завершенности* сущего. И если бытие сущего понято по способу экономики, то возникает вопрос о «конце» экономики. Следует напомнить, что сам термин «экономия» использовался в святоотеческой традиции для интерпретации божественного управления творением, существовавшим в горизонте Страшного суда (так что Христос назывался «человеком экономики» — см.: [5, 22]); и даже если взять понятие «потребления» как обозначающее «целевую причину» экономической деятельности, то и оно восходит к эсхатологическим учениям: «совершение века» обозначалось как «consummatione» [6, 254].

Марксистское учение о капитализме эсхатологично, причем не только потому, что революция играет роль Судного дня, но и потому, что потребление рабочей силы как товара (что есть условие возможности производства прибавочной стоимости) предполагает перманентную незавершенность трудового процесса — т. е. апокалипсис здесь буквально принят в расчет, его бесконечная отсрочка и обеспечивает функционирование капитала. Поэтому в XX в. В. Беньямин противопоставляет капитализму как религии, сущность которой заключается в бесконечном продуцировании вины и долга (без возможности искупления), «мирскую» эсхатологию *счастья*: «Духовному *restitutio in integrum*³³, которое приводит к бессмертию, соответствует мирское, ведущее к вечной гибели, и ритм этого вечно преходящего, в своей тотальности преходящего мирского, ритм мессианской природы — и есть счастье. Ибо мессианской может быть природа только в вечной своей и тотальной преходящести» [7, 236].

Эсхатология хозяйства — поиск ответа на вопрос о завершенности, состоятельности, «счастье» конечных, смертных существ, вовлеченных в бесконечный процесс капиталистической экономики.

По поводу Домостроя

Слыша про «Домострой», обычно вспоминают возникший в допетровской Руси свод нравственных наставлений, касающихся прежде всего семьи и хозяйства. Однако не всегда помнят, что слово «домострой» — это калька с греческого слова «экономика», и не случайно именно так на русский язык было переведено название книги Ксенофонта «*Οἰκονομικός*», посвященной вопросам хозяйственной мудрости.

³³ Восстановление в прежних правах (*лат.*)

Этот текст написан в жанре сократического диалога (Ксенофонт, как и Платон, был учеником Сократа) — однако, поскольку сам Сократ последним из афинян мог претендовать на роль образцового «эконома», постольку основные принципы домоводства он пересказывает со слов прославившегося своим практическим благоразумием Исхомаха.

«Принципом принципов» ксенофонтовского «Домостроя» можно считать идею о том, что образцом хозяйства следует считать порядок самого космоса. Космос же устроен так, что место каждой отдельной вещи определяется исходя из сущности целого. Поэтому с самого начала надо знать место, подходящее для каждого рода хозяйственных предметов, чтобы в случае чего само место сказало бы об отсутствии вещи. В результате каждый сорт имеет вид как бы *хора вещей*, а пространство в середине между ними кажется красивым, потому что каждый предмет лежит вне его — как бы указывая на сцену, где должно разворачиваться некое важное действие, встреча героя со своей судьбой. Исхомах рассказывает о том удивлении, которое у него вызвал порядок на финикийском судне: все предметы лежат так, что не мешают один другому, все они в готовом для употребления виде, так что не нужно тратить времени, когда вещь наскоро понадобится — например, в случае бури или встречи с врагом.

Итак, свой собственный вид вещи обретают ввиду того, что остаются *между* ними, *кроме* них. Вещи в хозяйстве должны соотноситься с космическим целым, единственно в рамках которого просветляется подлинное бытие человека — а это и есть высшее благо. Вот почему главной заботой хозяина, согласно Ксенофону, оказывается выбор жены и ее последующее воспитание: именно жена должна заботиться об «уместности» каждого предмета в «хоре» хозяйства, т. е. быть, как сказали бы сегодня, «эффективным менеджером». Возможно, это шокирует современного читателя, но центральным пунктом в «воспитании» жены является ее отучение от использования косметических средств.

Важно, однако, что слова «косметика» и «космос» однокоренные — как, к примеру, «идол» и «идея»: и в том и в другом случае речь идет о ложной имитации некой истинной сущности. Косметика, следовательно, — это то, что своим ложным блеском затемняет существо космоса. Любопытно, что христианские авторы Средневековья не считали зазорным для женщин получать плату за торговлю собственным телом — ведь проституцию также должно считать трудом (если, конечно, занятие ей не доставляет наслаждения). Но, как пишет Фома Кобхэмский в «Руководстве для исповедников», «если проститутка пользуется духами, приукрашивается, чтобы привлекать ложными прелестями, делать приманкой красоты, которой она не обладает, она совершает

грех, так как клиент получает то, что видит и что в данном случае является обманом, следовательно, проститутка не должна оставлять себе прибыль, которую она из этого извлекает» [8, 71].

Кстати, на этом фоне становится абсолютно прозрачным мотив невозможности жениться, проходящий через все творчество Н.В. Гоголя. Еще в ранней повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» герою снится сон, где будущая жена то оказывается бесконечно умножающимся существом с лицом гусыни, отчего «берет тоска», то — «дурной материей», из которой «никто не сошьет себе сюртука». Или — шинель, которая была Акакию Акакиевичу *как* жена: однако, если старая совсем пришла в негодность, то новая была снабжена именно ложной, избыточной, косметической «красотой» (с «кошкой на воротник» вместо куницы; не здесь ли, между прочим, корень «шариковщины» с фальшивыми белками для пролетариата?). Нечаянный обрыв повести о Шпоньке, бегство в окно Подколесина или смерть Башмачкина — вот те исходы, которыми снабжает Гоголь свои истории: «негодность» жены символизирует *радикально антикосмический характер современной экономики, тщетно маскируемый бесчисленными «косметическими ремонтами»*.

Апология лени

В официальном советском литературоведении было чем-то самим собой разумеющимся третировать Обломова и превозносить Штольца. Наверняка школьный учитель, осторожно намекающий, что в романе Гончарова все не столь однозначно, выглядел в собственных глазах едва ли не революционером, в глазах же своего начальства — отступником. Сегодня времена изменились, но по-прежнему трудно представить себе какое-нибудь официальное лицо, публично объявляющее лень *добродетелью*. Поэтому, видя на полке книжного магазина маленькую брошюрку французского марксиста Поля Лафарга (кстати, зятя Карла Маркса), озаглавленную «Право на лень», испытываешь если не священный трепет, то уж точно — удивление и прилив энтузиазма.

Ясно, что труд и лень — понятия *не нейтральные*, они *идеологически* нагруженные (к примеру, латинское *negotium*, «негоция, так сказать», если вспомнить слова Манилова — это ведь буквально «недосуг»). В добуржуазной культуре созерцание — высшая форма *деятельности*, поэтому всякого рода материальное производство стоит на более низкой ступени. Именно за этой более низкой деятельностью и закрепилось понятие *труда*, который поэтому никогда не является чем-то однозначно благим (в марксизме эта тема развита в понятии *отчуждения*: любая узкая профессионализация калечит тело и психику, разви-

вая ее исключительно односторонне). Но в буржуазную эпоху приоритет отдается именно труду, высшие же формы деятельности, связанные со свободой, досугом и сосредоточенностью на мире в целом, а не на изготовлении какого-то «полезного» предмета, объявляются именно *ленью*. Тогда-то и возникает культ труда, т. е. материального производства — и, отмечает Лафарг, современный пролетариат оказывается полностью во власти этой *мании*.

Но самым примечательным в тексте Лафарга представляется описание участи *буржуазии*. Надо сказать, что Лафарг намеренно рисует наш мир едва ли не с марсианской точки зрения. Это для нас, людей, производство и потребление кажутся чем-то противоположным. Но представим себе инопланетянина, который не видит этой разницы, зато в глаза ему бросается очевидное сходство: поскольку труд пролетария требует профессиональной воздержанности, «труд» буржуа рано или поздно потребует *столь же профессиональной невоздержанности* — «нет такого буржуа, который не набивал бы брюха жареными каплунами с трюфелями и лафитом, чтобы поощрять лафлешских птицеводов, бордосских виноделов. При таком образе жизни организм быстро разрушается, волосы редеют, зубы выпадают, туловище искривляется, живот вспучивается, дыхание затрудняется, движения становятся неуклюжими, сочленения теряют свою эластичность, суставы окостеневают, и ревматизм и подагра свивают себе прочное гнездо» [9, 17]; а светских женщин Лафарг сравнивает с великомученицами, которым приходится без усталости порхать из одного платья в другое, чтобы придавать хоть какой-то смысл чахотке, на которую обрекают себя швеи из-за своей неумеренной и губительной страсти к труду [9, 17].

В этих образах угадывается как будущий сюрреализм, так и вполне реалистичное заявление серьезных дядек-экономистов, что *потребление* — это исключительно полезная деятельность, и едва ли не наш гражданский долг. Следует напомнить, что культ здорового образа жизни, спорт и всевозможные диеты являют собой некое дополнительное, избыточное усилие — можно сказать так: это избыток второго порядка, направленный на борьбу с пагубными последствиями избытка первого порядка (тот же избыточный вес, и вообще, нездоровый образ жизни). Человек, практикующий диету, это ведь обжора вдвойне — он перегружен и желанием обжорства, и стремлением побороть его.

Лафарг доходит до того, что взывает к совести пролетариев, которые губят все остальное человечество, заставляя его сверх меры работать над потреблением произведенного продукта. И ведь не случайно, что, по точному наблюдению С. Жижика, в современном голливудском кино труд изгнан в сферу *непристойного*: если вам и покажут заводские

помещения, то наверняка это будут подпольные цеха по производству наркотиков, а так — чистые офисы, жизнь которых плавно перетекает в бары, галереи, вечеринки... Кто-то же должен нести это трудное бремя, раз производителям лень умерить свою пагубную тягу работать, работать и еще раз работать!

Время, пространство, скорость

Природа времени, пространства и их взаимосвязи всегда интересовали философов. Сегодня важнейшей темой, базирующейся на этой взаимосвязи, является тема *скорости*. Дело в том, что именно предельное ускорение процесса коммуникации делает возможным хорошо нам знакомую ситуацию — ситуацию глобального мира. Так, например, М. Кастельс полагает, что в основе глобализации лежит возможность коммуникации в режиме «он-лайн» [10, 105]. А вот П. Вирилио напоминает нам, что Земля — это вообще-то небольшая планета, 40000 км в окружности, и поэтому задействование сверхвысоких скоростей ведет к упразднению любой сколь угодно значимой дистанции. Так, скорость света ничтожна в сравнении с размерами космоса, но огромна в сравнении с земным пространством, которое и есть то реальное пространство, в котором мы живем, чувствуем, мыслим и т. п. Итак, говорит Вирилио, в нашу эпоху, когда задействуются абсолютные скорости электромагнитных волн, господствует уже реальность времени, а не пространства (последнее, хотя и существует, но уже не как нечто радикальное).

Вирилио дает следующее определение реальному времени: «Быть в реальном времени — значит присутствовать при событии, которое имеет место за пределами горизонта, а иногда в противоположной стороне света, причем присутствовать в то же самое время, когда оно имеет место» [11, 128—129]. В результате, налицо, казалось бы, парадоксальная ситуация, когда отдаленное доминирует над близлежащим, когда сосед, ближний, дальше от меня, чем тот, с кем я общаюсь по телефону, факсу, скайпу и т. п. (М. Хайдеггер еще в 1920-е гг., размышляя о феномене радио, писал, что то сокращение расстояния, на которое направлены усилия современной техники, отнюдь не делает далекое близким, поскольку настоящая *близость* есть нечто иное, чем просто короткая дистанция — что, кстати, хорошо схвачено в русском языке, где «недалекий» означает вовсе не то же самое, что «близкий», к примеру, когда говорят о человеке).

Итак, во многих аспектах пространство как бы остается, но уже не существует как нечто радикальное, фундаментальное, определяющее. Здесь, впрочем, важно обратить внимание на диалектику этой ситуации: то, что представляется как «несущественный остаток» с точки зрения

мира высоких технологий, становится крайне существенным для тех людей, которые в силу тех или иных причин вынуждены обитать на обочине глобализации (или даже за ее обочиной). Классовый анализ социума здесь находит новые доказательства своей уместности.

Так, в своем знаменитом исследовании информационной эпохи Кастельс помещает главу с названием «Край вечности: вневременное время», в рамках которой статистические данные и таблицы соседствует с подлинно поэтическими описаниями. В отличие от Вирилио, однако, Кастельс говорит о преодолении времени, а не пространства, но здесь нет никакого противоречия: во времени преодолевается именно его зависимость от пространства — когда длительность измерялась протяженностью пути, скажем, пешей прогулки или поездки на поезде. Вот почему «реальное время» Вирилио и «вневременное время» Кастельса по сути синонимы. Время становится «вневременным», поскольку многие события из последовательных становятся одновременными. Но, пишет Кастельс, лишь «избранные функции и индивиды преодолевают время, тогда как малоценная деятельность и жизнь подчиненных людей идут вслед за временем. В то время как возникающая логика новой социальной структуры нацелена на непрерывное вытеснение времени как упорядоченной последовательности событий, большая часть общества в глобальной взаимозависимой системе остается на краю новой Вселенной. Вневременность бороздит океан, окруженный ограниченными временем берегами, откуда по-прежнему можно услышать стенания скотских временем созданий» [10, 434].

Итак, можно заключить, что новый «глобальный» режим взаимосвязи пространства и времени *существует* с традиционным, где по-прежнему властвуют дистанции и сроки. И, что интересно, этот «традиционный» режим может быть одновременно символом как отсталости, так и продвинутости — в зависимости от ситуации: скажем, в Италии есть специальное общество гурманов «Slow-food», которое, как следует из названия, бросает вызов культуре фаст-фуда — символом слоу-фуда является улитка, которой, к примеру, помечаются избранные позиции в меню некоторых ресторанов (многие из которых, кстати, происходят из традиции «бедняцкой кухни»). Когда вы заказываете такое блюдо, в тарелке у вас должна быть уже не просто еда — там, если верить идеологам «Слоу-фуда», окажутся пространство и время в их «старорежимном» обличье, а мир высоких скоростей — на время окажется за краями тарелки!

Клоп Булгакова и солитер Фурье

Мысль о том, что негативное — например, морально низкое или эстетически отвратительное — в конечном итоге играет позитивную роль (Гегель назвал это «хитростью разума»), сегодня можно считать философским трюизмом — достаточно вспомнить название книги Б. Мандевиля: «Басня о пчелах, или Пороки частных лиц — блага для общества». Тем более поразительна способность некоторых авторов находить совершенно нетривиальные приложения этой идеи!

Так, в уже упоминавшейся «Философия хозяйства» С.Н. Булгакова не только экономика, но и вся культурная жизнь современного человека подвергается критике как *антисофийная*. Идею «софийного взгляда» на жизнь Булгаков унаследовал от В.С. Соловьева и вместе с П. Флоренским развил в самостоятельную доктрину — «софиологию». София — «Премудрость Божия» — это тот истинный лик творения, который был радикально искажен человеком в ходе истории, но который, как пишет Булгаков, все еще напоминает о себе «в прелести ребенка и в дивном очаровании зыблющегося цветка» [3, 168]. Именно ориентируясь на эту идею органичной целостности и «физического коммунизма бытия», следует преодолевать механицизм и материализм, свойственные современности.

Но возникает вопрос: все ли, что входит в состав *современной* природы, найдет свое место в софийном, т. е. Идеальном, будущем состоянии мира? И вот, Булгаков вступает в полемику с теми авторами, которые, как князь Е. Трубецкой, считали глистов и паразитов «вполне антиидейными существами» — но это означает, что «софийные» образы ребенка и цветка приходится дополнить... апологией *клона*! Вот блестящая формула Булгакова: «И клоп почтен софийной тайной, как голубь и розы, хотя в тварной злобе своей он извратил до особой омерзительности свое существо или подвергся особенно тяжелой болезни» [12, 200]. Интересно, на кого же будет похож в итоге «выздоровевший клоп»?

Но, надо признать, клоп Булгакова — лишь бледная копия того истолкования сущности *солитера*, которое предложил на сто лет раньше Ш. Фурье в своей книге «Теория четырех движений и всеобщих судеб» (неслучайно сюрреалист Андре Бретон включил Фурье в свою «Антологию черного юмора»). Известно, что идеалом для Фурье было то, что сегодня принято называть «обществом изобилия», и он не только разрабатывал механизм реализации этого идеала, но и разыскивал в природе случаи, которые уже сегодня бы свидетельствовали в пользу будущего совершенства, полноты бытия. Так, Фурье пишет, что во

Франции имеется человек, прозванный *плотоядным*: он съедает за один раз 14 фунтов сырого мяса, не говоря уже о напитках и разных блюдах. И — прибавляет поистине гениальное заключение: «Так как творец должен был во всех направлениях дать нечто прямо противоположное комбинированному строю, то, создав солитера, он показал человеку, какого чудовищного аппетита могут достигать люди, воспитанные новым строем [13, 187]!»

Калькуляция естества и болото цивилизации

Соотношение природы и цивилизации — один из классических сюжетов философии Нового времени. Общим местом является противопоставление позиций Гоббса и Руссо: первый описывал естественное состояние человеческого рода как ужасающую «войну всех против всех», и только гражданское состояние с жесткой монополией на насилие может преодолеть ее; второй же, напротив, позитивно оценивал то, что есть естественного в человеческих нравах, процесс же цивилизации трактовал как порчу таковых (поскольку при цивилизации каждый человек склонен сопоставлять, сравнивать себя с другими, он будет неизбежно стремиться превзойти других и закрепить свое превосходство любой ценой). Конечно, оппозиция природы и цивилизации ни Гоббсом, ни Руссо не воспринималась столь однозначно, как это излагается в популярных версиях — отношения между ними более сложные, двусторонние, диалектические. Эта неоднозначность дает о себе знать и в более поздних опытах.

Известно, сколь огромное влияние оказала мысль Руссо на самосознание американской культуры — причем, не только на политическую, но и духовную ее составляющую. Ярким примером является философия американских романтиков, или «трансценденталистов», как их еще называют (но, в отличие от немецких теоретиков трансцендентальной философии, они ориентировали свои занятия не столько на умозрение, чистую теорию, сколько на «искусство жизни»). В отличие от давно освоенной Европы, Америка того времени с ее еще не тронутыми массивами девственной природы была словно создана для «прогулок одинокого мечтателя». Благодаря этому сам Новый свет мог противопоставляться Старому как благо естественной жизни — злу цивилизации.

Одно из самых известных произведений американского трансцендентализма — книга Генри Торо «Уолден, или Жизнь в лесу», — как раз и представляет своего рода документирование эксперимента, осуществленного его автором в 1845—1847 гг.: в этот период Торо уединяется в лесном домике на берегу озера Уолден и тщательно культивирует освобожденный от цивилизации «естественный» образ жизни.

Что поражает при чтении этого текста, так это то, что в нем постоянно описываются те *приемы и процедуры*, с помощью которых человеку удастся достичь относительной независимости по отношению к цивилизации. Вся книга представляется своего рода анализом тех возможностей, которыми обладает современный цивилизованный человек, чтобы минимизировать присутствие цивилизации в своей жизни. И эти возможности — не что иное, как плод цивилизации! К примеру, в книге описания прелестей дикой природы перемежаются *бухгалтерскими* выкладками, с помощью которых автор демонстрирует, какого минимума в потреблении промышленной продукции ему удалось достичь. Следует напомнить, что сама бухгалтерия есть искусство, разработанное итальянскими банкирами эпохи Возрождения — и искусство это считается одним из оснований беспрецедентного развития западной цивилизации!

Поистине замечательна глава под названием «Ферма Бейкер», где Торо описывает своих соседей-ирландцев, которых он тщетно пытается убедить присоединиться к себе, отказавшись от «работы на цивилизацию» и стремления к ее ложным благам. Единственная подлинная Америка, говорит Торо, это страна, где вы вольны так устроить свою жизнь, чтобы *обойтись без* чая, кофе, масла и прочих дорогих продуктов, требующих изнуряющего труда и промышленной эксплуатации природы. В качестве доказательств Торо приводит свои расчеты, но ему не удается убедить своих «погрязших в предрассудках» соседей. Глава завершается печальным возгласом, что перед этим ирландцем открыт горизонт, а он так и останется бедняком, поскольку он унаследовал нищету и в придачу болотные привычки своей родины (в отличие от Торо, живущего у озера, эта семья ютится в месте, где нет чистой питьевой воды). Поэтому, продолжает Торо, ни ему, ни его отпрыскам не выйти в люди, пока на их перепончатых лапах, привычных брести по болоту, не отрастут «крылатые сандалии»... Любопытно, кстати, что в это же время в Европе Фридрих Энгельс описывал особенно тяжелые лишения ирландских рабочих — но, тем не менее, участие в промышленном производстве он рассматривал как путь к подлинному (а не фиктивному) освобождению.

Итак, в тексте Торо отчетливо видно, как жизнь в условиях цивилизации оказывается соотнесена с природным естеством отнюдь не однозначным образом: описывая поработанного цивилизацией человека, он сравнивает его с некой разновидностью земноводного, «болотного» существа. И, наоборот, отрыв от цивилизации требует непрерывной рефлексии, доказательства, экспериментирования — по сути дела, вовлечения в некое деловое предприятие: как Америка — это утопия Европейца, так и Природа — это продукт, возможно, наиболее

технологичный — современной Цивилизации. Оценивая опыты романтиков из нашего скептически и циничски настроенного настоящего, мы могли бы сказать: да, экологический образ жизни — это наиболее элитный, дорогостоящий тип *потребления*.

Литература

1. *Автономов В.С.* Модель человека в экономической науке. СПб., 1998.
2. *Бибихин В.В.* Чтение философии. СПб., 2009.
3. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1993.
4. *Осипов Ю.М.* Время философии хозяйства. М., 2003.
5. *Агамбен Д.* Что современно? К., 2012.
6. О началах. Сочинение Оригена учителя Александрийского. Рига, 1936.
7. *Беньямин В.* Теолого-политический фрагмент // Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М., 2012
8. *Ле Гофф Ж.* Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2000.
9. *Лафарг П.* Право на лень. Религия капитала. М., 2012.
10. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
11. *Вирилио П.* Великий автомат // Рыклин М. Деконструкция и деструкция. Беседы с философами. М., 2002.
12. *Булгаков С.Н.* Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994.
13. *Фурье Ш.* Избр. соч. Т. 1. Теория четырех движений и всеобщих судеб. М., 1938.

А.В. КУЗНЕЦОВ

Глобализация рынков и философия хозяйства

Аннотация. Рассмотрены причины углубления неравенства в глобализирующемся мире. Обоснована необходимость паритетного распределения издержек глобализации.

Ключевые слова: ТНК, Россия, Китай, неравный обмен, межсистемный дисбаланс, философия хозяйства.

Abstract. The article considers reasons for the deepening of inequalities in the globalized world. The necessity of parity distribution of the costs of globalization is substantiated.

Keywords: TNC, Russia, China, unequal exchange, inter-system imbalances, philosophy of economy.

Транспортная, коммуникационная, информационная и регуляторная революции практически устранили географические и политические препятствия для экономической интеграции суверенных государств. Однако все эти революционные достижения способствуют развитию стран мира далеко не в одинаковой степени. Глобальная добавленная стоимость распределяется между узким кругом транснациональных корпораций (ТНК) развитых стран мира, которые фактически олигополизировали мировые рынки.

Согласно данным Доклада о мировых инвестициях Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), опубликованного 24 июня 2015 г., в 2014 г. продажи иностранных филиалов ТНК увеличились на 7,6% — до 36,4 трлн дол., общая стоимость их активов возросла до 102 трлн дол. (что на 25 трлн дол. больше размера мирового ВВП), а занятость составила лишь 75 млн человек, что соответствует только 2,4% от общего количества работающих в мире [1, 18].

Доходы ТНК настолько велики, что по итогам 2014 г. среди 100 крупнейших экономик мира только 57 были суверенными государствами, остальные 43 — это ТНК. Например, выручка крупнейшей американской ТНК «Wal-Mart Stores» в 2014 г. составила 476 млрд дол., что больше чем размеры ВВП в 165 отдельно взятых странах мира.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что олигопольные позиции ТНК в глобальной экономике выступают основной причиной мировых дисбалансов и диспропорций доходов между развитыми странами и странами с формирующимися рынками (развивающимися странами). Этот вывод должен служить предостережением для России, которая хотя и входит в десятку крупнейших экономик мира, однако слабо интегрирована в транснациональную цепочку создания глобальной стоимости. В 2014 г. в рейтинге *Fortune Global 500* крупнейших компаний мира по размеру выручки присутствовало всего восемь российских компаний (против 128 американских), а в рейтинге *Financial Times Global 500* крупнейших компаний по размеру рыночной капитализации российских компаний было и того меньше — всего семь (против 203 американских).

Как известно, в экономической теории традиционно рассматриваются такие факторы производства, как земля, трудовые ресурсы, ка-

питал, информация (технологии). Но в западной (преимущественно англосаксонской) модели применяется еще один, так сказать, нехрестоматийный фактор производства — система права, с помощью контроля над которой западным компаниям обеспечивается получение сверхприбылей. Очевидно, что в условиях всеобщей либерализации мирохозяйственных связей, технологического и инвестиционного лидерства западных ТНК для последних практически не существует барьеров для вхождения на внутренний рынок третьих стран. Но таким компаниям трудно чувствовать себя уверенно, если их деятельность должным образом не поддерживается на законодательном уровне через институт лоббизма. Такое лобби, в частности, гарантируют юридические компании, которые помогают ТНК преодолевать барьеры на национальном уровне, требуя от стран-реципиентов присоединения к международным (преимущественно англосаксонским) правовым нормам, стандартам отчетности, корпоративной культуре. Таким образом, уменьшается неофициальная коррупционная составляющая и повышаются возможности ТНК для отстаивания своих интересов в органах законодательной и исполнительной власти страны пребывания. Российским компаниям в будущем будет трудно выходить и удерживаться на глобальных рынках, если должным образом не будет организована поддержка их деятельности по указанной выше схеме (что в принципе невозможно в силу отсутствия уникальной российской правовой системы, используемой для совершения транснациональных сделок, а также российских глобально оперирующих юридических компаний).

Однако незначительное присутствие российских компаний на глобальных рынках является далеко не самой существенной проблемой для России. Наибольшую опасность для российской экономики и государственного суверенитета представляет деятельность на ее территории западных ТНК, повсеместно насаждающих чуждую славянскому православному генотипу потребительскую культуру.

Демонстрацией того, какие долгосрочные последствия для восточных цивилизаций может иметь проникновение в них западной хозяйственной практики, являются исторические примеры Китая и Индии. Сегодняшние достижения Китая и Индии в экономике, выдвигание этих стран на роль мировых лидеров преподносятся как нечто беспрецедентное. При этом часто без внимания остается тот факт, что еще 300 лет назад эти две страны были крупнейшими экономиками мира — многократно превышающими размеры экономик Британии и будущих США. По данным британского экономиста Э. Мэддисона, в 1700 г. доли Индии и Китая в мировом ВВП составляли соответственно 24,4 и 22,3%, а доли Великобритании и будущих США, соответственно 2,9 и 0,1%.

Доход на душу населения в Китае и Индии лишь в 2 раза был меньше британского и превышал доход на душу населения на территории, которая впоследствии стала США. При этом Китай и Индия по численности населения превосходили будущие США соответственно в 138 и 165 раз [2, 564—577].

Следует подчеркнуть, что Китай долгое время отказывал западным державам, прежде всего Великобритании, в установлении дипломатических и торговых отношений, не проявляя заинтересованности в приобретении их «хитроумных технических изделий», таким образом защищая собственную самодостаточную культуру и цивилизацию. Тогда для захвата китайских рынков Британия навязала Поднебесной империи незаконную опиумную торговлю. Результатом стало всепроникающее взяточничество в Китае, охватившее органы региональной и центральной власти и значительно подорвавшее национальные этические стандарты. После поражения в опиумных войнах Китай потерял контроль над своей внешней торговлей и внутренним производством. Так жажда обогащения (коррупция) помешала поддержанию традиционных ценностей в Китае и на целое столетие дестабилизировала его развитие. В свою очередь Индию называли «Гоморрой коррупции» в период пика деятельности там британской Ост-Индской компании. В данной связи следует подчеркнуть, что процессы разрастания коррупции и последующего расшатывания нравственных устоев на постсоветском пространстве в период так называемых рыночных преобразований также во многом опирались на «поддержку» Запада в виде технической помощи, грантов, кредитов, инвестиций непроизводственного характера и других цивилизованных форм завуалированного взяточничества.

На современном этапе отношения Китая с Западом являются близкими к колониальным, что проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, через практическое применение теории международной торговли (международного разделения труда), разработанной британскими экономистами, в частности, А. Смитом и Д. Рикардо. Ведь за счет массового производства и дешевой рабочей силы Китай обеспечивает США и остальные страны Запада практически неограниченными объемами продукции в обмен на нелIMITированную эмиссию доллара, большая часть которой возвращается из Китая в США (несмотря на экономические проблемы Америки), поскольку доллар сохраняет за собой статус ключевой международной резервной валюты. Во-вторых, более половины китайского производства и экспорта приходится на западные ТНК, а это означает, что значительная часть китайского ВВП формируется за счет доходов этих компаний, а, следовательно, не обязательно должна распределяться на пользу национального развития. В 2012 г. средняя

заработная плата рабочего в сфере промышленности Китая составляла лишь 8,6% [3, 11], а доход на душу населения в Китае в 2014 г. лишь 14% от аналогичных показателей для США. Иначе говоря, более чем тридцатилетний экономический подъем в Китае пока так и не привел к тому выравниванию доходов между англосаксонской и китайской цивилизациями, который имел место триста лет назад. В-третьих, в 2008 г. Китай вышел на первое место в мире по количеству зарегистрированных патентов. Однако доля Китая в поступлениях в виде роялти и лицензионных платежей в 2013 г. составила лишь 0,3% от их мирового размера против 41,4% доли США и 34,8% доли ЕС [4, 136]. Причина подобного разрыва, в частности, заключается в том, что Китай не обладает в настоящее время эффективными инструментами защиты своих инноваций на международном уровне. Китаю нужны мощные транснациональные юридические компании, которые будут способны обеспечивать защиту прав интеллектуальной собственности. У китайцев таких компаний пока нет, а у англосаксов они есть. Ведь все пятьдесят крупнейших и влиятельнейших в мире юридических компаний зарегистрированы в Великобритании и США [5, 27].

Итак, роль Китая в процессах глобализации еще не определилась. При сохранении текущих опережающих темпов экономического роста в течение ближайших лет Китай имеет шансы стать крупнейшей экономикой мира (в рыночных ценах). Но повлечет ли за собой смена глобального экономического лидера также соответствующую трансформацию господствующей в мире системы ценностей? Другими словами, допустят ли страны Запада насаждение в планетарных масштабах социалистических идеалов по образцу китайской модели общественного развития? Такая перспектива маловероятна [6, 150]. Граждане западных стран пока не готовы жертвовать комфортным и безбедным существованием во имя торжества идеалов гармонии и социальной справедливости. Гораздо проще уступить Китаю пальму первенства по объему ВВП, но тогда вынудить его и дальше поддерживать функционирование модели глобального неравенства в интересах «золотого миллиарда».

Данная гипотеза не лишена оснований, поскольку до сих пор Китай так и не представил альтернативной модели мирового развития. Даже сам термин «Пекинский консенсус», якобы противопоставляемый «Вашингтонскому консенсусу», вошел в обиход после одноименной публикации *британского* Центра иностранной политики [7]. Несмотря на наибольшую долю в общей численности населения мира, «голос» Китая очень слабо присутствует в глобальном информационном пространстве. В частности, это связано с тем, что общепризнанным языком международного общения продолжает выступать английский, а гло-

бальные СМИ, включая Интернет, фактически подконтрольны западным мультимедийным конгломератам.

В течение многотысячелетней истории своего развития Китай рекомендовал себя как самодостаточная и неагрессивная цивилизация. Вопреки первенству в изобретении пороха, Китай не смог дать отпор Британии в опиумных войнах, Япония с легкостью завладела Манчжурией, и, если бы не помощь СССР, Китай, очевидно, по сей день пребывал бы в статусе американско-европейской полукolonии в буквальном смысле. С учетом беспрецедентного послушания и высокой производительности труда китайских работников полный переход Китая на капиталистическую модель гипотетически мог бы на долгие годы продлить жизнь западной потребительской модели.

Как известно из теории сравнительных преимуществ, способность страны конкурировать на глобальном рынке обеспечивается не столько наличием ресурсов, товаров и технологий как таковых, а возможностью снижать свои производственные расходы относительно других стран. Общеизвестно, что международная конкурентоспособность Китая определяется не столько присутствием на его территории сборочных цехов наиболее известных западных ТНК, сколько издержками производства, которые являются одними из самых низких в мире. Снижение затрат — это не только заслуга Коммунистической партии Китая. Главная причина — климат. Прямая зависимость конкурентоспособности страны от климатической зоны, в которой она расположена, показана, в частности, в работах А. Паршева и В. Галина [8; 9].

Более 70% китайского экспорта и 70% всех зарубежных прямых инвестиций в Китай приходятся на два региона — провинцию Гуандун и Дельту реки Янцзы [10, 8]. Для этих регионов характерны влажный морской или субтропический климат, при котором температура зимой практически не опускается ниже нуля градусов. В условиях такой мягкой зимы нет необходимости ни в затратном и длительном отоплении помещений, ни в покупке дорогой теплой одежды. Потребности организма в потреблении жиров и углеводов в несколько раз ниже, чем в России в тот же зимний период. Благодаря теплоте климата компании могут удерживать заработную плату рабочих, инвестиции в основной капитал и амортизационные расходы на относительно низком уровне. Наоборот, с учетом холодной и суровой зимы, в России затраты на строительство, проведение водопровода, канализации, отопления, электроснабжения, ремонт дорог в несколько раз выше, чем в Китае и в других странах с относительно теплым климатом (не исключая и страны Западной Европы). Поэтому, даже при резком снижении цен на металлы или продукцию сельского хозяйства, производство в Китае остается

прибыльным, в то время как российские производители несут прямые убытки, так как не могут сократить свои расходы в силу действия непреодолимых законов природы.

Возникает резонный вопрос, почему же, несмотря на возросшую конкуренцию со стороны Китая, США и их транснациональные компании до сих пор являются лидерами глобализации, сохраняя при этом такой высокий уровень зарплаты собственным гражданам? За счет каких ресурсов это становится возможным? Технологий? Не только. По количеству ежегодно подаваемых патентных заявок Китай уже вышел на первое место в мире, обогнав США. Американские компании успешны, прежде всего, потому, что субсидируются за счет своей национальной валюты. В долларах США не только осуществляется львиная доля международных расчетов и платежей, но и котируются практически все сырьевые товары, продаваемые на международных товарных биржах. За счет поддержки монополии на эмиссию доллара и его ни с чем не сравнимой покупательной способности США обеспечили себе абсолютные преимущества в международной торговле. Ведь себестоимость печати стодолларовой купюры составляет всего несколько центов, что делает производство долларов США наиболее прибыльным бизнесом в мире (а Федеральную резервную систему — наиболее конкурентоспособной глобальной корпорацией). Поэтому США могут позволить себе приобретение дорогостоящих ресурсов — высококвалифицированной рабочей силы, интеллекта и сырья — по минимальным затратам, обеспечивая всем своим отраслям такой высокий уровень прибыли, с которым не могут соперничать никакие другие мировые производители. За счет статуса доллара как неофициальной ключевой резервной валюты США обладают практически неограниченными возможностями также и по обслуживанию своего внешнего долга.

Кроме того, благодаря созданию и дальнейшему доминированию в ведущих международных организациях (ООН, МВФ, Группе Всемирного банка, ГАТТ/ВТО), неправительственных мозговых центрах и профессиональных ассоциациях, которые объединяют представителей крупного капитала, США, наряду с Великобританией и другими странами «золотого миллиарда», устанавливают стандарты и контролируют правила взаимодействия всех стран мира в сфере международных публичных, корпоративных и финансовых отношений. На защите прав интеллектуальной собственности Запада стоят легионы англосаксонских юристов [11, 41—42]. В частности, именно поэтому Китай не может пока претендовать на адекватную денежную компенсацию от собственных изобретений.

Глобальный финансово-экономический кризис, разразившийся в 2007 г., со всей однозначностью обнажил политику «двойных стандартов» в перераспределении ресурсов планеты, встряхнул и пробудил мировое интеллектуальное сообщество, основательно пропитавшееся парами неолиберального дурмана. Однако кризис — лишь следствие асимметричного накопления глобальных интеллектуальных, финансовых и материальных активов в пользу непомерно усилившегося *англосаксонского центра* влияния в мире. Первопричина же глобальной нестабильности связана с утратой *межсистемного баланса*.

Следует отметить, что в последнее время господствующая в мире неолиберальная идеология подвергается жесткой критике даже в лагере ведущих экономистов Запада. Однако, несмотря на потерю доверия мирового сообщества к универсальности применения неолиберальной доктрины, а также на все ее недостатки и ограниченности, на сегодня не существует мощного идеологического и системного противовеса.

Отсутствие реально востребованных в мире альтернатив рыночному фундаментализму является существенной проблемой современности. В этом контексте нужно отметить несколько аспектов. С одной стороны, неолиберальная англосаксонская модель обеспечила доминирующие позиции Великобритании и США в рамках финансовой глобализации. Но, с другой стороны, текущий финансовый кризис актуализировал вопрос усиления государственно-частного партнерства, выявив беспомощность парадигмы эффективных (саморегулируемых) рынков и продемонстрировав то, что бесперебойная деятельность бизнеса и финансового сектора, в сущности, невозможна без их поддержки со стороны государства. Сочетание неолиберальных и неокейнсианских подходов в рамках последних антикризисных программ актуализировало вопрос разработки качественно новой синтезированной парадигмы общественного развития.

В послевоенный период советская система служила надежным барьером от безудержной всепланетарной экспансии англосаксонского глобализма. Но усилия для поддержания жизнеспособности советского образа жизни оказались недостаточными даже в самом СССР, что сделало невозможным его дальнейшее развитие также и в остальном мире. Следует серьезно изучить следующий вопрос: представляет ли система социализма на фундаментальном уровне действительную альтернативу системе рыночного фундаментализма? Ведь до сих пор на практике каждая из этих систем использовала свои специфические методы и механизмы эксплуатации трудовых ресурсов без предоставления адекватной компенсации. В системе рыночного фундаментализма эта эксплуатация завуалирована через применение развитых финансовых

механизмов, которые создают иллюзию всеобщего благосостояния, но одновременно в социальном контексте демонстрируют свою сравнительную ограниченность. В свою очередь социалистическая система может функционировать только в условиях жесткого самоконтроля и самоограничения всех без исключения членов общества — от простых граждан до верхушки элит — и это с учетом истинно христианской жертвенности со стороны наиболее одаренных представителей данного общества. Социализм сегодня отрицается как неэффективная система, прежде всего, из-за негативного советского опыта. Но если посмотреть на систему, сложившуюся после распада СССР, то реальной жизнеспособной альтернативы неолиберальной англо-американской модели капитализма на сегодня не предложено. Что касается доминирующей в мире системы ценностей, то в ее основу была положена эксплуатация человеческих страстей и пороков, за счет которых были приобретены те преимущества, которые движут экономическое общество вперед, но возникает большой вопрос: можно ли считать это движение гуманистическим?

Объяснение тех противоречий, которые существуют сегодня между провозглашенными принципами гуманистического сосуществования западной цивилизации и их практическим воплощением на уровне международных организаций и транснационального бизнеса, следует искать в самой природе человека. Еще греческие философы определяли человека как микрокосм — миниатюрную вселенную. Такие сравнения в течение последующих веков постепенно укрепляли в человеке чувство своего величия, чрезвычайной важности в этом мире, которые, начиная с эпохи Просвещения, предопределили постепенное гипертрофирование ценностей западной цивилизации. Ведь наряду с развитием гражданского общества, институтов частной собственности, свобод и прав человека система культивировала в нем такие асоциальные качества, как жадность, алчность, стяжательство, которые становились причиной многих кризисов, сопровождавших эволюционное развитие западной, а теперь уже и мировой цивилизации.

Следует отметить, что в своей специфической интерпретации коммунитарные принципы лежат в основе социального развития как на Востоке, так и на Западе. Но для развития восточных обществ характерна высокая степень хаотичности, разбросанности, дисперсии поступков, тогда как в обществах Запада преобладают последовательность действий, поддержание дисциплины, подчинение правилам, ориентация на достижение конкретной цели. Очевидно, что попытки насильственной конвергенции этих двух поведенческих типов, предпринимаемые Западом в отношении Востока, и являются причиной всех кризисных явле-

ний глобальной экономики. Поэтому при разработке альтернативной парадигмы развития очень важным является учет именно этих поведенческих различий.

Безусловно, Россия не может полностью отстраниться от глобальных интеграционных процессов (хотя такая изоляция на *ближайшее столетие*, возможно, была бы наилучшим решением для восстановления нашей самобытности), поскольку является частью евразийского пространства и традиционно находится под мощным влиянием европейской цивилизации. Но интеграция России в глобальное экономическое пространство продолжает происходить на дискриминационных условиях, когда сотрудничество в основном сводится к импорту готовой продукции и инвестиций посредническо-торгового (непроизводственного характера) взамен сырья, в том числе сельскохозяйственного, что вписывается в традиционную схему торговых отношений между метрополией и колониями. Таким образом, страны «золотого миллиарда» защищают свои высокие стандарты жизни, основанные на монопольном контроле высоких технологий, позволяющем глобальной капиталократии получать высокую долю добавленной стоимости в торговле с Россией, обеспечивая, таким образом, условия для «неравного обмена».

Россия выступает ядром восточно-христианско-евразийской цивилизации, которая по принципам своего построения и функционирования существенно отличается от западной цивилизации. Эта принципиальная несовместимость славянской и европейской цивилизационных матриц исключает возможность равноправного сотрудничества и выработки единой — приемлемой для обеих сторон — программы долгосрочного развития (в полном соответствии с русской пословицей «что русскому хорошо, то немцу — смерть»). Атрибутивное, чисто внешнее подражание Западу в России в обустройстве быта и ведении хозяйства не означает одновременного встраивания России в эволюционную парадигму западных ценностей и безоговорочного принятия ее основополагающих институциональных механизмов. Прежде всего, это касается саботажа славянской поведенческой психологией таких базовых понятий европейской социально-экономической модели, как конкуренция, материальный фетишизм и научный подход (техническая модернизация), а также умаления значимости договорных и правовых отношений, пронизывающих все без исключения сферы организации жизни европейского социума [12, 15].

Самая большая хозяйственная проблема России — в непоследовательности развития, в постоянном пребывании в состоянии «творческого разрушения», которое, в отличие от Запада, ведет к абсолютно

нерациональному, непрагматическому использованию высвобождаемых ресурсов, основывается на повсеместной демонизации достижений предыдущих поколений. Это мешает объективно оценить место и роль России в мире, вычленив из истории то продуктивное, что могло бы служить основой нашего современного развития. Ведь у нас есть богатый цивилизационный опыт, который уходит своими корнями как в традиции Киевской Руси, так и в создание сталинского Города солнца. На этот опыт можно опираться и для повышения собственной самооценки, и для формирования соответствующего международного имиджа. История восхождения англосаксонских стран на олимп мирового могущества также переполнена антигуманными действиями, но они научились представлять их в выгодном для собственного развития свете.

Итак, в условиях олигополизации мировых рынков транснациональными компаниями и полномасштабного развертывания глобальной системы неэквивалентного обмена Россия и другие страны на постсоветском пространстве оказались в наиболее неблагоприятном положении производителей с низкой долей добавленной стоимости, что, даже при условии поддержания сравнительно высоких темпов роста, будет означать дальнейшее увеличение разрыва в доходах со странами—лидерами глобализации. Вместе с тем в условиях глобального демографического, продовольственного, энергетического, экологического, климатического кризисов размер территории, качество плодородных земель, наличие природных ископаемых и особенности климатической зоны приобретают такое же стратегическое значение для существования человечества, как и инновации и высокие технологии. Именно поэтому России вместе с другими странами постсоветского пространства необходимо настаивать на адекватной компенсации и требовать паритетного распределения выгод и затрат двусторонней кооперации от стран «золотого миллиарда». Но для того, чтобы наш голос был услышан, нужно восстанавливать свои интеграционные связи, вооруженные силы, вертикаль власти, системы управления, производство, науку, образование, социальную сферу и коммунальную инфраструктуру. Это позволит избавиться от униженного положения стран-изгоев, создавать рабочие места на внутреннем рынке, восстанавливать собственную самобытность, научно-производственные связи, культурные традиции, когда финансово-экономические отношения будут служить инструментом, а не целью развития. Для эффективной реализации данных задач в первую очередь необходимо проведение массивной компании по трансформации системы ценностей в общественном сознании.

В данной связи особая роль отводится школе философии хозяйства. Вот уже два с половиной десятилетия Центр общественных наук при МГУ работает над формированием понятных и приемлемых для русского сознания смыслов хозяйственного бытия, служит восстановлению погрязших созидательных неутилитарных мотивов человеческой жизнедеятельности, настойчиво и неумолимо преодолевает свойственную нашему времени индивидуалистическую отчужденность, способствует постижению высших ценностей человеческого общежития, входящих в унисон с вечной вселенской гармонией. Хочется верить, что Центр общественных наук и дальше будет выступать проводником нестандартного мышления в «плоском» глобализирующемся мире, своими неординарными мероприятиями будоражить творческое сознание и не давать застаиваться мыслям, служить надежной основой для оттачивания эвристических, совместно выношенных идей, объединяя на своей интеллектуальной платформе наиболее активных и неравнодушных экономистов, философов, психологов, социологов, культурологов, историков, теологов и мыслителей современности.

Литература

1. World Investment Report 2015: Reforming International Investment Governance. UNCTAD, 2015.
2. *Мэддисон Э.* Контуры мировой экономики в 1—2030 гг. Очерки по макроэкономической истории / Под ред. О. Филатовой. М., 2012.
3. International Comparison of Hourly Compensation Costs in Manufacturing, 2013. The Conference Board. December 2014.
4. International Trade Statistics. WTO. 2014.
5. UK Legal Services 2015: Legal Excellence, Internationally Renowned // TheCityUK. L., Febr. 2015.
6. *Кузнецов А.В.* Экспансионизм КНР в условиях глобализации // Общество и экономика. 2013. № 3.
7. *Ramo J.C.* The Beijing Consensus. The Foreign Policy Centre. L., 2004.
8. *Паршев А.П.* Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь. М., 2000.
9. *Галин В.* Капитал Российской империи. Практика политической экономии. М., 2015.
10. *Walter C.E., Howie J.T. F.* Red Capitalism: The Fragile Financial Foundation of China's Extraordinary Rise. Singapore, 2011.

11. Кузнецов А.В. Институциональные монополии в международном разделении труда // США и Канада: экономика, политика, культура. 2014. № 9.

12. Кузнецов А.В. Антикризисный потенциал русской цивилизации // Философия хозяйства. 2015. № 1.

В.И. КОРНЯКОВ

**Под камнепадом мозгового штурма философии хозяйства
(побочный научно-теоретический эффект-продукт философии
хозяйства и ЦОНа: новые проросты логики и теории
политической экономии)**

Аннотация. Центр общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова — 1991—2015 гг.: формирование и развитие науки философии хозяйства, нового мировоззрения, не вмещающегося в рамки теории политической экономии.

Ключевые слова: философия хозяйства, политическая экономия, Центр общественных наук.

Abstract. The article is devoted to the center of social sciences at Lomonosov Moscow State University — 1991—2015, formation and development of philosophy of economy, the new outlook which is not holding in a framework of political economy.

Keywords: philosophy of economy, political economy, Center of social sciences.

В Центре общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова на моих глазах более 15 лет группа компетентных, блестящих специалистов в порядке непредвзятых дискуссий в творчески накаленной атмосфере мозгового штурма не стесненно, очень по-разному и с весьма различающихся позиций «атаковали» теоретические понятия и обобщения, так или иначе, объективно или субъективно соотносимые-соотнесенные с теоретической экономикой, философией, политической экономией. Для меня, участника мероприятий с конца 1990-х гг., этот научный камнепад был примерно тем же, чем для физиков «бомбардировки» на ускорителях тех или иных веществ. Физики обнаруживали новые частицы и глубинные связи между ними, глубже проникали в материальный микромир. Примерно то же самое, мне представляется,

происходило в моем видении экономики, философии, наконец, моей профильной науки — политической экономии. Как бы сами собой, по-неволле, исподволь в моем сознании-понимании стали — один за другим — «пошатываться» некоторые ее устои, начали обнаруживаться иные, ранее не известные мне (и отсутствовавшие в учебных и научных курсах науки) теоретические пространства, раскрытия, расширения, конкретизации, а то и сущности. Складывание философии хозяйства оказалось для меня, как, возможно, и для других участников, научно сейсмическим.

Меня, например, брали в плен масштабность и беспредельная научная смелость методологических и теоретических постановок многих докладов и докладчиков, с явным удовольствием, с какой-то детской радостью вызывавших и подхватывавших критические стрелы. Захватывали, прежде всего, именно изустные версии докладов: в них лучше высвечивалась видимая самими докладчиками внутренняя правда их мыслей. Но крупно помогало и плотное чтение цоновских публикаций. Мною были проработаны десятки монографий и около ста выпусков альманаха «Философия хозяйства», плотно сопровождавших всю деятельность ЦОНа (самоотверженными усилиями не только самого руководства ЦОН, но также его обаятельных, неизменно доброжелательных сотрудниц).

Новая наука не просто формировалась, не просто теснила смежные науки, политическую экономию, она инициировала новые (порой неожиданные для политэкономов) проникновения в собственный предмет, пробуждавшие ранее мало различимые, а то и неизвестные логические связи, значимо меняющие давно сложившиеся теоретические представления. И теперь я все более вижу, что получающееся обновленное политэкономическое предметное поле уже не умещается в рамках индивидуального мировоззрения, а рвется в купель критической общественной апробации. Я попытаюсь (хотя бы фрагментарно) показать здесь, какой для меня предстала общая теория политической экономии (в классическом варианте) в итоге ударов, наносимых ее четырехсотлетнему древу прорастанием философии хозяйства.

Идентификация политэкономической объективности. Научные факты о внешнем источнике объективных общественных экономических отношений. Это коренной вопрос методологии политической экономии. Ее предмет образуют именно и только объективные отношения, внешние для их субъектов, их воли и сознания. Законы этих отношений еще классики называли естественными. В этом и значение данной науки: социуму необходимо знать ее законы, чтобы постигать

экономику, быть сведущим-успешным в ней. Но данный методологический и поведенческий принцип постоянно нарушался и нарушается.

Это происходит уже потому, что как будто бы противоречит практике. Ведь все без исключения отношения между людьми, в том числе экономические, реально устанавливаются только в ходе и итоге их сознательных разумных действий, и при этом люди не имеют перед собой четких конкретных политэкономических предписаний, как именно им действовать в тех или иных реальных обстоятельствах. Обобщения, выводы политической экономии — только на столь же высоких уровнях абстракции, как и обобщения философии. Политэкономия не содержит перечней, последовательностей действий экономических субъектов в конкретных ситуациях. И нарушаемый закон далеко не всегда тут же явно, ощутимо «бьет по рукам» субъектов, нарушающих его. Объективность как бы отдалена от реальности и «шатается».

Другая трудность состоит в некоторых «анонимности», бездрагности политэкономической объективности и в этом смысле как бы не вполне четкой причинности, даже беспричинности тех или иных политэкономических отношений, процессов. Внешние, объективные необходимости, порождающие их, представляются и формулируются не только крайне абстрактно, но и недостаточно убедительно. Им как будто недостает категоричности. Современная политическая экономия немало теряет в убедительности от этой видимой размытости причин и следствий относимых к ней процессов. Политэкономическая наука, можно сказать, «просит» подкрепления в смысле усиления-акцентирования четкости ее объективных необходимостей, их выражено монистического «устройства», предохранения исследователей от соблазна искать объяснения чисто политэкономических событий за «спиной» экономических законов, помимо их, например, в иных, помимо науки, формах общественного сознания.

Размытости, «неконкретности» политэкономических причинно-следственных связей в глазах субъектов производственных отношений содействуют и стихийная форма действия экономических законов в обстановке розни и борьбы интересов, высокая роль не всегда взаимопогашающихся случайностей, затеняющая объективные необходимости. Все сказанное рождает иллюзии возможностей отмахнуться от политэкономических объяснений действительности.

Все указанные (и другие) методологические как бы «слабости» политико-экономического знания постоянно «простреливались» вербально и письменно на мероприятиях и в публикациях ЦОНа. Ответы, разъяснения политэкономов не снимали критики. Но уверен, что она весьма принципиально утратит нынешнюю тональность, когда наукой

будет, наконец, не просто доказан, а широко признан и осознан как реальный тот факт, что предмет политической экономии — такой каркас извне (и весьма жестко-непреложно) востребуемых от человечества естественно- и общественно-экономических отношений, который определен высшими космическими силами Природы для превращения (потенциями человеческого разума) нашей нынешней планеты во вселенский центр негэнтропийной концентрации энергии и при этом одновременно-параллельно для жизнеобеспечения созданной ими мыслящей субстанции.

Еще в 1880 г. С.А. Подолинский открыл, что во Вселенной только на нашей Земле наличествует уникальный процесс не рассеяния, а сосредоточения энергии, и этот процесс — человеческий труд, его производительность. Продукты человеческого труда концентрируют энергию гораздо большей величины, нежели его, труда, собственные энергетические затраты, и, следовательно, КПД труда много более 100%. Это открытие до сих пор недооценивается. Между тем оно не может не захватывать воображения. Наш и окружающий нас мир — это миллиарды миллиардов всевозможных процессов, и лишь один-единственный из них — негэнтропийный. Случайность здесь просто невозможна.

Отсюда идея П.Г. Кузнецова (и его соавторов) об указанной выше цели грандиозного, охватившего 4 млрд лет процесса создания природой жизни и мыслящей материи [1]. Иначе говоря, в «конструкцию» экономики изначально задавались в порядке внешней необходимости как ее самодвижение от первых исторических форм к высшим, так и основные механизмы этого самодвижения.

«Замысел» Природы, Космоса не мог не быть многомерным, комплексным, синтетическим, внутренне согласованным, выверенным. Негэнтропийная цель Космоса могла осуществляться лишь при таких обстоятельствах, чтобы напряженное саморазвитие разума, главного инструмента инноваций и роста производительности труда, надежно сопровождалось соответственным (якобы стихийным, а фактически «планомерным») созданием стимулов и инструментов этого развития в экономике и чтобы эти экономические, воспроизводящие мыслящую жизнь, стимулы и инструменты, совершенствуясь, магистралью естественно-исторического процесса все более успешно продвигали осуществление своей космической цели. Природе нужна экономика, непрерывно оплодотворяющая главную силу своего развития — человеческую мысль, — для получения от нее новых прорывов в овладениях силами природы, материализуемых в дальнейших возвышениях негэнтропийности человечества. Многообразие потребностей развития разума означает сложносоставность экономики, что требует единения ее

функционирования. Это последнее полагает неизбежность системности экономических отношений, их построения наподобие самого человеческого организма, в котором каждый орган функционирует для всего организма (и организм не может без него обойтись) и, в свою очередь, обеспечивается «работой» всех других органов, организма в целом.

Отсюда дополненное современное видение предмета политической экономии. Экономика — ареал реализации людьми возложенной на них космической обязанности, исполнение которой нерукотворно («замыслом» Природы) совмещено с воспроизводством членами общества своих жизней. В экономике объективно неизбежно доминирование отношений, подчиняющих ее функционирование востребуемому Космосом росту производительности труда. Иначе говоря, люди могут быть в неведении о космической предопределенности их существования, их труда, но, трудясь ради видимого и понятного обеспечения своего физического бытия, они действуют в полном согласии с установками высших сил Космоса.

Неизбежная сложносоставность экономики (особенно с учетом ее историчности), мы видим, не стала препятствием к появлению и приведению в действие «плана» космических преобразований. Но, коли это так, коли Космос развернул грандиозное четырехмиллиарднолетнее вселенское создание человеческого разума, а с ним — экономики, то это может значить одно: Природные силы много (очень много!) загодя обстоятельно, во многом даже точно провидели-затвердили все основные последовательности проведения в жизнь космического «плана» эволюции развития Земли и околоземного космоса, в том числе роли экономики как того «щеха», в котором непосредственно фабрикуется движитель негэнтропийного развития — производительность труда.

По-видимому, для Природы время существует иначе, чем для нас, наши миллиарды лет для нее — что-то вроде наших суток, минут и часов. О «замысле» Природы свидетельствует уже общая выстроенность экономики, общественного воспроизводства. В образующее «жизнь» экономики общественное воспроизводство на «входе» непрерывно поступают только массы живого труда и вещества природы (источник овеществленного труда — само общественное воспроизводство), а на «выходе» — уже негэнтропийно перестроенная «вторая природа», присосшая (в общественном продукте) энергия в средствах обеспечения жизни человечества. Это — не что иное, как отдача человеческого труда, его производительность: затраты (живой труд) — результаты.

Нетрудно убедиться, что логике этого протянутого Высшими Силами знамени производительности труда подчиняется вся логика политической экономии.

Расширенное понимание двойственности труда: результаты и затраты. По мысли Маркса, к этому пункту тяготеет вся политическая экономия, «все понимание фактов» [2, 50; 3, 122]. Сейчас эта идея, мягко говоря, в кругу теоретиков-экономистов не актуальна. В курсах экономической теории данный «пункт», если даже и присутствует, в их логических построениях фактически не участвует, а в современных курсах политической экономии занимает куда более скромное место, нежели это продекларировано Марксом. И у Маркса это куда как не декларация. У него из двойственности труда логически вытекают главные категории: постоянный (*C*) и переменный (*V*) капитал, и тем самым сами капитал (*K*) и прибавочная стоимость (*M*). При изъятии из логики труда Маркса указанного пункта сам собой разваливается I том «Капитала», увлекая за собой II и III. Я не знаю современных учебников политической экономии, содержание которых так же крепилось бы на двойственности труда, как все три тома «Капитала». Но это и означает, что современные политэкономы де-факто не видят в двойственности труда отправного пункта своей науки³⁴.

Отчасти в этом повинен сам Маркс. При характеристике труда, воплощенного в товаре, у него некоторым образом конкретный и абстрактный труд как бы разделились. Они с полной определенностью предстают важнейшими звеньями товарно-капиталистических отношений — но и только. Их роль за пределами товарного хозяйства четко не прописана. Читателю «черным по белому» сказано, что конкретный труд — естественная необходимость, вечное условие существования людей, но относительно «труда вообще» таких категорических формулировок нет (хотя логически эта идея неявно присутствует и при анализе различных общественных форм в параграфе 4 первой главы, и в самом понимании автором «Капитала» единства обеих сторон труда по типу полюсов магнита). Это привело к тому, что немало экономистов считало двойственность труда только феноменом капитализма. И только на закате жизни в замечаниях на книгу Вагнера Маркс дал прямую, не вызывающую никаких сомнений характеристику «труда вообще» как древнейшего и важнейшего общественного отношения.

По-видимому, это разночтение поспособствовало некоторому увяданию теоретического интереса к проблеме двойственности труда. Образовалась традиция связывать таковую лишь с капиталистическим

³⁴ Как же тогда обстоит дело с пониманием теоретической системы К. Маркса? Не лишне вспомнить, что уже в 1913 г., проштудировав гегелевскую «Науку логики», В.И. Ленин горестно заметил, что «никто из марксистов не понял Маркса даже 1/2 века спустя» [4, 162].

производством. Вспоминать о ней как логическом стержне политической экономии стали реже. Она у части экономистов утрачивала тот характер научного откровения, который ей был свойствен у Маркса. Сегодня далеко не каждый экономист воспринимает любой труд, где бы и когда он не имел место, как схваченное-рожденное-удерживаемое одной и той же рабочей силой противоборство диаметральных непримиримых противоположностей. А ведь все так и есть в действительности. Двойственность труда действительно (причем и сейчас, и в эпоху Маркса, и до нее) образует — и не может не образовывать — каждую акцию реального общественного производства, его «дыхание» безотносительно к тем или иным формулировкам «капитала», любых учебников.

Маркс не ставил перед собой научной задачи «вычленил» в двуединстве конкретного-абстрактного труда его более общее значение, имеющее силу не только для капитализма, но и для других общественных форм. Тем не менее он сделал это, что показано в моей брошюре 1980 г. [5]. Скрупулезно обследовав рассматриваемое двуединство в его товарно-капиталистической ипостаси, классик совершенно неакцентированно, никак не выпячивая, не подчеркивая, но тем не менее фактически раскрыл и те его общие базовые качественные признаки, которые получили свое специфическое (исследованное им) товарно-капиталистическое социальное одеяние.

Эти общие качества, предстающие диалектикой в товарном хозяйстве конкретного и абстрактного труда, состоят в абсолютной *результатности* конкретного и столь же абсолютной *затратности* абстрактного труда.

Первый классик чаще именуется не «конкретным», а *полезным* трудом, и во всех ста процентах обращений к нему понимается Марксом только как источник одних лишь полезностей, потребительных стоимостей совершенно безотносительно к тому, что при этом происходит с его противоположностью, как именно расходуются жизненные силы работника. Содержательно полезный труд включает не только живую деятельность работающего, но и воздействие применяемых этим трудом средств производства — предмета, средства труда. А когда полезный труд рассматривается только как живая деятельность, то опять же в том нерукоотворном конкретном облике, какой ему придают манипуляции со своими специальными профессиональными орудиями и средствами труда. Для работника и для социума это никакие не затраты, и автор «Капитала» лишь единожды воспользовался (применительно к нему) данным термином. Это одни только *поступления* вещественного богатства, *результаты*. Понимание полезного труда как его якобы затрат

уничтожает ту объективную диалектику двойственности труда, которой подчинен «Капитал».

Напротив, абстрактный труд — это одни только *затраты*, другой, диаметрально противоположный полюс социального «магнита». Это квинтэссенция, стержень затратности во всей сфере существования мыслящей субстанции. Полное отвлечение от полезности специальных профессиональных трудовых движений. В «труде вообще» — ни грана какого-либо созидания потребительной стоимости, «прихода», любого прибавления чего-либо вещественного, — одно только сжигание энергии человеческого организма, расходование физических и духовных сил, здоровья, жизни работника, только лишь вычитание-убывание наличного жизненного ресурса мыслящего вещества, главного-верховного четырехмиллиарднолетнего итога — продукта-творения Высших сил Природы на Земле.

Становится очевидным, что в целом двойственность труда в рассмотренном самом общем надисторическом смысле — это микроисполнение Космосом своего пути к утверждению-развитию первого во Вселенной негэнтропийного процесса. Двойственность труда оказывается микромоделью этого процесса, единичной производительностью труда, «задуманной» и «подготовленной» одновременно с соответственно направленной макромоделью — производящей экономикой. Удельные — на индивидуальном личностном уровне — результаты, сопровождаемые удельными затратами. Квант негэнтропийности.

Разумеется, исторически складывание экономики как зоны негэнтропийного процесса и ее квантов было параллельным-многотысячелетним, внутренне согласованным. Реализация «замыслов» Природы происходит, конечно, без всяких чудес, каких-либо прямых «подсказок», вмешательств естественных сил непосредственно в разумные и стихийно-разумные акции людей. Полная «логистика» этого всемирно исторического, вселенского многомиллионного взаимодействия бесконечно многообразных Сил Природы и человеческого Разума, возможно, навсегда останется трансцендентной, не поддающейся разгадкам тайной. Но ее общее содержание в свете развития научного знания теперь уже на виду. И политическая экономия ныне вправе крепить логику развития своих понятий не просто абстракцией где-то висящей, как-то наличествующей, каким-то образом присутствующей и «хватывающей», «цепляющей» реальные отношения объективностью, а вполне четким показом своей естественной причины. Политическая экономия по своей причинно-следственной выстроенности, силе своей логики теперь приближается к естественным наукам, становится как бы соци-

альной физикой, исследующей социальное «вещество» — трудовую экономическую субстанцию.

Трудовая экономическая субстанция. Трудовая экономическая субстанция — экономический объект, обнаруживаемый особым научным абстрагированием при позиционировании предмета политэкономии (системы объективных социально-экономических отношений) по уровням конкретизации. Данный методологический прием впервые применен Марксом в «Капитале».

Выделение объекта этого уровня абстрагирования вряд ли можно отнести к научным новациям в категорическом смысле данного термина. В политической экономии вполне утвердилось рассмотрение объектов, образований ее предметного поля как сущностных и явленческих еще со времен классиков, причем нередко те или иные «трудовые» трактовки сущностного уровня экономических исследований. И тем не менее выпускается немало критических стрел в адрес неупорядоченности, нечеткости, шаткости всей выстроенности политэкономического дома.

Несомненно, что главный строительный материал этого дома — труд. Однако достаточно очевидно, что труд и трудовая экономическая строительная субстанция — не одно и то же. Труд может не иметь никакого отношения к экономике, не образовывать каких-либо экономических отношений, не воплощаться ни в средствах производства, ни в предметах потребления. Например, напряженный труд спортсменов на тренировках и соревнованиях. В их порой сверхвысоких усилиях присутствуют как будто обе стороны труда: и конкретная целевая нацеленность, и расходование сил человеческого организма. Но все это — без наималейшего присутствия в экономике. С.А. Подолинский писал об «отрицательном труде» в опустошающих войнах [6]. Следовательно, вполне оправдано логическое и терминологическое разделение труда как особого бытия человеческого организма и труда как его активнейшего естественного бытия в экономике, как ее материальной субстанции. И все экономисты хорошо понимают это. Теперь же, по-видимому, настает пора категориально отобразить ситуацию.

Во всех исторических обществах трудовая экономическая субстанция обладает примерно десятью (в зависимости от функциональных конкретизаций) основными обязательно наличествующими формами функционирования и движения — от живого труда до конечной продукции. Формы экономической субстанции фиксируют ее основные трансформации по ходу выполнения ею космической миссии в масштабе всей производящей экономики. В своей совокупности они образуют расширенно развернутый-функционирующий (в том числе и макроэко-

номически) трехмоментный процесс труда. Они всегда реально существуют только в том специфическом морфологическом единстве друг с другом, в котором исполняют, реализуют свою вселенскую космическую миссию. Эти формы: предметы труда, средства труда (с основными конкретизациями «для средств труда», «для предметов труда», «для предметов потребления»), «самый труд» (термин Маркса) как живая деятельность, амортизационные отчисления (с конкретизациями по группам средств труда), произведенная продукция (с конкретизациями как предметов труда, как средств труда и как конечной итоговой — предметов личного и общественного непроизводственного потребления). Причем морфология экономической субстанции принципиально не отличается от морфологии иных системных объектов, включая человека. Каждая из выделенных форм функционирует лишь постольку, поскольку существуют-функционируют *все другие*. Так и с человеком: нет отдельных самостоятельно-независимо существующих функционирующих — иммунной системы, сердца и т. д.

Во всех без исключения формах экономической субстанции ее минимальные «кванты» сохраняют свою двухполюсную результатно-затратную общность. Но при этом в каждой форме «кванты» субстанции реализуют это результатно-затратное содержание с особенностями, налагаемыми данной формой. Тем самым понятия «труд» и «трудовая экономическая субстанция» различаются еще и тем, что последняя всегда существует в единстве перечисленных взаимосвязанных и превращаемых одна в другую форм, причем наличествуют всем известные жесткие определенные объективные последовательности, направленности данных превращений. В этом смысле все формы, кроме средств труда и итоговой, — потоки и векторы, а средства труда и предметы потребления — уровни и скаляры. Если отвлечься от вещества природы, субстанциональная форма живого труда — единственный результатно-затратный ресурс, вводимый в экономику извне людьми и становящийся источником всех иных форм экономической субстанции, включая завершающий скаляр конечных продуктов, воплощающий свершившееся повышение негэнтропийной производительности труда.

Единство всей трудовой субстанции весьма специфическое, заключающее внутри себя определенную разнокачественность между «потокowymi» формами предметов труда, амортизационных отчислений и «уровневыми» формами средств труда. Эти последние сообщаются «веществом» с параметрами-потоками лишь через амортизационные отчисления. Амортизационные отчисления — посредник между первыми и вторыми, при их посредстве средства труда участвуют в общем движении «вещества», принадлежат ему. Хотя единицы субстанции па-

раметров-потоков прямо, непосредственно не могут суммироваться с внешне как будто бы такими же единицами параметров парков средств труда, несмотря на общность происхождения-порождения (живым трудом) и единение функционирования в масштабе всей экономики.

Наконец, имеется еще один признак, выделяющий трудовую экономическую субстанцию и отличающий ее от просто труда. Она всеми своими формами «сама» по шаблону абстрактного трехмоментного процесса труда собирается в модель своего общего движения, в которой одни формы естественно-органично трансформируются в другие, с завершением в предметах потребления. «Самосборка» всех форм экономической субстанции в общую модель их солидарного экономического движения субстанции, наиболее обстоятельно проанализирована в [7]. Живая деятельность, «самый труд» — «начало», исток, исходный пункт модели, базовая субстанциональная форма. Будучи единственным ресурсом, вводимым людьми в общественное производство не из его факторов и продуктов, а извне производства (как рабочие силы), она не фиксируется в нем сама по себе, а «работает» в качестве источника всех других, образованных-порожденных овеществлениями живого труда, что принципиально скрепляет органическую целостность модели. Сопоставление исходной и завершающей формы не оставляет сомнений, что перед нами — образование, в целостном виде должное непосредственно реализовывать предназначение всего негэнтропийного процесса, его «исполнительный цех», средоточие собственно повышения производительности труда, соотношение всех предназначенных для этого естественно-социальных затрат и получаемых от их производственной-экономической имплементации результатов, «горение» востребованной Природой производительности труда в народнохозяйственном масштабе. Отображая непрерывность процесса в его макроэкономической значимости, модель тем самым отображает и процесс общественного воспроизводства.

В ней нет ничего загадочного, неизвестного, непонятного. Тем не менее как таковая она экономистами еще не исследовалась (некоторые подробности о ней сообщаются далее).

И сама трудовая экономическая субстанция в целом, и ее кванты историчны. Будучи материальными, а во всех формах, кроме живого труда и амортизации, еще и вещественными, они всегда облечены в те или иные общественные отношения, т. е. в ту или иную исторически конкретную общественно-экономическую форму. И в классическом капиталистическом, и в современном производстве это товарно-денежные формы трудовой субстанции. Но в любых общественных формах в масштабе народного хозяйства это всегда народнохозяйствен-

ное макроэкономическое развертывание трехмоментного процесса труда.

Элементарная материально-вещественная форма трудовой экономической субстанции. Товар как «клеточка» буржуазной экономики. Потребительная стоимость и результаты производства. Эта форма де-факто уже исследована К. Марксом в первых главах I тома «Капитала». Конечно, у Маркса непосредственной целью был анализ «экономической клеточки» именно буржуазного общества, но классик в конечном итоге достаточно четко сделал и обобщения, относящиеся к труду и его продукту во всех формациях.

Ареной природной миссии экономики является земная поверхность, становящаяся звеном космического процесса движения солнечной энергии. Естественно-социальная значимость процесса возникает от его масштабности, целостности. Природа оперирует, прежде всего, крупнейшими массами энергии. Но тем самым актуализирована и проблема составляющих эти массы частиц, «клеточек»³⁵. Самой же «клеточкой» трудовой субстанции является индивидуальная генерация (работником) производительности труда, обнаруживающаяся в двух состояниях: в текучем движущем, «животрудовом», и в вещественном продуктовом, застывшем. Эти состояния по большому счету эквивалентны. Текучее обнаружение — двойственность труда — уже вкратце характеризовалось как индивидуальное микровыражение производительности. Теперь рассматриваем его «застывшее» овеществленное «тело». Понятно, что оно сохраняет все его качественные субстанции свойства, признаки. Это продуктовое «тело» — научная абстракция всех рассмотренных форм субстанции, представляющих собой весь экономически затраченный-поступивший овеществленный труд, вещественное обобщение всех экономических вариаций данных трудов с едиными для всех признаками-свойствами-качествами.

Этими едиными, как бы «досоциальными», качествами вещественной продуктовой «клеточки» производящей экономики должны обнаружиться прежде всего все те же, что и для всякого производящего труда, всякой трудовой экономической субстанции свойства *затрат* и *результатов*, получающие в разных системах общественных отношений те или иные социальные формы. В продуктовой «клеточке» открытое К. Марксом свойство *затрат* субстанции образовано конси-

³⁵ Это — логика «Капитала», зафиксированная в его первой же фразе. В ней ввиду несомненной значимости богатства как «огромного скопления товаров» — переход к анализу товара «как элементарной формы этого богатства» (см.: [2, 44]).

стенцией часов жизни работника (работников), потребовавшихся для генерации этим работником (работниками) именно того полезного труда (трудов), который, застыв, предстает данной вещью. Противоположное свойство субстанциональных *результатов* состоит объективно прежде всего в реализации невидимого людям космического содержания процесса — в вещественном-услужном индивидуальном вкладе в прирост располагаемой энергии. Но «промыслом» Природы их невидимый людям вклад в осуществление ее «целей» был сделан сопровождаемым человеческим целеполаганием, чувственно воспринимаемым людьми как прирост именно их благосостояния, как добавление полезностей, благ, потребительных стоимостей. Благодаря этой изобретательности Природы люди, даже ничего не зная о предназначениях Природы, надежно следуют им в порядке повседневного-непрерывного воспроизводства своих жизней.

Таким образом, на субстанциональном уровне вещественная продуктовая «клеточка» экономии — уже не «текучее», а застывшее вещное индивидуальное экономическое образование, как бы материально-вещественный квант той же производительности труда, которую выражает собой (своим общим построением) вся производящая экономика. Свойства первого материализуются в свойствах второго. Здесь те же два непременных полюса субстанции — затратный и результатный.

Казалось бы, ввиду объективного первенства космических «целей» Природы социуму следовало бы озаботиться регулированием и счетом съема, прибавлений энергии, получаемой социумом от материализованного в приросте потребительной стоимости повышения производительности труда, измерять продуктовые «клеточки» экономической субстанции в единицах увеличиваемой ими энергии. Но никакой необходимости заниматься этим в обществе нет. И уже поэтому здесь достаточно подхода-позиции «Зубра» — Н.В. Тимофеева-Ресовского: «Это не наше дело» [8, 12]. Именно так. Если это кому-то нужно, так это — самой Природе. Но Природа это уже «знает», и «знает» лучше нас. Людям же нужно не это, а знание-регулирование процессов их жизнедеятельности. Им необходимо постижение тех количественных мер обоих полюсов индивидуальной продуктовой «клеточки», затрат и результатов, которые предстают составляющими вседневного функционирования их экономики, важны для воспроизводства социума.

С затратным полюсом наука, ведомая миллиардами повседневных практик, давно разобралась. Всем виден и всеми прочувствован захват производством часов и вообще времени жизни человеческих организмов с непрменным вовлечением мыслящей материи, забором функционирования мозгового вещества (для этого и созданного Приро-

дой). В товарно-денежном хозяйстве он выражается в социальной форме стоимости и соответственно в денежной форме. Однако относительно другого, второго полюса достижения политической экономии куда скромнее. Здесь она до сих пор пытается решить нерешаемую задачу соизмерения полезностей, которые по самому своему понятию качественно несоизмеримы, разнородны.

Здесь политэкономическая теория не справилась с разграничением разных уровней конкретизации своего объекта — с уровнем субстанциональных результатов и с уровнем товарной потребительной стоимости. Первый уровень имеет дело с величинами, фиксирующими ход, итоги воспроизводства индивидуальных субстанциональных продуктов в их функции партикул, квантов воспроизводства дееспособной деятельной созидающей совокупной рабочей силы, носительницы масс полезного труда. А второй — со всем комплексом товароведческих свойств отдельных товаров, пробуждающих у потребителей те или иные индивидуальные конкретные принятия-непринятия.

Это совершенно разные уровни. Первый «отталкивается» от макроэкономики воспроизводства совокупной рабочей силы, способной и долженствующей (ростом производительности) реализовать свою естественную негэнтропийную миссию. Здесь важнее всего не потребительная стоимость индивидуального товара, а страновые совокупности потребительных стоимостей, единственно воспроизводящие массовые производительные рабочие силы. Маркс осознал проблему и специально рассмотрел в III томе своего труда «потребительную стоимость в общественном масштабе» ПСВОМ — совокупности таких суммарных потребительных стоимостей, воспроизводящих (все вместе, целостно) совокупную рабочую силу и потому представляющих собой истинные результаты общественного производства.

В товарном производстве субстанциональные результаты не получили и до сих пор не могут получить категориального обобщенного выражения. В нем почти все значимые для него экономические отношения выражены в денежной-стоимостной форме, т. е. антирезультатно. И в экономике, и в обиходе прибыль наделяется статусом результатов, хотя это — часть цены, денежного выражения затрат на создание единицы продукции. Причем ныне общественная потребность в раздельном счете, измерении результатов и затрат достаточно назрела. Поэтому при необходимости результаты измеряются косвенными путями при помощи показателей «затратного» содержания. Так, для измерения увеличения физического объема ВВП его денежное значение делят на дефлятор, ценовой показатель. В общественных формах современной экономики отсутствует присущее уровню субстанции четкое разграничение резуль-

татов и затрат. Здесь в качестве показателей результатов нередко фигурируют показатели затрат.

Каждая ПСВОМ (сумма всех потребительных стоимостей определенного вида) объективно комплектуется, набирается лишь до той величины, в которой она участвует в воспроизводстве совокупной рабочей силы. И она сама по себе — еще не результаты. Частью результатов она объективно выступает лишь тогда, когда выступает в «связке», слитно вместе со всеми другими ПСВОМ, которые на данном этапе исторического развития обеспечивают воссоздание общественной рабочей силы, произведены социумом ради осуществления этой функции в общем космическом процессе. И индивидуальный продукт объективно является субстанциональным результатом лишь как его «квант».

Такова принципиальная схема процесса субстанционального результатаобразования в целом. Разумеется, индивидуальный продукт является микрочастицей этого процесса, микроносителем его результатной определенности, как бы наложенной на его потребительную стоимость, но не смешивающейся с последней. Иначе говоря, индивидуальный продукт обладает как рассмотренным качеством результатов производства, делающим его в этом качестве сопоставимым со всеми иными результатами производства, так и потребительной стоимостью в тех ее свойствах, которые хорошо известны со времен классической политэкономии. И политическая экономия пока что не справляется с теоретическим «освоением» этой ситуации. Нет исследований, четко разделяющих продукты как субстанциональные результаты и те же продукты как потребительные стоимости. Наконец, пока еще не дано ответа, как же, в свете объективного процесса «результатизации» общественного производства, строить-выстраивать в практике хозяйствования систему показателей результатов производства³⁶.

Общественный технологический процесс производства ОТПП. Современная потоковость. Всемирная консолидация. Общественный технологический процесс производства — главное качество, привнесенное развитием капитализма в экономику. Оно сообщило ей производственно-технологическое единение, сделало всю массу предприятий не только отдельной крупной страны, но и (по мере преодоления натурального характера производства) в масштабе мировой экономики через сотни-тысячи-миллионы-миллиарды прямых и обратных производственных связей «цехами» единого всемирного «предприятия». Оно видится-угадывается даже прямым наблюдением: всем по-

³⁶ Мои предложения представлены в ряде работ, обстоятельней всего — в [9, 99—192].

нятно, что добывающие отрасли продолжают обрабатываемыми, что в обрабатывающих отраслях налицо технологические межотраслевые цепочки, в которых выпускаемые промежуточные продукты, в итоге множества переделов, в конце концов, сменяются конечными. Это качество по-своему выражается в экономических кризисах, когда за его «взрывом» в одной отрасли следуют катастрофы в других, в третьих и, наконец, минусуется все общественное производство. Оно же используется в экономико-математическом методе МОБ В.В. Леонтьева, при помощи которого изменения в отраслевых выпусках пересчитываются в изменения конечной продукции и наоборот.

Казалось бы, в сфере экономики вряд ли можно обнаружить более масштабное, емкое и бурно развивающееся образование с более выраженными воздействиями на систему производственных отношений. Тем не менее политэкономические исследования данного объекта явно застопорились. Их не появляется вот уже много лет. Поэтому не достает обобщений политэкономических аспектов того нового, что приходит в экономические отношения вместе с современным прогрессом ОТПП.

Основные изменения произошли по ходу технологических революций второй половины XX в. Производство конечных продуктов из преимущественно принадлежащих тем или иным крупным отраслям стало вестись иначе — последовательной обработкой предметов труда в масштабе длинных плановых многозвенных многоотраслевых цепочек высокотехнологичных предприятий-переделов, насчитывающих многие десятки и сотни звеньев и ветвящихся через разные страны. Отраслевые тресты как «каркас» экономики отошли в прошлое. Их сменили многоотраслевые вертикально интегрированные диверсифицированные концерны, охватывающие «несущие конструкции» этих цепочек в виде технологически единых средних (до 250 работников) и крупных предприятий hi-tech, консолидирующих упорядоченные лавины малого-среднего бизнеса.

Такие всемирно протянутые порождающие друг друга, переходящие друг в друга технологические связи повязаны экономическими, обеспечивая поток конечной продукции всемирного производства. Он непрерывен и в то же время прерывен, календарно прирастает партиями. При подходе с позиций непрерывности во всех звеньях ОТПП происходят овеществления живого труда, который позвенно направленно, в каждом звене по-особому, неповторимо переформирует поступившие сюда предметы труда в иные потребительные стоимости, ожидающие дальнейших переформирований в следующих звеньях технологических цепочек.

Здесь самоочевидны единство, целостность, неразрывность всемирного технологического процесса. Но при подходе со стороны создания некоторой партии конечной продукции возникает иллюзия необходимости для выпуска этой партии лишь какой-то части всего ОТПП, прямо занятой в данный момент подработкой этого определенного изделия. Однако эта иллюзия «ненужных звеньев» опровергается логикой всего процесса. Когда обработка данной группы изделий подходит, скажем, к 30-й стадии, она должна «застать» там все рабочие места в выражено работоспособном состоянии. А это может иметь место лишь тогда, когда работа не прекращается.

Таким образом, ОТПП должен логически мыслиться лишь как целостный непрерывно функционирующий «живой» объект на всем своем протяжении, «схваченный» единными непрерывными экономическими пространством, конфигурацией и временем от некоторого «начала» функционирования до его состояния на настоящий момент. Он образует внутренний технологический стержень, как бы позвоночник той самособирающейся модели трудовой экономической субстанции, о которой говорилось выше. (Хотя, конечно, на практике допустимо моделировать и частичные дискретные ситуации.)

Такая структура современного производства особенно удобна для его технологической, экономической и институциональной фактической и даже институциональной консолидации вокруг немногих центров. И на самом деле, в 2011 г. швейцарские экономисты в итоге тщательного многолетнего исследования установили, что таковая, действительно, уже имела место. Всего десять (!) подобных монопольных структур подчинили себе все производство всех развитых капиталистических стран. Более того, связи между данными десятью сверхкорпорациями таковы, что речь может идти о единой всемирной суперкорпорации [10]. Политико-экономически это означает активно протекающий, но, по видимому, далеко не законченный процесс объективного преобразования современных концернов в подразделения («цеха») грандиозной всемирной структуры, с моментами перерастания бывших товарно-денежных отношений (между независимыми предприятиями) в отношения партнерства. В особенности это касается отношений в определенной выраженной технологической цепочке, излюбленному месту локации современных структур типа концернов. Эти складывающиеся новые отношения пока не имеют ни общепринятого теоретического толкования, ни терминологического обозначения. Полагаю возможным называть их не товарно-денежными, а потоковыми, которые в своем развитии трансформируются далее в отношения производства, по А.И. Кашенко, непосредственно общественного продукта...

Потоковое построение экономических отношений означает более высокую степень детерминированности производственных процессов по сравнению с традиционным коммерческим. Поточковый промежуточный продукт уже в процессе производства «знает» о своем предназначении, так же как и все его предстоящие использования заранее «знают» о практически нерушимых сроках его прибытия и неизменном содержании применений. Поточковость — обязательное качество существования и функционирования современных длинных технологических цепочек обработки, а тем самым — современного уровня производительности труда. Поточковость как бы обрушивает пространства и расстояния между предприятиями единой технологической цепочки, сразу же объективно обозначает, «надписывает» назначения движения отдельных производимых продуктов, виртуально прочерчивает компановки фактически единых целостных производств, которыми вроде бы беспорядочно загромождено экономическое пространство. Между формально рыночными субъектами экономических отношений — все более выраженно становящиеся соподчиняющие связи.

Формирование современной поточковости проходит одновременно с моноконсолидацией всемирного производства. Главной движущей силой современного производства является современное же технико-технологическое экономическое мышление его субъектов-строителей. Уже более полвека как вполне определился основной движитель современной вертикальной организационной консолидации — обобществление научно-технического прогресса. Из «прорывающихся» в открытую печать сообщений известно, что совместное предпринимательство концернов — это прежде всего их научные исследования. Они, разумеется, преследовали и преследуют в качестве своей основной цели расширение рынка, создание новых продуктов, технологий, что практически означает инвестиции в создание новых производств с обычно еще более многозвенными обработками. Становится все более явным, что в настоящее время *они всемирно согласовываются, предпринимаются и планируются*. Обобществленные научно-технические структуры крупнейших концернов и их взаимосвязи, взаимодействия засекречены и законспирированы. Основные доказательства их наличия и функционирования — непрерывное сквозное обновление и совершенствование материально-технической технологической базы монополий, возникновение новых длинных технологических цепочек обработки и новых промежуточных и конечных продуктов, фронтальность-комплексность современного научно-технического технологического прогресса в развитых странах, зияющий научно-технический технологический разрыв между экономической научно-технических метрополий и аутсайдерами. Совершенно ясно,

что, распахнув свою экономику в 1990-е гг. перед Западом, СССР обрекал свою экономику на уничтожение как почти абсолютно неконкурентоспособную.

Выстраивание эстафет новых технологий из сотен звеньев под силу только объединенным научно-техническим гигантам. Такие научно-технические продвижения чудовищно дороги: увеличение звенности обработки — это не просто добавление нового звена к прежде имевшимся, а коренная доработка-переработка всех. Они заведомо не под силу странам, не являющимся центрами и опорными узлами моноконсолидации. Отсюда упования политических агентов всемирной сверхкорпорации на всеилие «санкций» по отношению к не подчиняющимся ей. Отсюда же и особые трудности инвестирования концернами, обладателями наивысшей производительности труда и одновременно самой протяженной-разветвленной звенностью своих технологических цепочек.

Эти сверхконцерны не могут просто «копировать» те или иные свои предприятия, создавая за рубежом их дублеров. Для нормального функционирования таких «копий» требуется вся данная технологическая «цепочка», а это — основной капитал концерна. Поэтому за почти четверть века капиталистического развития РФ не смогла привлечь серьезных, принципиальных инвестиций развитых стран: в их экономиках нет неорганических свободно отделяющихся звеньев, и их инвестиции могли бы «жить» только в своей «родной» среде. Общий замысел российских реформаторов заполучить инвестициями развитых стран современную передовую экономику был изначально принципиально несуществующим.

Потоковость можно отнести к одной из последних ступеней перехода от товарности-рыночности к планомерности, объективного преобразования первой во вторую. Это — ступень с все более выраженным преобладанием планомерности, свойств отношений непосредственно общественного продукта. Но процесс этот не механистический, противоречивый. Для своего поступательного развития он должен опереться на три составляющих. Во-первых, на активную действенную поисковую нацеленность персонала, прежде всего работников всех предприятий технологической цепочки, на изыскание возможностей повышения «своей», «местной» (на данном предприятии и данном рабочем месте) производительности труда. Уже поэтому настоящая потоковость лишена какой бы то ни было застенелости, непрерывно трансформируется, обретает более совершенные выражения. Вторая составляющая — это научно-техническое обеспечение указанных индивидуальных не прерывающихся усилий повышения производительности труда. Базой должна

стать научно-технической инфраструктура всемирной моноконсолидации, должны наличествовать и безотказно действовать экономические формы сочетания ресурсов научно-технической структуры с индивидуальными интересами предприятий и работников. Наконец, третья составляющая образована научно-техническим и организационным соединением научной продукции указанной всемирно инфраструктуры не только с индивидуальными достижениями отдельных предприятий, а со всей системой технологических цепочек обработки ОТПП: ее оптимизация, создание новых продуктов и новые инвестиции в дальнейшее совершенствование всего ОТПП по все тому же критерию роста производительности труда.

В настоящее время рост производительности труда (естественная цель экономики) достигается не только увеличением выработки в существующих звеньях (предприятиях-переделах) технологических цепочек обработки, но также общественной комбинацией производственных процессов, особенно переходами к цепочкам обработки («цепочкам приращения стоимости») повышенной стадийности. Однако последнее направление упирается в определенные ограничения. Новая стадия обработки всегда забирает-отвлекает определенные ресурсы, что уменьшает эффективность ее применения. Это значит, что — рано или поздно — предстоит переход к ОТПП с ограниченными возможностями роста стадийности и, более того, к ее стадийности, свертыванию, замещению современных длинных многостадийных обработок сокращенными-спрямленными по принципу работы 3D принтера, концентрирующими звеньями производства, воплощающими новые фундаментальные открытия. Но это потребует и гораздо более высокого развития науки.

Рассмотрение ОТПП в единстве с предыдущим анализом трудовой экономической субстанции, субстанциональной «клеточки» экономики показывают, что успешность естественной миссии экономики упирается в «зараженность» этой миссией субъектов всего процесса, прежде всего субъектов живого производственного труда и научных исследований.

Взаимодействие естественно-объективного и разума (мысли) в экономике. Все силы Природы обладают тем или иным предписанным ею (и в пределах, ею установленными) самодействием. Мыслящая субстанция — по-видимому, единственная сила Природы, которая обладает мощью своей главной природной функции, сравнимой с соответственной мощью ее созидательницы. Общие долгосрочные цели этого ее созидания нам (пока что) не вполне ясны. Пока что, исходя из феномена Подолинского—Кузнецова, можно предположить, что такая истинно природная воистину беспредельная мощь сообщена мыслящей

субстанции именно потому, что в последовательности космических процессов указанного феномена творческая ищущая мысль является их «выпускающим цехом».

Это — критический пропускной регулирующий пункт данной последовательности. Любое действие людей в экономике (тем более по повышению производительности труда) всегда опосредовано человеческой мыслью. В данном пункте определяется-фиксируется качество исполнения экономикой своей космической миссии, которое зависит от меры совпадения реальных действий людей с естественно требуемыми. Сам «выбор» Природой именно такого пункта в функции завершающего-решающего регулятора процесса — свидетельство его важнейшего значения для космоселенского генезиса Природы. Мыслящую субстанцию Природа создала с потенциалом творчества того же масштаба, который присущ ей самой. Она обеспечивает саморазвитие разума так, как если бы именно оно было целью его сотворения, чтобы создание центра сосредоточения энергии в ареале Земли происходило по максимуму.

Казалось бы, Природа тяжело рискует. Ведь если человек, погруженный в экономику, поведет себя как немецкий пилот Андреас Лубитц, намеренно погубивший свой лайнер и его пассажиров, и возжелает сделать все вопреки «замыслу» Природы, прервать-разрушить процесс, растереть его в пыль, никакие силы опять же не смогут воспрепятствовать этому. Но нет, Природа-Мать (С.Н. Булгаков) мудра. Судьбы процесса ей доверены не индивидуальностям, а человечеству в целом, безусловно истинно созидательной силе, органически не способной подчиниться «лубитцам» и, пусть не без проблем (в масштабах человечества), перебарывающей их поползновения. Эта ставка Природы на неограниченное саморазвитие человечества в наибольшей степени содействует появлению в его среде гениев («гении падают с неба»), мышление и психика которых трансформируют поток многообразных впечатлений в принципиально новые генерализующие идеи, возвышающие это саморазвитие, обеспечивающие дальнейшее увеличение производительности труда.

Коренными особенностями взаимодействия Природы и человеческой мысли в экономике являются практически полная суверенность мысли и одновременно ее направленность на оптимальную реализацию, даже максимизацию ее естественно-исторической миссии.

Оставляю в стороне вопрос о том, может ли Природа «почеловечески» «разговаривать» с мышлением людей, прямо-четко «вещать» им. Факт таков, что она этого не делает. Попыток объяснить данное обстоятельство немало. Заслуживает внимания, в частности, что

такое «общение» похоронило бы тенденцию саморазвития человечества и человеческого разума в самостоятельную естественно-историческую силу, а это решительно расходится с реалиями. Иначе, «человеческий» способ общения — не в «интересах» ни Природы, ни людей. Но само общение между Природой и людьми — необходимость, неизбежность. Ведь люди, общество остаются ее автономно существующей, самостоятельно мыслящей и функционирующей силой. И общение, конечно, происходит, но на особом исторически определенном «языке». Это «язык» подталкивания Природой мыслей (а, следовательно, и деятельности) людей к нахождению правильных (т. е. согласующихся с ее предназначениями) решений.

Природа пользуется тем, что человеческий разум, человеческая мысль реально обнаруживаются, существуют не как таковые, а лишь «миллиардноголово» — в индивидуальных головах отдельных людей. Поэтому она может обходиться без грандиозных космических демонстраций, ограничиваясь, главным образом, нерукотворными предметными-вещественными проблемными ситуациями, предполагающими вполне определенные однозначные решения, к которым люди не могут не прийти (в дальнейшем будет высвечена первоочередная современная, даже главная из таких ситуаций, выстроенная обратными связями движения экономической субстанции по «кольцу Маркса»). Это хорошо известные всем проблемные ситуации в той сфере, которую политическая экономия относит к производительным силам. Но не только. Это также «подталкивание» (через активизацию подсознания) ищущего мышления творческих людей к открытиям. Таковое давно стало установленным фактом (Д.И. Менделеев, Ф.А. Кекуле и др.). Возможно, имеются и станут понятными (хотя Природа, по-видимому, пока что не особенно «заинтересована» в этом) и другие формы общения, «языка».

Понятно, что Природа не ответственна за конкретные деяния членов общества в экономике. Самодействие людей — подлинное, без каких-либо прямых вербальных подсказок откуда бы то ни было «сверху». Но Природа на своем «языке» неотвратимо побуждает людей действовать в направлениях, сообразных с ее космовселенским негэнтропийным процессом. И она приучает людей уважать ее «язык». Метод «обучения» прост. Когда люди нарушают объективные показания своих проблемных экономических ситуаций, идут, даже «прут», напролом, они несут тяжкие экономические (и не только экономические) потери и этим вынуждаются корректировать свои действия.

Не командуя людьми, Природа тем не менее обладает общим историческим видением хода событий. Все еще непонятый наукой феномен времени таков, что некоторые люди как бы видят будущее. Конеч-

но, Природа видит его куда лучше и полнее, чем это получалось у Ван-ги. Вряд ли можно сомневаться, что, погружая людей в проблемные ситуации, Природа опирается на это свое знание.

Таким образом, в экономике всегда наличествуют невидимые людям абсолюты их экономических действий — такие требования к этим действиям, которые максимально согласованы с ходом природного космического негэнтропийного процесса. Политическая экономия обобщает их как объективные экономические законы. Они — объективные-неизбежные направляющие оптимального осуществления космического негэнтропийного процесса. Их «круглосуточное» бессменное существование-действие незыблемо. Это действие в том, что эталон абсолюта волей-неволей «накладывается» на любое конкретное осознанное экономическое деяние субъекта и определяет меру правильности и эффективности такового. И последнее совершенно объективно выступает той или иной (эффективной-успешной или нет) формой проявления, формой действия абсолюта-закона. Разум же обязан пытаться установить меру наличного соответствия-несоответствия реальной человеческой деятельности законам (абсолютам) и, понятно, улучшать ситуацию средствами экономической мысли и политики.

Все это относится и к критериальным показателям эффективности экономической системы в исполнении экономикой своей вселенско-космической негэнтропийной миссии — к показателям производительности труда «результаты/затраты». Ее исполнение завершается направленными усилиями субъектов экономики по производительному преобразованию затрат животрудовой экономической субстанции в конечные результаты. Именно здесь сознательная деятельность людей реально определяет те меру, степень, в которой в данный момент осуществляется целевая космическая-экономическая необходимость. Но Природа предопределила, что мера, степень реализации космической необходимости являются одновременно мерой наполненности главного источника общественного богатства социума. Тем самым Природой изначально (как часть ее «промысла») определен общий механизм самокоррекции, завершающий ступени космовселенского негэнтропийного процесса «Солнце — Земля».

Экономическое самостояние работника, трудовые отношения. Перспективы «умного» труда. Уровень производительности труда, достигаемый (могущий быть достигнутым) социумом на данной ступени его развития, определяет, в конечном итоге, общественное устройство труда, социальные формационные процессы.

При с современной точки зрения совершенно низкой производительности были неизбежны экономические отношения элементарного

выживания человеческого сообщества, первобытно-общинного строя. В дальнейшем повышение производительности (по некоторым оценкам, на 1% за десять тысяч лет) возвышало и планку социальных отношений к рабству, феодализму. Трудовые процессы при низкой производительности неизбежно были физически изнурительны и могли доставлять значимую отдачу только с насилием, принуждением к длительной работе, пока уровень производительности труда не сделал возможным труд юридически свободного рабочего, живущего за счет продажи своей рабочей силы. Сохраняет в большой степени свое научное значение классический анализ капитала и прибавочной стоимости, проведенный К. Марксом в последовательности трех томов его «Капитала». Экономическая наука в многочисленных версиях научных исследований и учебников во многом достаточно корректно и полно отобразила те изменения, которые поимели место в «обойме» категорий Маркса, и весьма содержательно обобщила многие новые отношения, рожденные многократным ростом всемирного производства, технологическими революциями, созданием и противоречивым развитием мировой экономики, гипертрофированным разрастанием финансов и кредита и т. д. Вместе с тем немало и «белых пятен», а также решений, вызывающих критику, особенно со стороны философов хозяйства. Из всего этого необъятного научного потока я в состоянии остановиться лишь на проблеме трудовых отношениях, экономическом самостоянии работника.

К. Маркс рассмотрел трудовые отношения, сконцентрировавшись почти исключительно на процессе производства прибавочной стоимости. У него динамика этих отношений отслежена от свободного работника-крестьянина, экспроприированного капиталом, до «экспроприации экспроприаторов» в его же, Маркса, историческом времени. Однако, как известно, таковой во всемирно-историческом формационном смысле не произошло. И «реальный социализм» XX в. пока что не сумел создать-развить такой производительности труда, которая принципиально превысила бы достижения капитализма и доставила бы народам социалистических стран качественно более высокий уровень и образ жизни. Естественно, в большинстве стран «социалистической мировой системы» воследовал социальный реверс, они вернулись к капитализму. Правда, трудовые отношения современного передового, «социализированного» капитализма значительно отличны от тех, которые преобладали в эпоху Маркса.

Главное отличие в том, что в настоящее время примерно с середины XX в. в трудовых отношениях развернулся долгосрочный всемирно-исторический поворот способа осуществления этими отношениями

их главного космического назначения — способствования повышению производительности труда.

Развернувшиеся во второй половине XX столетия технологические перевороты уже сместили-переместили «работающие», трудовые зоны индивидуальностей людей от физических усилий в еще недостаточно исследованную (и во многом загадочную) область психической-нервной-умственной энергетики трудящегося, в центры духовных напряжений. Работники и в прежнюю эпоху болезненно воспринимали отчуждение от их личностей их традиционных физических рабочих сил. Теперь же новые технологии вершат то, что как будто бы принципиально неосуществимо: активируют, вовлекают в трудовой процесс, передают во власть, в распоряжение нанимателей, т. е. отчуждают — неотчуждаемое, глубины личностей субъектов труда.

Безболезненно такое возможно только с внутреннего согласия самих индивидуальностей работников. Но заполучение такого согласия — дело особой сложности. Препятствует сама природа индивидуальности субъекта, сама ее отделенность от окружающего мира, «несмешиваемость» с ним, суверенитет личности, без которых личность утрачивает бытие. И вот уже более полувека как развернулись охватившие мир развитых стран социально-экономические процессы, согласующие новые технологии с коренными естественными духовными свойствами индивидуальностей работников. Здесь — изощренные системы организации и оплаты труда, участие в прибылях и управлении, ЭСОП и т. д. Их общая направленность — заполучить внутреннее содержательное «согласие» умов-душ работников на активное вторжение в их внутренний мир внешних производственных раздражителей, действительное «принятие» этих ситуаций, а в конечном итоге — органическое соединение космической необходимости повышения производительности труд высокими технологиями с умами-психикой индивидуальных работников. Итоговая перспектива — в органическом сплаве самых сокровенных качеств духовного мира человека с определяемыми высокими технологиями требованиями роста производительности.

Следует признать, что эта всеобщая мировая тенденция, отмеченная рядом несомненных успехов, все еще далека от достаточно полной материализации указанной перспективы. Об этом свидетельствует, прежде всего, сохраняющаяся жесткость социально-классовых противостояний, — например, отраслевых и всеобщих забастовок. Особенно же об этом свидетельствует распространенность трудового оппортунизма — манкирования работниками своими трудовыми обязанностями.

Когда преобладал традиционный физический труд, прилежание работника было на виду и могло контролироваться зрительным наблю-

дением руководителей трудовых процессов. Однако психические и умственные напряжения столь просто не обнаруживаются, их контроль затруднен. Поэтому впервые в истории капитализма у работника появилась возможность имитировать трудовые усилия. Исследователи считают, что сейчас до 30% рабочего времени представляют собой такую имитацию. Капитал, спасая свои прибыли, вынужден уговаривать работников напрягаться, сопровождать введение высоких технологий такими льготами, которые, казалось бы, начисто исключаются всей его историей и сущностью (элементы рабочего управления, собственности трудящихся на производимый их трудом продукт и т. д.).

Естественная и социальная природа рассматриваемого феномена достаточно на виду. Рост производительности труда достиг рубежа, близ которого ресурсы физического труда исчерпаны, и рост производительности должен опереться не на физический труд, а на от ассимиляцию разумом, психикой, нервной системой работников высоких (и далее все более высоких — здесь нет и не может быть никаких пределов) технологий. Другими словами, в его осуществление должны вовлекаться новые пласты индивидуальности людей — *terra incognita* для них самих.

Еще В.И. Ленин показал, что в монополистическом капитализме некоторые важные качества капиталистического строя превращаются в свою противоположность (конкуренция — в монополию). В современных условиях эта тенденция усилилась, становясь (но еще не стала!) определяющей. В свою противоположность начали превращаться (но не превратились!) уже не просто значимые, а *самые* важные свойства капитализма, затрагивая отношения собственности, характер труда.

В настоящее время в мировых трудовых отношениях при преобладании производства прибавочной стоимости наметились также отношения свободно-вознаграждаемого труда, в которых труд осуществляется в подчеркнуто уважительной социально и психически вдохновляющей обстановке и на условиях наивозможнейшего благоприятствования креативным проявлениям. В творческих коллективах Стива Джобса и Билла Гейтса, задающих социуму направляющие научно-технического прогресса, новые технологии, огромные затраты на оплату труда оборачиваются наивысшими прибылями. Это ситуация, в которой классические отношения локальной прибавочной стоимости начинают не только «смягчаться», но и утрачиваться. Материальная основа данной ситуации — высшая производительность труда. Такие структуры дают представление о том, к чему придет развитие экономики в будущем, причем, по-видимому, не близком. Но в большинстве предприятий продукции повседневного спроса ситуация много ближе к

классической — к производству и распределению прибавочной стоимости. Экономическая сущность деятельности предпринимателей, как и в эпоху Маркса, — в том, чтобы работники производительно потрудились сверх того времени, которое им требуется для возмещения их заработка. Но с принципиальными ограничениями, исторически потребовавшимися для эксплуатации современного «умного» труда.

Коллизия капитала с «умным» трудом во многом иная, нежели его противоборство с физическим трудом индустриальной эпохи. Дело в том, что «умный» труд в своих напряжениях по-новому тяжел, по-особому труден. Он явно тяготится современной продолжительностью рабочих дня и недели (отсюда предложения 4-х- и даже 3-х-дневной рабочей недели. Блоки малокреативного репродуктивного труда в современной экономике перемещаются на рабочих-мигрантов, рабочий день которых составляет обычно 10—12 часов). И не следует ожидать, что развернется принципиальная национальная и международная «классовая борьба» носителей «умного труда» с капиталом. Поисктивный инициативный труд, востребованный новыми технологиями, пока еще далеко не всеобщ. Даже во времена «японского чуда» в передовых японских концернах в знаменитых «бригадах качества» принимали участие только лишь порядка двадцати процентов работников: «тяжела ты, шапка Мономаха». Капитал и без классовой борьбы с «умным трудом» заинтересован в уступках «умному труду» по вопросам времени оплаты, социального статуса и организации труда. Без таких уступок высоким технологиям не овладеть производствам.

Но им не овладеть производством и без революции в образовании, общей культуры, а на этой основе — без профессиональной подготовки работников.

Таким образом, относительно трудовых отношений и производительности труда современный капитал находится на во многом в иных объективных позициях, нежели капитал индустриальной эпохи. Тогда он алкал роста производительности труда, чтобы получать все большую часть рабочего дня, увеличивать прибавочное время за счет необходимого. Теперь с исчерпанием возможностей повышения производительности физического труда капитал не просто приникает к «умному» труду. Не утратив своей жажды прибавочного труда, он в то же время вынужден все более тонко регулировать свою позицию-хватку, ибо партнер-антагонист теперь обладает определенными возможностями как бы «исчезать» из процесса. Поэтому у капитала вопреки его социальной природе развивается новая для него функция поиска способов тонкого проникновения в сокровенные глубины «самости» индивидуальностей работников.

Общая перспектива всего процесса зависит от того, удастся ли мировому капиталу надежно пробиться в «самость» работников так, как это временами удавалось японским концернам, когда рабочие с энтузиазмом отдавали без остатка им все свои личностные силы, какие у них только были. Она, эта перспектива, опирается не только в недостатки научного понимания этой «самости» и в недостатки ее сознательного использования. Она также и в природной ее, увы, ограниченности, суровости-бедности. Тот же японский опыт доказал невозможность такой активации преобладающей части совокупного труда, чтобы она сразу же предстала не репродуктивной, а поисковой-креативной. И в обозримом (не в фантастическом) будущем развивающие экономику таланты (тем более гении), остаются редким подарком природы. Прогресс социума определяется тем, как ему удастся распорядиться этим своим творческим потенциалом.

Сегодня в мировой экономике наличествуют два социальных способа генерации производительности труда: капиталистический (прежде всего в облике всемирной корпорации) и социалистический. С позиций марксизма XIX в. следовало бы безоговорочно возлагать надежды на социализм. Однако нельзя сбрасывать со счета и капитализм по причине его совершенно незаурядных адаптивных свойств. Вопреки многим предвидениям, он «проживает» эпоху за эпохой и обретает новые и новые свойства. Он стал плановым, применяет элементы планомерности. Он воспринял и в значительной мере «переварил» научно-техническую революцию, чего не сумел социалистический СССР. Таким образом, опыт учит с известной осторожностью относиться к возможностям и перспективам капитализма.

Проблемы трудовых отношений, противостоящие современным капитализму и социализму, можно обозначить как следующие. Трудовые отношения должны широчайше-полностью распахнуть створки «самости» индивидуальностей работников генетически наиболее способных к инициативному поисковому инновационному труду. Причем это не только не должно противопоставить данных лиц работникам преимущественно репродуктивного труда, обособить одних от других. Напротив, последние должны оставаться благоприятствующей-поддерживающей средой первых. И тех и других должна соединить единая миссия повышения производительности труда, осуществляемая оптимально наивысшими темпами.

Разумеется, в достижении этих темпов у капитализма и социализма не может не быть различий. Однако, как уже доказано исторически, неизбежно и общее, связанное, в частности, с высокой адаптивностью капитализма к меняющимся объективным обстоятельствам.

Анализ этих обстоятельств убеждает, что важнейшим общим (для капитализма и социализма) средством обеспечения космически востребуемой производительности труда может и должна стать специфически экономическая (по преимуществу индивидуальная) собственность работников на свою производительность труда.

Всем известно, что единственной ситуацией, в которой любой человек незамедлительно, не раздумывая и без всяких колебаний, задержек, сразу, стремглав «пускает в дело» все свои навыки, знания, изворотливость, силы, является ситуация необходимости индивидуального жизненного процесса в бесчисленности своих проявлений, в том числе в социальной составляющей (например, обустройства его жилья, дачи и т. д.). С данной точки зрения, очевидной предпосылкой такого же «распахивания» потенций индивидуальностей перед производственной производительностью труда является ее вхождение-включение в круг событий непосредственно жизненного процесса каждого конкретного человека. Этого можно добиться лишь тогда, когда индивид будет воспринимать необходимость повышения производительности труда так же, как он воспринимает необходимо-привычные моменты своего повседневного суточного цикла.

К данному выводу подводят и общеэкономические обобщения. Ясно, что люди соглашаются на повышения производительности ради их соответственной оплаты, но ресурсы для этой оплаты они могут получить лишь от роста производительности. Эта зависимость объективно соединяет рост производительности и рост ее оплаты в одних и тех же руках — руках самого работника. Отрыв одного от другого противоестествен. А полнота их слияния экономическая в наибольшей степени обеспечивается реальными собственническими отношениями.

Собственность работников на свою производительность труда и общенародная собственность на средства производства. В экономической теории, в том числе в политэкономии, по-видимому, нет другой такой проблемы, которая вызывала бы у самих исследователей такую же внутреннюю неудовлетворенность, как проблема собственности. Классики не оставили нам фундаментальных логических научных разработок этой проблемы, хотя им принадлежит множество высказываний (при рассмотрении тех или иных вопросов), бросающих свет на нее. У Маркса во всех томах «Капитала» ни одной главы о собственности, хотя этот термин встречается в подзаголовках глав (например, к 21 главе I тома: «Превращение законов собственности товарного производства в законы частнокапиталистического присвоения»). И до сих пор поразительный разноречивый теоретических трактовок проблемы и сконцентрированность ряда исследователей не на объективно существующей

экономической собственности (собственности как таковой), а на закрепляемых в юридической сфере правомочиях владения, распоряжения, пользования.

Я все более укрепляюсь в убеждении, что объективно и непременно присутствующей во всяком производстве и всяком труде собственностью является та или иная степень (мера) хозяйскости экономического поведения субъекта, его хозяйского (не хозяйского, антихозяйского) отношения к используемым факторам производства и самим труду, производству. Данный фактор труда-производства абсолютно реален. Труда-производства без того или иного поведенческого отношения субъектов к творимому ими, вовлекающего их процессу не существует. Именно она, хозяйскость-нехозяйскость всего экономического поведения задействованных лиц, определяет успех труда-производства или обрекает их на неудачу. И навряд ли кто-либо решится отвергать эти несомненные факты.

Отсюда — критическая важность любых реформ отношений права собственности. Советская правовая общественная собственность не создавала у основной массы работников выражено хозяйского отношения к труду-производству. Приватизация 1990-х прошла почти без сопротивления советских производственников как якобы «хозяев» «своих» предприятий. Но и ее постиг несомненный экономический крах. Общепризнанно, что она не создала, как принято говорить, «эффективных собственников», реально поднимающих обрушивавшееся производство. О состоянии реальной экономической собственности в РФ достаточно говорит тот факт, что в последние годы на 90% предприятий страны не осуществлялось никаких инноваций, обеспечивающих повышение производительности труда. Наша экономическая собственность ныне такова, что в стране оптимально не реализуется жестко требуемый как совокупностью социально-экономических условий страны, так и самой космической миссией человечества показатель повышения производительности труда. Более того, исследования устанавливают, что в стране нет классов, социальных групп, реально заинтересованных в инновациях и повышении производительности труда. Получается, что этот показатель сегодня — экономически неприкаянный, ничей, выморочный.

Ясно, при такой ситуации страна, ее экономика не имеют будущего, что нынешний социально-экономический статус этого показателя настоятельно требует самых решительных изменений. Политэкономически общие суть и перспектива этих изменений представляются в движении к полной экономической собственности работников на их (свою) производительность труда.

Термин «экономический» означает, что речь идет не о юридических «правах», это было бы слишком просто и, как нередко получается с такими «правами», бессодержательно. Дело в ином: привести в общественное производство «железную» ситуацию, чтобы работник внутренне, «от души», на уровне естественного рефлекса считал бы повышение своими усилиями производительности труда примерно такой же принадлежностью своей индивидуальности, как, допустим, свои группу крови, зрение, внешность и т. д. — неременной принадлежностью своего, и только своего (ни на кого не перекладываемого), нормального жизненного процесса. Сейчас он, не задумываясь, фактически делает это, как указывалось, в некоторых бытовых ситуациях, внезапно потребовавших от него для их преодоления особенных усилий, и совершенно не склонен, не способен в общественном производстве повторять то, чего демонстрировал на своей личной даче. Но задача именно в этом. Рост производительности труда должен предстать ему лично обязывающим и лично вознаграждающим.

Ключевой проблемой реальных собственнических отношений является собственнический доход. Без него экономического собственника и экономической собственности не может быть. По-видимому, оплата работника должна быть образована двумя составляющими. Во-первых, оплатой поддержания уже достигнутой производительности. И, во-вторых, собственническим доходом за ее повышение. Нетрудно предвидеть три важнейших качества собственнического дохода, требующиеся для адекватного исполнения им своих функций.

Прежде всего, это мгновенная и безошибочная идентифицируемость каждым работником конкретных «квантов» повышения своей производительности в качестве единиц денежного дохода. Здесь главная (и прямо-таки громадная) трудность. Предстоит колоссальная расчетная работа по всем родам и видам полезных-конкретных работ. Она была бы стопроцентно невыполнимой, если бы не блестящие успехи последних десятилетий в экономической информатике. Конечным итогом расчетов должна быть автоматическая система самообновления преобразований показателей роста производительности труда в значения вознаграждения работников. И другое нерушимое качество, парное первому: железная обязательность поступления. Такая же твердая, как поступательность хода времени. Может произойти что угодно, но если производительность труда повышена, никакие силы и чудеса не могут прервать рождения-появления-материализации соответственного собственнического дохода. Наконец, третье: абсолютные неотнимаемость, неприкосновенность, невозвратность, несокрушимая полнота принадлежности данного дохода своему собственнику, его распоряжению-

использованию. Последний всегда и в любой момент может делать со своим доходом что угодно.

При наличии такого собственного дохода решающим фактором взращивания реальной экономической собственности работников на свою производительность станет особая помощь самой Природы. Она заготовила для работников, повышающих производительность, как бы завлекающий «манок», стимул чрезвычайной, никогда еще не встречавшейся в экономике силы. Повышающий производительность труда работник на каждую единицу высвобожденного им (из текущего производства) живого труда дополнительно, без добавочных усилий, как бы бесплатно высвободит еще — прямо-таки фантастика! — три такие же единицы. (Напротив, при падении производительности с введением в текущее производство дополнительных единиц трудовой субстанции или же просто при повышении отпускных цен на каждую единицу реально или номинально возросшей субстанциональной массы затраты дополнительно увеличиваются симметрично на те же три единицы.) Природа этого поразительного феномена будет рассмотрена далее в связи с анализом общественного воспроизводства.

Разумеется, весь процесс должен иметь полное информационное обеспечение. Индивидуальные участники должны видеть все его действие. Этим к процессу подключаются индивидуальный разум, глубины личности с ее духовно-эмоциональным миром. Каждый работник будет видеть, как всякое, даже малое, повышение им своей производительности автоматически рождает микровзрыв дальнейших многолетних процессов высвобождения труда, возвышения общественного производства и равно наблюдать микровзрывы роста производительности, порожденные соответственными усилиями иных работников. Повысил производительность и мгновенно видит-чувствует все порожденные этим процессы. Это — социальная обстановка, можно сказать, взаимного заражения людьми друг друга стремлениями повышения производительности труда.

Экономическая собственность на свою производительность труда, генерирующая собственный доход, будет экономически и нравственно прочно соединять поисковое инициативное творческое меньшинство работников со всей их массой. Принципиальной особенностью рассматриваемой собственности должно быть не просто отсутствие технической-коммерческой тайны, а полнота всеобщей безотлагательной информированности по всем иницируемым инновациям, мероприятиям, повышающим производительность. Любой работник получает возможность повторить достижение и увеличить свой собственный доход. Каждый как собственник может распорядиться своим доходом

для привлечения к своим инновациям иных лиц. Поэтому талантливые передовики пользуются всеобщими поддержкой, признанием, уважением, их достижения могут (и будут) подхватываться на лету каждым, повышая его благосостояние. У социума благодаря указанному подарку Природы будет достаточно ресурсов для совершенствования поощрения всего динамичного процесса.

Общественному труду, производству благодаря общественной собственности работников на свою производительность будет обеспечено развитие соответственно их космической миссии. Но если одновременно удастся утвердить реальную общенародную собственность на средства производства.

В исторически существовавших и существующих социализмах такую собственность в вышеуказанном смысле (т. е. в смысле высокой внутренней хозяйскости-сверххозяйскости субъектов по отношению к объектам общенародной собственности) создать пока не удалось. Поэтому трудящиеся СССР и стран «мировой социалистической системы» так легко и расстались с ней: общенародная собственность там оставалась преимущественно правовой, лишенной надлежащего объективного содержания. Между тем она абсолютно необходима для здоровой экономической собственности работников на свою производительность труда.

Современный рост производительности труда должен охватить все технологические цепочки обработки, т. е. в каждой цепочке в едином процессе повышения производительности соучаствуют многие ее индивидуальные собственники. Попеременно активно участвует инициатор, внедряющий инновацию; остальные должны сохранять сделанное инициатором неповрежденным, передать достигнутую им экономию далее по технологической цепочке, успешно завершить процесс. Между всеми участниками таких процессов должно наличествовать согласие относительно неприкосновенности-неразрушаемости начинаемых каждым из них повышений производительности, т. е. каждый индивидуальный собственник своей производительности труда принципиально заинтересован в сохранении-сбережении любого проходящего через его руки вроде бы «чужого» повышения производительности как своего. Без этого собственность работников на свою производительность неосуществима.

Получается, что полнота осуществления экономической собственности работников на свою производительность последовательно социалистична и коммунистична. Она требует не формального, в одном лишь правовом смысле, а реального обобществления производства. Все по Марксу: общий процесс «восстанавливает не частную собственность,

а индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства» [2, 772—773]. Но путь к полнокровной общенародной экономической собственности оказывается иным, чем представляется некоторым идеологам. На этом пути главная ступенька — не юридическая государственная а индивидуальная экономическая собственность, причем не на достояние, а на свою производительность труда.

Товарно-денежная материализация потоковости, расширение фазы обращения капитала. Современные динамическая рента и структурная производительность. В первом-втором отделах II тома своего главного труда К. Маркс, как известно, показывает экономическое движение капитала, в ходе которого последний «выходит» на свои превращенные функциональные формы, обретает их и с ними — превращенные формы своих доходов. В современных условиях (прежде всего, в условиях нового ОТПП) это движение происходит иначе, чем в эпоху К. Маркса. В его время производство и обращение были примерно равными по значению функциями каждого индивидуального капитала, индивидуальные капиталы, производя узловые промежуточные и конечные продукты, искали друг друга, общественные технологические цепочки были непрочны и непродолжительны, в основном, не были устойчивыми, достаточно легко распадались (даже разлетались) и заново возникали. Весь процесс выглядел таким чередованием производства и обращения (—производство—обращение—производство—), в котором обращение могло быть относительно независимым от производства.

Во второй половине XX в. эта ситуация, в основном, отошла в прошлое. Кризис 1929 г. подтолкнул капитал не просто к концентрации производства, его централизации и монополизации, но, главным образом, к вертикальной интеграции. Отраслевые тресты сменяются современными многоотраслевыми вертикально интегрированными диверсифицированными планомерно организуемыми и планомерно функционирующими концернами, образованными (каждый) несколькими десятками и сотнями hi tech предприятий и концентрирующими, сверх того, вокруг себя множества субъектов среднего и малого якобы независимого бизнеса. Теперь превращение прибавочной стоимости в прибыль проходит в экономическом движении через длинные многозвенные технологические цепочки обработки. Образование капиталистического дохода в сфере производства теперь неизбежно сопровождается образованием динамической ренты, которая пока так и не стала предметом специальных исследований.

Длинные институционально устойчивые планомерно функционирующие вертикально интегрированные цепочки предприятий-переделов — новый синтез производства и обращения. Технологически это — блоки единой обработки независимо от того, охвачены они официальной структурой концерна или не охвачены. И вместе с тем между первыми и вторыми — значащая разница. Если структурно они — единый концерн, здесь по всей цепочке царствует потоковость и синергия. Обработка одного звена прямо продолжается обработкой следующего, переходит в нее. Трудоемкость, производительность, издержки, достигнутые в одном, в этом измененном обработкой виде переходят дальше. Соединяющее заводы разных звеньев обращение содержательно становится преимущественно формальной акцией: звеньям прекрасно и заранее известно, что, сколько и как они должны сделать, что делают и будут делать. Достигнутое в одном звене тут же становится обретением другого, третьего, всех. Процедуры обращения используются, главным образом, для дополнительной выверки нормальности протекания всего процесса, обеспечения его синергии.

Обращение здесь как бы инъецировано в фактически единый целостный, но многозвенный процесс производства для дополнительного соединения звеньев. Каждое производственное звено передает свои наработки конечному изделию через многие акции сливающихся производства-обращения.

Иначе обстоит дело с технологическими цепочками, еще не соединенными структурами концернов, как в РФ. Здесь обращение более самостоятельно, звенья цепочек чаще всего руководствуются не общей выгодой, а конъюнктурой, сиюминутной частной прибылью. В РФ предприятия обычно не передают покупателям достигнутых ростом производительности уменьшений себестоимости, то есть не снижают отпускных цен, а образующуюся разницу между прежней или даже увеличенной отпускной ценой и уменьшившимися издержками тут же «проглатывают», присваивают как сверхприбыль. В этом производственная основа российской инфляции. И тем самым обращение не содействует, а препятствует ставшей необходимой потоковости, которая здесь действует незавершенно и на одном только уровне общественного труда.

Потоковость, присущая современной организации ОТПП, общественно материализуется в товарно-денежных значениях двух видов динамической ренты, нормально-естественно производимой всеми звеньями длинных технологических цепочек при повышениях хотя бы в одном из них производительности труда. Повышение в одном из звеньев производительности труда есть объективные изменения в обще-

ственном труде в масштабе всей технологической цепочки. Экономия труда от роста производительности всегда сразу же технически передается всей цепочке. Но экономически (общественно) сбереженное передается всем звеньям только тогда, когда получает общественное денежное выражение, то есть когда все последующие звенья обработки снизят свои отпускные цены соответственно этой экономии, то есть будут передавать обрабатываемое изделие друг другу по ценам, уменьшенным соответственно понизившимся издержкам.

Такое потоковое уменьшение издержек доставляет социуму и концернам динамическую ренту как разность между прежними (наличествовавшими до роста производительности труда) и снизившимися отпускными ценами. Принципиально это главная современная общественная форма прямого непосредственного первоочередного воздействия роста производительности труда на экономику. Однако во всей своей полноте она до сих пор нигде не используется: ни в первой, ни во второй формах динамической ренты.

Первая форма динамической ренты рождается при таком повышении производительности труда, когда его итогом становится только лишь удешевление продукции, за которым следует соответственное уменьшение отпускной цены. На уровне общественного труда сразу же происходит его техническая экономия в масштабах всей технологической цепочки. И в интересах социума должно воспоследовать соответственное общественное уменьшение издержек-цен. Вторая же, главная форма динамической ренты рождается при сосредоточении ресурсов (затрат) в производстве нового изделия с его естественным удорожанием, но это новое изделие при своем применении опять же вызывает каскады удешевлений с динамической рентой в каждом звене.

В оптимально направляемой экономике динамическая рента предстает совокупным уменьшением всех цен вследствие хотя бы частного, в единичном звене хотя бы одной технологической цепочки повышения производительности труда. Так как в ОТПП все цепочки взаимосвязаны и взаимодействуют, каждое даже частное повышение производительности труда рождает общую подвижку всех цен в народном хозяйстве. Здесь экономия ресурсов (в отдельном звене) повышением производительности труда мультиплицируется стадийным построением ОТПП. Поэтому динамическая рентакратно больше производственной экономии на предприятии-инициаторе, хотя в конечном продукте она запечатлевается в той же величине, в какой достигается на ступени своего создания повышениями выработки (на предприятиях).

Вся динамическая рента — плод повышения производительности труда во всем производстве. Ее производство — то помноженное выражение, которое производственное повышение производительности труда получает в технологических цепочках ОТПП при взаимодействии производства и обращения. Несмотря на ее громадное значение для социума, никто нигде до сих пор не считает объемы производимой динамической ренты. В моих работах производительность труда, выразившаяся в создаваемой динамической ренте, названа структурной. Динамическая рента, создаваемая структурной производительностью, количественно отличается от производственной (на предприятиях) как помноженная на мультипликаторы, которые ныне тоже никак и нигде не рассчитываются. Реальные величины мультипликаторов определяются мерой стадийности данной экономики.

На практике господствующие в высоко- и среднеразвитых странах длинные технологические цепочки могут быть частично или полностью ограждены от ассимиляции роста производительности труда в общественном производстве. Это происходит, когда рост производительности труда, определив техническую экономию общественного труда, не закрепляется общественно, не приводит к снижению отпускных цен на соответствующую продукцию (тех или иных производственных звеньев) и сразу (и всего только лишь однократно) трансформируется в сверхприбыль. При прежней отпускной цене прерывается экономическое движение измененных ростом производительности затрат-результатов, не происходит многократного мультиплицированного выведения экономической субстанции из текущего производства в длинных технологических цепочках. Из массива уничтоженной (не допущенной к образованию) динамической ренты в экономике сохраняется мизер (сверхприбыль), основная масса вроде бы уже (на уровне общественного труда) высвобожденного ресурса бесследно уничтожается.

Если в той или иной экономике физически отсутствуют структурная производительность, динамическая рента, — значит, вершатся противоестественные процессы уничтожения уже произведенных ресурсов.

В РФ структурная производительность, динамическая рента экономически не осуществляются, утрачиваются российской экономикой растущих цен [11, 119—126].

«Затерянный мир» современной политической экономики. Субстанциональный подход выводит на поистине «затерянный мир» экономики, до настоящего времени почти не замечаемый специалистами.

Этот мир открывается в связи с переходом от труда как материального «наполнителя» экономики к трудовой экономической субстанции. В первом случае овеществленный труд рассматривался политической экономией как своего рода «тень» живого. В функциях «строителя» и компонента экономических структур фактически понимался именно живой труд. Иная ситуация возникает при субстанциональном подходе. Экономическая субстанция системно многолика. Она может реально существовать и функционировать, лишь комбинируя все свои облики, причем без наличия хотя бы одного из них ее бытие становится невозможным. В этом смысле каждая ее такая форма функционально как бы определяет все другие.

Но тем самым обнаруживаются особые, пока что выпадающие из зрения экономистов соотношения, порождаемые «нерастворимостью» разных функциональных форм экономической субстанции друг в друге и неизбежностью формирования ими различных экономических образований, обладающих, как будет показано, весьма весомыми теоретическими и практическими потенциями, возможностями применений. Экономически значимыми оказались различия в составе субстанции даже по годам ее овеществления.

Самый переход в «затерянный мир» весьма прост. Выше было отмечено экономическое свойство субстанции «самособираться», т. е. дать всем формам возможность естественно-органично «прилипнуть» («слипнуться») одна с другой в порядке их рождения из живого труда, последующих трансформаций и до образования формы конечных результатов, т. е. предстать единым функционирующим целым. Как бы сама собой образуется народнохозяйственная модель экономической жизни затрат-результатов, отображение образуемой этим движением производительности труда. И ее можно «запустить» и в будущее, и в прошлое. Я переходил в «затерянный мир» с целью выяснить условную «судьбу», годы рождения и последующего развертывания *сегодняшней* экономической субстанции по всем ее формам. Именно условную, ибо расчет годов рождения тех или иных квантов субстанции производился по алгоритмам настоящего (0-го) года в номенклатуре абстрактных схем расширенного воспроизводства Маркса и почти столь же абстрактных моих собственных (точнее, самособирающихся) схем. В самом элементарном виде представление о «затерянном мире» можно получить, «раскручивая» Марксову спиральную воспроизводственную модель в прошлое. Так, в I подразделении в данном 0-м году из 6000 субстанции прошлым (минусовым) годам принадлежит 4000, самому 0-му году 2000. Прошлые 4000 на 1/3 (т. е. на 1333) состоят из живого труда — 1-го года, а 2667 рождены в предыдущие годы. Из 2667 общей стоимости

— 2-го года 889 опять же новая стоимость этого года, а 1778 поступили из прошлых лет. Иначе говоря, 6000 сегодняшней продукции I подразделения есть живой труд разных лет: 2000 (0-го года) + 1333 (-1-го) + 889 (-2-го) + ... и т. д. Эти числа в данном случае подчиняются закону убывающей геометрической прогрессии, ряд стремится к нулю. Геометрическим образом данной совокупности является показательная кривая, начинающаяся с цифровых значений данного 0-го года и спускающаяся в прошлые годы до значений, близких к нулевым (в работе 1980 г. я назвал это образование КЭ — «кривой эффективности»). Общественное производство всегда есть определенная объективная выстроенность живых трудов разных лет — «затерянный мир», не балуемый вниманием исследователей.

И выявленное образование — не пустая игра в никчемную цифирь. Впервые оно было показано и проанализировано в 1980 г. [12]. Сразу становится понятным, что оно отображает-обобщает ряд реальных динамических экономических процессов.

Так, симметрично построенная в первой четверти системы координат, она показывает, сколь долго субстанция, наличествующая в общественном производстве в 0-м году, сохраняется в те или иные будущие годы. Кривая в той же первой четверти, центрально симметричная первой, отображает выход из производства одного только лишь живого труда данного 0-го года. Первая выходящая фракция — самая крупная. Это живой труд 0-го года, затраченный во II подразделении и покидающий производство вместе с предметами личного и общественного непроизводственного потребления. Последующие годовые фракции меньше. Это следующие одна за другой фракции того же живого труда 0-го года, овеществившегося в 0-м году в различных средствах производства и теперь одна за другой, год за годом, доставляемые общественным технологическим процессом производства ОТПП к воплощению в предметах потребления.

Нетрудно видеть, что последнее образование представляет собой не что иное, как объективную материализацию политэкономического понятия эффективности общественного производства, как оно было разработано в 1980-х гг. Живой труд — единственный ресурс (помимо вещества природы), вводимый в общественное производство извне. В рассматриваемом образовании — весь живой труд определенного года. Но на входе это реально — пока лишь затраты, результаты здесь — в «текущем» виде, в каком они в качестве именно материальных результатов еще не осуществляемы. А на выходе это те конечные результаты, в которых воплощается данный живой труд — и непосредственно в их производстве, и материализовавшись сначала в

средствах производства. В «затерянном мире» сама собой решается проблема, которую теория эффективности так и не смогла решить: в чем состоит вклад капиталовложений, одновременных затрат в выпуск конечных результатов. Моделирование обнаруживает: они никак не увеличивают и не уменьшают создаваемых конечных результатов. Но они растягивают их поступление социуму (вместе с получаемыми конечными результатами). И взаимодействие главных составляющих эффективности производства таково. Рост производительности живого труда всегда есть увеличение массы конечных результатов. А вот рост капитальных (одновременных) затрат сам по себе (то есть помимо изменения производительности живого труда) есть растягивание во времени получения социумом тех же конечных результатов. Рассматриваемая кривая становится более пологой и продолжительной. И решение задачи прогнозирования изменений эффективности может находиться соответствующими построениями на народнохозяйственном материале.

«Затерянный мир» — именно мир. Мною были рассмотрены лишь некоторые его образования, названные мною «объемными структурами». Но в «затерянном мире» несомненно наличие и функционирование других, науке пока неизвестных, которые при надлежащем познании могут оказаться весьма значимыми для правильного использования естественных законов экономики. Особенную значимость образования «затерянного мира» обретают при исследованиях общественного воспроизводства.

Назревшие дополнения к теории общественного воспроизводства: 1) модель, объективные ограничители новых рабочих мест и их преодоление. Самособирающаяся изоморфная модель рождения и движения трудовой экономической субстанции и объемные структуры «затерянного мира» естественно дополняют исследовательский инструментарий классической теории общественного воспроизводства. И прежде всего — модель, ибо она своим функционированием прямо вводит (по сложившимся в данном году алгоритмам трансформаций и движений) в «затерянный мир» — какой была бы воспроизводственная субстанция данного года в любой из прошлых и какой станет в любой из будущих годов.

Государственные статистика и отчетность РФ покинули модель СОП Маркса, основывающую постижение общественного воспроизводства на его «физике», экономическом движении не только денежных, но и материально-вещественных составляющих (средств производства, предметов потребления). Динамика денежного ВВП не раскрывает динамики трудовых и материально-вещественных воспроизводственных потоков, роста реальной производительности труда. «Задвигается» ви-

дение обществом важнейших воспроизводственных пропорций, пред-
решающих динамику реализации производством и воспроизводством
вселенской миссии экономики. Сегодня РФ фактически не располагает
народнохозяйственной моделью своего общественного воспроизвод-
ства. Однако объективное развитие все с большей настоятельностью
ставит и будет ставить перед страной проблемы управления не только
денежными, но, прежде всего, трудовыми и материально-
вещественными потоками, образующими, в конечном итоге, ту или
иную страновую производительность труда. Поэтому последующие (из-
лагаемые далее) соображения имеют в виду предстоящее возвращение к
научному моделированию общественного воспроизводства РФ.

Самособирающаяся модель — «кровнородственное» модели
Маркса, весьма просто (уже в силу своей изоморфности) выстраивае-
мое, но никогда еще не исследовавшееся другими экономистами обо-
бщение общественного воспроизводства. Она по параметрам движения
текущего года позволяет «размотать» всю наличную субстанцию в
прошлое до значений, близких к нулевым, и, напротив, проследить, ка-
кими могут стать все ее «кванты» и субстанциональные формы (при
сохранении существующих алгоритмов движения) через любое количе-
ство лет в будущем. Она, конечно, вбирает в себя классические пропор-
ции реализации, но, сверх того, позволяет выявить некоторые новые,
неизвестные науке. Она сообщает о воспроизводственных совокупно-
стях немало совершенно новой информации, ибо никто никогда не ис-
следовал эти совокупности со стороны их многолетнего ежегодного
возобновления даже на одном и том же сегодняшнем уровне производи-
тельности труда. Примерно с 1980 г. ее построение и основные свойства
неоднократно рассматривались в моих монографиях и статьях, особенно
же обстоятельно — в монографии 2000-го года.

Самый абстрактный сокращенный прообраз модели (без средств
труда и амортизационных отчислений) задан самими схемами реализа-
ции Маркса. В них отображены процессы, совершающиеся с годовым
совокупным общественным продуктом (СОП), но эти процессы концен-
трируют в себе экономические движения многих лет. Так, в
I подразделении — «производство средств производства для средств
производства», круговое многолетнее движение, в котором создается
вся трудовая воспроизводственная субстанция, принимающая облик
предметов труда и предметов потребления (средств труда в модели
классика, как известно, не выделено). Но реального потока субстанции
не получается без средств труда, а это также круг: все видят, как сред-
ства труда производят средства труда. Два этих «круга» работают (в
моей модели) и друг на друга, и на линейный поток конечных результа-

тов, образуя единое движение. Просто — и вместе с тем умопомрачительно сложно: нерушимо строгая черед трансформаций трудовой субстанции вплоть до ее выхода из общественного воспроизводства в облике предметов потребления. В моих публикациях выявлены и рассмотрены ряд свойств и признаков модели.

Первым свойством модели является ее изоморфность. Всем без исключения элементам модели соответствуют такие же элементы самой экономической действительности. И точно так же *любой* квант реальной экономической субстанции, *всегда* являясь либо предметом, либо средством труда, либо, наконец, самим трудом (причем с присущим именно ему, данному кванту, движением), обязательно-непрерывно получает свое модельное отображение. Мне неизвестны макроэкономические модели более высокой либо хотя бы такой же ступени изоморфности, т. е. реализуется принцип: не отрываться от экономической материи, ничего не упускать, но и ничего не «примысливать».

С первым главным характеристическим признаком взаимодействует второй, для которого научная литература не предлагает подходящих дефиниций и который поэтому рискну назвать *сенсильностью* модели. Речь идет об адекватном отображении моделью всех возмущений, происходящих в сфере материального общественного воспроизводства с результатами-затратами. В объективной реальности всякое локальное изменение результатов-затрат «прокатывается», причем неоднократно, по всему общественному воспроизводству. Точно так же происходит и в модели, обобщенно изоморфно запечатлевшей все объективные связи общественного воспроизводства. Принципиально модель вполне может быть рассчитана на народнохозяйственных цифровых данных и в таком виде получить прямо-таки бесконечное число применений.

И, наконец, третий главный характеристический признак рассматриваемой модели состоит в ее *нелинейности* (в том числе наличии *нелинейных* эффектов) и *синергизме*, который, по определению Л.В. Лескова, «означает коллективное взаимодействие факторов, образующих систему, которое в совокупности дает эффект, намного превышающий возможности каждого фактора в отдельности» [13, 14]. Нелинейность, синергизм модели, конечно же, — отображение нелинейности и синергизма самого общественного воспроизводства, достигнутое в модели благодаря ее изоморфности.

В силу своих свойств модель в своем народнохозяйственном варианте может поиметь, помимо уже отмечавшихся, и ряд других направлений применений. Она могла бы давать точное-наглядное знание того, как позиционированы в народном хозяйстве в данный момент

все (без исключения) его ресурсы, где и что они «делают», откуда и куда движутся, чем оборачиваются (обернулись бы), причем с выявлением последствий, захватывающих сколь угодно отдаленные годы, те или иные их перераспределение, перемещение. Можно было бы взять любую воспроизводственную совокупность любого года и «отследить» ее *прошлое* (происхождение) и *будущее* (опять же на сколь угодно отдаленные годы) на основе тех пропорций внутри субстанции и алгоритмов, которые действуют в ОТПП *в рассматриваемом году* (например, текущем). Наконец, далее можно «проигрывать» любые варианты возмущений — изменений производительности труда. Никакие другие ракурсы, модели общественного воспроизводства не дают таких возможностей. Можно отслеживать превращения локальных изменений в общественные, реальные накладывания одних на другие, вызванные всеми ими реальные многолетние колебания параметров модели и их (опять же многолетние) затухания. Органы планирования, прогнозирования смогли бы не просто все это оценивать, а весьма точно провидеть на любую перспективу.

На основе общей модели может быть выстроено немало частных, выявляющих особенные воспроизводственные процессы. Особо значимы (в свете надвигающейся в мировой экономике полумиллиардной безработицы) выявленные (ранее не исследовавшиеся) воспроизводственные пределы создания новых рабочих мест [14].

Хорошо известно, что в последней трети XX в. в развитых странах резко замедлилось создание новых рабочих мест в материальном производстве, а численность работающих в нем перестала активно расти и даже скукоживается. Инвестиции в принципиально новые предприятия (так называемое «динамическое» развитие основного капитала) свернуты, оно осуществляется преимущественно «статически» — посредством амортизационных отчислений. Внятных убедительных объяснений этому в экономической литературе мне найти не удалось. Между тем феномен сполна объясняется особыми количественными соотношениями, складывающимися на базе модели, т. е. в самой жизни.

Дело в том, что создание в капиталосоздающих отраслях средств труда для нового рабочего места в этих отраслях — всего только видимая треть данного процесса. Две его трети невидимы, но также совершенно необходимы для его осуществления. Создание новой единицы основного капитала в отраслях, производящих средства труда, требует предваряющего рождения добавочного основного капитала и для отраслей, производящих предметы труда, и еще одной группы единиц основного капитала для отраслей, производящих предметы потребления (все это «схвачено» пропорциями модели). Следовательно, отрасли капита-

лосоздания должны быть отмечены особо высокой результатотдачей. Их затраты должны быть снижены до такого минимума, чтобы позволять им на единицу затрат получать расширение сразу трех парков основного капитала. Все это обстоятельно показывается в книге 2000-го г.

Но вторая половина XX в. прошла под знаком оживления инфляционных процессов, и природные зависимости общественного воспроизводства отмечали каждый шаг инфляции тройным добавочным введением в экономику еще и дополнительных (помимо инфляции) затрат. В этой обстановке сложилась неблагоприятная «отдача» основного капитала капиталосоздающих отраслей. Удорожание установленного в этих отраслях основного капитала превысило тот уровень, когда его продукции хватало и на его нормальное обновление, и на создание новых рабочих мест. Общественное воспроизводство «почувствовало» трудность, отказалось от экстенсивного наращивания основного капитала и сосредоточилось на его обновлении посредством амортизационных отчислений [7, 132—166].

Ныне ситуация с занятостью в мировой экономике приближается к катастрофической. Европа уже идет на военное противостояние напору обездоленных голодающих мигрантов, штурмующих как единственную возможность спастись европейские рабочие места (с европейской же оплатой). Разумеется, это не снимает, а обостряет проблему, которая становится все более злобешей. Судьбы не только европейского, но и всего первого мира — под угрозой. Ситуация создана не голодом и перенаселенностью, а более чем полувекowym тяжким массивованным нарушением ряда объективных экономических законов, пропорций общественного воспроизводства, выявленных при помощи субстанциональных самособирающихся моделей.

Политическая экономия подсказывает единственное подлинно экономическое, обеспечивающее непротиворечивое, согласующееся с природно-социальными законами направление решения проблемы: решительный выход из растянувшейся исторической полосы грубого нарушения требований естественной миссии экономики. Проинфляционное развитие первого мира в последние 50—70 лет было принудительным заталкиванием в глубь общественного воспроизводства шаблона снижения производительности общественного труда (опережение ростом цен роста объемов производства). Это породило эффект кратного самовозрастания затрат, взрастило объективные препятствия созданию новых рабочих мест. Возврат к соблюдению социумом своих естественных законов, к экономике снижающихся в меру повышений производительности труда всех издержек и цен и полной ассимиляции

общественным воспроизводством данных повышений инициирует поворот и в пропорциях, ограничивающих создание новых рабочих мест.

Но реализация этого поворота — это весьма растянутый исторический процесс. А переполненные лодки решительных мигрантов движутся к европейским берегам сейчас. Предстоит тот или иной вариант выраженного социального противоборства с, по-видимому, негативными социально-экономическими и политическими последствиями как для первого мира, так и для всей современной цивилизации. Такой оказывается катастрофическая цена длившегося ряд десятилетий нарушения социумом своих естественно-социальных законов.

Назревшие дополнения к теории общественного воспроизводства: 2) спиральное воспроизводственное движение экономической субстанции и роль его обратных связей. Главный ресурс поощрения роста производительности труда. Числовые схемы общественного воспроизводства К. Маркса предназначены автором «Капитала» иллюстрировать одну только реализацию СОП (его возмещения по стоимости и по натурально-вещественной форме). Однако в них неявно присутствует и общее экономическое воспроизводственное движение трудовой субстанции. Поэтому некоторые самые общие-важные его закономерности (проходящие, конечно, и в «затерянный мир») в первом приближении могут быть выявлены, рассмотрены и при помощи Марксовых схем. Главное внимание необходимо уделить закономерностям, порожденным спиралеобразной структурой воспроизводственного движения. Ибо, во-первых, эта структура никогда — и понапрасну — не привлекала особого внимания специалистов. А во-вторых, именно в ней повязаны главные природные силы способствования выполнению людьми их естественной миссии в реализации грандиозного сценария «излучение солнечной энергии — негэнтропийный процесс на Земле».

Общественное воспроизводство по самой своей природе — вихревой процесс, центральная непосредственно вращающаяся часть которого — «производство средств производства для средств производства». От этой спирали (от I подразделения) отходит ветвь II подразделения. В знаменитых схемах Маркса вихревое движение (I подразделение) охватывает 2/3 экономического вещества — примерно столько же, сколько и сегодня в крупных развитых странах. Все это досконально изучено — за одним принципиальным изъятием. Наука исследовала данный процесс при его равновесном осуществлении-возобновлении, но, как это ни странно, не рассматривала, что с ним происходит при возмущениях — при увеличениях-уменьшениях вращающейся воспроизводственной субстанции. А природные, порожденные вращениями, эффекты оказались как бы положительными при увеличениях, как бы отрицательными

при уменьшениях субстанции, и главное — поразительными по «мощности».

Сначала рассмотрим эти эффекты по итогу возмущений, порожденных главной как бы отрицательной обратной связью, т. е. при уменьшении воспроизводственного «вещества» вследствие роста производительности живого труда и выведении некоторой его величины из сферы общественного воспроизводства. Механизм формирования эффекта прост. Например, предположим, что из 2000 ед. живого труда в I подразделении вследствие повышения производительности с выпуском прежнего натурально-вещественного объема СОП (совокупного общественного продукта) стало справляться 1000 ед., половина, а вторая половина (тоже 1000) выводится из текущего воспроизводства (исходные цифры общеизвестной схемы реализации СОП при простом воспроизводстве). Поэтому СОП I уменьшается (в «затратном» выражении) с 6000 до 5000 ед., из которых $\frac{2}{3}$ должны вернуться обратно в производство. Объем производства, сохраняясь прежним натурально-вещественно, станет уменьшающимся по стоимости и в ценах, и потому в следующем году общий итог СОП I снова будет меньше (на этот раз меньше предыдущих 5000 у. е.). И так далее год за годом (я не раз публиковал эти расчеты) на протяжении ряда лет. В итоге на все то же исходное разовое уменьшение живого труда в 1000 у. е. достигается автоматическое, самотеком, без наималейших усилий, как бы дарственное (царский подарок Природы!) уменьшение труда, овеществленного в факторах производства, суммарно в 2000 у. е. и плюс еще 1000 у. е. в факторах производства, посылаемых I подразделением для II подразделения. Это вдобавок к исходной трудно-трудовой отдаче (от повышения производительности) экономией живого труда в 1000 ед., т. е. даровая (ни за что — ни про что) природная отдача экономией уже не живого, а овеществленного труда, факторами производства уже высвобожденного все того же самого живого труда. Таким образом, в экономике снижающихся цен рост производительности живого труда соединяется с хорошо известным науке природным эффектом вроде бы отрицательных обратных связей вихревого движения и для варианта, отображенного схемами реализации СОП К. Маркса, инициирует неслыханную даровую экономию овеществленного труда: по 3 ед. на единицу высвобожденного живого. 300% эффективности! Гигантская, неслыханная эффективность инициативного (трудно-трудового) повышения производительности: высвобождение из производства единицы фактора живой труд общественно-итогово есть в конечном итоге высвобождение не одной, а четырех единиц общественного труда! Триста и даже четыреста процентов от каждого (каждого!!!) повышения

производительности!!! Фантастическая цифра для экономики! Вот какую помощь уготовила Природа тем, кто следует ее предназначениям, вот что такое экономика снижающихся цен!

Ради такой нормы прибыли капиталисты былых времен были готовы на любое преступление даже под страхом виселицы (см. [2, 770]). Просто невероятно, что современные государства и не помышляют о развитии, о трансформации в такие экономики, ограничивают амбиции своих предпринимателей таким мизером (в сравнении даже хотя бы с динамической рентой), как сверхприбыль.

Но это не все. Обязательные природные эффекты вихревых движений всегда симметричные-парные, ибо изменения величины воспроизводственной субстанции могут происходить с разными знаками — не только путем ее уменьшения, но и путем ее увеличения. Расчеты с цифрами схем классика подтверждают, что Природа заготовила, наряду с головокружительным позитивным-поощряющим, совершенно симметричный ему разрушительно негативный вариант (как бы «порку») для случая ошибочного введения в общественное воспроизводство добавочных величин трудовой субстанции — особенно в виду падения производительности труда. Точно такую же роль играет и инициативное денежное инфляционное переполнение общественного производства. В схемах Маркса это были бы 3 единицы автоматического втягивания добавочных затрат на каждую единицу их увеличения в натуральном или даже только лишь в инфляционно денежном виде прямыми действиями субъектов экономики. Рождаются затратно-инфляционное давление, уничтожаются структурная производительность и динамическая рента, складываются негативные пропорции общественного воспроизводства, размывается трудовая мотивация работников, которые повседневно сталкиваются с ситуацией бессмысленности повышать производительность, вводить инновации. Именно в этом доминировании инфляционных негативных вихревых эффектов общественного воспроизводства захлебывается ныне экономика РФ. Эту нашу задыхающуюся от нехватки ресурсов («оштрафованную» силами Природы) «рыночную» экономику имеет смысл сопоставить с единственным народным хозяйством XX—XXI вв., функционировавшим как экономика снижающихся цен, — с (относительно) изобиловавшей ресурсами сталинской послевоенной экономикой (что частично сделано в [15]). Факты свидетельствуют, что как раз отказ руководства страны (в 1958 г. предприятия были освобождены от обязательного ежегодного абсолютного уменьшения себестоимости продукции) от модели экономики снижающихся цен в пользу «рыночной» экономики неумолимо, вопреки отчаянным усилиям КПСС, втащил СССР в полосу упадка и гибели. И, по

оценкам большинства специалистов-экономистов, в сегодняшней РФ продолжает применяться нежизнеспособная, совершенно не пригодная для «вырыва» (Ю.М. Осипов) в авангард мировой экономики политико-экономическая модель.

Политико-экономически случившееся с СССР и РФ можно охарактеризовать-обобщить как неосознанную попытку перехода (посредством неисполнения требований ряда экономических законов) к хозяйственной модели, пресекающей нормальную ассимиляцию роста производительности труда экономикой, общественным воспроизводством. Показанный выше механизм процесса останавливает, прерывает восхождение-трансформацию производственной производительности в структурную, в снижение издержек-цен в длинных технологических цепочках обработки, оставляет там издержки-цены такими же, какими они были до повышений производственной (на предприятиях) производственной, предотвращает образование по всей экономике динамической ренты. Уже присвоение сверхприбыли от роста производительности без уменьшения отпускных цен инициирует инфляцию. Инфляционный рост цен структурно подобен понижению производительности. Поэтому экономика раскрывается-подвергается природным штрафным инфляционным затратным эффектам обратных связей. Достигаемая производственная производительность общественно не подтверждается, эрозирует. Естественная миссия экономики не обеспечивается, экономика, общественное воспроизводство функционируют вхолостую, в никуда.

Однако политическая экономия не может ставить на этом точку. Сложившаяся ситуация противостоит естественна, она изначально обречена на свое преодоление, и дело здесь только во времени: когда люди опомнятся. А они, конечно, рано или поздно увидят вещи такими, какие они есть. И политическая экономия обязана видеть хозяйственные процессы, в том числе в сфере общественного воспроизводства, и такими, какими они должны быть при правильном, нормальном, продиктованном естественными законами функционировании экономических отношений.

Бросим хотя бы беглый взгляд на нормальное функционирование общественного воспроизводства, т. е. на ситуацию полной ассимиляции общественным воспроизводством повышений производительности труда.

Назревшие дополнения к теории общественного воспроизводства: 3) ресурсы, объективно высвобождаемые общественным воспроизводством при повышении производительности труда. Объективно образующийся Фонд развития. Казалось бы, рассмотренные

моменты реализации природной миссии человечества — повышения производительности общественного труда, включая творящие эффекты обратных связей вихревого общественного воспроизводства, — вполне достаточны для реализации социумом исторической миссии человечества, экономики. Однако имеются пока еще неявные признаки, что Природа ждет от человечества большего. По-видимому, человечество призвано куда более энергично, активно-выраженно возвышать доверенный ему негэнтропийный процесс, увеличивать производительность труда, — прежде всего, наращивая его производительную силу. Это означает, что должна быть сломана сложившаяся, как считают многие корифеи, в последние десятилетия тенденция к ограничению фундаментальных открытий и падению общей эффективности научных исследований. Какие же «сигналы» к этому в настоящее время усматриваются в экономике?

Таковыми сигналами являются, прежде всего, бесспорные факты образования и почти мгновенного «силового» уничтожения в российской экономике структурной производительности и динамической ренты. Они на чисто трудовом уровне материально-технически возникают в масштабе всей экономики, всех звеньев длинных технологических цепочек обработки, и, согласно экономической логике, должны были бы отфиксироваться уже и общественно-денежно. Но в производящих звеньях, в которых возросла выработка и соответственно уменьшились издержки, почти не предпринимается очередного логически напрашивающегося шага: закрепить-подкрепить технику экономикой, привести отпускные цены в соответствие со снизившимися издержками, уменьшить их. Цены оставляются такими, какими они были до увеличения выработки. Рост выработки общественно не закреплен. Его как бы не было (и такой советская экономика пребывала примерно с 1960 г. и до краха СССР).

А если бы все происходило наоборот? Если бы общественное воспроизводство сполна ассимилировало все-таки происходящий на предприятиях рост выработки? Происходили бы три группы средне и долгосрочных процессов.

Первая группа процессов. Осуществилась бы начавшаяся было (на уровне общественного труда) структурная производительность, соответственно увеличению выработки образовалась динамическая рента и уменьшилось бы ценовое выражение определенных натурально-физических объемов промежуточного и конечного общественных продуктов — составляющих совокупного общественного (СОП). Уже сама по себе понижательная направленность цен на вещественные факторы производства означала бы расконсервацию технического прогресса. Был

бы высвобожден фактор морального износа, угнетенный и прекращающий функционирование в обстановке растущих цен. Но это не все. Ценовые изменения пошли бы дальше вглубь, захватили бы и общую структуру совокупного продукта, всего общественного воспроизводства.

Дело в том, что динамическая рента как (образованная ростом выработки на том или ином определенном предприятии) разность между прежней ценой и уменьшившимися издержками возникает у всех предприятий данной технологической цепочки, располагающихся в ней вслед за инициативным предприятием. На всех них экономится овеществленный труд. А живой экономится только на инициативном предприятии. Очевидно, что экономия овеществленного труда кратно превышает экономию живого. А это значит, что в масштабе общественного производства с ростом производительности труда и по мере его ассимиляции общественным воспроизводством позитивно изменяется общая структура последнего в направлении увеличения доли живого труда и понижении доли труда овеществленного. Это — понятные изменения в соотношении двух подразделений и другие прогрессивные сдвиги. Экономике с не снижающимися (тем более растущими) ценами, конечно, лишены их.

Средне- и долгосрочное общее следствие рассмотренных процессов ассимиляции повышения выработки общественным воспроизводством — народнохозяйственное высвобождение масс овеществленного (при высвобожденном живом), много превышающее сверхприбыль, в которую наша экономика заталкивает рост выработки. Потери никто не считал. Но они несомненны и весомы, а в долгосрочном плане огромны. Предположим, что этих потерь нет, то есть что рост выработки действительно образовал нашему социуму соответствующие ресурсы. А что дальше?

Дальше главная проблема общественного воспроизводства: сколько (и достаточно ли) наработано им ресурсов для обновления производственного аппарата, и сколь производительным будет этот производственный аппарат. Порочность российской экономической модели, в частности, и в том, что она не просто избегает данной постановки, а опрокидывает ее, уничтожая всякое накопление-высвобождение ресурсов на его самой естественной, самой адекватной основе — на основе повышения производительности труда. Либеральные авторы-сторонники российской модели без колебаний обрывают начавшееся общественное-денежное признание роста выработки, отдав процесс в частные руки как рыночную сверхприбыль и не видя, что режут курицу в момент несения золотых яиц, реализации главных ресурсов экономи-

ческого роста. Сфера длинных технологических цепочек оказывается не технической-механической «пристройкой» к воспроизводственной системе, а реализатором-завершителем уже фактически было свершившегося на предприятиях роста общественной производительности труда и общественным высвободителем денежно-трудовых ресурсов. Уничтожение структурной производительности, динамической ренты — бедствие нашей экономики, ключ ее технико-экономического окостенения. Но кардинальное значение структурной производительности, динамической ренты все же не в самих их величинах, хотя динамическая рента в любом случае многократно превысила бы сверхприбыль. Главное в том, что это становящиеся иницилирующие-пробуждающие-развязывающие ресурсы. Они открывают-распахивают, делают фактом экономику снижающихся цен. И поэтому рождается *второй* (мощный) ресурс: премирующий эффект обратных связей вихревого движения воспроизводственной субстанции, главный фактор природного содействия правильно развивающейся экономики. Если первый охватывает выведение из текущего производства (повышением выработки) живого труда (с шлейфом его овеществленных запечатлений в технологических цепочках), то второй премирует социум выраженным даровым высвобождением труда овеществленного, то есть части производственной мощности.

Третий ресурс, как и второй, пока еще, по-видимому, не был предметом исследования экономистов; во всяком случае, мне не довелось встретиться с такими исследованиями. Он обнаруживается при предположении некоторого общего прироста производительности труда по всему общественному воспроизводству и интенсивном типе экономического роста. Капиталосоздающие отрасли фактически производят самые технически совершенные рабочие места. При интенсивном росте они должны создавать их в размерах, обеспечивающих переоснащение существующих рабочих мест. Но когда эти отрасли захвачены общим ростом производительности труда, они должны произвести таких рабочих мест больше, чем требуется для обеспечения прежнего объема занятости.

Итак, имеем: 1) высвобождаемые из текущего производства ростом выработки живой труд, наличные рабочие силы с отображающим их шлейфом овеществленных трудов по технологическим цепочкам, удешевлением промежуточного и конечного общественных продуктов; 2) оказывающими «лишними» благодаря творящим эффектам обратных связей вихревого воспроизводственного движения ресурсы овеществленного труда, то есть средств производства, производственные мощности; 3) произведенное (при повышении производительности труда) ка-

питалосоздающими отраслями оснащение передовых рабочих мест сверх существующей занятости. Общественное воспроизводство при нормальном необорванном развитии «само» совершенно объективно производит материальные и трудовые ресурсы для своего дальнейшего возвышения-совершенствования — для создания вещественно-трудовых источников повышения производительной силы и производительности. Сам собой децентрализованно создается неинституционализованный Фонд развития ФР.

Его объективное создание — объективное же проявление-доказательство цикличности-кругооборота генерального процесса повышения производительности труда. Срок службы наличного поколения производственного аппарата ограничен-конечен, следовательно, конечна и комплектация ФР, императивны его сконцентрированное использование, «обнуление» для развивающего воссоздания расходуемых (и потому как бы исчезающих) функционирующих средств производства.

Людям ничего не остается, кроме как, выполняя свою естественную миссию, действовать соответственно своему природному предназначению, превращать ФР в развертывание капиталосоздающими отраслями текущего производства на обновляемой-продвигаемой технической основе. Можно повторить, что пока что сегодня в экономике инфляционно растущих цен ее субъекты вынужденно действуют во вред себе. Но они неизбежно прозреют. Задача теперь в том, чтобы они скорее увидели заготовленные им Природой направляющие премии и вернулись на дорогу следования естественным законам.

Назревшие дополнения к теории общественного воспроизводства: 4) воспроизводство как кругооборот повышения производительности. Осуществляющий природную миссию экономики, данный кругооборот объективно должен быть движим двумя иницирующими центрами сил движения. В обоих этих центрах «работают» свободные силы разума, кладезя воли и сознания множества наделенных ими индивидов-субъектов. Но в каждом из этих центров концентрирующийся здесь разум творит свою особенную работу.

В одном центре интеллектуальные силы сосредоточены в неинституционализованном нецентрализованно рождающемся Фонде развития. Здесь же — немногие Ньютоны, Эйнштейны и Ландау. Их разумы, самые щедрые-богатые, но и самые таинственные дары Природы, над которыми никто не властен, пламенеют чистой жадой постижения неизвестного, той же Природы. Но вся их интеллектуальная и материальная среда, обеспечивающая их деятельность и сами их жизни, — под властью уже материальных интересов, среди которых, несомненно,

присутствуют не только стремление «рекордно» прославиться, но и жажда обогатиться. Фундаментальные открытия частью, не согласующейся с современным производством и современной экономикой, той же средой вроде бы отодвигаются в сторону, задвигаются, «закрываются» (порой на века и тысячелетия). Но другая подхватывается, и общественное производство обретает, в конечном счете, подготавливаемое к освоению и выпуску текущим производством новое поколение производственного оборудования, техники-технологий.

При моделировании воспроизводственного движения затрат и результатов первый центр экономической динамики может быть совмещен с разделом средств труда. В нем параллельно с текущим капиталосозданием развертывается творческое производительное преобразование ресурсов Фонда развития в новое поколение техники-технологий, и в теоретической модели в определенный момент времени капиталосоздание на базе техники производства прежнего поколения может быть заменено капиталосозданием на основе нового поколения техники-технологий. Выработанные ресурсы ФР, получившие новый производительный облик, сливаются с текущим капиталообразованием. Один исторический цикл оборотов основного капитала сменится другим, следующим историческим циклом оборотов, возвышающим производительность труда.

Второй центр динамических сил кругооборота производительности труда — это все остальные работники всех разделов: собственно средств труда, предметов труда, предметов потребления. Все те, кто инициативно повышает выработку на наличном оборудовании, физически-технически повышает производительность труда, так что экономика оказывается перед необходимостью зафиксировать их свершения общественно экономически, денежно, соответствующим уменьшением издержек-цен. Если первый центр, создавая рабочие места того или иного поколения техники-технологий производства, определяет тем самым некоторый общий исторический (для ряда лет функционирования данного основного капитала) уровень производительности труда, то второй центр непрерывно совершенствует этот уровень, конкретно, по индивидуальным рабочим местам, реализует его производительный потенциал, поступательно, индивидуальными усилиями, «приподнимает» его.

Такова общая природная конфигурация порождения, инициации воспроизводственного кругового многолетнего движения экономики как самообогащающегося кругооборота производительности труда через циклы оборотов основного капитала и с опорой на разум как автономную природную силу. В разных общественных системах главные моменты этого движения поддерживаются (или, напротив, сковываются)

ся, обездвиживаются) теми или иными экономическими отношениями. У нас в РФ данное воспроизводственное движение все еще теоретически не обобщается и осуществляется как бы само собой, в меру обстоятельств, а потому скомкано, с, несомненно, немалыми потерями. Так, никто не пытается систематизировать происходящее как циклы оборотов, хотя иным воспроизводственное движение быть не может. Никто не пытается хотя бы прикинуть, как у нас обстоит дело, каковы перспективы в аспекте порождения нашим общественным воспроизводством своего естественного объективного ФР. И т. д.

Нормальное функционирование обоих центров невозможно друг без друга и состоит в их работе друг на друга. Чем энергичнее функционирование второго, тем больше нарабатывается здесь практических подсказок и проблемных ситуаций для первого, тем богаче его «стартовая площадка» конструирования нового, более производительного оборудования. И тем более обширный-мощный потенциал дальнейших повышений производительности будет заложен в готовящемся новом поколении техник-технологий.

Это тот именно случай, когда и их общее развитие, и расцвет каждого центра требуют, чтобы они развертывались в едином информационном поле «держа и вздымая друг друга» (В. Маяковский). Отсюда направленность поисков с неперменным нахождением соответственных систем стимулирования по каждому из центров и им обоим как целостности. Экономическим и институциональным краеугольным камнем всех поисков представляется собственность работников на свою производительность. Источником собственного дохода работников от их собственности на повышение производительности должно быть, конечно, само увеличение производительности, в том числе, возможно, часть создаваемых общественным воспроизводством ресурсов ФР.

Хотя оба центра даже немыслимы друг без друга — они, эти центры, конечно, неравноценны. Второй центр сам по себе, без первого ориентирован на раскрытие, осуществление потенциала, заключающегося в возможностях совершенствований-улучшений уже сделанного первым. Между тем самое производительное оборудование — не то, которое основывается на переименованиях, конкретизациях уже апробированных в экономике идей. Эти направления внутренне ограничены. Подлинный взлет производительности возможен только на основе совершенно новых идей, материализации в технике и технологиях фундаментальных открытий того, тех законов Природы, о которых люди до момента сна Менделеева или видения Кекуле ничего не знали, не подозревали. Гении спасают негэнтропийную миссию человечества. И Природа, создавая миллиарднолетнюю творящую зависимость между

космической энергией Солнца и уникальной негэнтропийностью производительности труда, не могла не предусмотреть, не определить взлетов мыслящей материи до высот креативности гениев человечества, просвечивающих ему никому неизвестные пути среди абсолюта незнаемого-непознанного. И, поскольку данные суждения справедливы, реализация указанной экономически окрашенной природной миссии человечества изначально требовала всей реальной человеческой истории со всеми формами общественного сознания, закоулками-переулками, случайностями, ибо только в ней, на ее параллелях и меридианах, а не в специализированных депозитариях, могли рождаться-вызревать гениальные умы, эпохальными научными открытиями накатавшие и высвечивающие человечеству его дороги повышения производительности.

Кругооборот производительности как итог взаимодействия двух центров экономической динамики. «Переключение» функционирования потока ОТПП с выпуска прежнего поколения средств труда на производство техники-технологий нового поколения не может произойти раньше, чем субъекты не удостоверятся в достаточной эффективности новосоздаваемого оснащения рабочих мест. Но в любом случае такой переход всегда открывает-начинает «борьбу» наличного уровня производительности (результатов/затрат) с новорожденным, точнее, новорождающимся ее уровнем, общий исход которой представляется запрограммированным, хотя ее конкретный ход отнюдь не механистичен и задается, в конечном итоге, мощностью первого центра экономической динамики, концентрацией в нем творящей мысли. Головным рубежом этой «борьбы» совершенно объективно становится образование, которое еще не получало отражения в научной и учебной литературе и пока что названо мной «критическими темпами роста производительности труда» — КТРП.

Техника-технологии нового поколения дороже наличных. В ней должны окупаться порой многолетние затраты ресурсов (децентрализованного неформального образованного самим воспроизводством Фонда Развития) на ее создание. Но она и более производительна, должна высвобождать ресурсы (прежде всего живой труд) текущих производства-воспроизводства. Совершенно очевидны *два* главных параметра «борьбы». Первый — это масса удорожания, привносимого (от ФР) в общественное воспроизводство новым поколением воспроизводимой техники. Второй — противоположный: масса удешевления, обеспечиваемая заменой старого оборудования новым вследствие его более высокой производительности. Соотношение этих двух параметров определяет судьбу данного нового цикла оборотов основного капитала, степень достаточности-недостаточности достигаемого (при вводимой в действие

новой технической базе производства) роста производительности труда, меру выполнения человечеством либо только страной (в данный исторический период) своей природной миссии и вместе с тем также меру реальных подвижек эффективности общественного производства. Вся эта столь важная не только для собственно экономики, но и для самих судеб людей, страны (именно критическая) коллизия, конечно, должна быть под контролем общества. О чем идет речь?

Социум вводит в воспроизводство определенный массив затрат и потенциальных результатов (с потенциальной производительной силой). Перед ним (в самом общем виде) три возможных итога.

Первый. Дополученная производительная сила оказывается недостаточной для полного высвобождения из текущего производства массы введенного прироста затрат (его «истребления»). Страновое соотношение «результаты/затраты» ухудшается. При ограниченности рабочих мест и живого труда общие соотношения результаты/затраты в итоге перехода на якобы новое оборудование также ухудшаются, неизбежны негативные тенденции в динамике жизненного уровня.

Казалось бы, социум, обновляя основной капитал и предпринимая требующиеся для этого инвестиции, должен быть гарантированно уверен, что вышеупомянутый вариант не может поиметь место, и общество по итогу всех своих затрат не окажется в ситуации пушкинской старухи. Однако в РФ не предпринимается никаких расчетов-исследований установить, какие же российской экономике требуются значения КТРП, чтобы предпринимаемые усилия вели именно и наверняка вперед, а не назад. Каким, выше какой планки должно быть реальное повышение производительности труда, чтобы производство, экономика продвигались именно вперед, а не куда-либо еще? Странно и непонятно, что научные экономические институты, индивидуальные исследователи, да и сами функционеры хозяйства до сих пор не озаботились, не озабочены тем, сколь продуктивным должен быть их труд, чтобы не оказаться сизифовым, — иначе говоря, не прониклись проблемой КТПР. А как бы значимы были дифференцированные по отраслям экономики, по предприятиям и рабочим местам распечатки: при наличных обстоятельствах данная работа улучшит-обогатит нашу жизнь лишь тогда, когда она исполняется с... (годовым, месячным, недельным, сменным) ростом выработки в... процентов.

Будучи индивидуальным исследователем, не связанным непосредственно с располагающими необходимой информацией научными центрами, я не в состоянии определиться, вышла ли российская экономика из безусловно черной полосы конца XX в. Только ради сохранения логики данной работы предположу, что выходит. Тогда перед нею два

вариантных итога уже позитивного развития, соответствующие двум градациям темпов роста производительности труда.

В обоих вариантах рост производительности превышает КТПТ и не просто «уничтожает» нарост перенесенных затрат (израсходованного на создание новинок оборудования Фонда Развития), но совершает гораздо большее, — удешевляет текущее производство-воспроизводство, высвобождая из него ресурсы в новый (вместо израсходованного на стыке двух циклов оборотов основного капитала) Фонд Развития.

Второй. По-видимому, этот вариант экономической динамики и следует ожидать в первую очередь при достаточно полном переходе к модели экономики снижающихся цен. Экономическая эффективность перехода вполне может запечатлеться примерно такими же параметрами, которые выделяли в свое время сталинскую экономику из всех других. Во втором динамическом центре, пробужденном-возбужденном, прежде всего, собственностью работников на свою производительность труда и высотой позитивной «отдачи» обратных связей народнохозяйственного воспроизводственного вихря, следует ожидать повышенной поисковой активности не в одной десятой предприятий (как в 2010-е гг.), а во много большей, даже в преобладающей их части. Повышение выработки будет инъектироваться понижениями издержек-цен в «сообщающиеся сосуды» длинных технологических цепочек обработки и в них «наползать» друг на друга, как бы сокращая во времени растянутость получения главных значений эффектов обратных связей. Все это в итоге должно скомплектовать новый объективный Фонд развития *не меньшей величины*, чем тот, который воплощен в технологических текущем цикле. Это непереносимое воспроизводство Фонда развития в не скудеющих размерах и темп повышения производительности труда, достаточный для такого воспроизводства и сполна обеспечивающий его, — определяющие экономические признаки второго уровня экономической динамики, который в основном реализует природную историческую вселенскую миссию человечества. Рост производительности труда покрывает-перекрывает отвлечение ресурсов на его обеспечение и, сверх этого, расширенно восстанавливает породившую воспроизводственную совокупность — ФР — требующуюся для воспроизводственного кругооборота данного роста. Но при этом абстрактно не исключено и дальнейшее развитие: возможность самого высокого, третьего варианта.

Этот *третий* вариант воспроизводственной динамики мог бы конституироваться при таких темпах роста производительности труда, при которых весьма быстро высвобождались бы затраченные на их генерацию ресурсы ФР, а последний воспроизводился бы в особо круп-

ных физических размерах, недостижимых для современных экономик. Данный вариант в каждый конкретный исторический момент имел бы свой предел, хотя общеисторически обладал бы специфической беспредельностью.

Создание ФР в размерах, превышающих возможности высокопроизводительных концентрации-деятельности и разума — разума, во-первых, постигающего, «платонов и ньютонов» (М.В. Ломоносов), способных раскрывать все более глубокие тайны-загадки Природы, бытия, и разума, во-вторых, творящего-созидающего, инженерного, генерирующего новые техники-технологии, — образование ФР в указанных размерах бессмысленно и даже чревато деградацией. А как рождают гениев, до сих пор никто не знает, причем не исключено, что не узнает и еще очень-очень долгое время. Таким образом, по третьему варианту воспроизводственных кругооборотов растущей производительности как будто бы просматривается некоторый предел. Но в то же время здесь можно говорить и о беспредельности.

Производящей силой является все человечество, вся мыслящая материя в целом. Несомненно, что неуклонный рост производительности труда остается функцией общего природного, социального и духовного развития человечества. А это развитие — в самом своем начале. Впереди, по-видимому, миллиарды загадочных лет, о которых ничего окончательного-определенного пока сказать нельзя. Даже то, для чего Природе потребовался рассматриваемый негэнтропийный процесс, пока что ее тайна. Но на первых миллионах, сотнях тысяч лет существования пралюдей и людей сущность человека совершенствовалась, следовательно, обогащались и его возможности-способности повышать производительность труда. Плодотворность человечества талантами и гениями, по-видимому, все таки будет нарастать. В этом смысле нынешние пределы третьего варианта исторически все-таки могут преодолеваться, раздвигаться.

Литература

1. Побиск Георгиевич Кузнецов. Идеи и жизнь // <http://pobisk-memory.narod.ru/files/PGIdeasLife.pdf>.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23.
3. Маркс К. Письма о «Капитале» // Маркс К., Энгельс Ф. М., 1948.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29.
5. Корняков В.И. Общественный труд: затраты и результаты. М., 1980.

6. *Чесноков В.С.* С.А. Подолинский: концепция социальной энергетики // <http://www.socionauki.ru/journal/articles/130867/>.
7. *Корняков В.И.* Воспроизводство как поток единой субстанции: зависимости, модель, объемные структуры. М.; Ярославль, 2000.
8. *Боброва Е.* Лейтенант прорывает блокаду // Российская газета. 2015. 25 марта.
9. *Корняков В.И.* Сомкнувшаяся потоковая экономика. Рассуждения об обгоняющей самоускоряющейся экономике 21 века. М.; Ярославль. 2003.
10. <http://oko-planet.su/politik/politiklist/114646>.
11. *Корняков В.И., Алексеева Н.А.* Патогенный воспроизводственный реактор затратности-безресурсности российской экономики // Философия хозяйства. 2014. № 4.
12. *Корняков В.И.* Политэкономическая модель эффективности общественного производства // Всесоюзн. заочн. фин. экон. ин-т. М., 1980. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР. № 6132 от 12.08.80.
13. *Лесков Л.В.* Синергиизм: после постмодерна // Философия хозяйства. 2004. № 6.
14. *Корняков В.* О воспроизводстве новых рабочих мест // Экономист. 2008. № 7.
15. *Корняков В.И.* Забытое экономическое открытие И.В. Сталина и современность // Экономическая и философская газета. 2013. № 50—51.

И.Г. ШЕВЧЕНКО

Философия и хозяйство

Аннотация. Для преодоления нарастающего хаоса требуются систематизация и ясная формулировка стратегических целей общественного развития, которые может сформулировать новая наука — философия хозяйства, если сумеет сделать правильный выбор базовых морально-этических принципов в непростых условиях торжества экономики момента.

Ключевые слова: информационные фильтры, хаос, экономика момента, философия хозяйства, метафизика.

Abstract. Systematization and clear presentation are needed to overcome society chaos with help of new branch of science — hoziaistvo philos-

ophy. If the science will be able to made correct choice of basic moral and ethics principles under presser of moment economy.

Key words: information filters, chaos, moment economy, hoziaistvo philosophy, metaphysics.

Лишь на первый взгляд доктрина атеизма была направлена исключительно на борьбу с божественным Началом. До небесной выси далеко, а здесь на земле — беззащитный человек, легкая и близкая жертва темных сил. И надо для этой практически гарантированной добычи всего ничего: внушить, что он, человек, и есть венец природы и властелин Вселенной (пусть пока потенциальный). Кто же откажется от этого почетного титула? При этом совсем не обязательно вспоминать, что мозг человека способен обработать лишь два процента поступающей от органов чувств информации, а вся остальная картина мира достраивается сознанием с помощью моделей.

Известен случай, когда поврежденный инсультом мозг человека перестал распознавать у других область носа, и когда к больному подвели человека с клоунским шариком на носу, несчастный говорил, что ничего странного нет и с лицом у участника эксперимента все в порядке. Рисуя для себя картину мира, мы слишком много восполняем с помощью существующих в мозгу моделей, отвергая осознанно и не очень значительную часть окружающей нас реальности. Используемые при этом информационные фильтры беспощадно сортируют поступающие данные на важные сигналы и информационный хлам.

Пока технический прогресс пребывал в безвинном младенчестве, такая схема работала без существенных сбоев. По мере усложнения материальной среды, возрастания количества ее искусственных звеньев, окружающий человека мир стал слишком многоэлементным, а значит, с точки зрения математики более хаотичным. Упрощенной проекцией возникшего хаоса стал вероятностный характер протекающих в обществе процессов.

Сформировалась «экономика момента», требующая ценить мимолетный результат и поощряющая бездумное, но быстрое реагирование на стимулы. В такой среде массовое сознание представляет текущую информацию как сверхзначимую, а стратегические аспекты становятся второстепенными, а то и попросту ненужными сведениями. У нас знают текущий курс доллара, но немногие скажут, насколько выросло за год промышленное производство.

Базовые принципы бытия искусственно представляются в виде оторванных от реалий и принципиально не реализуемых лозунгов, пре-

дается забвению необходимость их трансляции на практическую деятельность. В результате практическая деятельность становится более хаотичной, возникает самоусиливающийся процесс игнорирования и отрицания мегацелей общественного развития: чем выше степень хаоса в обществе, тем большее значение придается краткосрочным задачам и скорости реагирования, и тем менее актуальными становятся вопросы долгосрочной стратегии, тем меньше ресурсов выделяется на решение стратегических задач общества и тем интенсивнее происходит подмена стратегических целей их симулякрами и усиливается хаотичность общества.

Возрастающая техногенная мощь человечества и его стремление к стратегической слепоте ведут к беспрецедентной катастрофе, признаки которой мы уже наблюдаем в истощении природных ресурсов, балансировании мира на грани новой большой войны и 200 трлн дол. мирового долга... Поневоле задумаешься о том, что происходит. Но возможности одного человека слишком малы, чтобы разобраться в происходящем, нужны научная система, осознанный поиск больших смыслов и целей. Прагматизм экономической теории не способен на решение такой задачи, потребовалось создание пограничной дисциплины, более абстрактной, чем экономическая теория, и более конкретной, чем философская наука, все более уходящая в самолюбование своих доктрин.

На вызовы времени явилась новая наука — философия хозяйства, синтезирующая в себе как экономическую теорию, так и философское начало. Произрастая из двух великих ветвей человеческого знания, философия хозяйства унаследовала и их главную проблему: отношение физики и метафизики, выбор базовых морально этических принципов, насущную необходимость и пугающую неподъемность задачи выстраивания моста между реалиями повседневности и вечными началами человеческой жизни.

Мощь философии хозяйства оказалась настолько велика, что уже привела к появлению фундаментальных основ историософии, так необходимой для осознания уже накопленного опыта, правильного понимания места России в мучительной эволюции человечества. Основоположник философии хозяйства, превративший гениальные идеи Булгакова в стройную систему современного научного знания, Ю.М. Осипов точно вскрыл главную черту евроатлантической цивилизации: «Еврочеловек не пошел весь за Христом, а предпочел, делегировав совсем малую свою часть ко Христу, пойти за антихристом» [1, 386]. Вот она — причина столь странных отношений России и Запада.

В основе проблемы оказалась... метафизика. У простых людей Европы, да и не простых тоже, в большинстве своем нет вражды и личных претензий к России. Временами обольванивание дает результат, и европейцы начинают видеть в нашей стране врага, но морок проходит, туман рассеивается и уступает место любопытству, сотрудничеству, соседству. Другое дело, когда речь идет не об отдельном европейце, а о всей европейской цивилизации — чем выше степень ее консолидации, чем прочнее становятся скрепы составляющих ядро евроатлантического социума стран и народов, тем яростнее проявляет себя над Европой образ врага человеческого, тем сильнее и изощреннее ненависть к цитадели христианства — России, Русскому миру.

Вера в правду, традиционные ценности, отрицание антихристианской духовной агрессии делают русскость явлением планетарного масштаба, и никого не удивляют русские греки и русские немцы. А бывшие военнослужащие французской армии и бундесвера с оружием в руках встают на защиту мирного Донбасса. Россия не одинока, но союзники ее, увы, не европейские страны, в клуб которых она тщится попасть уже три столетия. Ее истинные друзья разбросаны по всему миру, это люди, которым претит победное шествие по планете воинствующего сатанизма.

И чем крепче будет Россия держать знамя православной веры, тем светлее и радостнее будет ее путь. Сила православной веры помимо нравственной составляющей, имеет еще и вполне светское, прагматическое измерение, указующее путь обустройства нашей страны. В Библии открыты пути построения Царства Божия на Земле — явно показано, что и как нужно делать для достижения этой, казалось бы, такой далекой и такой запредельно трудной цели.

Каким же должно быть общество будущего и как в это будущее попасть нашей Родине? Открываем Библию и на первой странице: «В начале Бог сотворил небо и землю» (Быт. 1, 1). Земля — дар Божий, нам дана во временное пользование, мы должны к ней бережно и с трепетом относиться. Из этого следует принципиальная невозможность добровольной уступки или продажи Русской земли другим странам, какими бы мудрыми и логичными геополитическими представлениями это не оправдывалось.

Падение Российской империи началось не в 1917 г., а гораздо раньше, в XIX в., когда за 30000 дол. был продан в Калифорнии форт Росс. Дальше больше — выставлена на продажу Аляска... В 1917 г. развязка, расплата за содеянное. Но вместо покаяния — разрушение в ре-

волюционном порыве церквей и новое воздаяние — самая кровопролитная в нашей истории война...

Коль скоро земля есть дар нашему народу, то богатства ее народу и принадлежат, частный капитал может обслуживать их получение за определенную плату, но не может претендовать на роль их владельца, а уж тем более губить. Глупо и бездарно считать, на сколько десятилетий (!) хватит нефти, меди, никеля, газа, а дальше что? В погоне за «золотым тельцом» мы не видим неумолимо приближающейся катастрофы, алчем материальных благ сегодня, не думая о дне грядущем, а уж тем более о грядущем веке. Не можем мы осуждать капитал, но в наших силах не поклоняться ему, заставить служить национальным интересам, указать подлинное место его.

Не следует думать, что ограничение могущества капитала и вытеснение из базовых отраслей есть подрыв и ущемление его интересов. Да, с точки зрения дня сегодняшнего для капитала это плохо, он стремится проникнуть во все поры общественной жизни, отовсюду извлечь прибыль, но это тупиковый путь. Даже на благополучном Западе становится очевидной его пагубность, а в России тем более — для освоения и опережения ее бескрайних пространств нужна, прежде всего, сила духа. Капитал тут лишь помощник. Многого ему здесь не под силу, многое не сулит вожделенного дохода.

Капиталу хорошо в маленькой, обустроенной стране. Поэтому бежит он в Европу, спонсирует в СМИ разговоры, что Россия не обязательно должна быть большой, что мнение народа по этому поводу дело десятое, а высококультурные и образованные люди считают по-другому.

Только близорукая это позиция: не может Россия быть маленькой, она либо великая, либо ее нет вовсе. Но если в результате предательства рухнет страна, под ее обломками сгорит и частный капитал. Не оправдаются иллюзии тех, кто думает, что успеют они вывести свои денежки за границу. Не факт, что будет куда выводить, а если вдруг и удастся, недолго они будут ими распоряжаться.

Одно дело, когда за спиной капитала стоит могущественный колосс — имперская Россия, другое дело, когда это деньги, вывезенные из униженной и раздавленной страны, — их отобрать дело нехитрое, предлог найдется, наши заклятые друзья и партнеры большие мастера по части предлогов.

Вот и выходит: хотим мы жить долго и счастливо, то и капитал, и государство, и народ — все плывут в одной лодке, и из чувства самосо-

хранения и элементарного здравого смысла должны время от времени жертвовать своим сиюминутным интересом.

И не нужно думать, что капитал здесь крайний, и только за его счет, с помощью его кошелька будут решаться столетиями накопленные проблемы. Капитал — национальное достояние, такое же как нефть, газ, как наша бескрайняя территория: капитал нуждается и в нашей защите, и в нашем уважении. Важен капитал для страны, но не за ним будущее. Понимают это и сами капиталисты (тут необходимо различать владельцев капитала и их наемных рабов, последние стремятся занять место хозяев и смотрят на будущее капитала с вождением и оптимизмом).

По роду деятельности не раз приходилось беседовать с владельцами предприятий, и выяснилась удивительная вещь: чем более одаренным и нравственным является владелец капитала, тем чаще дети его не хотят продолжать отцовское дело. Жаждают быть врачами, учителями, журналистами, но только не заниматься бизнесом. Исподволь, интуитивно открывают для себя старую библейскую истину: имея пропитание и одежду, будем довольны тем. А желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу (1 Тим. 5, 8—9).

Не нравятся детям, как живут их отцы. Становится понятно, почему русские капиталисты в начале XX в. финансировали революционеров, хотя это противоречит здравому смыслу и напрямую угрожало интересам капитала.

Лучшие представители капитала, не утратившие в эйфории золотого дождя возможности трезво смотреть на мир, прекрасно понимали ограниченность его возможностей, отсутствие у него длительной, на века, исторической перспективы, чувствовали необходимость создания новой общественной модели.

Почему ее, несмотря на колоссальное напряжение народных сил, не смогли создать коммунисты? Потому что боролись они с Богом, а значит, заведомо были обречены на поражение. Почему в течение десятилетий народ поддерживал этот противоестественный режим, это всемирное пугало? Потому что, не смотря на чудовищные ошибки, были у коммунистов и успешные заимствования грядущей, христианской модели устройства общественной жизни.

Всякая революция пагубна. Выплескивает она наружу самые темные стороны человеческой природы. Под благими лозунгами одобряет грабежи и злодейства. Библия учит: «Не убивай. Не желай жены ближнего твоего и не желай дома ближнего твоего, ни всего, что есть у ближнего твоего» (Втор. 5, 7—21). Революционное насилие и экспро-

приации — прямое отрицание христианских заповедей, пропаганда таких действий — не что иное, как воинствующий сатанизм.

Это не означает, что мы должны восхищаться владельцами капитала и их богатством, и общество должно закрывать глаза на капиталы, нажитые преступным путем. Это означает лишь то, что богатый и плохой не одно и то же, что для общества одинаково губительно как неконтролируемое хищничество капитала, так и стремление отобрать капиталы, сжечь их в топке очередной революции. Капитал нельзя отменить, потому что основывается он, прежде всего, на эгоизме человека, капитал можно пережить, им можно переболеть как особую общественную болезнь, к капиталу можно выработать иммунитет.

Человек — общественное существо, как ни банально звучат эти слова, но они объясняют многое в современном мире. Торжество индивидуализма, заботливо оберегаемое капиталом, есть прямое отрицание самой человеческой сути, прямой путь к деградации человека как биологического вида, превращения его в животное и вытеснение людей машинами.

Преодоление капитала должно происходить силой крепнущего примера, создания христианских общин, где люди делят все поровну, приобретая для себя самое необходимое, а остальное используют для общественных нужд. Попытка коммунистов организовать общество на таких принципах провалилась потому, что совершалась в отрыве от христианского учения, насильно насаждалась, сеяла страх и ложь в обществе.

Тяготы грядущего века, мрачные контуры которых видны уже сегодня, неминуемо приведут к тому, что выживут помогающие друг другу идеалисты, окрепшие в христианской вере. Прагматики, приверженцы частного интереса, несмотря на всю деловую хватку, энергию, а часто и небрежение общественными устоями, сами себе создадут такую невыносимую жизнь, что вынужденно, через силу, мучительно смиряя гордыню, придут и признают христианские ценности общественного устройства.

На этом непростом пути философии хозяйства предстоит решить главный для себя вопрос, с кем ей по пути — с рьяными строителями всемирной диктатуры зла или с борцами за то немногое, человеческое, что осталось в людях нашего Суетного Времени.

Литература

1. *Осинов Ю.М.* Наедине с Софией. Метафизические реалии. М., 2014.

Г.И. МОЙСЕЙЧИК

**О необходимости смены парадигмы методологии
современной науки: от диалектики к триалектике,
от прагматико-позитивизма — к хозяйствующей философии
и софиасофии**

Снова потребовалось великое напряжение аналитической мысли, чтобы выковать и вычленил понятия и термины, которые не мешали бы, но помогали опознавать и исповедовать истины веры, как истины разума.

Природы остаются различны и неподобны. Их «инаковость» не прерывается соединением, сохраняется и в том неразрывном и неослабевающем взаимообщении («со-проникновении»), которое устанавливается соединением.

Г.В. Флоровский

— Так я и сущностью твоей владею ...

— Нет-нет, лишь тень я самого себя

Ошиблись, сущности моей здесь нет.

Вы видите лишь малую толику,

Ничтожную частицу человека.

Когда б мой образ целиком предстал вам...

В. Шекспир

Аннотация. Раскрывается принципиальная, человечество- и человеко-образующая роль парадигмы философии и софиасофии хозяйства выдающегося русского мыслителя Ю.М. Осипова. Показываются преобразовательная сила и мощь этой парадигмы, раскрывается ее внутренняя сущностная связь с основными методологическими постулатами Святоотеческого учения, прежде всего, учения о сущности и триалектике как незаслуженно забытого и дискредитированного метода подлинно софийного, т. е. научно-сверхнаучного знания. Обосновывается несостоятельность ныне используемых как естественными, так и гуманитарными науками методологических принципов материалистической диалектики и прагматико-позитивизма, доказывается необходимость перехода всех наук на принципы триалектики и софиасофии.

Ключевые слова: диалектика, триалектика, полилектика, манихейство, арианство, католичество, Святоотеческое учение о сущности, сущность, ипостась, субстанция, абстрактно-общее (ὄνσια), конкретно-

сущее, самосущее, самостоящее (ὀψοτασις), философия хозяйства, со-
фисофия, София.

Abstract. Author revealed the fundamental differences in the methodological basics of positivist science (materialist dialectics) and patristic teaching, the necessity of the transition of all sciences to the patristic principles. She postulates the fundamentals of methodological trialektics and shows the failure of materialistic dialectics. The first person who pointed to the need for such methodological revolution is an outstanding Russian thinker, philosopher and economist — Yury Osipov.

Keywords: dialectics, trialektics, polylektics, Manichaeism, Arianism, Catholic, Ortodox patristic teaching, essence, the hypostasis, the abstract general substance (ὀυσία), the concrete-existent, or self-existent substance (ὀψοτασις).

Юрий Михайлович Осипов в своих ярких трудах убедительно показал узость господствующей парадигмы экономической науки, так же как и парадигмы всего научного мышления. Его научный и гражданский подвиг столь велик, столь вдохновителен, что хочется последовать за ним, пройти его путь с самого начала, дойти до пункта назначения, хотя каждый из его последователей и учеников выбирает при этом свою тропинку. Ведь в науке, как и в жизни, нет широких путей. Ибо настоящие, спасительные пути — узкие, «инаковые».

Нашей задачей было показать, что учение Ю.М. Осипова не стоит в стороне от столбовой дороги цивилизации, не является сектантским или вызывающе-декадентским, оппозиционным к мейнстриму или вовсе экзотическим, но стоит на могучих плечах подлинной науки, подлинной философии, подлинной силы мысли и творчества, являясь продолжением этой самой что ни на есть настоящей науки, достоянием не только России, но и всего человечества. Важно при этом было показать и осмыслить фундаментальные основания самой науки, обнаружить и указать на поворотный момент, когда сама наука стала в оппозицию подлинному, сущностному знанию. А также установить, когда и кем подлинная наука была совлечена с истинных своих основ и направлена на траекторию псевдонауки, дискредитировав само слово «наука».

Вне всякого сомнения, надо было обратиться к истории науки, истории философии, истории теории познания. При этом вполне разумно было выделить в этой истории ее квинтэссенцию, а именно, учение о самой сущности, посмотреть, как развивались научные и философские воззрения на само понятие сущности, как эволюционировали представления человечества о сущности.

В качестве точки отсчета нами было выбрано учение о сущности Аристотеля (384—322 гг. до н. э.), поскольку оно является своего рода контрапунктом. На аристотелевском фундаменте до сих пор зиждется все здание современной науки, хотя оно изрядно пообветшало и нуждается в капитальном ремонте, а может быть, и в новой постройке или перестройке. Перестройке на забытом и отброшенном строителями краеугольном камне.

Такой краеугольный камень был. В аристотелевском, хотя и грандиозном, и энциклопедическом, выдающемся для того времени и с запасом прочности на последующие времена архитектурном решении, были свои шероховатости и недочеты. Первым институционально оформленным движением, возникшем как продолжение и развитие аристотелианства и критическое его осмысление, было Святоотеческое учение о познании сущности как сущности Бога — как о познании сущности Бога через многообразие ее проявлений в мире.

Отметим, что подобное противоречивое отношение к Аристотелю, которого считает своим предшественником как современная наука, так и Святоотеческое учение, т. е. направления мысли, которые сегодня уже не имеют точек соприкосновения, объясняется двойственностью самого учения Аристотеля, о чем пойдет речь ниже.

Святоотеческое мышление и познание были уникальными явлениями в истории человечества, поскольку, вобрав в себя весь предшествующий опыт и достижения античной философии (включая платоников и неоплатоников, аристотелеанцев), а также и более древней, доантичной мудрости, выявили, проверили на подлинность, обогатили указанные крупинки мудрости и соединили их воедино — даже не общечеловеческой, но Богочеловеческой могучей всемогущей христианской мудростью.

Ведя на протяжении едва ли не целой новой эры борьбу с многочисленными ересями, христианская наука, прежде всего в учениях Святых отцов (св. Афанасий, св. Григорий Нисский, св. Василий Великий, св. Дионисий Ареопагит, св. Леонтий Иерусалимский и др.) выкристаллизовала начала подлинной науки. Однако эти достижения были забыты и отброшены вначале католической оппозицией подлинному христианству (ортодоксии), а затем ошельмованы протестантизмом как оппозицией внутри католицизма. Именно на таких весьма шатких сваях, как выяснилось на поверку, и стоит ввергнутая в кризис нынешняя естественная и гуманитарная наука.

Святоотеческое учение ставит во главу угла, точно так же как и учение Юрия Михайловича Осипова, сущность Бога, сущность мира, сущность познавательного процесса и сообразно тому исходит из по-

столата иерархического строения сущности, ее многомерности, многоуровневости, триалектики и полилектики.

Из западных философов ближе всего к новой, универсальной философско-научной парадигме такого рода, парадигме, которая стоит на плечах Святоотеческого учения, подошел англичанин Дж. Беркли. Из русских — С.Н. Булгаков. Однако только в трудах Ю.М. Осипова представлено целостно-научное видение метода полилектики и дан образец ее применения в отношении категории стоимости как иерархической сущностной системы, которая охватывает три уровня бытия — физический, метафизический и трансцендентный. Данная универсальная научно-философская (триалектическая либо полилектическая) парадигма основана на критическом осмыслении изъянов парадигмы диалектического материализма либо неопозитивизма. Сравнительный анализ парадигм полилектики (триалектики) и материалистической диалектики позволяет распознать суть методологических деформаций современного научного знания, причем не только гуманитарного.

Первым изъяном методологии современной науки является постулат о том, что сущность имеет область своего определения физический (эмпирический) уровень и может быть определена сугубо на физическом уровне как самостоятельная, автономная, изолированная, вне связи с метафизическим и трансцендентным. Иначе говоря, имеет место сущность (самосущность) несущего (материального), сущность сводима к некоему материальному субстрату единичных физических объектов, или материальной субстанции.

Истоки постулата о материальной природе сущности как первого онаученного искажения Святоотеческого учения о сущности, Дж. Беркли, например, усматривал в манихейской ереси и арианстве как поздней версии манихейства.

Важнейший теоретико-познавательный постулат арианства состоял в том, что все иное, нежели Бог, из того, что действительно существует, чуждо Богу по сущности, имеет иную, свою собственную сущность. Следствием указанного методологического изъяна, который можно квалифицировать как методологический индивидуализм, было разделение материи и сознания, субъекта и объекта, и помещение сущности как квинтэссенции объективного сугубо в область материального, материальных и единичных объектов, из которых субъект совершенно изымался, элиминировался.

Таким образом, арианство, по сути, расчистило почву для последующего искаженного представления о сущности в католицизме, тем самым заложив предпосылки для протестантской реформации, узко-материалистического видения сущности, материалистического сепара-

тизма, который был положен в основу методологии наук — как гуманитарных, так и естественных, и сохраняется до сих пор. В результате подобного демарша сущность была сведена к некоей абстракции, априори физической природы, имеющей самостоятельное и самодовлеющее значение. В латинской (католической) христианской традиции термин «сущность» (лат. *substantia*) стал обозначать общий и бескачественный субстрат физической природы (т. е. материю) в противоположность конкретным самосущим различающим формам — ипостасям сущности.

Как показал сравнительный анализ трактовок сущности католическим (латинская традиция) и Святоотеческим учением (греческая традиция), исходное различие между обоими заключалось в признании либо непризнании категории ипостаси как категории конкретно-сущего.

По мнению святого Василия Великого, «...Ипостась — не неопределенное понятие сущности, не задерживающееся ни на чем из-за общности обозначаемого, но понятие, которое показывает и определяет общее и неопределенное в какой-либо вещи через ее очевидные особенные свойства, как это обычно делает и Писание...» [1]. Сущность в греческом языке и греческой философии и теософии еще до святоотеческого периода получила двойное терминологическое обозначение — сущность как абстракция, абстрактно-общее (*ὄυσία*), и сущность как ипостась, т. е. конкретно-сущее, самосущее, самостоятельное (*ὕποστασις*). Обоим греческим терминам по латыни соответствовал только один — и *ὄυσία*, и *ὕποστασις* одинаково переводились как *substantia* в латинских текстах. Св. Григорий Нисский усматривал причину подобного искажения в «бедности латинского языка». Однако за этим, вне всякого сомнения, стоит методологическая ревизия.

Сущность как триединство субстанций (подсущностей, сущностных форм, ипостасей) в последний раз в латинских источниках встречалась в формуле Тертуллиана (165—240 гг.). Он трактовал сущность как троическую субстанциальность, как субстанциальную триаду, триединую сущность (*tres unius substantiae*) [2, 11]. В дальнейшем в католико-латинской традиции сущность трактовалась как изначально недифференцированная, неразличаемая, безлично-единая субстанция, как некий аморфный субстрат, абстрактная материя. Впоследствии это облегчило подмену термина сущности материалистами и атеистами. «Латиняне» (представители западно-христианского, католического мировоззрения) превратили ипостась, или этимологически — под-сущность (субстанция — синоним ипостаси (суб-станция ипо-стазис)), в саму сущность, тем самым исказив и понятие сущности, и понятие ипостаси.

Это был шаг назад даже по отношению к Аристотелю, который, хотя и не апеллировал прямо к понятию ипостаси, тем не менее различал двойственную природу сущности.

Аристотель понимал сущность двояко: как общее (природное, физическое), или как объективную одноприродность, единство природы конкретных единичных материальных объектов (сущность первого рода), и как морфему — общее идеальное родовое понятие (сущность второго рода).

Сущность первого рода, или первая сущность (*ὄυσία*), у Аристотеля иногда сливается по смыслу с понятием бытия, или «подлежащего». Первая сущность объектна. Это — основание, или материальный первокирпичик либо одинаковый, один и тот же кирпичик бытия, из которого сложены разные объекты, одноприродность подобных объектов.

Сущность второго рода, или вторая сущность (*δευτέρα οὐσία*) — сказуемое, связанное с понятием возникновения, или становления (*γένεσις*) и развития сущности на всем ее протяжении (*καθ'ὑπόστασιν*). Вторая сущность у Аристотеля тем самым осознана, субъективизирована, производна от сущности первого порядка благодаря своему историзму, который привносит в нее налет субъективности, преломления объекта в субъективном сознании субъекта. Вторая сущность субординативно связана с первой. Это идеальная историческая форма первой сущности и вся совокупность конкретно-исторических форм, идеальная субстанция рода — т. е. совокупности единичных вещей, объединенных сознанием.

Аристотель в определенном смысле противопоставляет обе сущности — как объектно-объективное и как субъектно-субъективное. Первая сущность имеет оттенок объективного (или общего) в единичном, действительном, в отличие от второй сущности, которая имеет значение объективного в родовом, т. е. субъективированного посредством обобщения, примышленного. К сущности первого рода ведет анализ, второго — синтез. Вместе с тем Аристотель ощутил необходимость взаимодействия обеих сущностей. У него возникла идея действительного (не примышленного) конкретно-сущего как образа сущности, причем движущегося, развивающегося образа, распознаваемого в единичном. Для характеристики этой категории, видимо, производной как от сущности первого рода (материального абстрактно-сущего), так и от сущности второго рода (идеального абстрактно-сущего), Аристотель употребил категорию подсущности, или подипостаси (*καθ'ὑπόστασιν*), как конкретно-сущего, или действительного образа сущности на всем протяжении ее развития.

Заметим, что именно в таком контексте — образа сущности-ипостаси — употреблял сущность также и апостол Павел. «Сущность» слово *ὕποστασις* обозначает у ап. Павла (Евр. 1:3): «образ ипостаси Отчей».

Тем самым, хотя Аристотель понятие ипостаси как категорию сущности явно не употребляет, однако смыслово, имплицитно, в зародыше идея ипостаси и ипостасности присутствует в Аристотелевых понятиях первой и второй сущности, а именно, через *бытийность*, через *протосущность*. Для Аристотеля и аристотеликов сущность означала прежде всего неделимое, индивидуальное бытие, индивидуальную и единичную вещь во всей полноте ее непреложных определений, *πρότη οὐσία*. Они полагали, что только *вторично* можно называть сущностью общий род, объединяющий и объемлющий (однако только в мышлении) единичные существования. При этом сущность как некая протосущность (*πρότη οὐσία*) имела контекст протоматерии, трактовалась как связь, пока, правда, недифференцированная абстрактно-единичного со столь же абстрактным, недифференцированным общим. Предпосылкой тому была доминантная аристотелевская точка зрения на сущность как на некое свойство материальной природы, как на некую материальную субстанцию, свойственную единичным физическим объектам. При этом такую субстанцию сознание (понимаемое также безличностно и безлично) может вычленивать и выделять в ходе процесса познания.

Таким образом, *вторым методологическим изъясном* диалектического материализма и научного позитивизма, который берет начало в манихействе, арианстве и католической доктрине теории познания, был преднамеренный отказ от категории конкретно-сущего, однако встроенного в систему конкретных сущностей, от категории ипостаси. Проведенный нами сравнительный анализ гносеологических парадигм Святоотеческого учения и парадигмы современной науки, основанной на диалектическом материализме, показал, что именно категория ипостаси, т. е. конкретной единосущностной формы сущности, коренным образом разделяет обе гносеологические парадигмы. Это означает, что на современном уровне воспроизводится и в современность переносится принципиальное различие трактовок сущности: как конкретно-сущего — в традициях ортодоксального Святоотеческого учения — и как абстрактной сущности — в традициях латыни.

Всякая сущность в теории познания Святоотеческого учения предстает как форма бытия конкретно-сущего на соответствующем уровне познания. Причем никакая сущность не может бытийствовать, существовать, находиться лишь на одном физическом уровне. На физи-

ческом уровне могут проявляться и исследоваться только конкретно-исторические формы метафизических сущностей.

Категория ипостаси имманентно предполагает, что сущность физических объектов либо субъектов энергийна, находится как в них, так и вне их, в метафизической области, как родовая сущность единичных физических естеств, или ипостасей. Иначе говоря, на физическом уровне ипостась тождественна естеству, или физическому лицу, или физису. Или феномену, имени. Однако физическое естество — не исчерпывающий уровень бытия сущности.

На метафизическом уровне ипостась тождественна бытийной родовой сущности. Или ноумону. Но это тоже особого рода естество.

На трансцендентном уровне ипостась тождественна Святой Троице, или триединству Божественных ипостасей в Духе Святом, т. е., с одной стороны, движение к сущности, или познание сущности, в системе троических понятий предполагает восхождение физической ипостаси к родовой сущности, обладающей другим, нежели физическая ипостась, но столь же самостоятельным бытием, с другой стороны, имеет место раскрытие, откровение Божественной триады ипостасей в метафизическом, или ноуменальном.

Троесущие метафизической ипостаси, на наш взгляд, складывается из (1) откровения Божественной ипостасной триады, (2) восхождения физической ипостаси к ноуменальной, над-ипостасной ей, (3) ноуменального естества, или самостоятельного бытия ноуменального, при подипостасности ноуменального Божественной, или трансцендентной, ипостасной триаде. Частным случаем подипостасности социального-разумного-ноуменального Божественному является Богочеловечество, подипостасное Божественной ипостасной триаде, или земная София, подипостасная Софии небесной.

Таким образом, ипостась предполагает *ипостасность* как способ связи сущностей, объединенных идеей и бытийностью родового *единосущия*. Категория ипостасности означает, что сущность физических объектов и субъектов находится вне их самих. При этом физическая сущность есть форма проявления метафизической, метафизическая — трансцендентной.

Итак, существенными характеристиками иерархо-ипостасной трактовки сущности, данной Святоотеческим учением, как нам представляется, являются следующие.

1. Ипостась — образ сущности более высокого порядка (проявление метафизического в физическом, проявление трансцендентного в метафизическом).

2. Сущность предстает как система, как триипостасное единство на физическом, метафизическом и трансцендентном уровнях.

3. Благодаря этой трехярусной бытийности сущности она всегда остается, всегда является собой конкретно-сущее на своем ярусе, на различных взаимосвязанных уровнях бытия сущности — физическом, метафизическом, трансцендентном целостном единстве.

4. Самосущие сущности, т. е. обладание самостоятельным существованием, как условие и следствие единства (триединства) сущностей, а также как условие и следствие конкретики сущности. Критерий истины — тождество системы самосущего, единство духа и бытия, Божественная Правда, Жизнь.

5. Высшей формой единства сущностей является трансцендентный уровень. Физическая сущность есть лишь конкретно-историческая форма проявления метафизической сущности. Метафизические сущности объединены и соединены в целостность — трансценденцию. Мета-сущность означает со-бытийственность сущностей. Трансцендентный уровень означает сверхбытийственность.

6. Троическая формула сущности имеет вид тождества, целостности сущностей вышестоящего и нижестоящего уровней сущности.

7. Аксиома троической системы понятий: познание тождественно существованию (бытию сущности). Со-познание тождественно со-существованию тождественно со-бытию.

8. Троическое строение сущностей как сущностных систем можно представить следующим образом (табл. 1).

9. Уровни сущности можно представить следующим образом (табл. 2):

Таким образом, имеет место троическое кольцо сущностей, за один его полюс, или начало, можно взять прасущность, срединный уровень составит сущность как единство бытия физической, метафизической и трансцендентной сущности, и другой, противоположный прасущности — полюс послесущности. Прасущность и сверхсущность сходятся в одной точке.

Подобную точку зрения на происхожденческо-развивающуюся природу сущности, т. е. ее бытия в прошлом, настоящем и будущем, равно как на тождество конкретно-сущего бытия и сознания в понятии сущности и предсущности, подтверждает Иоанн Кронштадтский: «Слово есть выражение истины, самая истина, бытие, дело. Слово предшествует каждому существу, каждой вещи, как вина их бытия — прошедшего, настоящего или будущего» [3, 193].

Применительно к человеку, сущность можно представить так: досущность (дочеловек) — генетический код, душа, психика; бессознательное, в том числе коллективное бессознательное; человек — физическое тело; сверхчеловек или послечеловек — дух, сознательное, Слово, в том числе соборное, софийное, София.

Таблица 1

Троическое строение сущностей

Пред-человек	Пред-сущность	Душа	Дофизическое	Бессознательное
Человек	Сущность	Физическое тело	Физическое	Сознательное
Сверх-человек	Сверх-сущность	Дух	Духовное	Сверхсознательное

Таблица 2

Уровни сущности

Физический	Парасущность	Сущность как материя (безличная абстрактно-материальная сущность)
	Сущность	Сущность как историческая форма метасущности
Метафизический	Метасущность	Сущность как вневременное, над-временное проявление трансцендентной сущности
Трансцендентный	Трансцендентная сущность Надсущность Сверхсущность	Сущность как триада трансцендентных сущностей
Единосушие и живоначалие	Прасущность Сущность Постсущность	Сущность как священное живое кольцо или единство сущностей в генезисе и развитии сущности

В данной понятийной системе время предстает как условие и форма физического бытия метафизического, как условие и форма трансформации метафизических сущностей в физические. Вместе с тем есть и некая промежуточная форма бытия и соответственно некая промежуточная категория между временем и вечностью (метавремя, послевремя). Оно представляет собой условия и формы метафизического бы-

тия трансцендентного. Упоминание об этой метафизической форме времени-трансценденции встречаем у св. Иоанна Богослова в его Откровении и у св. апостола Павла.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что противоречие между конкретно-сущим и абстрактно-сущностным существует только в границах предположения о пребывании сущности сугубо на физическом уровне, ограничения области определения сущности сугубо физическим уровнем. Более того, именно представление о сугубо физической природе сущности является посылкой к обращению познания к категории материи — как абстрактно-физической сущности, которой, как убедительно показал св. Григорий Богослов, а вслед за ним и Дж. Беркли, в действительности просто нет.

Великие каппадокийцы (св. Григорий Нисский, св. Василий Великий) понимали сущность всецело как духовное образование, имеющее самостоятельное бытие, которое может иметь различные телесные или идеально-материальные воплощения. Сущность понималась как иерархическая структура, как восхождение сущностных форм (ипостасей) к вершине — Святой Троице. При этом ипостаси, или сущностные формы, были духовными сущностями-реальностями. Познание и существование, онтологическое и духовное развитие не разделялись и представляли восхождение от одних форм сущностного единства к более высоким.

Святоотеческое учение впервые в истории теории познания выдвинуло идею троической природы сущности и, как следствие — идею генезиса и непрерывного развития сущности. Она является достойным парадигмальным ответом на несостоятельное представление современной науки о якобы стационарности, неизменности, завершенности, замкнутости сущности как следствии ее одномерности, материальной субстанциальности.

При этом сама сущность предстала как *ипостасность*, т. е. способ и форма всеобщей связи конкретно-сущих сущностей (ипостасей). И приоритеты, и субординация были расставлены четко и однозначно. Главенствующий приоритет — Бог и Святая Троица, Богочеловечество (София) — Отечество — Человек. Человек — как сущность, воплощающая в себе Отечество, Богочеловечество и Бога и находящаяся в неразрывной творческой, производительной, мыслительной — одним словом, Божественно-общественной, т. е. софийной, философски-хозяйственной связи с другими сущностями — людьми, поколениями людей, родом, народом, человечеством и Богом.

Третьей крупной методологической погрешностью материалистического видения было представление о стационарности и неизменности сущности как следствии ее безжизненности. Эта погрешность также берет свое начало в арианстве.

Так, Григорий Богослов в своей критике Ария определяет сущность как союз «трех ипостасей», объединенных «по сущности». Поэтому сущность, как это полагал Арий (и отчасти Ориген), не может быть «самозамкнутой монадой». Она не имеет «завершенности бытия» (!) [2, 8]. Сущность находится в состоянии непрерывной трансформации, проистекающей из совместного единства и творчества ипостасей. Она эволюционирует в движении и развитии сущностных форм, которые объединены живоначальным единосущим более глубокого порядка. Единосущие через развитие живых сущностных форм появляются на физическом, метафизическом, трансцендентном уровнях.

Развитие сущностных форм как раз исследуется на физическом уровне, а единосущие как сущность более глубокого порядка — на метафизическом и трансцендентном. Впервые идея *живого (!) родового единосущия ипостасей* была сформулирована омиусианским учением и выражена на Анкирском соборе 358 г.

В итоге Святоотеческое учение в идее живого родового единосущия преодолело противопоставление объективного субъективному, объекта — субъекту, материи — сознанию. Благодаря категории ипостаси как живоначального, ипостасного, субъектного бытия сущности и как животворящего способа связи триединых сущностей, сущность предстала как *субъектно-объектное тождество*.

Таким образом, мы подошли к несостоятельности самой постановки так называемого «основного вопроса философии». Как было показано выше, дуализм сущностей у Аристотеля впоследствии трансформировался у диалектиков-материалистов в дуализм самой сущности (внутри сущности) и в абстрактный материализм. Из этого недоразумения и застылости, остановки в понимании сущности как околичественной, абстрактно-единичной материальной субстанции и как идеально-возможного родового обобщения возник пресловутый «основной вопрос философии», который, будучи абсурдным итогом нагромождения искажений, противопоставил объективное субъективному, материю — сознанию, бытие — мышлению. При этом материи (объективной реальности, укороченной и укрощенной до сугубо физической природы) было отказано в духе, духу — в реальной силе, а сознанию — в силе духа³⁷. На деле философия, поставив перед собой «основной вопрос философии», риторически спросила у себя, кто первичен — Бог или человек, и ответила вполне в духе атеистического Возрождения — человек. Этот ответ был отторжением человека от Бога, т. е. сознательным, мнимонаучным умалением человека. Наука вошла на псевдона-

³⁷ Заметим, философия Ницше была протестным ответом на это абсурдное бессилие мысли и мышления, на которое обрекла себя материалистическая философия.

учную стезю. Лозунг свободы как познанной необходимости был атеистическим прочтением свободы как познания Бога и Его воли.

Итак, мы обратились к самым основательным и глубинным философским и Святоотеческим учениям о сущности. Выяснилось, что указанные учения подвергли материалистический, диалектический и абстрактный подход к интерпретации сущности основательной и сокрушительной критике. Святоотеческое учение внесло фундаментальный вклад в теорию познания и теорию о сущности, представив сущность как многоуровневую иерархическую систему, как всеобщее-энергичную и конкретно-сущностную связь на физическом, метафизическом и трансцендентном уровнях.

Основные различия методологических систем позитивистской и Святоотеческой науки приведены в табл. 3.

Таблица 3

Основные различия методологических систем позитивистской и святоотеческой науки

Позитивистская наука	Святоотеческая наука
Сущность находится вне субъекта, она объективна и сводится к материальной субстанции	Сущность не существует вне субъекта, по природе своей она не может быть материальна. Сущее не нуждается в носителях, в носителе (несущем) нуждается не-сущее
Сущность объектна. Объективность вытекает из разделенности субъекта и объекта, вычлениии субъекта и его удалении из познания	Сущность субъектна. Но это субъектность особого рода — она ипостасна. Ипостась — субъектная форма подлинного бытия сущности. То есть предполагается множественность ипостасей (минимум — три), их единство и совместное творчество
Сущность одномерна, сводима к одному материальному субстрату. Она — субстанция (материи)	Сущность иерархична, в основе своей как минимум триипостасна. Ипостась — выражение и форма бытия иерархически устроенной сущности. Первая ипостась — сущее-трансцендентное (идеальное). Вторая ипостась — метафизическое, или трансцендентно-имманентное, или идеально-материальное, представляющее собой совокупность родовых или исторических сущностных форм. Третья ипостась — имманентное (физическое) как форма проявления метафизической сущности

Продолжение табл. 3

Сущность бесформенна. Она — сгусток абстрактной материи	Сущность может иметь как идеальную, так и материальную форму, быть духом, идеей либо воплощением духа. Сущность воплощается в кругообороте сущностных форм
Область познания ограничена эмпирическим уровнем, то, что за его пределами, — не наука	Наука, чтобы быть наукой, должна охватывать три уровня познания: трансцендентный, метафизический (трансцендентно-имманентный), эмпирический (физический, имманентный)
Источник движения — единство и борьба противоположностей (диалектика)	Источник движения — триипостасное единство, со-откровение и сотворчество (триалектика)
Сущность дискретна и разобщена	Сущность всеобъемлюща. Сущность — связка, единство, единение иерархически связанных сущностей
Сущность завершена, статична	Сущность постоянно развивается, трансформируется, воссоздается, расширяя границы родового единосущия. Сущность энергийна и творяща
Сущность абстрактна и не структурирована и сводится (в латинской традиции) к недифференцированной материальной субстанции	Сущность структурирована. Дифференциация сущности предполагает: трансцендентность, метафизичность и физику сущности, т. е. ее самостоятельную бытийность как идеального; субъектность сущности, сущность как иерархически определенный творящий центр, ипостасный центр, занимающий свое место в иерархии сущностей; целостную образность и конкретность сущности. Абстрактной сущности не существует.
Оценивание отсутствует, действует принцип отделения науки от моральных оценок	Оценивание в рамках и средствами науки необходимо — воплощаемое, изводимое, производимое должно оцениваться на предмет чистоты замысла, соответствия первозданности и высшей ценности (воле Творца)
Сущность, будучи телесной субстанцией, сводится к количеству	Сущность, будучи субстанцией духовной, к количеству не сводится ³⁸

³⁸ Для понимания Троического богословия св. Василия Великого очень существенны его высказывания о значении понятия числа в рассуждениях о Боге. Он 318

Сущность мертва	Сущность жива
Критерий истины — практика	Критерий истины — живоначалное единосушие в его животворящем троическом бытии. Практика может быть как софийной, так и анτισофийной
Эмпиризм. Узкий прагматизм науки. Абстрактное сознание противопоставляется абстрактному бытию	Софийность. Софийность как принцип триипостасного единства конкретно-сущего бытия сознания на физическом метафизическом и трансцендентном уровнях

Именно такой, ипостасный, подход был реализован классиками политической экономики в их учении о стоимости. Парадигмально следует признать, что классики политической экономики до Д. Рикардо, включая А. Смита, Дж. Ст. Милля, чуть менее известного С. Бейли, фрагментарно включали в орбиту своих исследований физический, метафизический и трансцендентный уровни стоимости.

В классической политэкономии определения стоимости были именно ипостасные. В качестве примеров можем привести как известные, так и малоизвестные — ипостасные (т. е. субъектно-энергичные и соподчиненные, метафизико-трансцендентные) определения стоимости. Определение Адама Смита: «Стоимость — как невидимая (трансцендентная. — Г.М.) рука рынка». При этом отметим, что рынок — метафизическое понятие. Согласно С. де Сисмонди, «капитал... непрерывно умножающая себя стоимость» [4, 176]. В данном определении метафизика капитала связана с трансценденцией стоимости как самовозрастающей стоимости. Это определение, как известно, было воспроизведено Марксом. С. Бейли определял стоимость как «власть количества, конституирующая стоимость» [4, 59]. В данном определении трансценден-

подчеркивает, что здесь нет места для счисления в собственном смысле слова, так как в Божественном бытии нет дискретной множественности, которую только и можно сосчитывать. Иначе сказать, в богословии число из количественной категории преобразуется в качественную, истина Троиинства не есть арифметическая истина, и тайна Троиинства не есть тайна о числах: три и один. «Укоряющим нас за троебожие, — писал св. Василий, — да будет сказано, что исповедуем мы Бога единого не числом, но естеством — $\delta\upsilon\ \acute{\alpha}\rho\iota\theta\mu\tilde{\omega}$, $\acute{\alpha}\lambda\lambda\grave{\alpha}\ \tau\tilde{\eta}\ \phi\acute{\upsilon}\sigma\epsilon\iota$... Ибо все, именуемое по числу единым, в действительности не едино и по естеству не просто; о Боге же всеми исповедуется, что Он прост и несложен. Следовательно, Бог един не числом, ибо число есть принадлежность количества, а количество сопряжено с телесным веществом, поэтому число есть принадлежность телесного естества» (цит. по: [2, 80]).

ция стоимости сведена к чистому количеству, разумеется, социальному, которое институционализируется во власти количества над стоимостью. Маркс усмотрел в стоимости ее трансцендентную и эсхатологическую ипостась как апокалиптическое число зверя и указал на телеологию стоимости как апокалиптического движения к апокалиптическому финалу. Во всех приведенных определениях стоимость, кроме своего физического бытия, проявляющегося в тех или иных количествах, т. е. физических параметрах, измерителях стоимости, имеет глубинные сущностные свойства, которые раскрываются лишь на метафизическом и трансцендентном уровнях. Последние не существуют изолированно от физического уровня, но всю там бытийствуют.

Святой Василий Великий прямо указал, что количество, в отличие от слова, имеет телесную, материальную природу. Таким образом, трансцендентное понимание глубинной, изначальной сущности стоимости как социального количества объясняет, почему эмпирический уровень в изучении стоимости мог стать доминантным в политической экономии и привести в конце концов к полному ее вырождению.

Подобное же вырождение претерпела и философия и теория познания. На этот вырожденческий кризис, эту трагедию философии впервые обратил внимание великий русский философ С.Н. Булгаков, создатель учения о Софии именно как о социальной науке и практике, сообразующейся в своем развитии с метафизическим и трансцендентным образом мышления, теоретизирования и действия. Метафизическую и трансцендентную чреваточину в философии, которая была направлена против христианства, усмотрели и другие выдающиеся мыслители еще в первой половине XIX в. К примеру, Адам Мицкевич подверг резкой критике философию Канта и Гегеля как антихристианский демарш. Георгий Флоровский раскрыл связь между протестантизмом М. Лютера и его дискредитацией учения Дионисия Ареопагита о триалектике сущности. С.Н. Булгаков усмотрел дальнейшее усугубление антихристианской траектории развития современной ему философии — выразившееся в незаконной попытке подменить философию политической экономией. Исправить поистине катастрофические для человечества последствия этой крупномасштабной антихристианской акции он предложил в виде создания новой синтетической научной парадигмы, которая преодолела бы узкий экономизм политической экономии и примитивные материализм и диалектику философии. Речь шла о новой, поистине эпохальной в истории человечества и его науки парадигме — парадигме философии хозяйства.

Именно С.Н. Булгаков не только подверг критике современные ему, охваченные кризисом философию и политическую экономию, но и

показал человечеству выход из тупика, через учение о Софии как синтез философии и политической экономии и других социальных наук, предлагающий их внутреннюю трансформацию, полное категориальное переосмысление, выход на новую парадигму и новые принципы взаимодействия с социальной практикой, понимаемой совершенно иначе, а именно — через ее осмысление в метафизическом и трансцендентном измерениях.

Лишь частично, весьма и весьма урезанно, идеи С.Н. Булгакова были восприняты на Западе Максом Вебером и Карлом Поппером, которые являются идеологами нынешнего социал-реформизма, а также их последователей в лице институциональной ветви теоретической экономики. Идея субъектности сущности реализована в методе системного моделирования и объяснения институционализма. Холистический принцип построения целостной теории исследуется в работе Пола Дизинга «Системы открытий в социальных науках» («Patterns of Discovery in the Social Sciences») [5, 74]. Метод построения холистической теории Дизинга называется «методом наблюдателя-участника» [6, 10]. Отличительной особенностью данного метода является социализация исследователя. Исследователь одновременно является «участником», он принимает нормы и категории той социальной системы, которую исследует. Предметом исследования является одиночная самоподдерживающаяся социальная система. В качестве таковой могут быть приняты семья, национальная экономика или даже историческая эпоха. Размеры системы не имеют значения, акцент делается на уникальности данной системы, представляющей собой единое целое. Сам метод представляет собой сочетание *storytelling* и *pattern modeling*, т. е. построения достоверных историй и структурного моделирования. Построение достоверных (правдоподобных) историй происходит на первом и втором этапах, структурное моделирование и его верификация — на последующих этапах.

Метод Дизинга нашел отклик в широких академических кругах за рубежом, но и отечественный исследователь может составить представление о сущности, преимуществах и недостатках данного метода, опираясь на публикации в специализированных изданиях как зарубежных («Journal of economic Issues», «Institutional Economics», «Journal of Institutional and Theoretical Economics»), так и отечественных («Вопросы экономики», «Мировая экономика и международные отношения», THESIS и др.).

Однако в полной мере, во всей мощи и величии идеи С.Н. Булгакова были осмыслены, отточены и столь же гениально продвинуты и умножены нашим современником — великим русским и ми-

ровым ученым-мыслителем-мудрецом — Юрием Михайловичем Осиповым. Именно он является создателем новой полномасштабной парадигмы философии хозяйства. Величие и мощь ее, ее немеркнущее сияние состоят в переосмыслении глубинных основ науки, философии, экономической теории и всей теории познания, а также всей человеческой практики — как хозяйственной, так и научно-, и философско-, и Софийнохозяйственной.

Литература

1. Свт. Василий Великий. Письмо Григорию брату о различии сущности и ипостаси // www.pagez.ru/lsn/0083.php (дата обращения: 05.03.2015).
2. *Флоровский Г.В.* Восточные отцы IV века. Париж, 1931.
3. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. СПб., 2006.
4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23.
5. *Wilber C.K., Harrison R.S.* The Methodological Basis of Institutional Economics: Pattern Model, Storytelling, and Holism // *Journal of Economics Issues*. 1978. March. Vol. XII. No. I.
6. *Сазанова С.Л.* Эвристические возможности холистического метода традиционного институционализма // http://economicarggu.ru/2003_1/sazanova.pdf 1-25 (дата обращения: 12.10.2014).

А.А. ОЛЕЙНИКОВ

Философия хозяйства как общеметодологическая основа национального учебника по экономической теории

Аннотация. Методологической основой анализа экономики и национального хозяйства в целом в любой стране служат морально-этические ценности данной страны, данной цивилизации. Именно поэтому одна из главных задач философии хозяйства заключается, чтобы формировать модель национальной экономики с духовно-нравственных позиций. После 1991 г. либеральные реформаторы в России стали насаждать англосаксонскую модель экономики, основанную на антихристианских ценностях. Одновременно вся система экономического вузовского образования была переведена на американские учебники, теоретическую основу которых составляют теории неолиберализма, маржинализма и либерального монетаризма. А это равнозначно рекуль-

туризации нашей молодежи и всего населения страны. В статье указывается, что ошибочные и ложные доктрины и принципы, играя роль дезинформации, способны нести в себе мощный разрушительный потенциал. Автор делает вывод о необходимости создания своей евразийской теории евразийского национального хозяйства, основанной на множественности культур и социокультурной укорененности самого национального хозяйства. Очевидно, что философия хозяйства должна служить методологической основой как евразийской теории национального хозяйства (евразийский мейнстрим), так и новой евразийской модели национальной экономики, адекватной ценностям и традиция России как русской Евразии.

Ключевые слова: методология, национальная экономика, философия хозяйства, англосаксонская модель экономики, неолиберализм, маржинализм, либеральный монетаризм, рекультуризация, евразийская модель национальной экономики, евразийский мейнстрим.

Abstract. The methodological basis of the analysis of national economy as a whole in any country are the moral and ethical values of that country and the whole civilization. That is why one of the main tasks of philosophy of economy is to shape the model of the national economy with moral positions. After 1991 liberal reformers in Russia began to spread Anglo-Saxon economic model based on anti-Christian values. At the same time the entire economic system of higher education was translated into American textbooks, based on the theory of neo-liberalism, marginalism and liberal monetarism. And this is equal to reculturization of our youth and total population. The article states that the erroneous and false doctrines and principles, playing the role of misinformation, is able to carry a powerful destructive potential. The author makes conclusion about necessity of creation of Eurasian theory of national economy, based on the plurality of cultures and socio-cultural embeddedness of the national economy. It is obvious that the philosophy of economy must serve as the methodological basis of the theory of the Eurasian national economy (Eurasian mainstream) or the new Eurasian national economic model that is adequate to the values and tradition of Russia as the Russian Eurasia.

Keywords: methodology, national economy, philosophy of economy, the Anglo-Saxon economic model, neoliberalism, marginalism, liberal monetarism, reculturization, Eurasian model of the national economy, the Eurasian mainstream.

За прошедшие 25 лет существования Центр общественных наук при МГУ сплотил вокруг себя много ученых, составляющих ныне *Ака-*

демию философии хозяйства. Философия вообще — это наука о социокультурных ценностях, формирующих нравственный и морально-этический базис данной цивилизации. У экономики, как известно, нет и не может быть своих особых, отличных от человека, духовных ценностей. Методологической основой анализа экономики и национального хозяйства в целом в любой стране служат морально-этические ценности данной страны, данной цивилизации. Именно поэтому одна из главных задач философии вообще, а тем более философии хозяйства, — привнести духовные ценности данной цивилизации в мир экономики, объяснить экономику с духовно-нравственных позиций.

Философия хозяйства и ценности многополярного мира

Очевидно, что, выступая в Мюнхене в феврале 2006 г., В.В. Путин, будучи в то время Президентом России, обращался не только к западной общественности. Вполне понятно, что, подвергая резкой критике систему однополярного мира, В.В. Путин невольно вступал в полемику также и с многочисленными представителями внутреннего «Мюнхена», причем не только в России, но и в других республиках постсоветского пространства.

Являясь представителями научно-педагогической общественности, мы (научная общественность) ставим перед собой ряд закономерных вопросов: 1) означает ли отказ от однополярного мира необходимость пересмотра господствующей сегодня в экономической теории неоллиберальной парадигмы? 2) разве экономический мейнстрим и вся западная неоклассика не являются теоретическим фундаментом для политической теории однополярного мира? 3) разве экономическая унификация не является основой для унификации политической в рамках пресловутого однополярного мира? 4) разве мы имеем право продолжать преподавать в наших вузах экономическую теорию, основанную на фундаментальных принципах неоклассики, теоретически обосновывающей унификацию всего мирового хозяйства на основе англосаксонской экономической системы?

Однако, если перемены в нашей научно-педагогической работе не происходят, тогда это равнозначно тому, что мы, соглашаясь в политике с Президентом России В.В. Путиным, в экономике продолжаем придерживаться концепции однополярного мира и соответствующей унификации всего мирового хозяйства на основе англосаксонской экономической системы. Данная система является либеральной только по названию, однако в реальности она *тоталитарна*, так как, превращая все западные страны в объекты управления, навязывает им «вмененные» мировые цены, заставляя открывать свои границы и поднимать

национальные цены до мирового уровня, обрекая тем самым население своих стран на социальную нищету, а экономику и национальные хозяйства — на неизбежную деградацию и полуколониальную зависимость от центров мирового капитализма.

Англосаксонские экономические учебники можно использовать в образовательном процессе в высшей школе только при одном условии: если мы (и руководство наших стран, и все общество в целом) принимаем теорию «однополярного мира», соглашаясь с его политическими условиями, т. е. фактически принимает капитуляцию. В этом случае, и это вполне понятно, мы будем исходить из концепции унификации всего мира на основе экономической системы страны-победителя, господствующей в однополярном мире, т. е. США и всего англосаксонского мира, Запада в целом. *Неолиберальные экономические теории* (несмотря на внешние разногласия между его различными течениями) *образуют теоретический фундамент западной политической теории однополярного мира.*

Однако, если Россия и другие страны СНГ все же находят в себе силы и мужество противостоять военно-политическим доктринам Запада, частью которых является американский экономикс (как теория американского национального хозяйства), то мы просто обязаны, отвергая идею унификации мира на основе западной экономической системы и признавая многополярность мира, укорененного в разнообразии культур и цивилизаций, противопоставить экономиксу и западному пресловутому мейнстриму наш *евразийский мейнстрим.*

И вот здесь необходимо признать: без философии хозяйства и вне тех научных споров и дискуссий, научную площадку для которых создал Юрий Михайлович Осипов (сплотив большое количество ученых вокруг Центра общественных наук при МГУ и лаборатории философии хозяйства), поставленная выше задача практически неосуществима.

Философия хозяйства и теория национальных хозяйств

Философия хозяйства учит, что методология исследования всегда является производной от укоренившихся этнических стереотипов, от избранной этносом психологической доминанты поведения. Фундаментальные методологические принципы, например, принцип методологического индивидуализма или принципы иерархии и общности, сами по себе не являются экономическими принципами. Как известно, цели и мотивы хозяйственной деятельности формируются *институтами культуры*, а именно *нормами морали*, имеют этическое измерение. А в его основе лежит *«собственный этический масштаб»* (О. Шпенглер) данной нации, основанный на многовековых морально-этических нормах и

традициях, имеющих, как правило, прямое или косвенное религиозное происхождение. Именно в силу этого принципиально различаются фундаментальные принципы и базисные основы национально-экономического развития разных стран, принадлежащих к культурам либерализма и традиционализма, т. е. к западным и восточным цивилизациям.

Философия хозяйства и политическая экономия национального хозяйства

Ф. Лист был первым, кто обратил внимание экономистов на эту проблему. После Листа политэкономия раскололась на две противоположные экономические теории: 1) либеральную политическую экономию, которую Лист охарактеризовал как «частную экономию» и «космополитическую экономию», существующую сегодня в виде экономикса; 2) национальную экономию, незаслуженно забытую, но возрождающуюся сегодня в виде политической экономии национального хозяйства. Ее предметом является *метавоспроизводство* как воспроизводство всего общества и его национального хозяйства в целом [1].

Эпоха рыночного фундаментализма в России закончилась. Этой проблеме посвящаются научные конференции. Об этом сегодня говорят многие авторитетные ученые и политики, в частности, научный руководитель ИЭ РАН Р.С. Гринберг [2].

Проводя конференции, публикуя монографии и сборники трудов, мы должны прилагать усилия к тому, чтобы сделать новое знание о национальном хозяйстве России основой социализации молодежи, базой вузовского обучения в форме национальных учебников.

Очевидно и то, что нашей стране сегодня нужна новая, евразийская, теория национального хозяйства, нужны новые учебные курсы по экономике, адекватные всей нашей истории, нашим традициям, нашим цивилизационным и геополитическим особенностям. Нам нужен наш евразийский мейнстрим, нужны учебники, способные социализировать нашу молодежь.

Мы не должны забывать, что экономическая теория призвана давать научное обоснование механизму движения экономики и всего общества. Ну а если наука ошиблась? Если ученые ошибаются или же какая-то группа ученых, допустим, сознательно вводит в заблуждение правительство и руководство страны в целом, выдавая ошибочные экономические тезисы и принципы за некие «универсальные» и «общечеловеческие» ценности, якобы лежащие в основе развития «цивилизованного мира»? Что тогда? Тогда эти ошибки и заблуждения, принимая вид аксиоматического знания, начинают тиражироваться, воспроизво-

даться. Тогда общество получает ложные ориентиры, а данная страна в целом начинает двигаться к катастрофе.

Ошибочные и ложные доктрины и принципы, играя роль дезинформации, способны нести в себе мощный разрушительный потенциал.

Ошибка в теории многократно отзывается, сказывается на практике, возрастая в геометрической прогрессии, приобретая силу сверхмощного кумулятивного снаряда, разрушающего и выжигающего все внутри. В результате стоят предприятия, замирают целые отрасли, задыхается от безденежья не только социальная и бюджетная сфера целиком, но и вся страна — распадаются предприятия, отрасли, регионы, распадается все народное хозяйство. Доктрины и принципы неолитерализма и либерального монетаризма превращаются в необычное оружие массового поражения, которого еще не знала история!

Разработка евразийского мейнстрима — *евразийской теории евразийского национального хозяйства*, основанной на множественности культур и социокультурной укорененности самого национального хозяйства, — вот та стратегическая и насущная задача, которую сама история поставила перед нами в повестку дня.

Россия — это Русская Евразия, имеющие свои особые закономерности национально-экономического развития.

Не будет излишним еще раз указать на то, что в этом историческом контексте особую актуальность приобретает задача разработки новых учебников по экономической теории, адекватных социокультурным и геополитическим особенностям всех наших евразийских стран — не только СНГ, но и всех постсоветских республик, объединенных единым социокультурным пространством и общностью исторической судьбы.

На базе уже изданного национального учебника по экономической теории [3] может быть подготовлена серия коллективных учебников для стран СНГ, что является актуальным в свете проходящих в мире политических событий и геополитических изменений. Идет мировая война. И в этой войне экономические доктрины используются как необычное и сверхмощное оружие — *концептуальное* оружие. Выходя за узкие рамки экономикса, но оставаясь в целом в пределах официальных стандартов преподавания экономической теории, работа может преодолеть чисто экономический подход, оставляющий за рамками анализа духовные факторы и морально-этические нормы.

Связь философии хозяйства с учебниками по экономической теории

Первичными в организации хозяйственного бытия народов разных стран являются именно те нравственно-этические нормы и принципы взаимодействия людей, которые превратились в стереотипы поведения, исторически свойственные данному народу. Именно поэтому универсальных экономических законов, единых для всех стран, в принципе не существует, есть лишь отдельные экономические категории, имеющие универсальный характер: товар, стоимость, цена, деньги, капитал, прибыль — *сущностно* одинаковые во всех странах.

Экономические законы носят национальный характер. Они отражают те принципы хозяйственного взаимодействия людей, которые имеют *внутренне* закономерный характер, обусловленный социокультурной средой. Мир в действительности разделен на культурно-исторические типы, именуемые *цивилизациями*. Именно поэтому унификация мира на основе неких единых, универсальных экономических принципов абсолютно нереальна и теоретически абсурдна. Соответственно экономическая теория должна теоретически фиксировать национальные стереотипы жизнедеятельности, производные от национальной культуры. Отвергая идею унификации мира на основе англосаксонской экономической системы и признавая многополярность мира, многообразие культур и цивилизаций, надо противопоставить англосаксонскому мейнстриму наш отечественный — евразийский мейнстрим, опирающийся на теорию множественности моделей национального хозяйства.

Евразийский мейнстрим требует *религиозно-философского подхода* к осмыслению содержания экономической теории. Закономерности формационно-цивилизационного развития, указывающие на зависимость формации и цивилизации от типа культуры и от типа геополитического устройства, должны быть дополнены еще один важным принципом — соответствия типа формации и типа цивилизации типу религиозного устройства общества [1, 244—254, 185, 194, 340—346].

Россия — страна-цивилизация, русская Евразия, а принципы и ценности нашей русско-евразийской цивилизации являются абсолютно восточными, произрастая из трех величайших источников восточной религиозной культуры — восточного христианства (православия), ислама и буддизма. Именно поэтому мы должны разработать евразийский мейнстрим — евразийскую теорию национального хозяйства, основанную на множественности культур и евразийской социокультурной укорененности нашего народа.

В заключение отметим: мы не можем произвольно выбирать модель национального хозяйства. Она определяется всей совокупностью социокультурных, цивилизационных, геополитических и религиозно-нравственных ценностей, исторически сформировавших русско-евразийскую цивилизацию. Вопрос о том, допустимо ли преподавать экономическую теорию в наших вузах на основе чуждых нам идей и ценностей, имеющих протестантскую «духовную» укорененность, — является в целом риторическим.

В этом контексте приобретает особую актуальность задача разработки новых учебников по экономической теории, адекватных социокультурным и геополитическим особенностям всех наших евразийских стран — не только СНГ, но и всех постсоветских республик, объединенных единым социокультурным пространством, общими духовными ценностями и общностью исторической судьбы.

Литература

1. *Лист Ф.* Национальная система политической экономии // Граф С.Ю. Витте. По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист. Д.И. Менделеев. Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года: Сборник / Составл. и предисл. В.А. Фадеева. М., 2005.
2. <http://me-forum.ru/media/news/1080>
3. *Олейников А.А.* Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учеб. для вузов: В 2 ч. М., 2011.

Г.В. ФАДЕЙЧЕВА

Четверть века и полжизни с философией хозяйства

Аннотация. В статье охарактеризован исторический момент создания Центра общественных наук при МГУ им. М.В. Ломоносова; показана взаимосвязь научных исследований ЦОН и авторских научных изысканий, дано обоснование актуальности исследования общественной потребности развития.

Ключевые слова: философия хозяйства, общественные потребности, общественная потребность развития, пореформенная экономика.

Abstract. The article described the historical moment of the creation of the Center for Social Sciences at Moscow State University. It shows the relationship the interrelation of Center for Social Sciences research and author's scientific research. Given the substantiation of the relevance of the study of social development needs.

Keywords: philosophy of economy, public needs, public need of development, postreform economy.

Начало 1990-х гг. высветило целый спектр новых проблем, связанных, как казалось тогда, с реформированием отечественной экономики. Позднее пришло осознание, что так называемые реформы на деле обернулись изменением экономического строя страны. А в тот период ветер общественных перемен завораживал, вдохновлял и вселял надежды на перемены к лучшему и более справедливому мироустройству. Большие надежды возлагались и на первого президента России, которого дважды мне довелось, шествуя в колонне студентов и аспирантов МГУ имени М.В. Ломоносова, приветствовать на традиционных майских демонстрациях в Москве: он стоял на трибуне мавзолея рядом с М.С. Горбачевым. Отмечу, что ранее мне неоднократно доводилось лицезреть Б.Н. Ельцина, стоявшего на трибуне памятника В.И. Ленину на площади 1905 г. в Свердловске — тогда он в качестве первого секретаря Свердловского обкома КПСС поздравлял коллективы трудящихся на традиционных ноябрьских и майских демонстрациях.

Ветерок перемен, поднятый в апреле 1985 г. горбачевской перестройкой, постепенно стал превращаться в сметающий все на своем пути общественно-политический смерч. Хорошо помню, как общественные перемены отразились на формулировках тем кандидатских диссертаций аспирантов экономического факультета МГУ, прежде всего тех, которые были посвящены проблемам социалистической экономики. Первоначально многие темы имели окончание «...при социализме» или «...в условиях социализма». Далее, по мере развертывания общественных преобразований эти окончания заменялись на фразы «...в условиях планово-рыночной экономики»; «...в условиях социально-ориентированной рыночной экономики»; «...в условиях регулируемой рыночной экономики»; «...в условиях рыночной экономики». Не миновало и меня подобное изменение темы: первоначально тема звучала так — «Формирование общественной потребности в средствах производства при социализме», а защищала в мае 1992 г. я кандидатскую диссертацию под названием «Формирование общественной потребности в средствах производства в условиях становления регулируемой рыночной экономики».

Стремительно меняющиеся экономические отношения требовали поиска ответов на вопросы о смысле, направлении и конечном пункте этих преобразований. Образование летом 1990 г. Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова в этих условиях было актуально и своевременно.

К сожалению, будучи аспиранткой кафедры политической экономии экономического факультета МГУ (на момент создания ЦОН я обучалась на втором курсе аспирантуры), мне не довелось присутствовать на научных мероприятиях ЦОН начального периода, сотрудничество началось позднее, в 1996 г. Это было связано и с тем, что научная проблематика аспирантов четко увязывалась с определенной проблемной группой кафедры политической экономии, заседания которых проводились не реже, чем раз в месяц, требовали постоянной работы над текстом диссертации, и на старших курсах аспирантуры лимит времени не позволял посещать многие интересные научные мероприятия, непосредственно не связанные с темой научной работы, а ЦОН был основан на базе лаборатории сравнительного анализа хозяйственных механизмов, и эта тематика на тот период времени была не совсем в русле моих научных исследований.

Интересно, что создание ЦОН формально было замечено аспирантами кафедры политической экономии в связи с тем, что в старом корпусе экономического факультета под новые структурные подразделения уже не хватало места и поэтому были сделаны некоторые перепланировки коридоров. Так, на четвертом этаже часть коридорного тупика (левая часть), если стоять спиной к кафедре политической экономии, была присоединена к лаборатории сравнительного анализа хозяйственных механизмов и ЦОН. Ранее в этом коридорном тупике можно было расположиться на низком подоконнике, фактически на скамейке, в ожидании научного руководителя (на одном только нашем аспирантском курсе, прикрепленном к кафедре политической экономии, было 30 человек, поэтому нужного преподавателя мы ждали не на самой кафедре, а около, в коридоре, если ждать приходилось долго, то присаживались на подоконник). Пару раз на подоконнике, который потом был перегороден, мы проводили заседания комсомольского бюро аспирантов кафедры политической экономии (я входила в состав бюро).

После окончания в 1985 г. экономического факультета и до поступления в аспирантуру я в течение трех лет преподавала экономическую теорию (данный курс, одновременно с начавшимся в перестроечное время массовым переименованием кафедр политэкономии, стал активно вытеснять политическую экономию) в УрГУ (в Уральском гос-

ударственном университете имени А.М. Горького). Вначале я работала на кафедре политэкономии философского факультета, а после создания в 1987 г. экономического факультета — на кафедре политэкономии экономического факультета УрГУ. Ныне УрГУ объединен с УПИ имени С.М. Кирова (Уральским политехническим институтом) в УрФУ (Уральский Федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина). Неудовлетворенность состоянием отечественной экономической науки и начавшимся резким перекосом в процессе преподавания в сторону экономикса способствовала моим размышлениям, которые, как оказалось впоследствии, были в русле школы философии хозяйства.

Годы моей аспирантуры (1988—1991) выпали на время переосмысления вектора социохозяйственного бытия: вопросов было много, ответы предлагались диаметрально противоположные. Помню, как для преподавателей и аспирантов кафедры политической экономии была прочитана А.Я. Лившицем подробная лекция по экономиксу как эталону нового курса. В огромной поточной аудитории химического факультета МГУ дважды выступал перед студентами, аспирантами и преподавателями Л.И. Абалкин, слушатели стояли вдоль стен и в проходах, свободных мест не было. В Татьянин день 1990 г. в ДК МГУ была встреча с последним председателем Верховного Совета СССР А.И. Лукьяновым, принимала его аудитория хорошо, много было разных интересных вопросов, он пообещал посетить университет в следующий Татьянин день вместе с М.С. Горбачевым, но на следующий год им, видно, было не до встреч со студентами. Бурные дискуссии постоянно транслировались по телевизору, передавались по радио, всевозможные оппозиционные статьи регулярно вывешивались на специально выделенном напротив первой аудитории главного здания МГУ стенде, получившим название «Гайд-парк». Научные дискуссии на экономическом факультете тоже носили острый характер, касались концептуально важных вопросов.

После аспирантуры и защиты кандидатской диссертации мое научное сотрудничество с экономическим факультетом не оборвалось, а поиски ответов на концептуальные вызовы стремительно меняющегося социохозяйственного пространства привели меня в ЦОН. Постановки некоторых проблем для обсуждения были новы и непривычны, например, осенью 1998 г. на семинаре, организованном Ю.М. Осиповым, была предложена иная, непривычная для возвращенных на марксистской трудовой теории стоимости, трактовка данной категории. Предложенное Осиповым в рамках возрожденной в ЦОН при МГУ школы философии хозяйства разграничение экономики и хозяйства и концепция эко-

номического Постмодерна дали основу для переосмысления проблем пореформенной экономики. Обращение к трудам основоположника школы философии хозяйства С.Н. Булгакова, с идеями которого в курсе истории экономической мысли мы в студенческие годы достаточно поверхностно знакомились, дало дополнительный импульс моим научным поискам ответов на современные вызовы.

К числу наиболее значимых концептуальных проблем и вызовов, безусловно, следует отнести оценку состояния и вектора движения российского пореформенного общества. Соотношение современных проблем с историческими вызовами прошлого нашло отражение в коллективной монографии ЦОН при МГУ «Развитие капитализма в России — сто лет спустя» (1999). В моей статье «Второе пришествие капитализма в России и его отражение в системе общественных потребностей», включенной в данную монографию, дан сравнительный анализ процесса первоначального накопления капитала в тот период и в новых условиях. Результаты дальнейшего исследования пореформенной российской экономики нашли отражение в моей статье «Современное российское хозяйство как продукт глобального экономического клонирования», опубликованной в журнале «Философия хозяйства» (2000, № 4). В ней рассмотрены противоречия российской дореформенной экономики, способствующие смене системы экономических отношений и активное воздействие на процесс общественного воспроизводства субъектов глобального макрорегулирования, стимулирующее процесс первоначального накопления капитала в специфических формах, уже являющихся анахронизмом в развитых странах. Тезисы, сформулированные в данной статье, подтверждаются и различными современными так называемыми «оранжевыми революциями» на постсоветском пространстве и не только на нем.

Исследование вектора движения современной российской экономики было продолжено в ряде коллективных монографий, изданных ЦОН по итогам различных научных конференций, им организованных. Так, одна из новейших коллективных монографий, изданная в 2014 г. ЦОН, посвящена актуальным проблемам евразийской интеграции.

Заслуживают внимания и другие труды ЦОН последних лет, посвященные исследованию таких понятий и явлений, как имперскость, вопросы перестроения и самоутверждения России, антикризисные меры, неолиберализм и т. д.

Благодаря творческому сотрудничеству с ЦОН при МГУ, в рамках интересующей меня тематики были осмыслены и сформулированы теоретические положения, касающиеся проблемы общественных потребностей и особенностей их формирования в современных услови-

ях. Новый концептуальный подход к пониманию общественных потребностей был сформулирован в моей статье «Общественные потребности как система» в «Вестнике Московского университета (Сер. Экономика)» (2000, № 2). Далее разработка данной проблемы нашла отражение в монографии «Система общественных потребностей и ее макрорегулирование в условиях глобализации», вышедшей в издательстве «ТЕИС» экономического факультета МГУ, и целом ряде статей в коллективных монографиях ЦОН. Исследование системы общественных потребностей, их типологии и механизма формирования привело к выводу о наличии специфической общественной потребности — потребности общественного развития. Предстоит выявить специфику подхода к ней с точки зрения философии хозяйства и политэкономии развития — направления, заявленного политэкономическим сообществом как альтернатива ранее существовавшим течениям политической экономии.

В рамках современной школы философии хозяйства, на наш взгляд, концептуально интересны и актуальны следующие направления исследования:

- соотношение политэкономии развития и философии хозяйства;
- разработка целостной концепции общественной потребности развития;
- поиск альтернативного экономическому Постмодерну вектора движения.

Отметим, что современные варианты рыночной экономики нацелены на формирование потребительских моделей поведения и ведут в социальный и экономический тупик. Обслуживающая их экономическая теория, прежде всего экономикс, провозглашает в качестве базовых постулатов безграничность материальных потребностей и ограниченность ресурсов, что в условиях становления информационного общества не является бесспорным. Назрела потребность в переосмыслении многих господствующих в современной экономической теории положений. Постановка вопроса о политэкономии развития предполагает рассмотрение вопроса о новом категориальном аппарате, о его центральных категориях. На наш взгляд, центральной категорией политэкономии развития следует признать общественную потребность развития. Общественная потребность развития, по нашему мнению, является важнейшим понятием и философии хозяйства. Однако философия хозяйства и политэкономия развития при обращении к общественной потребности развития фокусируют исследование на разных аспектах социохозяйственного пространства. Для философии хозяйства важнейшими проблемами являются поиск смысла хозяйства, формиро-

вание гуманистически ориентированного общества — с этой позиции идет и обращение к понятию общественной потребности развития. Политэкономика развития по-новому ставит проблему общественного развития и оценки его результатов, общественная потребность развития высвечивает формирование новых экономических форм и отношений.

Подчеркнем — разработка целостной концепции формирования общественной потребности развития предполагает исследование общественного воспроизводства, вектора социально-экономической эволюции, всестороннее рассмотрение процесса формирования системы общественных потребностей. При этом отметим, что проблема общественной потребности развития и процесса ее формирования в современных хозяйственных системах в настоящее время концептуально не представлена в обществоведческой науке. Актуальность подобного рода исследований усиливается в связи с провозглашенным экономическим курсом на становление инновационной экономики.

Научное взаимодействие с ЦОН позволило предложить научному сообществу исследование категории общественной потребности развития. Концепция исследования предполагает раскрытие феномена общественной потребности развития на основе критического переосмысления концепций и положений классической политэкономии, отечественной социохозяйственной мысли и институционализма применительно к современным пореформенным обществам посредством:

- выявления и обоснования общественных потребностей вообще, их особенностей в сравнении с частными;
- определения общественной потребности развития как важнейшей общественной потребности, возникающей для современного пореформенного общества;
- выявления условий и механизмов формирования и реализации общественной потребности развития в пореформенных обществах, в частности, в России;
- обоснования перспективы проекта развития национального хозяйства России в русле практической реализации возникающей в пореформенном обществе общественной потребности развития.

На наш взгляд, правомерны введение в научный оборот категории общественной потребности развития, рассмотрение ее с позиции политэкономии развития и с позиции философии хозяйства. В этом направлении предполагаю дальнейшее сотрудничество с ЦОН.

Вл.В. ЧЕКМАРЕВ

**Экономическая безопасность в интерьере
философии хозяйства**

Аннотация. Рассматриваются и анализируются проблемы экономической безопасности страны в контексте философии хозяйства.

Ключевые слова: экономическая безопасность, философия хозяйства.

Abstract. The article is devoted to problems of economic security of the country in an interior of philosophy of economy.

Keywords: economic security, philosophy of economy.

Хозяйство в контексте человеческой деятельности — процесс природопотребления, на основе которого осуществляется воспроизводство того или иного общества. Хозяйство в контексте экономической науки — ключевая категория, которая соединяет все экономические процессы с базовым природопотреблением. Философия хозяйства — это мировоззренческая (этическая) дисциплина, определяющая и прогнозирующая результаты отношений в системе «общество—природа» в рамках определенных исторических координат способа производства. В этом контексте воспроизводство человека определяется уже не как воспроизводство биологического существа, а как существа социального. И здесь именно философией хозяйства имплицитно вводится понятие безопасности. Но не безопасности выживания в «пищевой цепочке», а выживания совместно с окружающей средой. И это обстоятельство дает возможность вести речь о хозяйственной основе безопасности.

Философия хозяйства на основе применения пространственного подхода «приземляет» хозяйство на уровень особенного (страны, региона). Возникает ситуация анализа хозяйственно-экономической рефлексии разных, например, континентальных стран. И дело в том, что во внутренней логике социального развития не было места глобальным экономическим проблемам. Реализующийся в отдельном особенном принцип выживаемости фактически означал управление безопасностью. Не случайно у многих исследователей присутствует этническое измерение социально-экономического развития.

Философия хозяйства определяет социальные лифты как механизмы отрицательного отбора. Интеллект остается в среднем уровне, в верхнем — не востребуется. При этом закон разнообразия (в рамках

философии хозяйства применительно к мозаичности укладов хозяйствования на Земле) в качестве блага предполагает иерархию, «матрешку» Родины (малая Родина и т. п.). Но тогда именно экономическая безопасность выступает как предпосылка формирования гармонии человека и природы. Базисом гармонии выступает образование. Культуроцентричность образования предполагает экономическую безопасность страны, региона, с одной стороны, через наращивание интеллектоемкости производства, а с другой стороны — через этногеографический стиль (образ) жизни. Образование становится базисом базиса интеллектуалоемкого производства (А.И. Субетто). На наш взгляд, это объективная предпосылка воспроизводства всей социально-экономической системы общества.

В философии хозяйства в последнее время стали появляться «постмодернистские всходы», настойчивое декларирование отказа от «метафизики». На наш взгляд, это может привести к элиминации из сферы философии обширного комплекса мировоззренческих проблем, возникающих в процессе развития научного знания. Вместе с тем стремление искусственным путем внедрить в философию чрезвычайно узко понятые каноны научной строгости и точности также ведет к насильственному ограничению круга проблем, относимых к сфере философского анализа жизни. Следствие этого — все более явственно обнаруживающаяся бескровность, тусклость предлагаемых интерпретаций научного знания, все более углубляющийся отрыв этих интерпретаций от реального состояния жизни и ее реальной истории, от тех методологических и мировоззренческих проблем, с которыми постоянно сталкиваются в период бурного, динамичного развития общества.

Характерным примером ограничения сферы философского анализа хозяйствования в рамках постмодерна является, в частности, сознательный отказ от исследования «контекста открытия», т. е. той обширной сферы проблем, которая связана с изучением процессов получения нового знания. Сторонники постмодерна отрицают наличие каких бы то ни было логико-методологических закономерностей в этом процессе, считая единственно осмысленной задачей методологического анализа обоснование уже полученного знания, доведение этого знания до логического совершенства, т. е. построение строгой, законченной теории, описывающей определенную область действительности. Таким образом, объектом методологического исследования оказывалось не реальное противоречивое движение научного познания, а лишь одна из линий этого движения. Другими словами, существующее научное знание не столько исследуется в собственном смысле этого слова, сколько

оценивается — с точки зрения его соответствия некоторому идеальному состоянию.

Безусловно, в наши дни познание физики и химии живого развивается чрезвычайно быстрыми темпами. Не менее очевидны плодотворность и перспективность применения математических методов в различных разделах экономической науки. Однако и физикализация и математизация — лишь отдельные проекции того вектора, которым можно было бы описать весь сложный и противоречивый процесс теоретизации современной хозяйственной жизни общества. Перспективы развития философии хозяйства просматриваются в направлении «вбирания» в себя существующих ныне как бы обособленно дисциплин (направлений) философии экономики (при всех различиях хозяйства и экономики!) и философии образования.

Именно такой интерьер философии хозяйства у экономической безопасности личности и общества.

В конце XX в. прямолинейные методы утратили свою эффективность. Теперь в качестве ведущего можно идентифицировать образный метод рефлексии, который характеризуется приоритетом визуального над словесным, подсознательного над сознательным и отказом от рационализма, дидактизма и осмысленности в философии как мировоззренческой культуре, от следования установленным формам. В рамках этой культуры приобретают огромное значение новые смысловые коннотации, заимствованные из повседневной жизни, а также мифологемы, коренящиеся в коллективном бессознательном и имеющие архетипическую природу. Это свидетельствует об изменении манипулятивных механизмов науки.

В значительной степени эти изменения связаны с качественными изменениями, которые произошли через массовость науки. Масса ученых сегодня — это совокупность деперсонализированных индивидов, объединенных не участием в той или иной деятельности, а общностью потребляемой продукции — информации, имиджей, стереотипов, а также единством картины мира и системы ценностей. Это «контролируемая масса». И в постиндустриальном, и в информационном обществе она продолжает существовать и функционирует даже более активно, чем это было возможно в индустриальную эпоху.

Следует особо отметить, что угрозой безопасности России является падение статуса национальной культуры. В настоящее время наблюдается дезактуализация национальной культуры, которой отмечены процессы культурного строительства и в России, и в странах ближнего зарубежья и бывшего социалистического лагеря, а также во всех странах, подвергающихся влиянию глобализации. Возникает противо-

речие между государством-нацией и государством-корпорацией. Среди причин подобных процессов — резкое падение статуса национального государства и снижение его экономической самостоятельности, когда оно начинает ощущать себя некой гиперкорпорацией, все более управляемой законами универсального «глобального рынка». Сегодня стало популярным утверждение о падении значимости государства-нации, заменяемого более эффективным «государством-корпорацией», т. е. таким государством, для которого национальные приоритеты являются менее значимыми, чем интересы глобального рынка. О правомерности такой постановки вопроса свидетельствует то, что отдельные национальные государства вынуждены согласовывать собственные интересы с интересами тех стран, которые имеют на них экономическое или политическое влияние. При этом они утрачивают способность эффективно управлять экономическими процессами на самом разном уровне и вынуждены проводить реформы, часто не соответствующие собственным национальным интересам — снижать количество рабочих мест, искусственно уменьшать уровень внутреннего потребления, максимально повышая при этом выпуск продукции на экспорт. И это тоже проблема экономической безопасности в интерьере философии хозяйства.

Новый мир демонстрирует фактическую тоталитарность по отношению к «попыткам восстановить государственную индивидуальность, растворяемую в плавильном котле глобализма» (А. Неклесса).

Еще одной тенденцией, способствующей разрушению национальных культур, во многом обеспечивающих экономическую безопасность, является стремительная «макдональдизация» мира, которая в процессах глобализации приводит к универсализации культур. Она становится механизмом культурной экспансии и (если учитывать политическое и экономическое лидерство США) американизации культуры. Потребляемая повсеместно, эта космополитичная культура проникает сквозь государственные границы, нивелирует национальные особенности и создает культуру гомогенную, массовую, доступную всем и принимаемую всеми, претендующую на роль универсальной культуры эпохи глобализации. Вместе с культурой распространяются и ценности западной цивилизации, и ее мировоззренческая программа, основу которой составляет философия позитивизма и прагматизма с ее принципами инструментализма и операционализма.

Можно утверждать, что экономическое развитие и развитие социокультурное являются взаимообусловленными процессами. Некоторое время назад представлялось, что отказ от индустриализма и его установок на коллективный, физический и нетворческий труд автоматически приведет к развитию новых общественных отношений, а распро-

странение информационных технологий, увеличение в производстве значения менеджеров, расширение рыночных отношений и сферы услуг естественным следствием приведут к формированию информационного общества. Однако на практике деиндустриализация экономики стала источником новых социокультурных проблем.

Модернизация была задумана как способ выведения России на новый уровень технологического и социокультурного развития, как способ преодоления тех угроз, которые не были локализованы к 2009 г.

Между тем именно сегодня становится очевидным, что сектор тяжелой промышленности составляет основу любой экономики, и деиндустриализация, в том числе в высокотехнологичных секторах экономики, становится симптомом демодернизации и выступает как новая угроза экономической безопасности.

Для сохранения и поддержания национальной культуры и национальной экономики необходимо развитие системы образования, и именно национальное государство оказывается единственно способным создавать, поддерживать и осуществлять контроль над системой воспроизводства знания. Центрами воспроизводства национальной культуры являются университеты, библиотеки, музеи, сохраняющие и развивающие ее лучшие образцы. Образование как овладение системой рационального знания выступает в качестве условия формирования исторического мышления, связанного с восприятием истории как движения человечества по пути разума, а науки — как неограниченной в своих возможностях преобразования общества.

Кен Робинсон — один из самых известных международных экспертов в образовании — уверен, что в поиске своих талантов современным детям мешает система образования. Именно ее нужно менять, причем принципиально — и чем скорее, тем лучше. «Нынешнее образование опустошает наши умы, как мы опустошаем недра Земли», — заявляет Кен Робинсон в одной из своих знаменитых речей на ежегодных TED-конференциях, которые просмотрены и скачены миллионы раз.

К. Робинсон приводит данные лонгитюдного исследования: в детсадовском возрасте 98% испытуемых способны нестандартно, оригинально мыслить — быть «гениями дивергентного мышления». После того как они проучились в школе пять лет, таких остается только 32%, а к моменту ее окончания — единицы. Во время учебы детям твердят, что может быть только один правильный ответ на каждую задачу. Их убеждают, что списывать нечестно, тогда как за пределами школы то же самое называется сотрудничеством. «Проблема вовсе не в учителях, а в том, что так получается само собой, — это заложено в генах системы образования. Нужно изменить точку зрения на человеческий разум,

прекратить делить детей на способных и неспособных, а знания — на абстрактные, теоретические и профессиональные... Оценивая способности каждого человека в отдельности, разделяя учеников, мы создаем своего рода барьер между ними и естественной средой обучения. А еще необходимо менять саму структуру образовательных учреждений и отношение к учащимся». Это Кен Робинсон и называет изменением парадигмы. Ему аплодируют, с ним соглашаются — слушая лекции, читая книги. А потом... пишут новые, усовершенствованные программы для детей разных возрастов и составляют очередные тесты и единые экзаменационные задания.

Проблема обеспечения национальной безопасности в различных сферах жизнедеятельности граждан Российской Федерации становится все более актуальной. Это обстоятельство объясняется прежде всего многообразием факторов угроз и опасностей, огромными затратами государства на их идентификацию, предупреждение и защиту от них. В этих условиях на первый план выдвигаются проблемы безопасности социума: общества в целом, отдельной группы населения, личности. Все большее значение приобретает раскрытие понятия «национальная безопасность» через понятие «безопасность социума».

Надежное обеспечение экономической безопасности России во многом определяет дальнейшие пути развития и российского общества. Системное обеспечение экономической безопасности государства предполагает формирование культуры национальной безопасности человека. Имеющиеся в литературе различные подходы к определению понятия «культура безопасности» позволяют выделить два его аспекта — личностную характеристику человека и социальное явление.

Как личностная характеристика культура безопасности определяет характер и качественный уровень отношений между человеком и окружающей его средой, способствует развитию и реализации его личностных качеств, открывает возможность осознания человеком своего места в окружающем мире, важности проблем безопасности жизнедеятельности и приоритета всех форм позитивной жизни как обязательного условия существования личности в социуме.

Как социальное явление она способствует гармонизации взаимодействия человека с социумом и средой его обитания, служит средством развития всех сторон жизнедеятельности и одновременно определяет устойчивость формирования системы «человек — среда обитания».

Таким образом, культуру национальной безопасности можно представить как выражение зрелости и развитости всей системы социально значимых личностных качеств человека, как способ организации жизнедеятельности человека в различных условиях государственного и

национального развития, представленных в системе социальных норм, убеждений, ценностей, обеспечивающих сохранение его жизни, здоровья и целостности окружающего мира.

Ключевым моментом теории национальной безопасности является то, что для обеспечения безопасности социума на различных его уровнях (глобальном, национальном, региональном или личностном и т. д.) и в различных сферах жизнедеятельности определяющую роль играют как знания людей об опасностях окружающей среды и способах защиты от них, так и формирование у них культуры национальной безопасности. Последняя выступает в различных сферах жизнедеятельности как необходимое условие обеспечения устойчивого развития современной цивилизации.

Раздел III

В окаёмах Центра

М.А. РУМЯНЦЕВ

Метафизика катастроф

Да вы убили, Родион Романович. Вы и убили-с.

Ф.М. Достоевский

Аннотация. В статье с позиций метафизики и символического мышления рассмотрены проблемы мировых катастроф. Определены особенности катастроф в хозяйстве и в экономике. Дана типология катастроф. Выявлена специфика современных кризисных процессов в экономике.

Ключевые слова: катастрофа, хозяйство, экономика, рукотворные факторы, стоимость, субъекты.

Abstract. The article from the standpoint of metaphysics and symbolic thinking examines the problems of world catastrophes. The features of disasters in the economy are defined. Given the typology of disasters. The specificity of the contemporary crisis processes in the economy is revealed.

Keywords: Disaster, management, Economics, man-made factors, cost, subjects.

Панорамный взгляд на мир, развиваемый Ю.М. Осиповым и Центром общественных наук при МГУ, приоткрывает потаенное в хозяйстве, позволяет увидеть «края бытия» — Бога и дьявола, под знаком противоборства которых протекает хозяйственная жизнь человека и человечества. Хозяйство, по Ю.М. Осипову, есть реализация сознания, «работающая трансценденция». Благодаря сознанию Бог приходит в человека, уводит его от «зверя» [1]. Итак, хозяйство субъектно, и все его метаморфозы выражают онтологическую драму человека и его сознания, открывают врата Вечности и врата ада. В последнем случае наступит

пает время катастроф (катастрофа с греч. — переворот, поворот, конец, гибель). Логика гибельных разворотов находится за горизонтом человеческой логики, она невозможна с позиций научного видения, она ломает привычные линейные и циклические ракурсы восприятия хозяйственного кругооборота. Катастрофа представляет собой «невероятную фазу» трансформации системы, влекущую за собой роковые лавинообразные кризисы в экономике и в хозяйстве. Чтобы заглянуть за горизонт катастрофы, требуется обращение к метафизике — к тем метафизическим архетипам мировых катастроф, которые познаются символическим и образным, а никак не научным мышлением. Первая всемирная катастрофа произошла, когда первочеловек утратил свою трансцель, свою софийную цельность и был изгнан из вечности — в бездну грехопадения, в историю, в экономику и в хозяйство.

Вселенская катастрофа как архетип исторических катастроф

Антропологическое начало хозяйства, а затем и экономики — первородный грех. Грех с греч. означает «ошибиться», «промахиваться». Почему же промах Адама явился истоком личной драмы каждого человека и прообразом-архетипом хозяйственно-экономических катастроф? Как говорит Повествователь Книги Бытия, «И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла» (Быт. 2:9). Древо жизни открывало человеку путь к жизни, к сотворчеству и к сотрудничеству с Богом. О творческой, в полной мере софийной задаче человека свидетельствует одна из исходных интуиций христианства — интуиция дара творчества, полученного человеком от Бога:

- первочеловек получил силу от Создателя дать имена всем зверям полевым и птицам небесным (Быт. 2:19), т. е. силу познать и определить их место в мироздании;

- по слову Спасителя мира, «Верующий в меня, дела, которые Я творю, и он сотворит, и больше их сотворит» (Ин. 14:12); «Иисус отвечал им: не написано ли в законе вашем: Я сказал: вы боги?» (Ин. 10:34). Здесь просматривается исток творческой задачи человека в мире. Человеку, считал протоиерей Сергей Булгаков, подобает относиться к окружающему миру «как к саду Божьему, к возделыванию которого он призван» [2].

Когда апостол Павел был «восхищен до третьего неба», он услышал «неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор. 12:2—4). Более подробный рассказ о восхождении человека — уже на семь небес — мы находим в древнерусских апокрифических сказаниях «Книге Еноха» и «Видении пророка Исаяи» [3]. Человек должен

обожиться в сопряжении с Богом и через себя соединить с Богом все мироздание, одухотворить мир.

Адам, прельщенный змием через Еву, предпочел путь к смерти. Искуситель обольстил Еву: «...и вы будете как боги, знающие добро и зло. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел» (Быт. 3:5—7). Ева увидела сокровенное глазами бизнес-леди, и потребительницы: хорошо и удобно для пропитания, да вдобавок можно полезное знание получить. Однако, по словам св. Ефрема Сирина, «Насадивший древо познания поставил его посреди, чтобы отделяло оно и высшее и низшее, и святое внешнее и святое святых» [4]. Иными словами, само познание тайны священного никоим образом не является злом. Бог не закрыл от человека древо познания. Добровольное следование запрету «не есть» от древа познания приводило Адама на путь сотрудничества с Богом, требующий сохранения тайны, ореола священного в творческой сверхзадаче человека. Грехопадение отбросило человека на более низкий сакральный и экзистенциальный, технологический уровень. На уровень хозяйства и воспроизводства жизни: «В поте лица будешь есть хлеб свой». И на уровень экономики — на уровень комбинаторики и превращения священного в технологию всеобщего вменения: «вы будете *как боги*». «*вожделенно*, потому что дает знание».

Катастрофы в хозяйстве и в экономике проявляются как порча, как космический недуг, как искажения библейских архетипов творения. В библейском повествовании о сотворении мира используются два принципа-понятия: сотворение и создание. Творение Богом из ничего не допускает возникновения бытия из элементов хаоса. Творение — это возникновение чего-либо по принципу: от небытия — от того, чего раньше совсем не существовало — к бытию. В Книге Бытия о творении говорится только три раза: 1) сотворение неба и земли; 2) сотворение животных, являющихся «душою живою» и 3) сотворение человека. Все остальное Богом создано и возникает не из небытия, а из предшествующей сотворенной основы [4] — как своего рода хозяйствование.

Хозяйство как создание условий воспроизводства жизни периодически сотрясается катастрофами, порожденными рукотворными «промахами» и «заблуждениями» — зигзагами сознания и мышления властных элит и народа. Катастрофы в экономике порождены люциферрианской интенцией пародировать творение и пересотворить мир, встроить в хозяйственную жизнь демиургическое псевдобожественное стоимостное начало.

Архетипы хозяйственных катастроф

Король Лир: разрушительные реформы. Фактор чужебесия.

Поначалу Лир был суровым и мудрым властелином. Он выиграл все войны, установил мир и порядок в королевстве. И вот ему показалось, что государственная машина будет слаженно работать и без его воли и трудов, а он станет всеми почитаемым гарантом стабильности. Тогда он начинает свои безумные реформы: разделяет царство и делает роковые кадровые ошибки («хорошие дочери» Гонерилья и Регана преступают закон почитания родителей, а изгнанная «плохая дочь» Корделия безуспешно пытается спасти отца). И тогда катастрофа хаоса и междоусобиц постигает обустроенное королевство обезумевшего Лира.

О Лир! Лир! Лир!
Стучи в ту дверь,
Откуда ты позволил
Уйти уму.

(В. Шекспир).

Гибельные реформы часто порождаются чужебесием или насильственным навязыванием искусственной для данных условий места и времени модели хозяйствования. В контексте российского реформирования весьма поучителен рассмотренный Л.Н. Гумилевым опыт разрушительной реформы из истории Вавилона конца VI в. до Р. Х. После женитьбы царя Навуходоносора на египетской принцессе в Вавилон прибыла ее свита из образованных египтян, которые предложили на основе передового тогда египетского опыта мелиорации построить новый канал и увеличить орошаемую площадь. Канал был сооружен, что привело к катастрофе: почвы близ Вавилона засолились, земледелие перестало быть рентабельным, жители уходили из города. В результате Вавилон потерял значение центра мировой силы и впоследствии был завоеван. «Если бы царем был местный житель, — резюмирует Гумилев, — он понял бы, какие губительные последствия несет непродуманная мелиорация, либо посоветовался бы с земляками, а среди них нашлись бы толковые люди. Но царем был халдей, войско составляли арабы, советники были евреи. Египетские же инженеры, первые в истории технократы, перенесли свои приемы мелиорации на Евфрат механически... Самым трагичным было то, что мигранты вступали с аборигенами в обратную связь. Они их поучали, вносили технические усовершенствования, годные для родных ландшафтов мигрантов, а не для тех мест, куда они их механически переносили. И подчас губительные воздействия становились необратимыми» [5].

Собственно, разрушительные бездумные реформы при кадровых просчетах и утрате воли правящим классом а-ля Лир, усиленные чужебесием, явились первопричиной российских катастроф XX в.

Эдип и царь Давид: рок катастрофы и бремя народа. В поврежденный после грехопадения мир раскол вносит именно свободная воля человека, через которую в мир вносятся распады и нестроения, и разворачивается механизм катастрофы. Зло и грех содержатся не в природе, а в воле, которая — в силу ограниченности знания и неполноты личности — может принять ложный путь за истинный и благонамеренно привести к катастрофе. Подобный тип катастрофы представляет собой роковую неизбежность истории.

Трагедия царя Эдипа общеизвестна, но поучительна. Однажды Эдип, будучи взрослым юношей и приемным сыном царя Коринфа, решил узнать тайну своего рождения и отправился к оракулу, в Дельфы. Оракул дал прорицание, что ему суждено убить отца и жениться на матери. И вот здесь начинается череда ошибок благонамеренного Эдипа. Сначала он пришел в ужас от мысли, что царь Коринфа и есть его родной отец. Эдип бежал. Далее, оказавшись на перекрестке трех дорог, он свернул именно на ту, на которой случайно поспорил с мужчиной, бывшим его отцом, и убил его. А ведь Эдип был мудр (разгадал загадку Сфинкса и успешно правил Фивами). В конце концов боги разгневались на него за инцест и отцеубийство и наслали на Фивы чуму, косившую ежедневно сотни жизней. Эдип, невольный нарушитель космических законов, подверг свой город мести неукротимых стихий, а себя — добровольному ослеплению, нищете и изгнанию. За неизбежные в истории промахи и ошибки властителя отвечает народ.

Царь Давид в наказание за роковую ошибку (он *сосчитал* народ в ответ на гнев Господа, подвергся *вожделению* счета) был подвергнут каре и должен был выбирать одно из трех наказаний для своего народа. «Избирай себе, быть ли голоду в стране твоей семь лет, или чтобы ты три месяца бегал от неприятелей твоих и они преследовали тебя, или чтобы в продолжение трех дней была моровая язва в стране твоей?» И сказал Давид: «...только бы в руки человеческие не впасть мне. И избрал себе Давид моровую язву во время жатвы пшеницы» (2 Царств. 24:13, 14). Но Давид промахнулся, в первый же день от язвы умерло 70 тысяч человек. И только его моления и жертвы отвратили гнев Господа на Израиль и Иудею.

Ошибки даже самого мудрого благонамеренного правителя подобны року для народа. Но бывают коллизии, вызванные злонамеренностью властителей.

Акакий Акакиевич Башмачкин и инвалид Копейкин: инфернальный бунт против власти. Целеполагание как идеальное волевое отношение человека к труду лежит в основании хозяйственной иерархии. По мере движения от целей исполнительской деятельности к целям идеально-духовным онтологический статус человеческой деятельности возрастает. На иерархии целей базируется власть, которая благодаря этому приобретает возможность для злоупотреблений и неэквивалентных обменов. Тем не менее, принцип иерархии, соподчиняющий низшее высшему, есть всеобщее условие устойчивости хозяйственных систем. Как известно, св. отцы считали, что любая форма власти стоит на пути антихриста, «удерживает» мир от апостасии. Но если асимметрия властного и исполнительского сегментов приобретает гипертрофированный характер ввиду несправедности власти, то провоцируется бунт против иерархий — восстание против духовного начала, бунт «падшего ангела».

Герой гоголевской «Шинели» Акакий Акакиевич Башмачкин, униженный и оскорбленный «значительным лицом», после несчастной кончины своей явился в фантастическом качестве. «По Петербургу пронеслись вдруг слухи, что у Калинкина моста и далеко подальше стал показываться по ночам мертвец в виде чиновника, ищущего какой-то утащенной шинели, и под видом сташенной шинели сдирающий со всех плеч, не разбирая чина и звания, всякие шинели: на кошках, на бобрах, на вате, енотовые, лисьи, медвежьи шубы, словом, всякого рода меха и кожи, какие только придумали люди для прикрытия собственной. Один из департаментских чиновников видел своими глазами мертвеца и узнал в нем тотчас Акакия Акакиевича; но это внушило ему такой страх, что он бросился бежать со всех ног и оттого не мог хорошенько рассмотреть, а видел только, как тот издали погрозил ему пальцем».

Еще один оскорбленный бездушной административной властью — капитан Копейкин из «Мертвых душ» — встает во главе шайки разбойников в рязанских лесах. Инфернальный ужас бунта инвалида Копейкина, лишившегося руки и ноги в наполеоновских войнах, ощущается именно как ин-валидность, как потеря самооценности человека и как уродство, насилующее гармонию бытия. В глубинах хозяйства, как бы сложно и стройно оно не было организовано, таится бездна всеразрушающего хаоса, проступающего на поверхность в виде бунтов, революций и социальных катастроф — в результате окостенения власти и потери творческой пассионарности элитами и народом.

Катастрофы в экономике

Царь Мидас: демиургия золота (стоимости) и утрата разумности. Жажда богатства владела Мидасом, царем Фригии. Захватив учителя Диониса — всегда пьяного и мудрого сатира Силена, Мидас в награду за его освобождение пожелал, чтобы все, к чему он прикоснется, превращалось в золото. Золото стало всем. Но в золото стала превращаться и пища, что грозило голодной смертью, и он умолил Диониса снять чары. Такая коллизия не прошла безболезненно для рассудка Мидаса. Когда он был судьей на музыкальном состязании Аполлона и козлоного лесного бога Пана, он присудил победу последнему, за что был наделен ослиными ушами.

В истории Мидаса просматривается вся последующая демиургия стоимости и капитала. Совершенно ясно, что самовозрастание стоимости не имеет в себе внутренних границ, ее природа требует бесконечного и непрерывного расширения. В «золото Мидаса» (стоимость) ныне превращается любая вещь, любой артефакт жизни и деятельности человека. Особые, прежде противостоящие экономизму содержания науки и культуры, образования и искусства, политики и права, солидарные механизмы воспроизводства жизни человека превращаются в нематериальные пространства для экспансии стоимости. Более того, по мере исчерпания реальных объектов стоимостной демиургии, для безграничных метаморфоз стоимости были созданы искусственные рукотворные мега-рынки — в области гипертрофированного потребительского спроса, в долговой экономике, в ирреальном прелестном финансовом секторе. Все возможные и невозможные, реальные и фантастические миры стали объектами расширенного накопления стоимости (капитала).

Но, как учит нас диалектика, если вещь не имеет границ, то ее просто нет. Прикосновение Мидаса к запредельным метаморфозам золота, лишило его рассудка и логики, за что он был наделен ушами осла. Подобная ловушечная структура девиантного мышления проявляется в современности, когда статус реального вменяется только стоимостным отношениям, включающим в контекст «логики рынка» все хозяйственные воспроизводственные процессы. Экономисты фактически отказались от понятия развития, заменив его описанием всевозможных изменений: появлением новых институтов, новых технологий, новых факторов и условий производства. Подчас изменения наивно сводятся к количественным изменениям ВВП, уровня цен или других макроэкономических индикаторов. Но все это — лишь знаки скрытой за ними хозяйственно — экономической реальности, трансформации которой остаются за рамками «экономического мышления». Ослиные уши царя

Мидаса прозрачно проступают и в современных деформациях рационального (разумного) мышления. Стоимостная нумерологическая рационализация, став вездесущей, утратила какую-либо привязку к разуму, на практике оказавшись патологией, в лучшем случае девиацией сознания и мышления. Например, показательно, что самым дорогим из когда-либо выставлявшихся на открытых аукционах художников является Ф. Бекон. На его далеко не бесталанных картинах, продающихся за рекордные аукционные цены, изображены именно отвратные патологии тела и духа. В эпоху «сна разума» нормой становится иррациональное, девиантное, патологическое.

Беспредельная гегемония стоимости в современном мире и вырождение рационального мышления показывают, что современный мировой экономический кризис носит не циклический или финансовый, а системный и катастрофный характер.

Мефистофель: зло на службе блага и сумерки капитализма. Мефистофель, с греч. — ненавидящий свет, и с др.-евр. — лжец-разрушитель, олицетворяет искусительный союз между бесом, духом зла и человеком. Экономика и экономическая наука возникли как искушение превратить эгоистические пороки человека в добродетели экономического процветания — в качестве своеобразной мифологии капитализма, базирующейся на снятии христианских этических ограничений с роста денег и потребления.

Мифология капитализма возникла тогда, когда оперирование с количеством (рост ВВП, доходов, потребления) стало определять благополучие человека и его «добродетели». Поэтому в экономическом контексте маркировка добра и зла, добродетелей и пороков в хозяйственной жизни не возможна. Когда мы говорим о «фармацевтическом бизнесе», воспроизводящем болезни, о растущих продажах оружия и эскалации вооруженных конфликтов, об «экологическом бизнесе» — бизнесе на экологических фобиях, о бизнесе «образовательных услуг», о рекламе ложных социальных стоимостей или продажах ГМО, то как определить где кончаются пороки и начинаются добродетели? Между прочим, благодаря этим «порочным сегментам» получают рабочие места и воспроизводят свои жизни миллионы людей. Не секрет, что спусковыми механизмами технологических волн в экономике явились две мировые войны. Иными словами, артефакты техногенной цивилизации, которыми с удовольствием пользуются современные потребители, своим происхождением обязаны массовым убийствам людей. «Мегазлоупотребление потреблением» домашних хозяйств оказалось сильнодействующим фактором экономического роста (до кризиса 2008—2009 гг.).

Оборотничеству зла и блага, пороков и добродетелей в экономике несть числа.

Идеи о человеческих страстях, служащих благу — буржуазным добродетелям, на которых Б. МанDEVиль, А. Смит, И. Бентам основали экономический дискурс, имеют глубокие религиозно-философские истоки. Об оправдании зла на службе блага писали профессора теологии и по совместительству инквизиторы XVI в.: «Бог настолько сострадателен, что не допустил бы зла в своих творениях, если бы не был столь всемогущим и добрым, чтобы превращать зло в добро... Через преступления повышается нравственность, через наказания — наслаждения, а через вредительство — высшая польза» [6]. На языке философии эту мефистофельскую теодицею выразил Гегель: «Можно назвать *хитростью разума* то, что он заставляет действовать для себя страсти, причем то, что осуществляется при их посредстве, терпит ущерб и вред... Частное в большинстве случаев слишком мелко по сравнению со всеобщим: индивиды приносятся в жертву и обрекаются на гибель. Идея уплачивает дань наличного бытия и бренности не из себя, а из страстей индивидуумов» [7].

Истолкования Бога и дьявола, разума и страстей, пороков и добродетелей в качестве ступеней, ведущих к цели, снимает их антиномию и в исторической перспективе уничтожает саму проблему личного выбора между ними. Когда «добродетели» и «пороки» становятся алгоритмами рационализации в культуре и экономике, в политике и власти, то выбор человека механизмуется, лишается разумности и мощи личного произволения — воли. Повсюду происходит практически повсеместное искусственное — и самым рукотворным образом вменяемое — исключение человеческого фактора из общественно-хозяйственных процессов. В экономике, медицине, образовании, науке, политике, как и в других областях жизнедеятельности, навязываются тотальная регламентализация и институализация любой человеческой активности.

Усиление девиантных тенденций и вырождение базовых структур современного — позднего — капитализма вовсе не означают его немедленной гибели и перехода к новому хозяйственному устройству. Исчерпав пределы стоимостной демиургии, капитализм имитирует развитие в своих периферийных, прежде некапиталистических культурных, территориальных и когнитивных пограничных зонах за счет нарастающих манипуляций и оптимизаций перераспределительного характера. Дальнейшая демиургия стоимости будет идти по линии ее нарастающей несовместимости с всеобщими основами воспроизводства жизни человека (культура, наука, образование) и с творчеством. Стоимостные отношения вырождаются в отношения вменения статусов и доходов, ко-

торые остаются в исторических пределах капитализма и внедряются в него в качестве руководящего административного принципа воспроизводства стоимости в расширенном масштабе. Весьма вероятным становится демонтаж социальных государств и построение пирамидальной структуры власти-собственности с неожреческой властью новых нумерологических элит кастового типа. Развернувшийся ныне трансформационный кризис капитализма усилит конкуренцию общественно-хозяйственных альтернатив и региональных макросубъектов, что неизбежно приведет к эскалации агрессии и конфликтов, к войнам и социальным потрясениям.

Заключение

Можно заключить следующее

1. Природа и особенные формы проявления мировых катастроф познаются не научным, а метафизическим мышлением.

2. Вселенская (библейская) катастрофа грехопадения отбросила человечество на более низкий творческий и экзистенциальный уровень, на уровень профанации и технологизации священного, что явилось архетипом последующих исторических катастроф.

3. Катастрофы в хозяйстве порождены рукотворными факторами — фатальными промахами, заблуждениями и ошибочными решениями субъектов управления и власти. Катастрофы в экономике порождаются демиургией стоимости, пародирующей творение и пересотворяющей мир в лишенное внутренних границ постчеловечество.

4. В современном мировом кризисе сопрягаются и смешиваются основания хозяйственных и экономических катастроф, что в условиях деформации мышления чревато необратимыми последствиями.

5. Антикатастрофный тип развития базируется на усилиях пассионариев, способных на сверхнапряжения и жертвенность, на разработку и волевою реализацию новых общественно-хозяйственных стратегий.

6. В условиях гегемонии вмененного стоимостью девиантного мышления, или логики рынка, появление «субъектов стратегического действия» (термин А.И. Фурсова) и «людей длинной воли» (термин Л.Н. Гумилева) невозможно.

7. Картина реальности в экономической науке — будто бы «объективной» и «от воли людей не зависящей» — не соотносится ни с открытиями современной науки о человеческом сознании как активной части физической реальности, ни с христианским взглядом на человека, способного к личной встрече с Богом и, следовательно, к сознательному

волевому творчеству. Для подготовки новых элит требуется философско-хозяйственный подход.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Обретение. М., 2011.
2. *Булгаков С.Н.* Православие. Очерки учения православной церкви. Киев, 1991.
3. Апокрифы Древней Руси / Сост., предисл. М. Рождественской. СПб., 2008.
4. *Зенько Ю.М.* Основы христианской антропологии и психологии. СПб., 2007.
5. *Гумилев Л.Н.* Этносфера: истории людей и история природы. М., 1993.
6. *Шпренгер Я., Инститорис Г.* Молот ведьм. Саранск, 1991.
7. *Гегель Г.* Философия истории // Гегель. Соч.: В 8 т. Т. 8. М, 1935.

И.Ю. ФОМИЧЕВ

Консьюмеризм, последние люди и «танцующая звезда»

Аннотация. Рассматриваются проблемы современного общества массового потребления: феномен «довольного сознания», стандартизированная духовность, статусное потребление. Утверждается, что рост материального благополучия не означает подъем духовности — и существуют общественные группы, объединенные духовными, идейными и эстетическими ценностями.

Ключевые слова: консьюмеризм, потребительство, «довольное сознание», демонстративное потребление, статусное потребление.

Abstract. The article is devoted to problems of modern society of mass consumption, phenomenon of «happy consciousness», «standard» spirituality, status consumption. The author arguments that growth of material welfare does not mean rise in spirituality and there are public groups united by cultural, ideological and esthetic wealth.

Keywords: consumerism, «happy consciousness», demonstrative consumption, status consumption.

Всегда существуют практические аспекты поступательного социального развития, которые противоречат приподнятому настроению его апологетов и попадают в список неудобных концепций становления хозяйственной практики. Так, например, рост благосостояния российского общества в последние пятнадцать лет, несмотря на разнообразные кризисы, заметен и фиксируется в различных его аспектах. Наверное, никогда прежде национальное хозяйство не располагало таким богатством материальных ресурсов. В то же время параллельно умножению материально-ресурсной базы формируются феномен гипертрофированного потребления, социальная этика и психология потребительства, которые воспринимаются в качестве негативных тенденций в социуме.

Можно также утверждать, что в данном случае речь идет о всеобщем и глубинном сдвиге, характерном для эволюции каждого современного общества. Примечательно, что даже африканские беженцы, плывущие с риском для жизни из Ливии на итальянский остров Лампедуза, признаются европейским миграционным властям, о своем желании приобщиться к местному образу жизни именно с этой потребительской стороны. В чем, собственно, нет ничего предосудительного, поскольку а) мы реально живем в обществе потребления и б) человек обречен именно через разные формы потребления воспроизводить все разнообразие собственного бытия.

Определенного рода негативные социальные оценки возникают, как правило, только при наличии избыточного потребления, причем именно в материальной сфере. Соответствующим образом возникает специфический понятийный аппарат. Надо заметить, что интенсивно эксплуатируемый для характеристики положения дел в этой области термин «консюмеризм» первоначально (в 1960-х гг.) обозначал такое социальное явление, как движение в защиту прав потребителей, организованные действия граждан, направленные на гармонизацию отношений производителя и покупателя товаров или услуг. Последние четверть века этот же термин чаще употребляется для обозначения явлений сверхпотребления, нездоровой социально-психологической зависимости, маниакального шопинга. Более определенно, возможно, звучит другой термин, использованный американцем Дж. Де Граафом в книге «Потреблятьство: болезнь, угрожающая миру» [1], где явление перепотребления рассматривается как особого рода психическое и социальное заболевание.

Для обществоведческого анализа складывающейся ситуации самым естественным, на первый взгляд, методом было бы призвать на помощь безотказную и как бы вполне надежную сентенцию о перманентной деградации буржуазного социума. Однако дело обстоит, как

представляется, определенно сложнее. В культуре современного общества (в определенной степени и российского) произошли серьезные качественные изменения, решающим образом изменилась сущность протекания социально-нравственных процессов. В классические времена становления буржуазных отношений важнейшим социальным функционером выступал Марксов «экономический человек» с его аскетическим моральным сознанием: «Чем ничтожнее твое бытие, чем меньше ты проявляешь свою жизнь, тем больше твое имущество... тем больше твоя отчужденная жизнь, тем больше ты накапливаешь своей отчужденной сущности» [2, 602].

Протестантскую этическую доктрину описал М. Вебер, фиксировавший ее суть, во все большей наживе при полном отказе от наслаждения, даруемого деньгами, от всех эвдемонистических или гедонистических моментов. Эта нажива мыслится как самоцель, что становится чем-то трансцендентным и даже просто иррациональным по отношению к «счастью» или «пользе» отдельного человека. В этой концепции нет места приобретательству, которое призвано служить средством удовлетворения человеческих потребностей, а все человеческое бытие, напротив, должно служить наживе, являющейся целью и смыслом жизни.

В наше время аксиологическая версия социального бытия существенно изменилась. Капиталистическая сущность буржуазного образа жизни, конечно, не исчезла. Нажива как социально-экономический феномен, скорее всего, тоже вряд ли исчезнет из человеческого общества, но внешне проявленными доминирующими социальными регуляторами постепенно становятся ценности «потребительского человека». Потребление выступает не только как экзистенциальное наслаждение, реализующееся через модусы приобретения и развлечения, оно воспроизводит систему социальных механизмов, определяющих соответствующую совокупность символов и «правила игры», направляющих и в определенной степени гармонизирующих человеческие взаимодействия в обществе.

Потребительские практики формируют своеобразную систему социальных статусов. Пожалуй, нигде так, как в рыночной мифологии, потребительские стандарты не символизируют личностное достоинство. Поэтому рыночному индивиду и его окружению удобнее и очевиднее уяснить, чего он стоит, принимая во внимание его возможности потреблять, нежели чем понять, кем он как личность является на самом деле. В каких магазинах ты делаешь покупки, на каком автомобиле едешь, в каких местах отдыхаешь, в каком районе живешь и т. п. — все приобретает статусную окраску и определяет социальную принадлежность. Население дифференцируется по определенным социальным кластерам,

внутри которых социальные напряжения не очень антагонистичны ввиду примерной равноценности потребительских притязаний. В то же время порождаются и несомненные поведенческие девиации, такие, например, как условно-статусное, демонстративное, показное потребление, стремление соответствовать в потреблении своей референтной группе или, что еще хуже, стремление перейти в более престижный социальный отсек и благодаря «превентивной жертве» к новому уровню потребительского стандарта.

Потребительские практики обладают несомненным воспитательным потенциалом, формируя вкус (того или иного эстетического масштаба), коммуникационные привычки (не менее разнообразные), ориентиры сближения и дистанцирования, моральные нормативы и стандарты образа жизни — т. е. те необходимые элементы социальной поведенческой культуры, которая задается потребительским обществом. Консюмеризм реализует функцию интегрирования индивида в общество. При этом подавляющее большинство населения принимает и вместе с тем принуждается к приятию ценностей этого общества. В то же время потребительство формирует стремление к достижению социального превосходства через практику условно-престижного потребления, появление поведенческих стереотипов демонстративности и вычурности в контексте индивидуального самоосуществления, нахождения своего места в мозаике социокультурных взаимодействий.

Одним из важных обстоятельств, на которое необходимо обратить внимание в функционировании современного потребительского общества, является то, что духовное потребление в этих условиях оказывается все более невостребованным. На потребление товаров и услуг тратится гораздо больше средств, чем на образование и культурное развитие, причем последнее эволюционирует в сферу эталонов массовой культуры. Современный человек, как правило, не имеет соответствующей подготовки и не способен в необходимой мере ассимилировать богатства высокого культурного наследия, которое, по идее, выражает его собственную кристаллизованную сущность. В западной и российской социологии общим местом является утверждение, что большинство людей усваивают знания и ценности в нерасшифрованном виде готовых положений и выводов, адаптированных под уровень массового сознания. Массовое потребительское общество своим образом существования заставляет человека пассивно потреблять неорганичные его существу смыслы и формирует стандартизированную духовность, моральную нищету. Авторы упоминаемой выше книги про «потребительство» свидетельствуют, что когда Мать Тереза приехала в Соединенные Штаты для получения почетной ученой степени, она сказала: «Это са-

мое бедное место из всех мест, где я когда-либо была, — рассказывает Роберт Сейпл, директор благотворительной христианской организации “Видение мира”. — Она говорила не об экономике, взаимных фондах, Уолл-стрит и покупательной способности, — добавляет он. — Она говорила о нищете души».

Нечто подобное говорил ницшевский Заратустра, пришедший к людям и обнаруживший общество «последних людей». «Земля стала маленькой, и на ней копошится последний человек, который все делает таким же ничтожным, как он сам. Его род неистребим, как земляные блохи: последний человек живет дольше всех.

“Счастье найдено нами”, — говорят последние люди, бессмысленно моргая.

Они покинули страны, где было холодно, ибо нуждались в тепле. Они еще любят ближнего и жмутся друг к другу — потому только, что им нужно тепло...

Нет пастыря, есть одно лишь стадо! У всех одинаковые желания, все равны; тот кто мыслит иначе, добровольно идет в сумасшедший дом.

“Прежде весь мир был безумным”, — говорят самые проницательные из них и бессмысленно моргают.

Все они умны, они все знают о том, что было: так что насмешкам их нет конца. Они еще ссорятся, но быстро мирятся — сильные ссоры нарушили бы их покой и пищеварение.

Есть у них и свои маленькие удовольствия: одно — днем, другое — ночью; но более всего они пекутся о здоровье.

“Мы открыли счастье”, — говорят последние люди и бессмысленно моргают» [3, 14 — 15].

По-видимому, еще во времена Ф. Ницше теоретически или эмпирически фиксировалась та социальная закономерность, согласно которой буржуазное общество в том или ином масштабе формирует так называемый феномен «довольного сознания», т. е. некоторой совокупности соответствующих социальных экспектаций и жизненных идеалов в духе модернизированного гедонизма, отождествляющего хорошее с приятным. Это вполне в природе человека, когда он желает получать от жизни больше удовольствий и всячески избегает страданий. Нет ничего лучше удовольствия, кроме еще большего удовольствия — так полагает истинный гедонист. По мере совершенствования производства разнообразных потребительских ценностей растут возможности и масштабы потребительских практик и приносимых ими удовольствий, которые постепенно вытесняют интеллектуальные и духовные потребности, и мы эмигрируем в мир консьюмеризма.

Однако остается еще и Заратустра и его «танцующая звезда». «Я говорю вам: надо иметь в себе хаос, чтобы родить танцующую звезду. Я говорю вам: в вас пока еще есть хаос». В человеческом сознании всегда существовали альтернативные гедонизму ценности, отвергавшие спасительную миссию бытийного уюта, обладающую якобы столь ободряющей степенью общественного признания, что можно говорить о «конце истории». Джордж Оруэлл, к фантазмагориям которого можно по-разному относиться, в своей рецензии на книгу «Майн кампф» в 1940 г. весьма проницательно заметил, что Гитлер тонко «постиг лживость гедонистического отношения к жизни. Со времен последней войны почти все западные интеллектуалы и, конечно, все “прогрессивные” основывались на молчаливом признании того, что люди только об одном и мечтают — жить спокойно, безопасно и не знать боли. При таком взгляде на жизнь нет места, например, для патриотизма и военных доблестей. Социалист огорчается, застав своих детей за игрой в солдатики, но он никогда не сможет придумать, чем же заменить оловянных солдатиков; оловянные пацифисты явно не подойдут. Гитлер, лучше других постигший это своим мрачным умом, знает, что людям нужны не только комфорт, безопасность, короткий рабочий день, гигиена, контроль рождаемости и вообще здравый смысл; они также хотят, иногда по крайней мере, борьбы и самопожертвования, не говоря уже о барабанах, флагах и парадных изъявлениях преданности. Фашизм и нацизм, какими бы они ни были в экономическом плане, психологически гораздо более действенны, чем любая гедонистическая концепция жизни. То же самое, видимо, относится и к сталинскому казарменному варианту социализма. Все три великих диктатора (третий, по тексту — Наполеон. — *И. Ф.*) упрочили свою власть, возложив непомерные тяготы на свои народы. В то время как социализм и даже капитализм, хотя и не так щедро, сулят людям: “У вас будет хорошая жизнь”, Гитлер сказал им: “Я предлагаю вам борьбу, опасность и смерть”; и в результате вся нация бросилась к его ногам» [4].

Гитлеризм, конечно, крайний из всех возможных примеров. Но были и другие идеологические борцы — разного рода революционеры — большевики, Че Гевара и Фидель Кастро, донецкие ополченцы, наконец; участники различных общественных движений, религиозных и политических объединений, которые не обещают людям потребительских благ, но бросают вызов спокойствию и благополучию и решительно устремляются навстречу судьбе ради осуществления идеи. И люди идут за ними и борются вместе с ними. В современном обществе одновременно существуют социальные группы, участники которых взаимосвязаны консьюмеристскими практиками — т. е. тем, что можно приобре-

сти на потребительском рынке, и общественные группы, объединенные различными идеями, нравственными, эстетическими, политическими и другими ценностями, которые формируют духовную жизнь социума. Рост уровня потребления в обществе означает рост ВВП и является показателем экономического прогресса. Но материальное прямо не редуцируемо к идеальному, рост материального благополучия не означает подъем духовности. Материальные ценности для большинства людей всегда привлекательнее идеальных, и консюмеризм в массовом масштабе порождает отчуждение общественного человека от духовности. Однако человеческая история свидетельствует, что в хаосе бытийного уюта, в этой душе нового бездушного мира, всегда таится «танцующая звезда», которая однажды родится и провозгласит: «Я призываю вас не к работе, а к борьбе. Я призываю вас не к миру, а к победе. Да будет труд ваш борьбой и мир ваш победой!» [3]. И мало никому не покажется.

Литература

1. Ванн Д., Нэйлор Т. Х., Де Грааф Дж. Потреблятьство. Болезнь, угрожающая миру. Екатеринбург, 2005.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
3. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 1990.
4. http://www.dolit.net/author/1523/ebook/16658/oruell_djordj/retsen_ziya_na_mayn_kampf_adolfa_gitlera/read.

М.М. ГУЗЕВ

Битва за ресурсы: последний парад наступает

Аннотация. Рассматриваются вопросы обострения борьбы за ресурсы планеты, особенно человеческие, неэффективность современной модели хозяйственного развития России, что может привести к расширению ее ресурсов, социально-политическому и экономическому краху.

Ключевые слова: битва за ресурсы, противоречия, модель развития, демографический кризис, эмиграция, интеллектуальный потенциал, Россия, безопасность.

Annotation: The article is devoted to the questions of the aggravation of the struggle for the world's resources, especially human recourses, and the inefficiency of the economic development model of Russia. The foregoing

problems can lead to plundering of the country's resources, a social, political and economic meltdown.

Keywords: struggle for resources, contradictions, a development model, demographic crisis, emigration, intellectual potential, Russia, security.

Борьба за ресурсы принимает планетарный характер. Время локальных конфликтов проходит, надвигаются планетарные потрясения. Локальные конфликты не то чтобы исчезли, они сохраняются и будут возникать вновь и вновь, просто не они уже выявляют основные направления, формы и глубину планетарных противоречий.

Главное противоречие — между гипертрофированными потребностями горстки «передовых» государств мира, а в них прежде всего так называемой элиты, и остальным миром, насчитывающим более 200 государств, долгие столетия считавшихся мировой периферией. Для обеспечения устойчивого развития ведущих национальных экономик в конце XX — начале XXI в. началась настоящая борьба между государствами за ресурсы планеты, которая ведется не только мирными способами. Достаточно примеров Афганистана, Ливии, Ирака, Сирии, Ирана, Украины, чтобы понять — мир вступил в опасную полосу ожесточенного соперничества с неясными исходами. Глеют очаги напряженности в Азии и Южной Америке. Конфликты все чаще возникают у границ РФ, например, конфликтами чревато и будущее еще недавно мирной Арктики. «Конфликт цивилизаций является основной характеристикой геополитической и геоэкономической конструкции современного мира. Мировой океан и морские ресурсы играют постоянно возрастающую роль и в экономической и политической жизни России, при этом в целом очевидна тенденция к расширению конфликтного пространства. Борьба за контроль над ресурсами, прежде всего углеводородными, постепенно переносится и в Арктику» [1, 1].

Для России, практически полностью обеспеченной необходимыми для устойчивого развития природными ресурсами, эта борьба имеет особое значение, поскольку задача состоит не в том, чтобы захватить чужие природные ресурсы, а в том, чтобы сохранить имеющиеся. И речь идет не только о сохранении территориальной целостности, об использовании природных ресурсов для собственного экономического роста, но и о сохранении их для будущих поколений.

Дискуссии о поставках российского газа в Европу, строительство новых газопроводов «Россия — Германия», «Россия — Турция», «Россия — Китай», усиливающаяся борьба за природные ресурсы Арктики формируют мнение, что основное богатство России — это ее природно-

ресурсный потенциал. Нельзя отрицать важность природных ресурсов, особенно углеводородов, для благополучия современной России, и все же нельзя сводить нарастающие противоречия и возможные глобальные потрясения к тому, что «ресурсов мало» и «народы просыпаются». Это было бы самое простое и ошибочное объяснение, не позволяющее увидеть действительные, глубинные причины.

Весь XX в. шли поиски адекватной Новому времени модели хозяйственного развития, модели социально-экономического развития, обоснование нового видения мира, нового видения нарастающих проблем, осмысление на философском уровне эволюции человеческой цивилизации, включая самого человека, его сознания, и хозяйства.

На этом пути были испробованы различные модели, различные подходы и методы хозяйствования, от свободно-рыночных до жестких и жестоких командных, от архаичных и анархических до диктаторских социально-политических систем. Не обошлось и без иллюзий и утопических представлений. В этой связи нередко можно услышать такое мнение: «не мешайте рынку, он все отрегулирует, рыночные законы универсальны». С позиций рынка-базара что-то удастся уравновесить, но с позиции цивилизационного равновесия без все более возрастающей силы государства никак не обойтись. XXI в. не прощает рыночных идеалистов. Ярчайшим примером в этом отношении является как раз Россия. Попытка построить экономику XIX в. по лекалам А. Смита в веке XXI-м обернулась крахом экономическим, социальным, государственным. То, что произошло с СССР и происходит в современной России — распад государства, разрушение экономики, демографический, гуманитарный и научно-образовательный крах, — все это не происки наших недругов, хотя не без этого, это не ошибки отдельных людей, хотя и их хватает, не результат усиливающейся планетарной борьбы за ресурсы. Системный кризис, в который вступила Россия, это результат и проявление выбора несостоятельных моделей хозяйственного развития. Философско-хозяйственное осмысление этой проблемы, в частности, в рамках уникального для современного научного мира Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова, позволяет думать именно так: потрясение современной России обусловлено несостоятельностью в XXI в. рыночно-капиталистической экономической модели развития, которая культивируется в стране. Весь мир несостоятелен, а значит, и Россия — как часть этого рыночно-капиталистического мира. Этот мир привел цивилизацию к двум мировым катастрофам в XX в., сейчас он ведет мир к суперкатастрофе в XXI в.

Несостоятельность реализующейся в России рыночно-капиталистической модели хозяйствования многообразна. Это, прежде

всего, низкие темпы экономического роста и роста благосостояния. Так, ВВП России образца 2015 г. равен уровню 1990 г., т. е. четверть века «бега на месте», что в XXI в. равносильно смертному приговору, поскольку за этот период многие нации совершили исторический скачок в своем экономическом и социальном развитии (Китай, Индонезия, Бразилия, Индия, Сингапур и многие другие). В стране практически разрушены станкостроение, авиастроение, гражданское судостроение, 50% продовольствия импортируется. Россия с населением в 140 млн и гигантской территорией более 17 млн км² не в состоянии себя прокормить — импортирует картофель и морковь из полупустынных Египта и Израиля, излишки продовольствия из страны с населением более 1,3 млрд человек, Китая — государств, отнюдь не со свободно-рыночными моделями — это ли не подтверждение российского тулика?

Отдельно следует сказать о том, что при нынешней хозяйственной модели в России все производить невыгодно, кроме добычи и продажи сырья. Так, налоги на бизнес в России выше, чем в развитых странах мира, разрушение и приватизация РАО «ЕЭС» привели к росту цен на электроэнергию, и теперь она выше в 2—3 раза, чем у зарубежных конкурентов, кредиты в развитых экономиках выдаются под 2—3% годовых, у нас — под 10—15% (в 2015 — уже под 20—25%). У них инфляция составляет 2%, у нас — 7,5% (в 2015 — 15%). В таких условиях экономика развиваться не может, она может только деградировать, что и происходит.

Есть и другие, неофициальные статистические данные, показывающие степень деградации отечественной экономики. По мнению В. Симчеры, долгое время работавшего директором НИИ статистики, в современной российской статистике все позитивное завышают, а негативное стараются скрыть. Так, заработная плата в России в среднем составляет 15 тыс. р. (без учета доходов олигархов), а не 30, как это следует из статистических данных; доля иностранного капитала в российской промышленности составляет 80%, а не 20%, как официально утверждается; общая реальная инфляция для зажиточного класса населения составляет 9—10%, для среднего класса — 12—15%, для бедных — 18%. А значит, и пенсии не повышаются, а фактически понижаются. Безработных насчитывается не 1,2 млн человек, а 11—13 млн [2, 3].

Искажение информации явилось одной из причин паралича системы управления экономикой и социальной сферой, принятия целого ряда прожектов, приведших в последние годы к усилению социально-экономической неустойчивости: 1990 г. — переход к более эффективной рыночной экономике за 500 дней; 1992 г. — тотальная одномоментная приватизация, поскольку частная собственность якобы априори эф-

фективнее государственной; 2003 г. — увеличение объема производства в стране в 2 раза за 10 лет; 2006 г. — план правительства о переселении на Дальний Восток 20 млн человек; 2008 г. — Концепция 2020, предусматривающая превращение России в мировую экономическую державу; 2010 г. — проект «Сколково», предусматривающий создание аналога «Кремниевой долины», с массовым участием зарубежных ученых и специалистов; 2012 г. — создание за 10 лет 25 млн современных высокотехнологичных рабочих мест.

Ни один из этих грандиозных проектов не был и не будет выполнен, хотя на реализацию некоторых из них были выделены миллиарды рублей.

Неадекватность восприятия актуальных проблем развития страны, ее национальных интересов высшими должностными лицами РФ отчетливо проявляется на международных экономических форумах. Например, Всемирный экономический форум в Давосе в январе 2013 г. в лице отечественных и зарубежных экспертов определил три возможных сценария развития России — и все пессимистические. Это плата за неэффективное государственное управление и за бездарно потраченное время. Однако премьер-министр РФ, ничем не аргументируя свою позицию, в ответ с необычайной легкостью и загадочностью заявляет: я полностью уверен, что ни один из этих сценариев не будет реализован, будет реализован четвертый сценарий. Правда, об этом четвертом сценарии умалчивают [3].

Таким образом, созданная в России система хозяйствования не обеспечивает экономического роста и развития. В мире рынок дает условно эффективную экономику, но не обеспечивает социальной справедливости. Недостатки рынка может компенсировать государство, в России же создана удивительная хозяйственная модель, которая не обеспечивает ни эффективности, ни справедливости. Поэтому дальнейшее продвижение по этому пути неизбежно приведет Россию к государственному и национальному краху. Выход видится в смене курса, в смене элит, в смене модели развития.

Несостоятельность навязанной России рыночно-капиталистической модели проявляется и в начавшемся существенном сокращении федерального финансирования образования, науки, здравоохранения и культуры, что противоречит не только мировым тенденциям даже в рамках рыночно-капиталистической модели, не только предыдущему отечественному опыту, но и действительным потребностям развития страны. Нынешний курс российского правительства на сворачивание образования, науки, здравоохранения и культуры — еще один смертный приговор для страны. В этой связи мнение нобелевского

лауреата Ж.И. Алферова представляется вполне аргументированным: «...если гражданина заставляют платить за образование и медицинское обслуживание, пенсию накапливать из собственных средств, жилье и коммунальные услуги оплачивать полностью, по рыночной цене, то зачем мне такое государство?! С какой стати я должен еще платить налоги и содержать безумную армию чиновников? Я всегда на всех уровнях говорил, что здравоохранение, образование и наука должны обеспечиваться из бюджета. Если государство сваливает эту заботу на нас самих, пусть исчезнет, нам будет гораздо легче!» [4]. Эмоции Алферова понятны, поскольку речь идет не о природных ресурсах, не о темпах экономического роста, не о размере ВВП — сокращение государственного финансирования социальных сфер не опосредованно, а напрямую связано с качеством главного ресурса развития любого государства в XXI в. — человеческого ресурса.

Битва за природные ресурсы — это хорошо видимая часть конфликтов, менее видима битва за человеческие ресурсы, которые в XXI в. становятся решающим ресурсом развития. Человеческие ресурсы — это трудовые, интеллектуальные, творческие и предпринимательские способности людей, которые используются или могут быть использованы в процессе общественного производства в качестве базового фактора. Для России сохранение человеческих ресурсов имеет поистине судьбоносное значение. Россия — страна малонаселенная, с огромными разреженными пространствами. Это хорошо понимали наши соотечественники еще в XVIII в. Ключом к разрешению данной проблемы является, на наш взгляд, сформулированное еще И. Посошковым положение — «то государство богато, в котором богат народ». По сути, об этом же писал М.В. Ломоносов в знаменитом письме И.И. Шувалову «О сохранении и размножении российского народа». И каким же образом принятая рыночно-капиталистическая модель в России решает эту проблему: сохранение народа и его благополучие? Об этом красноречиво свидетельствуют статистические данные последних 25 лет на фоне «неэффективной» советской модели (табл. 1).

Наметившееся в последние годы сближение показателей рождаемости и смертности не должно вводить в заблуждение, поскольку носит временный характер, значительное сокращение населения страны еще впереди.

Таблица 1

**Рождаемость, смертность и естественный прирост населения
в России**

Годы	Всего, тыс. человек			На 1000 человек населения		
	Родив-шихся	Умер-ших	Естест-венный прирост	Родив-шихся	Умер-ших	Естест-венный прирост
	Все население					
1970	1903,7	1131,2	772,5	14,6	8,7	5,9
1980	2202,8	1525,8	677,0	15,9	11,0	4,9
1990	1988,9	1656,0	332,9	13,4	11,2	2,2
1995	1363,8	2203,8	-840,0	9,3	15,0	-5,7
2000	1266,8	2225,3	-958,5	8,7	15,3	-6,6
2001	1311,6	2254,9	-943,3	9,0	15,6	-6,6
2002	1397,0	2332,3	-935,3	9,7	16,2	-6,5
2003	1477,3	2365,8	-888,5	10,2	16,4	-6,2
2004	1502,5	2295,4	-792,9	10,4	16,0	-5,6
2005	1457,4	2303,9	-846,5	10,2	16,1	-5,9
2006	1479,6	2166,7	-687,1	10,4	15,2	-4,8
2014 (I—VII)	1119,7	1124,7	-5,0	13,2	13,3	-0,1
2015 (I—VII)	1108,8	1144,0	-35,2	13,1	13,5	-0,4

Источник: [5, 105; 6, 8; 7].

Демографический кризис существенно сужает физическую базу формирования интеллектуального потенциала нации. Точно так же подрывает базу интеллектуального потенциала рост бедности, нищеты и

пауперизма — разница в доходах между высшей и нижней децильными группами в РФ, по официальным данным, в настоящее время составляет в 13—15 раз. Всего в современной России более половины населения являются бедными, нищими или малообеспеченными, что почти автоматически вычеркивает их из интеллектуального потенциала страны, они становятся обузой для ее социально-экономического развития. Причем реализаторы такой рыночно-капиталистической модели предвидели результаты. Например, А. Кох, занимавший в 1990-е гг. посты вице-премьера и председателя Госкомимущества РФ, о будущем России и ее граждан в настоящее время высказывается так: «Сырьевой прирост. Безусловная эмиграция всех, кто умеет думать, изобретать. В последующем превращение в десяток маленьких государств. Россия никому не нужна. Она только мешает. Россия — обанкротившаяся страна. В мировом хозяйстве для нее нет места» [8, 112]. И такая же ситуация на всем постсоветском пространстве на Украине, в Молдавии, Узбекистане, Таджикистане, Армении, Грузии и др., т. е. проблема не в хороших или плохих руководителях, проблема в навязанной модели развития.

Почти половина населения не участвует в формировании интеллектуального потенциала нации. Напротив, эти люди, как это не цинично звучит, становятся обузой для социально-экономического развития страны. Как отмечает Е. Гонтмахер, «Россия стоит на переломе. При этом должно быть понимание, что дальнейшее инерционное развитие социальной политики неминуемо приведет к социальной катастрофе. Если все пойдет прежним ходом, то к 2020 году мы будем не среди лидеров, а на обочине мирового развития. 43 процента россиян лишены возможности повлиять на ситуацию. Происходит огромное социальное расслоение общества, пропасть в стартовых возможностях граждан неуклонно расширяется. Лифты вертикальной общественной мобильности граждан практически перестали работать. Такое общество обречено» [9].

Исключительно важную роль в формировании интеллектуального потенциала нации в XXI в. играют образование и наука. Многочисленные исследования, статистические данные и реальное состояние дел в экономике свидетельствуют, что в стране за последние два десятилетия произошло снижение общего уровня грамотности населения, понизилось качество высшего и среднего специального образования, возник целый слой малограмотных и безграмотных людей, высококвалифицированный труд в целом утратил материальную и моральную привлекательность. Бесконечные малопродуманные реформы и инициативы в

системе образования и в области науки привели по существу к их деградации.

В это же время президент США Б. Обама, выступая перед избирателями в Чикаго в разгар экономического кризиса 17 декабря 2008 г., заявил: «Сегодня наука играет ключевую роль в нашем выживании как жителей планеты и в нашей безопасности и процветании как государства... Сейчас мы вновь поставили науку на первое место в нашей повестке дня, чтобы вернуть Америке лидерство в науке и технике» [10]. И это не только слова. В США осуществляется государственная поддержка науки в размере 2,5% от национального ВВП, в то время как в России — 1,03%, или примерно в 15 раз меньше в абсолютном выражении, в Японии — 3,4, в Германии — 2,5% [11, 157].

При таких стратегических подходах и приоритетах в социально-экономической политике российские ученые и другие высококвалифицированные работники в большом количестве покидают Россию и оседают на время или навсегда во многих развитых и развивающихся странах, где существует больше возможностей для реализации их интеллектуального потенциала, иная оценка их труда. Например, только в США проживают более 16 тыс. докторов наук — выходцев из бывшего СССР, тогда как во всей российской науке занято около 25 тыс. докторов наук [12, 62]. Таким образом, «пореформенная Россия не является обществом уважения знаний. Доходы и признание у большинства интеллектуалов не соответствуют экономической и социальной значимости их труда. Профессионалы отодвинуты на второстепенные роли. Возникло опасное противоречие между потребностями инновационного развития России и утратой значительной части ее интеллектуального и духовного потенциала» [12, 57].

Как отмечается в литературе, «правительства большинства высокоразвитых стран разработаны и осуществляются долгосрочные программы “перекачивания” научного потенциала. На это выделяются значительные средства, создаются специальные центры и коммерческие структуры. Внешне их деятельность имеет следующий вид: западные страны безвозмездно поддерживают ученых из слаборазвитых стран, оказавшихся в затруднительном положении. Существует несколько форм утечки мозгов: прямой выезд на постоянное место жительства; выезд по грантам, контрактам, в аспирантуру или постдокторантуру на срок от полугода до трех лет. Третья форма, широко используемая сейчас, — выполнение контракта на месте» [13, 73].

Россия проигрывает битву за интеллектуальные ресурсы. По некоторым оценкам, ежегодные потери России от интеллектуальной эмиграции составляют около 50 млрд дол. [14, 9]. Согласно оценкам ректо-

ра МГУ В.А. Садовничева, Россию в 1990-е гг. покинуло около 80% математиков, 60% биологов и 60% физиков-теоретиков высшей квалификации, которые уехали в США, Германию, Великобританию, Францию, Китай, Канаду и другие страны [15].

Общие потери российской науки характеризуются следующими цифрами. Из 800 тыс. научных работников, которые работали на территории РСФСР накануне распада СССР, в 2005 г. в науке остались всего 160 тыс. человек (20% от исходной цифры). Остальные 640 тыс. (80%) ушли из науки, эмигрировав в различные страны либо перейдя в другие сферы деятельности — бизнес, государственное управление и т. д. При этом *внешняя эмиграция* составила 400 тыс. человек, *внутренняя* — 240 тыс. Характерно, что доля эмигрировавших за рубеж ученых в общем потоке российских эмигрантов (2 млн человек) превысила долю ученых среди всего населения России в указанный период в 60 раз! Этот не закончившийся до сих пор процесс и позволяет говорить о продолжающемся «бегстве мозгов» из России.

Если говорить об ученых самого высокого уровня (лауреаты международных премий, члены зарубежных и международных академий наук и научных обществ и т. д.), то их в РФ сегодня осталось не более 10%, остальные 90% уехали за рубеж. Это значит, что Россия не только лишилась абсолютного большинства всемирно признанных научных школ (в некоторых областях, например математике, таковых вообще не осталось), но и утратила возможность в обозримом будущем заново создать такие школы [16, 80].

Справедливости ради следует отметить, что отток интеллектуальных ресурсов касается не только России. От потока «кругооборота мозгов» страдают прежде всего развивающиеся страны, большинство стран Европы и все постсоветское пространство. На место «мозгов» приходят мигранты — «руки», что переформатирует не только экономику, но и культуру, социальную сферу, всю духовную составляющую.

Особая ставка в этой битве за интеллектуальные ресурсы делается на молодежь. Обеспокоенность оттоком талантливой молодежи из России наконец выразил Президент РФ В.В. Путин, заявивший на форуме «Деловой России» 26 мая 2015 г.: «Сегодня у нас, вы знаете, через различные фонды талантливых детей вывозят уже для обучения за границей. Смотрят абитуриентов по вузам, цап! — подписывают контракт, и туда. И уже мало кто возвращается. Нам и над этим нужно подумать» [17, 1].

Подумать действительно не помешает, и не только подумать, но и крепко задуматься. Ведь «если ничего не делать, России суждено и дальше развиваться “по инерции”, что может привести страну в буду-

щем к распаду, а потом и к исчезновению с карты мира. Ибо естественно, когда страна, владеющая 33% природных ресурсов мира, производит лишь 1% мирового валового продукта» [16, 79].

За такими заявлениями Президента РФ, очевидно, должны последовать и соответствующие решения. Ведь XXI в. совершенно определенно требует интеллектуализации не только хозяйственной, но и всех сфер жизнедеятельности общества. Поэтому проблема сохранения и роста интеллектуального потенциала российского общества должна стать краеугольным камнем всей политики государства в аспекте обеспечения его безопасности. Нужна новая модель развития. Битва за ресурсы продолжается. Последний парад наступает.

Литература

1. Региональное присутствие России в Арктике: геополитические и экономические тенденции // Арктика и Север. 2011. № 3.
2. Чуйков А. Статистическая погрешность // Аргументы недели. 2014. № 1.
3. Медведев о сценариях развития России: ни один из них не кажется мне реалистичным [из выступления Дмитрия Медведева на Всемирном экономическом форуме в Давосе 23 января 2013 года] // <http://www.firstnews.ru/news/medvedev-o-stsenariyakh-razvitiya-rossii-eto-stsenarii-pri-kotorykh-vlast-nichego-ne-delaet/> (дата обращения: 07.08.2013).
4. <http://www.business-gazeta.ru/article/79343/> (дата обращения: 31.08.2015).
5. Российский статистический ежегодник. 2007: Стат. сб. М., 2008.
6. Россия 2015. Стат. справ. М., 2015.
7. Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации за январь-июль 2015 года // http://www.gks.ru/free_doc/2015/demo/edn07-15.htm (дата обращения: 28.08.2015).
8. Симонян Р.Х. Элита или всё-таки номенклатура? (Размышление о российском правящем слое) // Общественные науки и современность. 2009. № 2.
9. Гонтмахер Е. Деграция хуже революции // <http://forum-msk.org/material/news/493478.html>.
10. <http://dlib.eastview.com/browse/doc/20828052>.
11. Варшавский А. Проблемы науки и ее результативность // Вопросы экономики. 2011. № 1.

12. Бобков В. Образование и наука: адекватны ли они задачам модернизации? // Экономист. 2010. № 10.
13. Абдуллаев Н.В., Багузова Н.А. Специфика ведения экономической войны // Власть. 2014. № 10.
14. Кириченко Э. От «утечки умов» к глобальному «круговороту умов» // Экономика и международные отношения. 2008. № 10.
15. Поиск. 2003. №31—32.
16. Левин В.И. Наука в России: что дальше // Вестник высшей школы. 2011. № 10.
17. http://ria.ru/forum_business_Russia_26052015.

С.А. ДЯТЛОВ

**Новые методологические принципы
структурно-функциональной организации
глобальной экономической системы***

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению методологических принципов организации глобальной экономической системы. Дана характеристика принципа иерархии доминант, типов экономических систем по критерию «порядок — хаос» (неустойчивый, неравновесный порядок, мягкий, эволюционный хаос, жесткий, детерминированный хаос). Выделяются важнейшие институты в многоуровневой структуре глобальной экономической системы.

Ключевые слова: глобальная экономическая система, структура, уровни, методология, иерархия доминантных целей, энтропия, синергия, институты, информационная емкость

Abstract. The Article considers methodological principles of the organization of the global economic system. The characteristic of the principle of hierarchy of dominants, types of economic systems in terms of «order — chaos» (unstable, non-equilibrium order, soft, evolutionary chaos, rigid, deterministic chaos). It highlights the major institutions in the layered structure of the global economic system.

Keywords: global economic system, structure, levels, methodology, hierarchy of the dominant purposes, entropy, synergy, institutions, information capacity

* Статья подготовлена при грантовой поддержке РГНФ, проект № 13-02-00415а.

Важнейшим методологическим принципом исследования глобального кризиса мировой экономической системы является ее анализ с позиций информационно-интегрального многоуровневого подхода. Мы выделяем следующие *функционально-структурированные информационные уровни организации* целостно существующих явлений и процессов:

- событийно-фактологический (первичная информация);
 - статистическо-знаковый (кодовая информация);
 - синтаксическо-языковый (информационная грамматика);
 - семантическо-смысловой (явный информационный смысл);
 - семантическо-содержательный (скрытый информационный смысл);
 - волевое информационное векторное целеполагание (позитивное или негативное);
 - генетический (генетическая или наследственная информация);
- субстанциональный (единый сущностный информационный принцип, или глубинная первопричина целостного существования всех явлений как таковых).

Между данными интегрально взаимодействующими уровнями существует диалектическая субординированная взаимосвязь. Предыдущий информационный уровень (например, событийно-фактологический) выступает формой по отношению к последующему (например, статистическо-знаковому), который, в свою очередь, по отношению к первому выступает содержанием, а к третьему информационному уровню (например, синтаксическо-языковому) — формой, и т. д.

Такую интегральную структурно-функциональную организацию любого целостно существующего социально-экономического явления можно назвать *интегральным информационно-организационным принципом* или принципом русской матрешки (наиболее наглядное представление строения и действия этого принципа дает сувенир «Русская матрешка»). Данный принцип носит универсальный характер и применим к анализу как внешних, так и внутренних параметров любого целостного системно организованного сетевого явления. К классу таких социальных системных явлений относятся и отдельный человек, и коллектив людей, и человеческое общество в целом.

Социум (или экономика) представляет собой целостную систему со сложной структурно-функциональной организацией, состоящую из многих элементов (из большого количества хозяйствующих единиц,

потребителей, финансовых посредников, управленческих структур и институтов, находящихся в непрерывном взаимодействии). Экономика имеет ярко выраженную иерархическую многоуровневую структуру, при этом каждый уровень иерархии интегрируется в целостную систему и взаимодействует с другими уровнями и элементами по определенным целесообразно-информационно обусловленным правилам и алгоритмам.

Каждый уровень анализа, который адекватен соответствующим уровням системно-сетевой интегрально-целостной организации реально существующих явлений, имеет свое особое целеполагание, свои *информационные константы пропорциональности*, параметры и режимы функционирования, свою информационную емкость и энергетический потенциал. При переходе с поверхностного уровня на глубокий (например, с пятого уровня на шестой) начинают действовать более мощные режимы функционирования — увеличивается информационная емкость и возрастает энергетический потенциал.

Каждому уровню иерархии присуща соответствующая ему конкретная иерархически обусловленная цель и иерархически обусловленный конкретный критерий ее оценки. Всей системе, рассматриваемой как единая целостность, присуща единая цель — единое целеполагание, с интегральным критерием ее оценки. *Множественность иерархических целей и многоиерархическая критериальность их оценки детерминированы доминантой единого целеполагания и интегрального критерия оценки всей системы.* Это главное условие устойчивости и целостности существования данной системы.

Методы внешнего регулирования и внутреннего саморегулирования взаимодействуют диалектически — неслитно и нераздельно — в рамках единого механизма функционирования и развития данной системы, как две стороны одной медали.

В рамках развиваемой нами субстанционально-информационной, энтропийно-синергической методологии сформулируем фундаментальное теоретическое положение: снятие (уменьшение) неопределенности, множественности выбора осуществляется не традиционным вероятностным способом, а достигается путем *целевого программирования будущих, заранее заданных параметров и режимов функционирования данной системы.*

Суть обосновываемой нами новой методологии заключается в осуществлении психолого-интеллектуального, управляемого программируемого информационного воздействия с заранее заданными свойствами, импульсами и параметрами на сознание, психику, цели, интересы, потребности, предпочтения, волевые установки людей, де-

терминирующими принимаемые ими решения и обуславливающими их программируемое конкретное поведение.

В формировании главных положений развиваемой нами концепции важную роль сыграли выводы, полученные рядом ученых в таких отраслях современного научного знания, как математика, физика, астрономия, теория информации, синергетика и др. Кратко остановимся на одном значимом положении. Значительный вклад в развитие математических аспектов теории информации внесли А.Н. Колмогоров и его ученики. В ряде работ, посвященных исследованию проблем информации, ее передачи и измерению, был получен важный вывод и обосновано существование информационной емкости различного рода математических пространств [1, 66—92; 2].

Результатом проведенных исследований стал ряд интересных выводов, касающихся проблемы информации и ее измерения. Данные выводы обобщил и применил в теории элементарных частиц И.А. Акчурин. Он сформулировал следующее важное положение: качественная специфика и своеобразие различных уровней строения материи связаны именно с тем обстоятельством, что элементарные объекты различных уровней несут с собой существенно различное количество информации. Качественная специфика каждого такого уровня, качественное своеобразие поведения его объектов связаны с различной информационной емкостью элементарных объектов различных уровней строения материи. И.А. Акчурин, рассматривая вопрос о необходимости и возможности создания общей теории элементарных частиц, в качестве исходного пункта предложил взять идею возрастания информационной емкости элементарных простейших объектов при движении в глубь материи — при переходе к элементарным объектам микромира с очень маленькими характеристическими размерами [3, 358].

На основе главной идеи сделанного И.А. Акчуриным вывода применительно к предмету нашего исследования можно сформулировать следующее фундаментальное положение: при движении в глубь по уровням структурно-функциональной организации целостно существующих системно организованных явлений происходит возрастание их информационной емкости и их энергетического потенциала.

Применительно к экономической сфере можно говорить о переходе на новый более глубокий и уровень принятия решений с большей информационной емкостью и энерго-ресурсным потенциалом, о задействовании новых источников и факторов экономического роста, имеющих большую информационную емкость и энергетический потенциал.

Можно сделать фундаментальный вывод о том, что функционирование человеческого общества как целостной системы базируется на

многоуровневом сетевом организационно-технологическом принципе, т. е. человеческое общество организовано сетевым многоуровневым образом.

Считаем необходимым особо подчеркнуть, что сформулированный принцип организации человеческого общества стал прототипом создания всемирной компьютерной сети Интернет, т. е. *Интернет создан по подобию изначально существующих многоуровневых гуманитарных сетей человеческого социума.*

В рамках субстанционально-информационной парадигмы социально-экономического развития социально-экономическая реальность представляет собой целесообразную целостно организованную систему открытого типа, функционирование и развитие которой осуществляются в соответствии с законами информации. В такой системе все процессы не являются абсолютно свободными и стихийными, а осуществляются с учетом имеющихся ограничений и в границах, обусловленных осознанными целями и интересами развития человеческого общества и детерминированных типом, уровнем и формой его конкретного существования.

При этом функционирование и развитие данной системы представляют собой не стихийный, а программируемый и управляемый процесс. В любой социальной системе, в которой осуществляются информационные взаимодействия, всегда существуют наделенные властными полномочиями субъекты, управляющие общественными процессами и осознающие в той или иной мере цели, характер и последствия своих решений.

На наш взгляд, главная проблема управления информационными процессами в обществе — прежде всего, проблема информационных взаимодействий (отношений) между субъектами, управляющими функционированием и развитием сложных социально-экономических систем и подсистем.

При этом анализ должен быть перенесен с процессов спонтанного, стихийного проявления самоорганизации системы на *раскрытие механизмов информационно-целевого управления* этими процессами путем информационного моделирования, программирования и контроля. Особое внимание должно быть уделено исследованию причинно-следственных связей, возникающих между последовательностью и характером принимаемых соответствующими субъектами управления решений и обусловленных ими последовательностью изменений состояния, информационных параметров, меры организованности и эффективности функционирования данной социально-экономической системы.

Развитие экономической системы представляет собой не стихийный, а программируемый и управляемый процесс. *Экономика — это всегда управляемая система*, в которой всегда есть соответствующий субъект управления. В рамках информационной парадигмы развития общества закономерен и логичен вывод о том, что стихийно развивающейся экономики в реальной действительности нет, а экономическая система без соответствующего субъекта управления в принципе существовать не может.

Когда речь идет о таком сложном системно организованном явлении, как современная экономика, то эффективное управление ею чрезвычайно затруднено без построения соответствующей информационной модели и ее анализа. Методы информационно-аналитического программирования позволят проанализировать будущие изменения состояния и отдельных параметров экономической системы, происходящие в результате принимаемых соответствующими субъектами управления тех или иных решений. На этой основе могут быть разработаны многовариантные матрицы принимаемых управленческих решений, позволяющие выбирать наиболее эффективные варианты управления экономической системой, учитывающие возможные изменения ситуации, поведение конкурентов и максимизирующие интегральные выгоды общества с точки зрения информационного критерия.

И порядок, и хаос в экономических системах всегда детерминированы действиями тех или иных субъектов управления, отношения между которыми могут быть описаны законами информации и закономерностями информационного обмена. *Мерой порядка (упорядоченности) или хаоса (дезорганизованности) социально-экономической системы является информация* в своих определенных количественных и качественных характеристиках. Положение об информационной упорядоченности социально-экономических систем предполагает существование безусловной управляемости развитием данных систем (см.: [4, 17—30]).

Сложные открытые системы, прежде всего, социально-экономические системы, могут находиться не только в состояниях порядка или хаоса. Они могут находиться также в переходных состояниях. На наш взгляд, следует выделить три основных типа таких переходных состояний:

- *неустойчивый, неравновесный порядок*, который при слабых импульсах изнутри или воздействии извне способен переходить в состояние слабо проявляемого или вяло текущего хаоса);
- *мягкий, эволюционный хаос*, который предполагает эволюционное подталкивание к хаосу системы и последующее поддержание в

ней условий для вызревания хаоса, и при вызревании и усилении всех необходимых предпосылок и условий перевод системы в состояние жестко-детерминированного хаоса;

- *жесткий, революционный, детерминированный хаос*, который предполагает резкое выведение системы из состояния порядка, обрушение ее и перевод в состояние стратегического хаоса.

Следует отметить, что в любой системе потенциально всегда существуют, реально в той или иной мере возникают и проявляются (или в систему привносятся извне другими субъектами) специфические зародыши неустойчивости, неопределенности, хаоса или устойчивости, информированности, порядка, которые называются аттракторами. При этом переход порядка в хаос и наоборот в таких системах может происходить более медленно или быстро (иногда очень быстро). В этом случае данный процесс получил название «падение системы на аттрактор».

В качестве субъектов воздействия, акторов и аттракторов, характеризующих возникновение процессов порядка и хаоса в системе, могут выступать следующие:

- свойства элементов, условия и функциональные особенности внутренней организации системы;

- условия и особенности организационного взаимодействия на границах данной системы с внешней средой (включая особенности передаточного механизма, действия и поведение посредников);

- внешние импульсы и организационное воздействие (взаимодействии) с элементами внешней среды, включая особенности поведения и действия конкурентов и союзников);

- надсистемные, детерминирующие воздействия и влияния метасистемы (надсистемы), по отношению к которой данная система является подчиненной подсистемой.

Следует учитывать, что структурно-видовое разнообразие условий, акторов и аттракторов обуславливает чрезвычайную сложность линейного прогнозирования (предсказания) будущего состояния системы, а иногда непредсказуемость конкретного поведения системы. Поэтому мы предлагаем использовать *принцип доминанты*, или *принцип иерархии доминант* (иерархии субординированных доминантных воздействий), в соответствии с которым из всей совокупности оказывающих воздействие на данную систему аттракторов следует выделять доминантный аттрактор базового уровня, который оказывает решающее, доминирующее влияние (характер, сила и степень влияния) на состояние баланса «хаос — порядок» системы и задает главный вектор ее развития, главные параметры будущего состояния данной системы.

Надсистемный субъект управления (субъект субстанционального уровня управления) обладает доминирующим статусом, ресурсным потенциалом и реализует свое доминантное целеполагание, подчиняя (используя) локальные ресурсы, цели и интересы других иерархически подчиненных субъектов управления и реализуя свой доминантный надсистемный интерес.

Затем из всей совокупности оказывающих воздействие на данную систему аттракторов следует выделить доминантный аттрактор 1-го уровня и (с учетом доминантных параметров базового уровня) определить соответствующие параметры его воздействия (характер, силу и степень влияния) на систему. Затем 2-го уровня, 3-го уровня и т. д. В конечном итоге мы построим иерархию взаимосвязанных субординированных доминант (с соответствующими параметрами, характером, силой и степенью их воздействия на данную систему).

Выявление, изучение, анализ свойств и особенностей данной построенной нами иерархии взаимосвязанных субординированных доминант (иерархии доминирующих воздействий, позволят не просто прогнозировать, но и программировать будущее состояние данной системы через управление и коррекцию параметров передаточного механизма иерархии доминант.

В процессе интегрального (кооперативного) взаимодействия структурных элементов открытой системы появляется новое интегральное свойство, синергичное качество, возникает синергичный *эффект*, которым ранее не обладала механическая совокупность элементов до их объединения в целостную систему. Главную роль при этом играют творческие субъекты управления (аттракторы), которые задают синергичное целеполагание, программируют синергичный, упорядоченный режим функционирования и развития системы. Общественные системы синергичного типа являются сложными, открытыми целесообразным образом упорядочиваемыми и самоорганизующимися системами, которые на внешнее положительное воздействие (или отрицательное) способны отвечать целевой упорядоченностью и самоорганизацией новых более высокоорганизованных структур (или дезорганизованностью и деградацией структуры).

В соответствие с предложенным нами ранее методологическим, принципом многоуровневой организации — принципом русской матрешки новая более высокая самоорганизация происходит в результате появления целевой упорядоченности, которая в соответствие с запрограммированным целеполаганием организует и объединяет ранее слабо упорядоченные элементы своего уровня.

Результатом этого является образование нового синергического порядка, новой упорядоченной структуры и переход ее на вышестоящий иерархический уровень с большей информационной емкостью и энергоресурсным потенциалом. Возникновение в данной системе новой синергической упорядоченности, по сути, является целевым образом запрограммированным и реализованным интегральным результатом эффективного кооперативного взаимодействия элементов на предыдущем иерархическом уровне.

И, наоборот, в результате реализации запрограммированного негативного целеполагания в системе будут преобладать процессы дезорганизации и перехода данной системы на нижестоящий иерархический уровень с меньшей информационной емкостью и энергоресурсным потенциалом.

Важнейшим инструментом проведения созидательной, эффективной управленческой политики являются многовариантные матрицы (иерархия многовариантных матриц) принимаемых управленческих решений

Следует ввести в научный оборот концептуальное понятие «точка (центр) управления, или точка контроля (регулирования)». Точка управления не может быть бесхозной. Точка управления должна быть всегда в руках у соответствующего субъекта управления (официального или теневого, формального или неформального).

Понятие «глобальная экономика» (global economy) по своим содержательным характеристикам отличается от понятия «мировая экономика» (world economy). Мировая экономика предполагает наличие контрольных международных организаций, регулирующих взаимодействие экономически взаимозависимых, но самостоятельных государственно-национальных образований.

Переход от международного аспекта к глобальному предполагает качественную трансформацию формально равноправных национальных экономических систем, занимающих сегментированное место в системе международного разделения труда, выполняющих жестко не детерминированные функции и имеющих государственную самостоятельность при принятии макрорешений, в формально зависимые от глобальных регулирующих мегаструктур национальные подсистемы, занимающие соподчиненное локализованное место в системе глобальной экономики, выполняющие достаточно жестко регламентированные функции и имеющие ограниченные возможности при принятии макроэкономических решений. При этом национальные экономики перестают быть самостоятельными центрами принятия мега- и макрорешений, не только на глобальном, но и на уровне национальной экономики.

В этой связи известный западный экономист Л. Туроу отмечал: «Чтобы могла работать глобальная экономика, потребуется в значительной мере пожертвовать национальным суверенитетом» [5, 166].

Мировое хозяйство, трансформированное в глобальную экономическую систему, представляет собой наднациональное мегаобразование, которое имеет не национальные, а глобальные наднациональные центры принятия управленческих решений, в котором национальные экономики играют соподчиненную роль. В глобальной мегаэкономике одной из важных и сложных проблем является определение принципов ее структурно-функциональной организации и идентификация национальных экономик.

Главными системообразующими характеристиками глобальной мегаэкономике являются контроль над важнейшими сегментами мирового рынка ресурсов, первенство финансово-валютных механизмов регулирования, мегаконцентрация властных полномочий и управляющих функций, детерминация и локализация роли и функций национальных подсистем. Процесс идентификации предполагает выявление составных элементов и определение субординированного места каждого из них в мегаструктуре глобальной экономики.

В структуре глобальной мегаэкономической системы можно выделить следующие взаимосвязанные институты (элементы мегасистемы), которые выполняют строго регламентированные функции, соответствующие субординированным уровням глобализации.

1. Локальные национальные экономические системы с ограниченными регулирующими макрофункциями даже в рамках национальной экономики (экономическая система отдельной среднеразвитой страны, например, Мексики, чья экономика может быть отнесена к типу малых экономик и которая сильно зависит от экономики США).

2. Сегментированные межнациональные образования, координирующие свои регулирующие действия, которые имеют ограниченную сферу действия, но не оказывают значительного влияния на мировую хозяйственную систему (например, страны СНГ).

3. Центральные банки (и другие регулирующие органы) стран с малой экономикой, чья деятельность не оказывает влияния на мировые финансовые валютные рынки, но оказывает определенное влияние на отдельные страны с малой экономикой или сегментированные межнациональные образования (например, ЦБ России, чьи решения в определенной мере влияют на страны бывшего СССР).

4. Крупнейшие транснациональные финансово-промышленные корпорации, масштабы и роль которых приравнивается к большим эко-

номическим системам, или глобальные инновационные гиперконкурентные компании (например, IBM, «Microsoft», «Intel»).

5. Центральные банки ведущих наиболее развитых стран и межгосударственных образований нового глобально ориентированного типа, устанавливающие мировые процентные ставки и осуществляющие эмиссию мировых валют американского доллара и евро (например, ФРС США и ЦБ ЕС-ЕБРР), регулирующие функции и значение которых имеют решающее значение для мировой экономики и национальных экономик других стран.

6. Международные финансовые организации, выполняющие функции по координации международных финансово-кредитных процессов и расчетов, переливу капиталов и регламентации погашения задолженностей, проведению макроэкономической политики в отдельных странах или сегментированных межнациональных образованиях (например, Международный валютный фонд, Мировой банк реконструкции и развития, Банк международных расчетов, ЮНИДО, ведущие рейтинговые компании «Standard&Poors», «Moody's», которые определяют страновые инвестиционно-кредитные рейтинги отдельных стран и корпораций).

7. Глобальные регулирующие-координирующие финансовые мегацентры, имеющие сложную субординированную, структурно-функциональную организацию и осуществляющие функции по управлению глобальной экономикой и ее финансово-кредитной сферой, всеми ее локальными межнациональными сегментами и отдельными национальными элементами путем использования всего комплекса традиционных и новейших информационно-сетевых технологий и методов регулирования и контроля.

8. Находящаяся в стадии формирования персонифицированная глобальная распределенно-сетевая, информационно-финансовая властная управляющая мегасистема, реализующая свои функции и властные полномочия на качественно новой основе — на основе передовых гиперконкурентных технологий и методов глобально-тотального программирования будущего состояния национальных, региональных, корпоративных, локальных и нано-подсистем, векторного воздействия на интересы и мотивы национальных субъектов, целевого воздействия на принимаемые ими решения и управления их поведением.

Глобальная современная экономика является *информационно-сетевой, интеллектуально-психологической экономикой с присущими ей гиперконкурентными технологиями и методами информационно-психологического, программируемо-управляемого воздействия* на сознание, психику и волю людей (производителей и потребителей). Управля-

емая странами-лидерами глобальная информационно-интеллектуальная, организационно-управляющая мегасистема с присущими ей асимметрично регулируемые информационными потоками, посредством которой в сознание и психику потенциальных конкурентов внедряются (программируется посредством внедрения в сознание конкурентов информационно-структурированных матриц принимаемых решений с заранее заданными энтропийными параметрами) энтропийные стереотипы поведения и навязывается энтропийная логика принятия ими неэффективных решений.

На шестой и седьмой стадии глобальные регулирующие-координирующие центры активно используют традиционные методы перераспределения (неэквивалентного межстранового обмена) мировых ресурсов (сырья, капиталов, рабочей силы) создаваемого мирового валового продукта (богатства). Важнейшими механизмами этого перераспределения являются следующие процедуры:

- необеспеченная реальными активами эмиссия мировой валюты (американского доллара) и производных ценных бумаг (дериватов);
- устойчивое занижение (отклонение от паритета покупательной способности) курсов национальных валют слабо- и среднеразвитых стран по сравнению с мировыми валютами наиболее развитых стран (например, рубля к доллару);
- ножницы цен, тарифы и санкции в международной торговле (например, несправедливая ценовая конкуренция, таможенные ограничения, нарушение правил ВТО, введение штрафных санкций);
- долговое кредитование экономики США (покрытие ее долгов и дефицита бюджета) путем покупки национальными центральными банками других стран американских долларов и хранения их в качестве главной резервной валюты и др.

При этом глобальные регулирующие структуры и наиболее развитая экономика мира, эмитент мировой валюты (например, экономика США), наряду с неэквивалентным перераспределением мировых ресурсов и мирового валового дохода присваивают мировой сеньораж, мировой валютный арбитраж и мировую ренту.

На восьмом уровне глобализации национальные хозяйственные подсистемы превращаются из субъекта управления и субъекта принятия макрорешений в объект управления и объект векторного информационного воздействия (манипуляционно-трансформационного) со стороны управляющих органов глобальной мегасистемы. При этом закономерно возникает системный конфликт интересов, развивающийся в полисистемные противоречия внутри глобальной мегасистемы, увеличивающие ее энтропию и нарушающие стабильность ее функционирования (подробнее см.: [6, 68—78]).

Все вышеперечисленные проблемы трансформации мировой регулирующей системы в глобальную управляющую мегасистему требует нового научного осмысления, классификации и идентификации ее структурных элементов, структурно и функционально субординированных по подуровням, а также разработки организационного механизма разрешения полисистемных противоречий глобальной мегаэкономики и обеспечения ее устойчивого развития в соответствии с векторным целеполаганием.

Литература

1. Колмогоров А.Н. Теория передачи информации // Доклад на сессии АН СССР по научным проблемам автоматизации производства. Пленарное заседание. М., 1956.
2. Колмогоров А.Н., Тихомиров В.М. Эпсилон-энтропия и эпсилон-емкость множеств в функциональных пространствах // Успехи математических наук. Т. 25. Вып. 2. М., 1959.
3. Акчурина И.А. Теория элементарных частиц и теория информации // Философские проблемы физики элементарных частиц. М., 1965.
4. Дятлов С.А. Информационная парадигма социально-экономического развития // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. СПб., 1995. № 3—4.
5. Туроу Л.К. Будущее капитализма: как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир. Новосибирск, 1999.
6. Дятлов С.А. Энтропийная экономика: методология исследования глобального экономического кризиса. СПб., 2015.

Е.В. ШЕЛКОПЛЯС

Философия хозяйства в начале третьего тысячелетия: метафизика и социально-экономические принципы развития России

Ключевые слова: культура, метафизика, гармония, философия хозяйства, модели социально-экономического развития.

Аннотация. Одним из достижений русской метафизики и социальной мысли является философия хозяйства, соединяющая в единое миропонимание рациональный, художественный и интуитивно-мистический подходы. Идеи всеединства и соборности, присущие российской культуре и метафизике, создают предпосылки для выработки современной российской наукой моделей гармоничного социально-

экономического, нравственного и духовного развития общества, обретения Россией роли нового лидера глобального мира.

Abstract. The article is devoted to one of achievements of the Russian metaphysics and social thought that is philosophy of economy connecting rational, art and intuitive and mystical approaches in uniform outlook. The ideas of conciliarity inherent in the Russian culture and metaphysics create prerequisites for development by modern Russian science of models of harmonious social and economic, moral and spiritual development of society.

Keywords: culture, metaphysics, harmony, philosophy of economy, model of social and economic development.

Юбилей научной школы — важный повод для фиксации сути событий исторического процесса, в повседневности часто уходящего из фокуса восприятия и его участников, и научных кругов, размытого множественностью текущих событий; это время признания качественных перемен, обусловленных достижением нового этапа зрелости, углубленной оценки основных результатов роста.

Концепция *философии хозяйства* первично была сформулирована одним из самых глубоких мыслителей XX столетия, профессором Московского университета, российским экономистом, философом, богословом и священником Сергеем Николаевичем Булгаковым. Публикация его работы «Философия хозяйства» в качестве докторской диссертации состоялась в 1912 г. Время показало, что философия хозяйства стала самым системным описанием сущности уникальной российской культуры, которая в стремлении к гармонии жизни соединила принципом приоритета духовных смыслов бытия материальный, социальный и духовный уровни деятельности человека и общества. Однако, как и многие другие революционные достижения человеческого духа и мысли, в полной мере она была оценена не сразу. Историческая заслуга нового открытия роли и возрождения в современной науке мировоззренческого учения С.Н. Булгакова в 1970-е гг. принадлежит директору Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова, руководителю Философско-экономического ученого собрания, президенту Академии философии хозяйства Ю.М. Осипову. Сегодня, спустя четверть века, общепризнанно, что под его научным руководством результатом работы входящих в означенные объединения сотен российских и зарубежных ученых стало удивительно успешное и продуктивное развитие философии хозяйства. По сути — это ее новое историческое «обретение» в качестве глубокого, современного и передового междисциплинарного подхода в социальной науке [1 — 6].

Заслуженное уважение (порой удивление) вызывает тот факт что, несмотря на отсутствие государственной поддержки, Научно-образовательная школа философии хозяйства является в современной российской гуманитарной науке, наверное, одной из самых масштабных, влиятельных и продуктивных научных школ. Кроме яркого научного и организационного таланта президента Академии философии хозяйства, такая эффективная самоорганизация части духовной элиты России (и целого ряда зарубежных стран) возможна лишь при условии наличия в теоретической концепции глубокой и долгосрочной креативной идеи. И она действительно существует — философия хозяйства снимает устаревшее догматическое противопоставление научного (рационального) и интуитивно-мистического (религиозного) познания бытия.

Важнейшей задачей социальной науки С.Н. Булгаков считал «установление и причинное объяснение действительности, представляющей арену нравственной деятельности», и подчеркивал, что «без возрождения духовного возрождение социальное и хозяйственное невозможно». Мир он понимал как «тварную Софию, которая отличается от Божественной Софии иного рода бытием, бытием в становлении»... «История осуществляется на путях человеческого творчества. Внутренняя сила этого творчества содержится в “тварной Софии”, заложенной в человеческом существе. Человек, часть Мира, при создании, потенциально уже богочеловек, но раскрывается его богочеловечество тогда, когда человеческое творчество соединяется с Благодатью, “София Тварная” — соединяется с “Софией Божественной”. София же есть душа мира и его первообраз, собрание идей или “божественных замыслов”, отвечающих каждой из вещей и явлений мира, она “просвечивает” в мире “как разум, как красота, как хозяйство и культура”».

«Между человеком (человечеством) и Софией существует неразрывное живое общение. Природа человекообразна, она познает и находит себя в человеке, человек же находит себя в Софии и через нее воспринимает и отражает в природу умные лучи божественного Логоса, через него и в нем природа становится софийна. Мир идей, содержащийся в Софии, представляет собой предельное задание, норму, закон жизни для всего существующего в “тварном мире”. Назначение человека — открыть софийность в себе и мире. Здесь вступают в свои права социальная и гуманитарные науки, которые при правильной методологической обоснованности дают перспективу познания, достижения “тварной Софии”» [6 — 8]. Таким образом, С.Н. Булгаков указывает, что «тварная София» постигается, не только интуитивно-мистическим,

религиозным проникновением в смыслы бытия, но и научным методом. Так формируется лого-софийное единство познания Мира человеком.

Признание неразрывной связи рационального и интуитивно-мистического познания в европейской культуре XX столетия может быть обосновано указанием на колоссальные достижения религиозной философии, софиологии и философии хозяйства в России (А.С. Хомяков, В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский, И.А. Ильин, В.В. Розанов и др.). По существу, на рубеже XIX и XX вв. свершилась новая духовная революция, предложившая осуществить дальнейшее сближения Бога и Человека, выдвинув идею Богочеловеческого единства, повышения степени ответственности человека за софийное сохранение гармонии жизни. Так было снято ложное противоречие между религиозным и научным способом постижения смыслов бытия.

Позже единство существующих методов познания подчеркивал и А. Эйнштейн, заявлявший, что «наука без религии — не убедительна, религия без науки — слепа». Впрочем, в новейшей истории угасающая европейская либеральная культура все больше ограничивается расчетом на рассудок человека и научный прогресс, все меньше на самые глубокие уровни интуитивного постижения, на религиозное прозрение. Эта односторонность, ставка лишь на короткие смыслы бытия в результате породила системный кризис дисгармонично-догматической либеральной культуры на рубеже второго и третьего тысячелетий христианской истории. Сегодня целью рождающейся новой культуры является достижение комплементарности двух сущностей познания, долгое время находившихся в контрастно-конкурентных отношениях. В культуре наступил момент осуществления смелого и необходимого шага на пути к дальнейшему развитию, к переходу на новый, более высокий уровень стабильности бытия человечества. За счет синтеза противоположных подходов в теории и методологии познания рождается новая системная сущность — новое знание о смыслах бытия будущего человечества. Одновременно наступает эпоха синтеза современных культурно-исторических сущностей, пришедших к тесному взаимодействию в новом, глобальном мире.

Яркие творческие качества директора Центра общественных наук — мыслителя, ученого, литератора — во многом определяют междисциплинарный характер деятельности Академии. Экономические, историософские, культурологические, литературоведческие труды Ю.М. Осипова демонстрируют методологический синтез обществоведческих и мировоззренческих подходов («Опыт философии хозяйства» (1990), «Российская реформация» (1994), «Эпоха Постмодерна» (2004),

«Постижение России» (2005), «Иное» (2006), «Философия хозяйства как достояние размышляющего человечества» (2008), «Requiem» (2010), «Обретение» (2011), «Отечественная мировоззренческая мысль: наследие и перспективы» (2013), «Наедине с Софией. Метафизические реалии» (2014)). Главные достижения Академии связаны с разработкой основ современной философии хозяйства.

Сама философия хозяйства Ю.М. Осиповым трактуется как *самостоятельное, открытое для разнообразного творчества, идущее от реальности течение мысли, во многом, с преодолением догм позитивистской науки, и во многом метафизическое, с восприятием трансцендентного начала, но не как всего лишь отрасль философии и не как один из разделов теоретической экономики. От философии хозяйства — один шаг к новому, если не вообще к иному, мировоззрению, по-своему трактующему человека, общество, жизнь, хозяйство, историю, культуру, цивилизацию, мир в целом* (курсив мой. — В.Ш.).

В качестве актуальной проблематики исследований Центра общественных наук рассматриваются вопросы системной и философской антропологии, «постнаучной метафизики»; культурологической кризисологии, движения истории от Премодерна через Модерн к Постмодерну; возможности преодоления Постмодерна; исторической апокалиптики и апокатастики; новых имперских разрешений, проективного солидарного планетаризма; хозяйственной сакральности. Поддерживая обращение С.Н. Булгакова и ряда русских философов (от В.С. Соловьева до Н.А. Бердяева) к Софии Премудрости Божией, Ю.М. Осипов выдвинул понятие русской софийной философии и разработал своеобразную концепцию софиасофии, отличную от предложенного софиософского (и софиологического) учения русских мыслителей.

Междисциплинарный, системный, фундаментальный характер осуществляемых Центром новаторских исследований обеспечивается благодаря участию в ее деятельности многих ведущих российских специалистов в области гуманитарных и точных наук, представителей ряда зарубежных научных школ. Динамичность творческому процессу придается регулярностью проведения научных конференций, в том числе масштабных, международных, многочисленных семинаров, постоянным изданием объемного альманаха «Философия хозяйства», большим числом публикуемых коллективных и авторских монографий, действию ежегодных Орленковских чтений (проблемно-прогностического семинара). Содержательные достижения научной школы философии хозяйства отразила вышедшая в 2010 г. двухтомная «Антология современной философии хозяйства». Ожидается издание не имеющей аналогов энциклопедии «Философия хозяйства».

«Нет ничего практичнее хорошей теории», — эта мысль сегодня является важным критерием продуктивности и социальной значимости новых теоретических разработок в области познания материального мира. Авторство этой формулировки приписывается знаменитому физики Г. Кирхгофу. Однако может ли этот принцип проверки быть применимым также и в области метафизики? Основатель философии хозяйства С.Н. Булгаков считал, что природа познает себя в человеке. История осуществляется на путях человеческого творчества, внутренняя сила которого содержится в «тварной Софии», заложенной в человеческом существе. Человек — часть Мира, его богочеловечество раскрывается тогда, когда человеческое творчество соединяется с Благодатью, «София Тварная» — соединяется с «Софией Божественной». Таким образом, любое теоретическое познание, включая метафизическое познание, имеет принципиальное значение для практики и проверяется ею. В социальной области жизнь уже не раз подтвердила справедливость прогнозов, сделанных на базе принципов философии хозяйства [10 — 12].

Теория системного оптимума социального развития входит в число масштабных научных систем, разработанных представителями современной школы философии хозяйства. Метафизическая идея Всеединства на уровне социальной науки требует глубокой проработки проблем системной и философской антропологии и психологии. Следует отметить, что теория оптимума развития (ТОР) на сегодня включает психологический и антропологический анализ бытия человека на уровне метафизики, культурологии, социологии, политологии, экономики, педагогики, медицины, психологии, физиологии и нейрохимии.

В основе методологии ТОР лежат принципы фрактального подобия организации всех уровней бытия Мира, системного подхода, бинарно-комплементарной природы всех сущностей бытия (что влечет запрет на их односторонне-догматические определения в научном исследовании), признания динамического характера гармонии бытия («скольжения» в будущее, следуя новым требованиям обновляющейся жизни, постигаемых человечеством), принципиальной возможности постоянного возрастания «тварной Софии» (в том числе человеческого познания Мира), движения навстречу «Божественной Софии» и системного (рационального, интуитивного и мистического) постижения человечеством актуальных законов бытия («семенных Логосов») в ответ на «призыв окликающего человека Всеобщего Логоса».

В настоящее время узловыми разделами ТОР являются шесть базовых концепций.

1. Трехуровневой, спирально организованной системы бинарно-комплементарных потребностей человека (материальный, социальный и духовный уровни), выступающей в качестве знаков смыслов бытия. Это потребности дифференциации с порождающей средой, идентификации и интеграции со средой (вещественного и энергоинформационного обмена); экспансии в среде, познания среды (Мира), гармонизации отношений со средой. Их сущность фрактальна на каждом из уровней мотивации поведения человека.

2. Трех базовых адаптационно-конституциональных психологических типов человека (с фиксацией шести повседневно наблюдаемых вариантов за счет выделения ярких и умеренных интровертивных, центровертивных и экстравертивных типов). Эта концепция отражает исследованные нейрохимические, психофизиологические, социальные и метафизические личностные особенности каждого из типов, варианты их сочетания.

3. Трех иерархически организованных, производных друг от друга и развивающихся сигнально-знаковых систем психики человека. Первая сигнальная система — подкорковая, «подсознание». Вторая — корковая и подкорковая, «сознание». Третья — интегральная — подкорковая, корковая, социально-ноосферная, «сверхсознание». Концепция предполагает развитие в будущем новых сигнально-знаковых систем по мере постижения законов макро- и микрокосмоса (см.: [13]).

4. Концепция закономерного исторического восхождения жизнеспособного социума в развитии смыслов бытия. В содержательном плане это восхождение от материально-биологических к социально-нравственным, далее — к соборно-духовным целям-смыслам; в социальном плане — от индивидуалистических к партнерским — коллективным — соборным. Этот принцип, формулируемый ТОР, позволяет прогнозировать неизбежность предстоящего перехода от «примитивных» (эгоцентрических, лично и социально малопродуктивных, конкурентно-партнерских отношений, ориентированных на короткие смыслы бытия) к социальным (гармоничным, коллективно-соборным) отношениям.

Переход на новый уровень социальной комплементарности («любви к ближнему» в терминах религиозных учений) первоочередно будет происходить в малых социальных группах — семья и родственники, друзья, коллеги; затем — в средних социальных группах — избирательный округ (территориальное общественное самоуправление, заключающее социальный контракт с избираемыми во власть лицами, социальными лидерами, т. е. с лицами, нанимаемыми гражданами на общественную работу); далее — переход на комплементарный уровень

отношений социальных слоев, поколений, государств, народов и культур [14].

Данная концепция подтверждает объективность происходящего процесса «заката Европы», западной либерально-индивидуалистической (эгоистической) культуры, ориентированной почти исключительно на материально-индивидуалистические смыслы бытия. Сегодня она выглядит (как рабовладение и феодализм, наивные формы социализма) явной социальной архаикой, представляющей серьезный интерес главным образом для исторической науки и музеев истории развития человечества. Исчерпанность капиталистической модели развития не раз отмечалась организаторами мировых экономических форумов в Давосе. Не может быть и речи о стремлении молодых и обновляющихся культур подражать ей. Ее метафизический, нравственный, культурный потенциал исчерпан. Ее герои вызывают жалость, а не уважение. Либеральное общество выполнило задачу массового достижения материального комфорта, но на большее оно принципиально не способно. Не случайно на метафизическом уровне общество индивидуализма породило метафизику одиночества, отчаянья, потери смыслов, покинутости Богом, ярко выраженную в философии экзистенциализма (С. Кьеркегор, М. Хайдегер). Эта гибнущая культура породила причудливое явление — новый класс несчастливых — богатых людей. Подтверждение легко получить, ознакомившись с биографиями этих персон, представителей их рода в любой из стран, использующей либеральную модель социально-экономического развития. Лишенные нравственных и духовных принципов, которые мешают обогащению, они — изгои современного общества. У них попросту, ничего нет... кроме денег. Люди без нравственных и духовных принципов неизбежно лишены главной ценности бытия — гармоничной любви. Она не доступна для них ни в семье, ни в обществе, ни на небесах. Они не могут найти ответ на простейший вопрос: какую новую радость и смысл дают владельцу второй и последующие миллиарды денежных знаков? С одной стороны, богатый человек обладает большим количеством знаков «полезности», «уважения» («любви») общества — денег, но эти знаки в безнравственном и бездуховном обществе узаконенного обмана, неизбежно — лишь симулякр, они не честны, а потому бессмысленны, как бессмыслен статус человека, «обедающего тысячу раз в день». Богатство (и стоящая за ним крупная «собственность»), в отличие от достатка, безнравственно по своей природе (П. Прудон). Новая Россия, пытавшаяся исповедовать «европейские ценности», убедилась в этом не теоретически, она буквально прочувствовала это «на собственной шкуре»; в итоге наша страна отказалась от таких смыслов существования, от таких «ценностей». Российский соци-

ум отверг идеи «общества Цирцеи», где каждому существу гарантируется лишь животный уровень радостей и смыслов, но где никому не позволено поднять глаза к небу, чтобы увидеть звезды, задуматься о долгих смыслах бытия.

ТОР подтверждает сделанный Ю.М. Осиповым в 1987 г. вывод о невозможности качественного описания только в рамках рациональных конструкций базовых экономических понятий, таких, например, как «стоимость»; им впервые была отмечена также их метафизическая сторона. Процесс «исправления имен» (Конфуций) имеет характер постоянного углубления и уточнения конструктов познания; в полной мере этот принцип распространяется и на тезаурусы базовых понятий науки. В ТОР дефиниции понятий «стоимость», «деньги», «собственность», «власть» раскрываются через базовые понятия социально-психологического и метафизического уровня, т. е. оцениваемые на уровне второй и третьей сигнальных систем, — «потребности», «полезности» (ресурсы), «управление» (организация деятельности), «доверие» (состояние, предшествующее «вере»), «вера» (отношения, не основанные на рациональных когнитивных основаниях). Такой подход позволяет определить «стоимость» как конвенциональный знак полезности объекта, включающий его оценку не только на рациональном уровне (сознания), но и на уровне всех трех сигнально-знаковых систем индивидуальной и коллективной психики. «Деньги» — знаки доверия к «полезности» труда индивида и (или) коллектива для общества; доверие к ним проистекает из доверия к разумности денежной политики, к компетенции и справедливости, «полезности» власти для общества. «Собственность» — знак доверия общества к социальной полезности управления данным лицом экономическим объектом. «Власть» — знак доверия к социальной полезности управления всеми ресурсами общества избранными обществом во власть лицам. Утрата «доверия», «веры» социума лишает эти временные знаки (действительные лишь на время реальной полезности и пропорционально ей) нравственной и юридической основ. Потеря доверия означает падение «стоимости» объекта, утрату оснований на владение «деньгами», «собственностью», «властью». Таким образом, становится очевидной наивность принципа «священной» собственности или наследования материальных состояний, власти. В сути священна лишь «полезность» действий человека для себя, близких, дальних и Логоса. Юридический закон не достаточен для регулирования новых отношений в современном обществе; на повестке дня стоит вопрос о разработке и внедрении институтов реализации нравственного и духовного законов в социальной реальности.

5. Концепция будущей гармоничной, бинарно-комплементарной («конвергентной» с уходящей системой) модели социально-экономической организации российского общества, основанной на современном восприятии принципов российской культурной традиции.

6. Концепция сверхдолгого смысла соединения контрарных бинарных сущностей в бинарно- и системно-комплементарные системы, усложнения в ходе «инфляционного развития» материального («тварного») Мира, отражающего неизбежность формирования все более сложных сущностей при сверхдолгом процессе снижения энергии первичных элементов Мира, созданных «Большим взрывом». Концепция фиксирует бинарно-комплементарные и системно-комплементарные отношения «идеального» (апофатического и катафатического) и «реального» (чувственно воспринимаемого и рационально постигаемого) в Бытии. Для «интровертивной», логоцентрированной души, с невысоким мистическим потенциалом, она отражает необходимость процесса восхождения в судьбе к долгим и сверхдолгим смыслам бытия индивидуального, рода («кармический» аспект), народа, человечества. «Экстравертивная», эмоционально-интуитивная душа чаще ищет «вознесения» к *идеальному*. Люди и общества, отказавшиеся от движения к долгим и сверхдолгим смыслам бытия, от Закона нравственного и духовного, неосознанно вступают в борьбу с Логосом (общество современной западной культуры) и неизбежно погибают. Отсюда проистекает отказ России от следования принципам социального бытия Запада (Указ Президента РФ № 808 от 24.12.2014 г. «Об утверждении основ государственной культурной политики»), возникает необходимость выработки российской наукой новой пассионарной модели развития.

Современная философия хозяйства в целом и теория оптимума развития в частности не дают российскому обществу, его духовной элите оснований для самоуспокоенности, вялого, временно комфортного и иллюзорно безопасного, угасающего движения в будущее в фарватере иных, закатных культур. Сбывается предвидение выдающихся представителей российской и европейской культуры о сложной и благородной, по существу мессианской роли завтрашней России в глобальном мире.

Самостоятельно мыслящим людям очевидно движение духа новой России от состояния предчувствия и ожидания перемен в период выработки не только среднесрочных, но самых масштабных, долгосрочных и даже метафизических программ развития и их реализации. Об этом свидетельствуют и новые идеологические документы, опубликованные в России, и принципиальные изменения во внешней и внутренней политике страны. Базой позитивных перемен является российская культурная традиция, ее развитие в современной науке и культуре,

предлагающее метафизические, социальные, экономические и психологические подходы к решению задач гармоничного развития страны.

Сегодня Россия способна и должна явить миру новый тип гармоничного человека и гармоничного общества, образец для подражания, вновь стать лидером духовного, социального и экономического развития. *Направление перестроения нашего общества, его сохраняющуюся в культуре мессианскую функцию может быть определено принципом: сегодня в России бытие есть принятие ответственности и призвание к гармонии.*

Мы вновь повторяем: «Так уж получилось, сегодня в России Бог...».

Литература

1. Ренессанс философии хозяйства / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2011
2. София. Сто лет русской философии хозяйства / Под ред. Ю.М. Осипова, А.И. Агеева, Е.С. Зотовой. М., 2012.
3. XXI век: интеллект-революция / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М.; Киев, 2012.
4. Постреформизм и развитие / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М.; Ирпень, 2013.
5. *Осипов Ю.М.* Обретение. М., 2011.
6. *Осипов Ю.М.* Русские из истории, в современности и для будущего // Человек завтрашнего дня: взгляд с позиции науки, взгляд с позиции искусства: сб. материалов Междунар. науч. конф. / Под ред. Е.В. Шелкопляса. Иваново, 2013.
7. *Булгаков С.Н.* Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб., 1997.
8. *Булгаков С.Н.* Свет не вечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994.
9. *Булгаков С.Н.* О Богочеловечестве. Трилогия // http://www.odinblago.ru/bulgakov_hozaistvo/9.
10. *Осипов Ю.М.* Россия и кризис: бремя перемен // Философия хозяйства. 2014. № 5.
11. *Шелкопляс Е.В.* Исчерпание комплекса поражения России: неожиданная модель гармоничного развития // Постреформизм и развитие: / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М.; Ирпень, 2013.
12. *Океанский В.П.* София: культурно-историческая герменевтика и поэтико-символическая морфология // София. 100 лет русской философии / Под ред. Ю.М. Осипова, А.И. Агеева, Е.С. Зотовой. М., 2012.

13. *Субетто А.И.* Метафизический коммунизм мироздания С.Н. Булгакова в контексте ноосферного прорыва XXI века // София. 100 лет русской философии / Под ред. Ю.М. Осипова, А.И. Агеева, Е.С. Зотовой. М., 2012.

14. *Океанский В.П.* Будущее России сквозь кризисы цивилизации // Мировая скорбь как показатель заката культурно-цивилизационного цикла: сб. матер. конф. / Под ред. В.П. Океанского. Шуя, 2013.

С.С. СЛЕПАКОВ

Глобальная конкуренция и антироссийские санкции

Аннотация. Антироссийские санкции, являясь средством глобальной конкуренции, ведут к подчинению национально-государственных интересов России интересам глобального центра с целью освоения и эксплуатации ее ресурсов. Национально-государственный интерес России, состоит в ее сохранении как автономного, экономически эффективного и социально ответственного государства.

Ключевые слова: глобальная конкуренция, национально-государственные интересы, санкции, монополия, симулякр, недобросовестное представительство.

Abstract. Anti-Russian sanctions as a mean of global competition, lead to the subordination of national interests of Russia to a global centre for the development and exploitation of its resources. National and state interest of Russia, is its preservation as an autonomous, cost-effective and socially responsible State.

Keywords: global competition, national public interest, penalties, monopoly, simulacrum, unfair representation.

Обращаясь к вопросу социально-экономической жизнедеятельности современной России в контексте глобальной конкуренции, прежде всего, сформулируем некоторые авторские подходы.

Примем за основу утверждение, согласно которому возможности создания условий эффективного социально-экономического развития страны (общества и государства) могут сложиться лишь в хозяйственной системе, которая служила бы реализации ее *национально-*

государственного интереса, объединяющего и согласующего интересы общества, его ассоциированных и индивидуальных субъектов.

Представим национально-государственный интерес как функцию эффективно воспроизводства социально-экономической жизнедеятельности субъекта — национального сообщества. Речь идет о функциональной зависимости уровня и качества жизнедеятельности национального сообщества от характера и результатов его участия в общественном воспроизводственном процессе.

Реализация национально-государственного интереса должна означать решение системной задачи социально полезного освоения обществом и государством всего набора располагаемых ресурсов: культурного, хозяйственного, социально-экономического, инфраструктурного, агротехнического, инженерно-архитектурного, технико-технологического, экологического, обеспечения широкого круга аспектов безопасности и пр. Результаты оценки продвижения национального сообщества по основным, жизненно значимым направлениям, служат важнейшими критериями его развития.

Ключевым принципом при определении цели развития любого государства и России, в частности, следует считать решительный отказ от использования в качестве таковой (цели) различных гегемоний, как то рынка либо государственного управления, демократии либо тоталитаризма и проч. Борьба за идеалы и построение социализма, равно как и капитализма, — занятия для общества не только бессмысленные, но и губительные.

Любая институциональная конструкция, будучи продекларирована и применена в виде мировоззренческой и социально-хозяйственной доминанты (догмы), неминуемо превращается в институт деструкции, в химеру (симулякр), в погоне за которой системные разрушения в социально-экономическом развитии неизбежны. Широко известных, убедительных подтверждений деструктивной роли целеполагающих переходов (переломов) от капитализма к социализму, равно как и в обратном направлении — от тотального плана к тотальному рынку и обратно, от диктатуры к демократии и от демократии к диктатуре в мировой социальной и хозяйственной практике, было и существует великое множество.

Институты (рынка, государства, права и пр.) могут и должны работать во благо общества, но лишь в системном единстве, разумно используемые не в качестве доминирующих целей социально-экономического развития, а как средства, механизмы, инструменты, и применяться рационально, строго по назначению.

Осуществлению функции эффективного воспроизводства социально-экономической жизнедеятельности субъекта — национального сообщества — активно противостоят интересы *глобального центра* (см.: [1; 2]). Их реализация построена на императиве доминирования над национально-государственными интересами. Глобальная конкуренция является наиболее значимым *экзогенным* фактором, разрушающим и подчиняющим национально-государственные, социально-экономические системы с целью освоения и эксплуатации принадлежащих им ресурсов (см.: [3; 4]). Одной из таких систем, функционирующих в орбите интересов глобального центра, является Россия.

Данная посылка не должна быть воспринята как принципиальный отказ от концепции прогрессивной роли конкуренции в социально-экономическом развитии. В общем перечне *ресурсов конкурентоспособности* не вызывает сомнений безусловная, непреходящая ценность противоборства в применении новейших технологий и материалов, модернизационных моделей организации и управления, высокого и нового качества продукции, повышения эффективности труда, производства и реализации товаров, работ, услуг и пр.

Однако, наряду с драйверами конструктивного свойства, в конкурентном процессе существует и активно используется широкий спектр *дискриминационно-деструктивных драйверов*, применяемых в отношении конкурентов (еще, по В.И. Ленину, «от простого платежа отступного до американского применения к конкуренту динамита» [5]). В числе таковых (драйверов) широко используется практика причинения вреда конкурентам, создания им многообразных проблем («вызовов»): хозяйственных, технико-технологических, институциональных, криминальных, межнациональных, межконфессиональных, социально-политических, с провоцированием вооруженных конфликтов, применением мер недобросовестной конкуренции и пр. Чем более дифференцированы потенциалы конкурирующих сторон, тем шире фронт и эффективнее ресурсы поглощения и эксплуатации слабых контрагентов сильными.

Деструкция как способ воздействия наиболее адекватно выражает характер конкурентной политики, реализуемой глобальным центром. В его арсенале присутствуют и активно применяются в отношении государств-конкурентов в любой точке мира (долларового пространства) такие инструменты и механизмы внешнего экономического и политического воздействия, как:

- деструкция национальных отраслей и кластеров, предприятий и организаций с целью освобождения рынков для ТНК;

- деструктивный консалтинг с насаждением профессионально подготовленного менеджмента, реализующего в переходных экономиках под видом (симулякры) рыночно-демократических реформ деструктивные программы развития;
- организация и нагнетание на территориях и объектах, принадлежащих конкурентам, конфликтных ситуаций;
- ограничение условий и возможностей реализации международных хозяйственных связей, договорных отношений с зарубежными партнерами;
- формирование и поддержка в столицах и на периферии агрессивных по отношению к власти оппозиций;
- подготовка и проведение «цветных» революций;
- прямое уничтожение под надуманными предложениями неугодных режимов и правительств, с проведением прямой военной агрессии силами оппозиций, международных военных блоков, военной агрессии глобальных игроков;
- насаждение «марионеточных» правительств и пр.

Под видом защиты прав человека и демократических ценностей (а фактически — симулякров) глобальный центр любыми средствами реализует определяющий принцип — *достижение собственного подавляющего конкурентного преимущества*.

В данном контексте ответ на вопрос о том, чего больше для мирового и национальных сообществ в глобальном монополично-конкурентном противоборстве, пользы или вреда, однозначен — вреда. «Гимн во славу конкуренции» заслужен и уместен, но лишь в ситуациях, когда он оправдан ее целями, средствами и результатами.

Как отмечалось, Россия является одним из акторов процесса глобальной конкуренции. При этом ее богатейшие ресурсы существенно превосходят ее же политический и социально-экономический потенциалы в глобальном мире. Этот дисбаланс расценивается лидерами глобального конкурентного процесса как слабость России (ее хроническая неспособность к эффективному освоению собственных ресурсов). Данное состояние воспринято глобальными лидерами-игроками как нетерпимое, как безусловный повод стремиться к овладению и распоряжению ресурсами России в своих интересах. Проблематика имеет многовековую историю, но накал противостояния в XX—XXI вв. доведен до предела.

Узловым моментом на пути к достижению этой цели претендентам на российские ресурсы и рынки видится *распад России*. В новейшей истории к «крушению империи» системно приближали деструкции:

социалистической системы, Варшавского договора, СССР, как следствие, вопреки заверениям, выход НАТО к границам России.

В пореформенный период (с начала 1990-х гг.) путь к разрушению российского общества и государственности мыслился через деструкцию ее национальной экономики и традиционных ценностей. В результате внедрения с начала 1990-х деструктивных институтов и моделей развития, соответствующих принципам Вашингтонского консенсуса; приватизации и акционирования крупнейших государственных монополий; ликвидации ведущих отраслей обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства, системы профобразования и пр., был причинен существенный ущерб ресурсам жизнедеятельности и национальной безопасности России.

Однако через 20 лет ухудшающих реформ выяснилось, что, даже развиваясь в институциональных условиях деструктивной природы, с задачей саморазрушения Россия не справляется. Динамика экономико-хозяйственного распада в России приняла затяжной характер, а политический курс приобрел отчетливые черты автономности, проявляющейся в достаточно жестком отстаивании Россией своих национально-государственных интересов, в ее сопротивлении интересам и дискриминационной политике глобального центра.

Данные обстоятельства стали препятствием в реализации политики глобальных игроков и вызвали к жизни спровоцированные и организованные США события, в числе которых: противостояние, разрыв отношений и война с Грузией в 2008 г.; глобальный разрыв прежде единой социальной, хозяйственной, территориально-экономической системы и конфликт между Россией и Украиной с фактическим переводом последней в преддефолтное состояние и режим внешнего управления с полной утратой самостоятельности; гражданская война на Юго-Востоке Украины с абсурдным выставлением России в роли агрессора и воюющей стороны; разжигание и нагнетание новой «холодной войны» с «Западом»; информационная война США, широкого круга стран Европы и мира с Россией, демонизация образов России и ее руководства, унижительные для России ревизия и обструкция российской и мировой истории, политики и идеологии, часто за гранью не только разумного, но и элементарных приличий; системные, целенаправленные ограничения, направленные на изоляцию России, в частности, *санкции*.

Вопрос о санкциях как средстве глобальной конкуренции требует особого внимания.

Как известно, санкции представляют собой систему политико-правовых мер, заменяющих военные действия (*их суррогаты*), применяемых ООН в целях принуждения государства-правонарушителя

(делнквента) к прекращению нарушений и выполнению обязательств. Применением санкций экономика государства, ее хозяйственная, финансовая, социально-экономическая системы и другие сферы жизнедеятельности, технологично разрушаются извне неэкономическими средствами (см.: [6]). Институт санкций в его глобальном контексте с точки зрения правовой и социальной целесообразности выглядит, по меньшей мере, неубедительно.

Прежде всего, вопрос о применения санкций решает Совет Безопасности ООН, представляющей более 190 государств. Однако в их числе действуют и успешно лоббируют собственные интересы известные доминирующие центры международного влияния, сконцентрировавшие глобальные финансовые, военные и прочие ресурсы. Фактически решения о санкциях (как и прочие решения) в ООН диктуются отнюдь не интересами мирового сообщества, а собственными политическими и корпоративными интересами субъектов, представляющих доминирующие центры международного влияния. Практика недобросовестного представительства формирует симулякры, т. е. обеспечивает подмену интересов мирового сообщества интересами доминирующих центров и ТНК, которые достаточно вольно используют нормы международного права.

Характерно и то, что в ООН вполне справедливо признана и подтверждена нецелесообразность применения жестких и всеобъемлющих санкций в отношении авторитарных режимов, исключаящих демократический порядок, поскольку в таких режимах население не может влиять на государственную власть. Совет Безопасности ООН в своей санкционной политике декларировал отказ от применения порочной формулы «страдания населения будут приводить к давлению на правительство страны с целью его побуждения к действиям, которые обеспечат снятие режима санкций с государства». Альтернативой «всеобщим» служит практика применения «точечных санкций» в отношении правящей элиты, военного руководства, а также разного рода эмбарго на поставку объектов, которые не используются населением в повседневных или любых других мирных целях (см.: [7]).

Однако данному подходу сегодня противоречит практика широкого использования государствами — лидерами мирового сообщества института санкций в качестве орудия глобальной конкуренции. Применение санкций в виде подобного средства против России очевидно. Они явно преследуют цели причинения ущерба российской национальной финансово-кредитной системе, состоянию национальной валюты, хозяйственному развитию, безопасности государства. Характерны заявления лидеров, в частности, Барака Обамы, выразившего удовлетворение

тем, что в результате применения санкций экономика России, по его мнению, изолирована от мира и «разорвана в клочья».

Адекватность, объективность, целесообразность применения санкций обусловлена выполнением следующих принципов.

1. Адекватное решение проблемы главенства *нормы права* над всеми прочими аргументами, продиктованными, в частности, здравым смыслом, возможностями сохранения мира (не вооруженного способа разрешения конфликта), историко-культурными традициями, соображениями справедливости, рационального расчета, гуманитарной значимости. *Принцип «слепого» приоритета правоприменения* превращает право из демократического института в фигуру фундаментализма. Этот принцип в отношении России произвольно применяется глобальными игроками по своему усмотрению и в собственных интересах.

2. *Адресность* санкций с установлением: справедливой оценки обстоятельств; причин и контекстов столкновения интересов непосредственных (прямых) участников конфликта; вины делинквента и оценки предпосылок и последствий его действий, реального ущерба сторон конфликта; достоверности информации, широкого освещения всех наиболее значимых аспектов проблематики.

3. *Пределы применения* санкций (масштабы наказаний, сроки их применения, возможные разрушительных последствий), которые в отношении России фактически определяются единственным аргументом вполне эгоистического свойства — возможностью минимизации ущерба самим стран-«воспитателей», например, в результате нарушений хозяйственных связей или введения ответных санкций.

4. Важнейшее правило при разрешении конфликтов средствами применения санкций. *Санкции не могут быть средством выгодоприобретения* — санкции не есть бизнес. Это важно, поскольку санкции, как правило, нацелены на изоляцию государства-делинквента мерами неэкономического воздействия, что является действенным способом устранения с рынка конкурента, его ослабления, разрушения его конкурентных преимуществ и условий жизнедеятельности. В этом процессе речь идет уже не столько о принуждении делинквента к соблюдению норм международного права, сколько о выгодоприобретении стран-инициаторов применения санкций — ряда наиболее сильных игроков мирового рынка. Интересы опосредованных (косвенных), потенциальных бенефициаров должны быть вторичны, речь должна идти лишь о непричинении им прямого ущерба. США, страны ЕС и пр. применяют санкции в отношении России, преследуя цели завоевания рынков, в частности, энергетических, принуждая Россию к повышению уровня

военных расходов, расширению масштабов вооруженного противостояния с НАТО и пр.

5. Санкции *не должны превращаться в поток публичных оскорблений и унижений* в адрес государства-деликвента. Это признают не только депутаты Законодательного собрания РФ, С.В. Лавров, но и экс-глава ЮКОСа Михаил Ходорковский, считающий, что публичные заявления о том, что западные санкции, направленные против России (а не против непосредственных нарушителей норм международного права), являются для россиян неприемлемыми и унижительными [8].

Выявление и оценки неадекватных антироссийских действий, провоцируемых и проводимых глобальными игроками, можно было бы продолжить, однако это занятие не продуктивно, поскольку института защиты национально-государственных интересов от глобально-монополистической деятельности не существует. Вменить глобальным игрокам претензии и добиться в надлежащих инстанциях справедливых решений невозможно.

В сложившихся условиях национально-государственный интерес России состоит в защите и сохранении собственной жизнедеятельности как автономного, самодостаточного государства [9]. Возможность решения данной проблемы может быть обеспечена единственным способом — *экономически эффективным и социально ответственным освоением обществом и государством всего набора располагаемых ресурсов*. Целенаправленное, системное продвижение российского общества по жизненно значимым направлениям, в числе которых культурное, хозяйственное, социально-экономическое, инфраструктурное, агротехническое, инженерно-архитектурное, технико-технологическое, экологическое развитие, обеспечение многообразных аспектов безопасности и пр., — не имеющий альтернативы путь, ведущий к сохранению территориально-хозяйственной целостности и национальной идентичности России.

Современной России, превращенной в территорию бизнеса российской бюрократии, государственных корпораций и олигархата, необходимо сильное государство, избавленное от псевдо-либерального бремени («рынка» реализующего интересы государственной бюрократии и олигархов), ориентированное на внедрение в России качественно новой модели хозяйственного развития и прекращение опоры на экспорт сырья и энергоносителей, проводящее политику протекционизма, обеспечивающее и стимулирующее в России: переход от привлечения внешних финансовых заимствований к использованию внутренних резервов роста; функционирование госкорпораций в национальных интересах; развитие точек роста производства продукции обрабатывающей про-

мышленности национальными структурами; повышение значимости малого и среднего бизнеса в народнохозяйственной структуре.

Литература

1. <http://www.globalinterests.org/>.
2. <http://globalaffairs.ru/event/Doklad-V-preddverii-Sankt-Peterburgskogo-Sammita-Bolshoi-dvadcatki-vremya-Rossii-zadavat-kurs-15981>.
3. *Осинов Ю.М.* Современность: война миров // *Философия хозяйства*. 2015. № 1.
4. *Зобова Л.Л., Орлова Е.К.* Глобальная конкуренция как разновидность пространственной конкуренции // *Современные проблемы науки и образования*. 2012. № 4.
5. *Ленин В.И.* Империализм как высшая стадия капитализма (популярный очерк) // *Ленин В.И. Полн. собр. соч.* Т. 27.
6. <http://rusrand.ru/analytics/sanktsii-protiv-rf-opyt-vyzhivaniya>.
7. http://www.bbc.co.uk/russian/international/2014/04/140429_sanctions_history.
8. http://ria.ru/politics/20140923/1025331756.html?utm_source=infox.sg#ixzz3EXyUPe4d.
9. *Осинов Ю.М.* Актуальные принципы организации российской экономики // *Философия хозяйства*. 2014. № 6.

И.Р. БУГАЯН

Доминирование факторов производства человеческого происхождения и социальная защита: причинно-следственная связь и историческая обусловленность

Аннотация. Вопреки ожиданиям развал «социалистического лагеря» не повлек угасания интереса к социализму. Более того, он (социализм) стал объективной реальностью, не благодаря, а вопреки политике и тех стран, которые стремились к нему, и тех, кто препятствовал. Поэтому возник он не в странах, объявлявших себя когда-то социалистическими или строителями социализма, а совсем в других, по сравнению с Россией мало помышлявших о нем (например, «шведский социализм»). Рассматриваются причинно-следственные связи, закономерности, последствия; особенности России.

Ключевые слова: доминирующий фактор производства, смена элит, вызываемая изменением субординации факторов производства, межэлитарные отношения напряжения и торможения, оденживаемая и неоденживаемая части целого как соотношение между экономикой и общественным сектором хозяйства, доминирование одушевленных факторов производства как объективная причина опережающего роста общественного сектора хозяйства и роста социальной защиты вне времени и соответствующего социального пространства.

Abstract. The article is devoted to socialism that became objective reality, without thanking, and contrary to policy and those countries which aspired to it, and those who interfered. Therefore there was it not in the countries declaring themselves once socialist or builders of socialism, and absolutely in others in comparison with Russia it is not enough thinking of it (for example, «the Swedish socialism»). The author considers relationships of cause and effect, regularities, consequences, Russia's features.

Keywords: factors of production, elite, business, economy, public sector.

Региональное разнообразие кормящих ландшафтов лежит в основе многообразия и особенностей человеческой деятельности, которая неизбежно вызывает возникновение многослойность социальных групп и соответствующих элит.

Социальные слои всегда ранжированы; представители их элит — тоже. Высшую ступень среди них занимают те, которые возникли на основе доминирующего в регионе фактора производства. Но, независимо от этого, все они подчинены одинаковой закономерности, которая наиболее ярко проявляется в смене элит, вызываемой, прежде всего, изменением субординации факторов производства (см.: [1, 38—43; 2, 5—12]).

Каждый раз, когда на место прежнего доминирующего фактора производства, т. е. фактора, вложения в который давали, по сравнению с иными их возможными направлениями, наибольший экономический результат, приходит другой — неизбежно происходят своеобразные взбалтывание и перемешивание всех социальных слоев общества.

В современной России установилось многообразие форм собственности и хозяйствования, следовательно, и разнообразились направления возможных вложений, которые стали называться уже не капитальными, а инвестиционными. Они выявили, что в современных условиях — условиях НТР — вложения в капитал, не только в России, но и во многих других странах, далеко не самый лучший выбор. При-

влекательными оказались иные направления, вызываемые НТР и НТП: в современные средства мобильной связи и развитие соответствующей инфраструктуры, обеспечение электронным оборудованием сферы услуг, финансов, торговли и др.

В результате появились электронные торговля и оплата услуг, дистанционные образовательные учреждения и даже банки. Социальная структура общества в странах, охваченных этими новыми и информационными технологиями, резко усложнилась — и качественно, и количественно, — увеличилось количество входящих в нее компонентов. Появились новые элиты, доходы и влияние которых стали не только сопоставимы с собственниками «заводов, пароходов», но и превзошли их, причем в кратчайшие сроки. На протяжении уже ряда лет самыми богатыми людьми в мире признаются предприниматели с ничтожным материальным капиталом, но сумевшие поставить свое дело практически полностью на основе своей интеллектуальной собственности (преимущественно — создаваемых программных продуктах).

Оказалось, что в словах песни: «кто был ничем — тот станет всем» заложен не временный, а неизбывный смысл.

В разных регионах эти процессы происходят не одновременно и с разной интенсивностью (скоростью). Поэтому элиты быстро, с опережением развивающихся территорий, часто вынуждены в межрегиональных отношениях иметь дело с архаичными элитами регионов-аутсайдеров. В итоге между ними неизбежно возникновение либо отношений торможения, либо постоянно тлеющих очагов напряжения как внутри стран, так и на межгосударственных уровнях из-за таящейся возможности экспансии со стороны внешних конкурентных рынков.

Эти напряжения были, есть и будут. Они — постоянная составляющая межрегиональных экономических отношений.

Одним словом, палитра взаимоотношений между региональными элитами обширна. Она не ограничивается лишь экономическими и политическими сферами. Если возможно решить проблему как-то иначе, вопреки подписанным договорам и безнаказанно, то можно не сомневаться — с каким бы беззаконием это не было бы связано, оно будет применено, к любой стране и к какому угодно региону. Таковы реалии современности, впрочем и вневременности.

К устойчивым межрегиональным различиям относятся те, которые вызваны объективно сложившимися в них различиями в субординации факторов производства, при которых один из них среди прочих становится и является доминирующим. Именно на основе владения доминирующим фактором производства и возникает господство региональных элит. Если же эти доминирующие факторы в регионах различ-

ны, то региональные элиты не могут не различаться между собой интересами, размыслительностью, эмоциональностью, поведением или чем-либо еще.

Например, в развитых регионах мира своим положением элита обязана, преимущественно, предпринимательскому таланту — как своему, так и своих сограждан, развернувшегося на основе принадлежащих им новых и информационных технологий, а в странах иных — наемному труду, капиталу или земле.

Элита регионов, где доминирующим фактором является современное предпринимательство, а товаром — новые и информационные технологии (Н и ИТ), извлекает доход преимущественно за счет собственности не на капитал, землю или труд, а за счет интеллектуальной собственности на Н и ИТ, без которой невозможна современная предпринимательская деятельность по производству конкурентоспособного продукта. Предпринимательский же доход к ним поступает от лицензионных соглашений (в виде лицензионных платежей), включающих условия предоставления партнерам возможности пользоваться Н и ИТ, или заключенных договоров о совместной деятельности. Причем распространение этих технологий не имеет географических границ. Оно возможно как внутри стран происхождения, так и за их границами.

Подобные межрегиональные связи не могут быть равноправными. Одна сторона этих отношений монопольно владеет конкурентоспособной технологией, без которой другие не могут произвести продукцию, пользующуюся платежеспособным спросом; а также имеет неограниченные возможности распространения своей технологии и в других регионах на аналогичных условиях.

А в регионах, имеющих иную субординацию фактов производства, альтернативы могут вообще отсутствовать.

Некоторые «высокие технологические стандарты» способны развивать лишь одну отрасль, например, добывающую. В этом случае они являются результатом завершения циклов: «А», «Б» или «В», которые могут вызвать лишь научно-технический прогресс (см.: [3, 95—98]); здесь заложены возможности лишь модернизационного развития и то не всех, а лишь отдельных отраслей, в лучшем случае, одного из подразделений общественного производства.

Это ни в какое сравнение не идет с последствиями завершения циклов «исследование — производство» класса «Г» (см.: [3, 96; 4, 59—60]), вызывающих и поддерживающих новые направления НТР. Их принципиальное различие в том, что технологии, возникающие по их завершению, оказывают не локально-отраслевое, максимум — подразделенческое, а глобальное влияние как на хозяйство стран, в которых

создаются, так и на всю мировую экономику в целом. Примерами подобных технологий являются различные направления научно-технической революции:

- лазерное (открыто в 1960-е гг. советскими учеными, лауреатами Нобелевской премии Прохоровым и Басовым);
- компьютерно-программное (положено начало в СССР до Второй мировой войны, получило бурное развитие с началом освоения космического пространства);
- генетическое (положено начало в СССР до Второй мировой войны; исследования были временно прерваны по идеологическим соображениям и возобновлены позже вновь).

Само перечисление перспективных направлений НТР, получивших в дальнейшем полное подтверждение и признание в мире, свидетельствует об опережающей реакции тогдашней научной и деловой элиты на ожидаемые от них действия и результаты.

Политическая элита СССР за элитой научной не всегда поспевала, осуждая и задерживая (иногда не на один год) то или иное направление НТР, возникшее в стране.

Ныне в РФ ситуация противоположна прежней. Нет не только желаемого опережения и инициативности в действиях научной и деловой элиты, но даже после того, как все определено политической элитой, указано, куда и как двигаться, начинается поиск лазеек, чтобы этого не делать, сохранить все так, как есть, поскольку это устраивает, выгодно тем, кто и так уже возвысился без проявления каких-либо конкурентных преимуществ. Все понимают, что это возвышение произошло не только антирыночно, но и вредно, было вызвано поддержкой иных элит, руководствующихся принципом Фамусова («Горе от ума»): «ну как не порадовать родному человечку», но считают, что этим придется переболеть.

Да, действительно, ни у кого нет точного диагноза и рецепта, что необходимо предпринять. Но конечная цель, поставленная высшей политической элитой России, в целом понятна, верна, выверена и подтверждена практикой других стран.

Шаги, предпринимаемые в направлении реформирования научных, образовательных учреждений, не популярны, вызывают недовольство, а иногда и протесты. И это можно понять, поскольку в условиях, когда набирает силу новый доминирующий в международных отношениях фактор производства, нельзя что-либо реформировать в отрыве от него — от современного предпринимательства — предпринимательства на основе новых и информационных технологий.

Да и само наше нынешнее предпринимательство требует не меньшего внимания российской высшей политической элиты, поскольку оно также равнодушно к науке и ее результатам, как и наука — к предпринимательству.

Между тем *без взаимодействия науки, техники, производства невозможны взаимосвязанные прогрессивные изменения в них, т. е. НТР, а следовательно, и современное предпринимательство на основе новых и информационных технологий.* Каждому должно быть понятно, элите каких социальных слоев нашего общества следует принимать в этом взаимодействующее участие, включая не только государственное предпринимательство, но и предпринимательство частных лиц, в том числе ученых, ИТР, др.

Высшая политическая элита России не может от этого отступить. Иначе она, в свою очередь, теряет свое место в высшей политической элите мира, включающей представителей политических элит не более десятка государств, которые приобрели способность поставить предпринимательское развитие в своих странах на фундамент НТР и НТП.

На нашей планете проживает около 7 млрд человек, из которых только 1 млрд имеет социальную защиту. Остальные, т. е. подавляющее большинство, не имеют. Среди них и те *страны, элиты которых в свое время провозглашали социализм своей целью — страны бывшего «социалистического лагеря», из которых ни одна, даже покинув прежнюю идеологическую платформу, не осмелилась открыто отойти от постановки хотя бы задачи достижения социальной защиты граждан в будущем.*

Особый интерес представляет и то, что *даже элиты стран, сохранившие прежние идеологические позиции, на основе которых существовал социалистический лагерь, и ставшие экономически, относительно прежнего периода, благополучными, тоже не могут обеспечить социальную защиту своих граждан, хотя бы на уровне тех государств, которые никогда не ставили подобных задач, но вынужденно решили их.* Например, миру известен и признан «шведский социализм», но не российский и не китайский. В чем тут дело?

Одно и то же благополучие, выраженное исключительно в экономических показателях: ВВП, золотой запас, валютные резервы и т. п., может иметь различные социальные последствия.

Все зависит от того, как добыто это сугубо экономическое благополучие, какой, образно говоря, социальной ценой и на какие цели оно направляется.

Источниками нынешнего экономического благополучия Китая является такой фактор производства, как труд его граждан в объеме и качестве, недоступных для какой-либо иной страны, не обладающей подобными трудовыми резервами. В России подобную роль выполняет иной фактор производства, тоже недоступный для других в тех размерах и качестве, какими располагают россияне, — земля и ее недра. Но могут ли эти факторы производства, будучи экономически доминирующими для названных стран, обеспечить, наряду с экономической безопасностью, и социальную защиту их граждан в современных условиях — условиях НТР и НТП?

Все дело в том, что *социальная защита зависит от размеров и качества общественного сектора хозяйства, носящего для граждан — потребителей его благ — преимущественно не оденуженный характер: безопасность внутренняя, внешняя, просвещение, здравоохранение, образование, блага от достигнутых уровней развития науки, культуры, искусств и т. п. Все это не оденужено для потребителей, но не для общества и соответствующих институтов государства.* Для того чтобы разобраться во всем этом, экономики недостаточно. Необходимо опереться на концепцию, которая шире экономики, вбирая ее как свою часть, включая в себя и общественный сектор хозяйства, на философию хозяйства.

Философия хозяйства, представляя собою диалектическое единство оденуживаемой части хозяйства, т. е. экономики и другой — для потребителей неоденуживаемой — общественного сектора хозяйства, совершенно необходима для тех стран, в которых либо уже достигнут уровень социальной защиты, адекватный, скажем, шведскому социализму, либо поставлена подобная задача в принятой народом конституции.

Роль и значение общественного сектора хозяйства в обеспечении благополучия граждан под воздействием ныне действующих общественных законов и закономерностей приобретают тенденцию к опережающему росту (см.: [5, 126—133]). Возможно, в связи с этим в учебном процессе предусмотрен, например, курс, который назван: «Экономика общественного сектора», что, наш взгляд, аналогично выражению «горячий лед».

Общественный сектор не может быть тождествен экономике, как и лед — горячим. Правильнее будет назвать этот учебный курс «*Общественный сектор хозяйства*».

Начало возникновению и развитию оденуживаемой части хозяйства положило появление денег и всех наук, необходимо сопровождающих и обеспечивающих их непрерывное движение, в чем решающая

роль принадлежит карфагенской финансовой империи и, можно сказать, цивилизации в целом, создавшей в прошлом, по-существу, весь блок экономических наук. Он включает: денежные знаки и их обращение, финансы, кредит, государственные займы в современном смысле этих категорий.

Что касается противоположного карфагенской империи — общественного сектора хозяйства, то он возник в римском мире и в целом в древнеарийской цивилизации, включающей в себя не только римлян, но и, прежде всего, эллинов в Европе, парфян и армян в Малой Азии, а еще задолго до них — современников Древних Египтян — хеттов.

После непрерывных межимперских войн между Римом и Карфагеном, общей продолжительностью в 140 лет, возникло диалектическое единство этих двух противоположностей, определяющих своеобразные координаты современных хозяйств как каждого из нынешних государств, так и для мирового сообщества в целом.

В зависимости от того, какой фактор производства доминирует в конкретной стране, определяется не только место этой страны в мировой системе субординация стран и народов, но и соотношение между ее оденуженным и общественным секторами хозяйства. А, тем самым, и место, которое страна занимает в негласном международном табеле о рангах, отражающем уровень возможной социальной защищенности ее граждан.

Не случайно совпадение: именно в странах, где доминирующим фактором является современное предпринимательство — предпринимательство на основе новых и информационных технологий, — возникает не только возможность, но и необходимость социальной защиты слабых граждан (см.: [5]). Именно ее наличие и является основой для их вхождения в состав стран так называемого «золотого миллиарда».

Тема социализма стала нынче не популярна — именно тогда, когда потребность в ее разработке стала как никогда необходима, поскольку не только его «призрак бродит по Европе», но и он сам становится и уже стал в некоторых странах мира объективной реальностью — реальностью стран «золотого миллиарда». Основная причина такой странности в том, что оппоненты никак не сближаются до такого уровня взаимопонимания, при котором возможна дискуссия.

Политэкономы свой анализ основывают на отношениях собственности по поводу факторов производства. Если эти отношения не носят общественный характер, разговор о социализме для них не имеет смысла.

Философы же хозяйства, исходя из того, что в него (в хозяйство), кроме оденуживаемой части входит не оденуживаемая — общественный

сектор хозяйства, считают: этот сектор тоже является и не может не быть источником дохода. Но дохода не однеживаемого, а значит и не зависящего от отношений частной или иной собственности на факторы производства. Суть и цель последней ограничены — создать конкурентоспособный товар и реализовать его. А, значит, и получить лишь личный денежный доход.

Между тем уже сам факт принадлежности любого человека к определенному обществу, юридически зафиксированный его гражданством, не может не налагать взаимных разнообразных обязательств между ним и государством. Нельзя от гражданина требовать военнообязанной готовности отдать за родину жизнь и лишать его и членов семьи социальной защиты в условиях вновь возникшего в России конкурентного рынка, а следовательно, и существующей вероятности потери им своего места конкурентоспособного участия в нем и соответствующего рыночного дохода.

Если это понимали в Первом, или, как сейчас принято называть, в Древнем Риме, где неукоснительно выполнялись требования сограждан «хлеба и зрелищ», то недопонимание этого в нынешнем — Третьем — Современной России — просто недопустимо.

О масштабах и глубине философско-хозяйственного подхода цезарей и сената к решению сложившихся общественных проблем Рима, сходных с проблемами не только современной России, но и стран «золотого миллиарда», а также о взвешенности принятых ими решений можно судить по останкам архитектурных сооружений. Все сохранившееся с тех давних пор относилось к общественному сектору хозяйства (акведуки, храмы, амфитеатры, дороги, мосты) и другим объектам не однеживаемого потребления. Некоторые из них используются по сей день в Испании, Италии и на иных территориях бывшей Римской империи.

До сих пор все перечисленное потрясает воображение, включая фортификационные сооружения, обеспечивающие личную и общественную безопасность римских граждан. Причем, все это обнаруживается и в европейских владениях империи, и в Африке, и в Малой Азии.

Римские цезари всегда заботились о виде столицы, ее соответствии величию рабовладельческой державы, а значит, и о размере и качестве общественного сектора хозяйства, обеспечивающего социальную защиту, достойную всех римских граждан.

Все эти постройки имели общественное назначение, относились к общественному сектору хозяйства и преследовали, как и две тысячи лет спустя, уже в нынешних странах «золотого миллиарда», и, надо наде-

яться, в недалеком будущем России, цели социальной защиты слабых или ослабевших в связи с почтенным возрастом сограждан.

То общее, что здесь обнаружилось в общественных системах, разделенных пластом времени ~ в 2000 лет, но отсутствовало в более близкие к Риму периоды развития человеческой цивилизации, когда доминировали такие факторы производства, как земля и капитал, поразительно и нуждается в ответе.

Одна из возможных версий, которую, как нам представляется, уместно в этой связи предложить, заключается в следующем. И капитал, и земля — факторы производства вещественного содержания. В те периоды человеческой истории, когда они доминируют, все вложения, или, как сейчас принято говорить, инвестиции осуществляются, преимущественно, на развитие этих факторов, объективно мало связанных с общественным сектором хозяйства.

Когда же доминируют факторы человеческие — труд или предпринимательство, — направления инвестиций существенно меняются. Поскольку возникает необходимость преимущественного развития именно этих одушевленных факторов производства, роль и значение общественного сектора хозяйства неизмеримо возрастают. От него, прежде всего, зависят необходимые для соответствующей элиты качественные — образовательные, духовно-умственные, морально-нравственные — и количественные — преимущественно физиологические — параметры человеческого развития, требующие инвестиций в соответствующие инфраструктурные объекты именно социально значимого сектора народного хозяйства.

Литература

1. *Бугаян И.Р.* Философия хозяйства: соотношение и мера форм занятости и незанятости российских этносов. Ростов н/Д, 2011.
2. *Бугаян И.Р.* Спираль общественного прогресса и доминантный фактор производства // Философия хозяйства. Специальный выпуск. 2009.
3. *Бугаян И.Р.* Социалистическое накопление и воспроизводство (проблемы взаимодействия в условиях НТП). Ростов н/Д, 1983.
4. *Бугаян И.Р.* Современное предпринимательство и менеджмент: соотношение и мера: Монография. М., 2012.
5. *Бугаян И.Р.* Закон-тенденция опережающего роста общественного сектора хозяйства стран «золотого миллиарда»: причины, границы, последствия // Философия хозяйства. 2015. № 4.

М.Р. ФОМИНА (ЭЛОЯН)

**Актуальные проблемы философии хозяйства:
ГМ-революция и демонтаж традиционного земледелия**

Аннотация. Показана несовместимость традиционного земледелия и ГМ-культуры. Проанализированы религиозно-метафизические, социально-экономические и политические условия перехода таких стран, как Китай, Индия и Россия, от традиционного земледелия к ГМ-культуре. Показано, что теория аграрного развития С.Н. Булгакова является теоретико-экономическим обоснованием аграрной реформы Китая 1978 г.

Ключевые слова: традиционное земледелие, ГМ-культура, ГМ-революция, ГМ-семена, наделная система, семейный подряд, «распыленное землепользование», кооперация.

Abstract. Incompatibility of traditional agriculture and GM-culture is shown. Religious and metaphysical, social and economic and political conditions of transition of such countries as China, India and Russia, from traditional agriculture to GM-culture are analyzed. It is shown that S.N. Bulgakov's theory of agrarian development is a theoretical economic justification of an agrarian reform of China 1978.

Keywords: traditional agriculture, GM-culture, GM-revolution, GM-seeds, allotted system, a family contract, «the sprayed land use», cooperation.

Еще в начале XX в. великий русский экономист С.Н. Булгаков предсказал человечеству изобретение искусственных продуктов питания, которое полностью изменит картину мира. И вот сегодня мы живем в эпоху ГМ-революции, которая, в отличие от неолитической революции, научившей человечество обрабатывать землю и выращивать злаки, есть антиаграрная революция, последствиями которой будут:

- демонтаж традиционного земледелия, если под традиционным земледелием понимать систему сельскохозяйственного производства, основу которого составляют крестьянский «труд» и производительная «земля»: в условиях ГМ-культуры, не «земля» (ГМ-культуры высаживаются где угодно, вплоть до пустырей, котлованов и пр.) и не «труд» (ГМ-культуры устойчивы к гербицидам и пр., и не нуждаются в сельскохозяйственной обработке) являются основными источниками производства ГМ-продуктов питания, а ГМ-семена, для высадки которых требуются лишь крупные земельные площади;

- ликвидация крестьянства: теперь уже не земледелец-крестьянин, обеспечивающий сам себя семенами и обрабатывающий землю, является основной производительной силой сельскохозяйственного производства, а генетики, от манипуляций которых с традиционными семенами теперь зависит жизнь человека, в которой главное — пропитание; наконец-таки, «капитализм, в его современной форме ГМ-агробизнеса, нашел-таки способ избавиться от крестьянства, которое он всегда считал нерентабельным» [1, 87—88];

- уничтожение стран аграрного сектора мира, под которыми понимаются страны, производящие продукты питания в рамках традиционного земледелия: сегодня таких стран осталось уже немного — под нашествием ГМ-революции пали такие аграрные страны, как Аргентина и Бразилия, где были проведены первые массовые высадки ГМ-культуры, поэтому не надо представлять БРИКС как союз аграрных стран, настаивая на богатом сельскохозяйственном потенциале Бразилии и стремящейся вступить в него Аргентине; что касается Китая, Индии и России, то каждая из этих аграрных стран пройдет этот путь по-разному, соответственно исторически сложившимся обстоятельствам.

Так, в Китае — этой колыбели и последнего оплота традиционного земледелия, препятствием для распространения ГМ-культуры, нуждающейся в огромных земельных площадях, выступает система «аграрного коммунизма», согласно которой вся земля в Китае, поделенная на небольшие участки, всегда принадлежала крестьянам. Еще во II в. до н. э., т. е. гораздо раньше, чем в Японии и в Западной Европе, легисты ввели в Китае частную собственность на землю, сохранив при этом за собой право ограничивать ее развитие. Ибо полагали, что земля должна служить источником пропитания для всего народа, а не средством обогащения для немногих. Поэтому, когда конфуцианцы, выступавшие ранее за государственную собственность на землю, пришли к власти, они ничего не стали менять, а просто поставили частную собственность на землю под контроль государства, чтобы предотвратить появление в Китае крупной земельной собственности в ущерб большинству земледельческого населения страны. Собственно, под частной собственностью на землю конфуцианцы и понимали следующее положение: земля должна принадлежать тем, кто на ней живет и кто ее обрабатывает.

Свое классическое воплощение конфуцианский принцип частной собственности на землю получил в надельной системе Китая. Практически это выглядело так: вся государственная земля, поделенная на равные наделы, передавалась в пользование крестьянским семьям, согласно принципу их трудоспособности. И в этом отличие надельной системы Китая от надельной системы Японии, в которой не был реализован

уравнительный принцип распределения земли, что и привело к ее быстрому разрушению. В Японии землю получали не трудоспособные, а все члены двора, включая детей и стариков. В такой системе вся земля концентрировалась в руках главы дома, что, в конечном итоге, и привело к формированию в Японии крупного помещичьего землевладения. В Китае же основной хозяйственной единицей в наделной системе выступал не двор, а семья (муж, жена и несовершеннолетние дети). Причем землю получали только муж и жена, соответственно 70 и 30 му (1 му = 0,0667 га) земли, т. е. ровно столько, сколько они способны были обработать. В этом и есть смысл «системы уравнительного землепользования» Китая, который «в устах его законодателей и историографов получил наименование “равных полей” (цзюнь тянь), т. е. равных земельных наделов» [2, 138].

Эта «система уравнительного землепользования» поддерживалась системой наследования земли, получившей название «нотуоуогенитуре», согласно которой земля наследовалась поровну между всеми взрослыми сыновьями семьи. И в этом отличие Китая от Японии, Индии и Западной Европы, где была принята система наследования земли, согласно принципу первородства, по которому наследство получал лишь старший сын, что и привело к концентрации земли в одних руках и формированию там крупных помещичьих хозяйств. В Китае же, исходя из системы наследования земли, дробившей пахотные земли на небольшие участки, так и не сложилась крупная земельная собственность, и феодализм был отличен от классического феодализма, описанного К. Марксом. Хотя основными владельцами земли в период позднего феодализма в Китае и были помещики, как в период раннего — государство, но, как показала история, аграрный вопрос в Китае никогда не сводился к отношениям землевладения. Он всегда выходил за рамки юридической концепции собственности, отвечающей на вопрос, кто — чем владеет, и всегда рассматривался в рамках экономической трактовки собственности, а именно, кто производит. Исходя из такого понимания отношений собственности, собственниками земли в Китае всегда были те, кто жил на земле и обрабатывал ее, т. е. землепользователи — крестьяне. Китайские экономисты такую сложившуюся систему аграрных отношений в Китае назвали системой «распыленного землепользования» [3, 248], которая сохранила крестьянство как класс и в период националистических, и в период коммунистических преобразований страны.

Поэкспериментировав 20 лет с колхозным движением по примеру СССР, в результате которых Китай превратился в крупного мирового импортера продовольствия, он вернулся к своим аграрным традициям, которые восходят к «системе уравнительного землепользования». И в

этом особенность Китая, который со времен Конфуция всегда ответы на вызовы современности ищет в прошлом. Семейный подряд, введенный новой экономической реформой 1978 г., и стал реставрацией старой наделной системы Китая, если не по факту и в деталях, то по своей философии хозяйства. Ибо он вернул китайскому крестьянину чувство хозяина, «кровной» связи его со своей землей, утраченной в условиях совместного труда на общественной поле в период колхозного строительства КНР. Основной хозяйственной единицей в этой системе, так же как и в наделной системе, стала семья, которая получала в пользование из коллективных фондов подрядный надел, и несла полную ответственность за результаты своей сельскохозяйственной деятельности на этом участке земли. На основе семейного подряда создавалась «семейная кооперация», которая, в отличие от колхозной кооперации, не обобществляла труд и землю, а давала право каждой крестьянской семье самостоятельно вести хозяйство и распределять весь полученный доход согласно формуле: «рассчитайся полностью с государством, воздай коллективу, оставшееся — твое» [4, 188]. Эта формула рассматривалась китайскими экономистами-марксистами как торжество социалистического принципа распределения по труду, который не был реализован в системе оплаты по трудодням и по своей сути соответствовал распределению земли на основе принципа трудоспособности в наделной системе Китая. В любом случае эта формула стимулировала материальную заинтересованность крестьян в повышении интенсивности своего труда на предоставленном ему подрядном наделе.

Нужно сказать, что в Китае, в общем-то, сложилась парадоксальная ситуация — земли нет, если под землей понимать огромные площади пахотных земель, а земледелие есть. Китай — это «лоскутное» земледелие, со сложным рельефом и неровностью почвы — так сказать, земледелие малых форм, размер которых со времен наделной до подрядной системы значительно сократился: со 100 му до 10. И единственный путь повышения их эффективности — все более тщательная, интенсивная обработка каждого кусочка земли. И в этом смысле подрядная система, дробившая землю на небольшие участки земли, представляет собой наиболее привычную для Китая форму земледелия, доступную для обработки, как и тысячу лет тому назад, только ручному труду. Благо, что благодаря наделной системе, которая, по Конраду, выступила мощным орудием повышения производительных сил сельского хозяйства, к XVIII в. Китай имел весь арсенал орудий труда в количестве 72 единиц (из которых Европе и России, до сих пор, известна едва лишь десятая часть), «пригодных для обработки земли в различных условиях» [5, 70]. И до сих пор не «масштаб земли», а «масштаб производства» — качество обработки земли — является определяющим с

точки зрения повышения эффективности сельского хозяйства Китая, что и получило свое практическое подтверждение в 1984 г., когда производство зерна в Китае превысило рекордный уровень — 500 млрд кг. Страна превратилась в мирового экспортера зерна. «Но меня больше всего удивило не это, а, например, то, как Китаю удастся прокормить 1,2 миллиарда людей... Вот, что значит трудолюбивые крестьяне, почувствовавшие свои возможности плюс внимание государства. Увы, этот опыт, мы перенять не можем — у нас уже почти не осталось крестьянства» [6, 167].

Итак, сохранив в ходе своей тысячелетней истории мелкое крестьянское хозяйство, использующее ручной труд для производства продуктов питания, и доказав его эффективность, сегодня Китай стоит перед новым вызовом — ГМ-культурой, для производства которой требуются огромные площади земли. Для этого Китаю нужно освободиться от «распыленного землепользования», т. е. пойти на «сгон крестьян с земли» — так, как это в свое время было сделано в Англии, когда расчищались поля для развития овцеводства в XVI в., в Японии в XIX в., в России в конце XX в., для высадки ГМ-культуры. И ответить на вопрос, насколько верным оказалось предсказание К. Маркса, согласно которому все народы, независимо от своего прошлого и настоящего, должны прийти к капитализму через уничтожение собственного народа — крестьянства. И ответить на вопрос, который мучает культурологов: Китай — это формация или цивилизация? Но пойдет ли Китай на этот исторический эксперимент, расчищая свои поля для высадки ГМ-культуры? Тем более первый шаг для этого Китай уже сделал, вступив в 2011 г. в ВТО, что само по себе означает, что он взял на себя обязательство по распространению ГМ-культуры.

У Китая есть два пути — формационный и цивилизационный. Первый — пойти западным путем, расчищая земли для высадки ГМ-культуры, а миллиардную массу деревенского населения загнать в города, где она станет той дешевой рабочей силой, которая обеспечит собой все производство мира. Именно такой путь, рассматривая Китай как Клондайк громадных трудовых ресурсов для мировой экономики, наметил ему американский экономист Д.Е. Штиглиц, когда писал: «два фактора будут влиять на развитие мировой экономики в будущем, один из них — это научно-технический прогресс в США, а другой — это урбанизация в Китае» [7, 114]. Но идти этим путем, разрушая многовековую традицию, к которой прикипел народ и которая, по оценке китайских экономистов, соответствует объективным законам развития, или, что то же самое, конфуцианскому положению «Глас народа есть глас Неба», себе дороже: «Объективные требования экономики могут проявляться прямо или косвенно, пройдя через сознание масс, и когда мы идем враз-

рез с волей масс, одновременно мы идем вразрез с объективными экономическими законами» [4, 67]³⁹.

Скорее всего, для выполнения своих обязательств перед ВТО Китай пойдет вторым путем, реализуя, а не уничтожая свои принципы жизнедеятельности. Прежде всего, речь идет о распространении конфуцианского принципа частной собственности на землю вширь — на территории соседних государств — Индии и России. Неважно, что эти страны остаются владельцами земли, ведь земля, на самом деле, согласно конфуцианской доктрине, принадлежит тем, кто на ней живет и кто ее обрабатывает, а не тем, кто ею владеет. Поэтому долгосрочная аренда, лет на 50—70, и выступит мирным способом захвата чужой территории, согласно китайскому принципу невмешательства («ву-вэй»), смысл которого удалось «услышать Б. Расселу во время поездки его в Китай: “производство без владения, действие без самоутверждения, развитие без господства» [9, 159]. И название для арендованных Китаем территорий России подобрали соответствующее: ТОР — территории опережающего развития, которые и будут использоваться Китаем для высадки ГМ-культуры. В соответствии с концепцией Дэн Сяопина «одна страна — две системы», в рамках которой Китай, совместив две системы — социалистическую и капиталистическую, совместит традиционное земледелие и ГМ-культуру.

Индия является страной, наиболее подготовленной для восприятия ГМ-культуры. В Индии всегда существовала крупная земельная собственность, где первую роль играли не труженики, а землевладельцы. Впервые и единственный раз, когда Индия попыталась поменять эту ситуацию, была попытка проведения земельной реформы 1947 г., которая проходила под китайскими лозунгами: «землю тем, кто ее обрабатывает», «владеть землей — значит обрабатывать ее», «земля — не средство извлечения ренты, а форма занятости населения». Смысл аграрных преобразований Индии и состоял в том, чтобы передать землю в собственность труженикам и лишить землевладельцев права на получение традиционного дохода с земли, если они не будут обрабатывать ее сами. Однако, как показала история, «защита» интересов тружеников не затронула основ аграрных отношений в Индии, и все осталось на своих

³⁹ Примером этого положения может служить ситуация, возникшая в начале 1950-х гг., в период колхозного строительства, когда падение сельскохозяйственного производства, вызвало крестьянские бунты. «Для народа такие испытания указывают на то, что существующее правительство нужно свергнуть, и “глас Божий” выражается в “гласе народа”» [8, 89], как его право на революцию. И правительство пошло не на обострение ситуации, а на введение, уже тогда, в некоторых районах Китая семейного подряда.

местах — труженики так и остались тружениками, не став собственниками, а землевладельцы так и остались собственниками, не став труженниками, но при этом получив статус земледельцев. И причина этого уходит в религиозное сознание народа, основу которого составили концепция метепсихоза и связанная с ней концепция «неприкосновенности земли», где земля рассматривается как источник зла и страдания, а земледельческий труд как «греховный». Этот мощный «религиозный депрессор» [10, 57] и закрыл путь Индии на аграрные преобразования, породив «земледельческий абсентеизм» [11, 78], с его отрицанием «труда» и «земли» в качестве основного источника традиционного земледелия, и земледельца как самостоятельной фигуры производства. В Индии (в отличие от того же Китая, где земли нет, а земледелие есть) земледелия нет, а земля есть, и именно в тех масштабах, которые так необходимы для высадки ГМ-культур. В итоге Индия попала в лоно ГМ-культур, прельстившись «волшебными семенами», на приобретение которых Международный валютный фонд выдал ей большие кредиты.

Неудачи, которые привели к массовой смерти индийских фермеров, обанкротившихся на производстве ГМ-культур, отнюдь не связаны с тем, что Индия объективно не готова к их массовому производству. Причины этого чисто технического порядка и касаются они специфики самих ГМ-культур.

1. Для производства ГМ-культур требуется водоснабжение в гораздо больших объемах, чем для выращивания традиционных культур, которых в Индии нет. Даже Китай с его богатой ирригационной историей сегодня не готов по этому техническому показателю к производству ГМ-культур на своей территории, но зато готов к производству на территории России, где вода есть.

2. Для производства ГМ-культур используется технология стерильных семян, так называемых семян-терминаторов, которые не прорастают повторно и фермер вынужден закупать их каждый год у производителей, а кредиты уже иссякли. Далее, в результате переопыления ГМ-культур традиционные растения также становятся трансгенными, и фермер не может собрать своей собственный семенной фонд. Это и привело к трагедии. Беда в том, что сама технология ГМ-культур, как и любой бизнес, не терпит альтернативы — она по сути своей есть технология уничтожения, или культура-терминатор. Это является и причиной непоследовательности Китая, который в 2007 г. запретил ГМ-исследования, а после вступления в ВТО разрешил. Надо полагать, с одной целью — разработки технологии-противоядия семенам-терминаторам, а то высадка ГМ-культур за пределами своего государства может и не спасти традиционное земледелие Китая от переопыления его ГМ-культурой.

Китай на практике показал то, что теоретически обосновал С.Н. Булгаков — преимущество мелкого крестьянского хозяйства, использующего ручной труд на небольших участках земли, перед крупным производством, использующим машины и наемный труд. В своей работе «Капитализм и земледелие» Булгаков оспорил учение Маркса о кооперации, применительно к сельскохозяйственному производству. Главная выгода простой кооперации, которую выявил К. Маркс, состоит в том, что в промышленности она выполняет такие работы, которые совсем недоступны усилиям отдельного рабочего. В земледелии мы имеем, строго говоря, не кооперацию, а простое самостоятельное выполнение известных производительных функций. Работники здесь работают не сообща, а рядом, их можно разъединить и предоставить каждому делать свою работу отдельно, и производительность их от этого совершенно не уменьшится. Кооперативный труд — труд одновременный, совместный; земледельческий труд — труд последовательный, рядоположенный. Есть основания думать, что единичный работник, если он самостоятельный хозяин, выше по своему качеству и тщательности, чем кооперирующиеся наемные рабочие. Вот эту особенность земледельческого труда и использовала «семейная кооперация» Китая как союза крестьянских семей, ведущих не совместный труд, а рядоположенный, и только такой союз автономных крестьянских хозяйств есть единственно возможная форма земледельческой кооперации, доказавшая на практике свою эффективность.

Далее он оспорил тезис Маркса о необходимости использования машин в сельском хозяйстве. По Марксу, сущность и революционное значение машин в промышленности состоят в том, что они замещают собой человека. Но в сельском хозяйстве человек может заменить машиной самого себя, но не природу. Ведь сельское хозяйство это качественно иная, во многом трансцендентная сфера, которая поддается лишь чутью хозяина, рачительно ведущего хозяйство на своей земле. Кроме того, относительно многих сельскохозяйственной машины прямо говорится, что они работают хуже, чем человеческие руки. Более того, в земледелии большая часть работы может быть выполнена только руками. Идеал сельскохозяйственной культуры — огородническая культура, или культура лопаты, где почти все механические работы отданы в руки человека. Технические особенности земледелия позволяют Булгакову ответить на вопрос, какой размер хозяйства — крупное, среднее или мелкое — имеет преимущество. «Необходимость уменьшения средних размеров хозяйства, вытекающая из-за роста его интенсивности, есть общепризнанная в настоящее время истина, отрицаемая только по недоразумению» [12, т. 1, 62]. Благополучие хозяина зависит не от размеров,

а от состояния его хозяйства: не от количества, а от качества его продукции.

Таким образом, в «Капитализме и земледелии» Булгаков оспорил тезис Маркса о преимуществах крупного производства и научно доказал, что именно единоличное трудовое крестьянское хозяйство есть наиболее эффективная форма земледелия, а деревня есть основа его материального и духовного могущества. Выступив против капитализации сельского хозяйства и превращения крестьянства в наемных рабочих, Булгаков высказался за сохранение частной собственности на землю, под которой он понимал конфуцианский принцип, согласно которому земля должна принадлежать тем, кто на ней живет, и кто ее обрабатывает. Нет никакого сомнения в том, что огромную роль на формирование взглядов С.Н. Булгакова оказали физиократы, в частности Ф. Кенэ, переработавший конфуцианский принцип частной собственности на землю в свою трудовую концепцию собственности. Да, Китай силен своей практикой, Европа — своей теорией. И в этом смысле теорию аграрного развития С.Н. Булгакова можно считать теоретико-экономическим обоснованием аграрной реформы Китая 1978 г.

Россия не пошла по пути физиократов и Булгакова, которые, как показала история, проникли в сущность земледелия гораздо глубже, чем марксисты, и не пошла по пути аграрных преобразований Китая, который на практике доказал эффективность крестьянского хозяйства в условиях крупных капиталистических хозяйств. В 1990-е гг. в России произошел «сгон крестьян с земли», и прошел он легко. Получается, что колхозное общественное хозяйство СССР, помимо того, что уничтожило чувство хозяина в колхознике, его привязанность к собственной земле, еще объективно подготовило (расчистило) огромные площади под высадку ГМ-культур на его территории в XXI в. И сегодня России, в отличие от Китая, сохранившего свое крестьянство, нечего противопоставить ГМ-революции.

С.Н. Булгаков говорил о России как о великой аграрной державе, способной на основе уникального аграрного потенциала, не истощенного агрохимической революцией Ю. Либиха, прокормить полмира и обеспечить себе экономическое могущество и процветание на века. В начале XXI в. эту мысль повторил Ф.У. Энгдаль: «Россия, как ни странно, еще не разрушена западным сельским хозяйством. Во времена экономических трений “холодной” войны относительно немного плодородных почв было разрушено с помощью интенсивной химической обработки в канзасском стиле. Сегодня Россия и Украина — объект западных объединений агробизнеса, которые хотели бы индустриализовать и контролировать производство пищевых продуктов в странах бывшего Советского Союза... У России сегодня есть редкая возмож-

ность преобразить то, что выглядит как наследие “холодной” войны, — неэффективное сельское хозяйство — в неоценимый актив — биологически естественное производство пищевых продуктов на здоровых почвах. Запрет ГМО в России был бы главным шагом к такой экспортной роли» [13, 4]. Но на это у России не хватило политической воли.

Литература

1. Эляян М.Р. История философии хозяйства: синтоистская метафизика хозяйства и ГМ-культура // *Философия хозяйства*. 2015. № 2.
2. Конрад Н.И. Избранные труды. История. М., 1974.
3. История экономического развития Китая 1840—1948 гг. Сб. стат. мат. М., 1959.
4. Реформа хозяйственной системы в КНР. М., 1989.
5. Эляян М.Р. История философии хозяйства: производительное земледелие Китая // *Философия хозяйства*. 2013. № 3.
6. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М., 2000.
7. Мэнкуй Ван и др. Экономика Китая. China, 2005.
8. Эляян М.Р. История философии хозяйства: религиозно-метафизические предпосылки хозяйственного развития Китая // *Философия хозяйства*. 2013. № 2.
9. Нидам Дж. Общество и наука на Востоке и на Западе // *Наука о науке*. М., 1966.
10. Торнер Д. Аграрный строй Индии (Итоги реформ и оценка перспектив). М., 1959.
11. Эляян М.Р. История философии хозяйства: буддийская философия хозяйства // *Философия хозяйства*. 2010. № 2.
12. Эляян М.Р. Булгаков С.Н. Капитализм и земледелие: В 2 т. СПб., 2004.
13. Энгдаль Ф.У. Семена разрушения. СПб., 2009.

Я.И. НИСАНОВ

«Народонаселение и общественный строй»: от пропущенной монографии к началам междисциплинарной научной школы по общественным наукам

Аннотация. Междисциплинарные исследования в политической экономии наиболее устойчиво и последовательно связаны с источниками знаний в юридических и социально-экономических науках. Постмарксистский этап, преемственность развития отечественной научной

традиции политической экономии требуют переосмысления социально-экономической теории марксизма, создания инновационной доктрины философско-хозяйственной антропологии (человековедения) и могут найти реализацию в разработке прикладной социально-экономической теории народонаселения. Несмотря на актуальную значимость и необходимость, такие исследования удастся проводить в единичных научных учреждениях.

Ключевые слова: холистический синтез философии хозяйства, постмарксистская политэкономия, хозяйственная антропология, человековедение, социально-экономическая теория народонаселения.

Abstract. Interdisciplinary research in political economy is the most stable and consistently associated with sources of knowledge in the legal and socio-economic Sciences. Postmarxist stage, the continuity of development of national scientific traditions of political economy requires a rethinking of the strain socio-economic theory of Marxism, the creation of innovative doctrines of philosophy and economic anthropology (human studies) and may find implementation in the development of applied socio-economic theory of population. Despite the relevance and need for such development, such research can be observed in a few scientific institutions.

Keywords: holistic synthesis household philosophy, postmarxist political economy, economic anthropology, Humanities, socio-economic theory of population.

Холистическое обозрение предмета политической экономии и осмысление гносеологических корней ее проблематики позволяют обнаружить многостороннюю связь с отдельными направлениями развития юридических наук: теорией государства и права, концепцией государственной юрисдикции, политической адвокатурой и др. История и теория права — дисциплина, изучаемая на юридических факультетах университетов, некогда определила появление отечественной политической экономии — в той мере и по той причине, что исторически первоисточниками формирования отечественной научной традиции были знания студентов именно юридических факультетов университетов — К. Маркса и В. Ленина. В частности, в предметное поле политической экономии переведены отдельные положения теория государства — его образование, структура и устройство. В этом разделе появились марксистские нововведения о классовой природе государства, господствующем классе, классовом понимании истории и, как результат этого «открытия», — о построении коммунизма в виде общества без классовых антагонизмов под руководством выявленного марксизмом наиболее

«последовательного революционного класса» — пролетариата. Подобные «закономерности» продолжили научное развитие в рамках политической экономии, относящейся к экономической теории, хотя вся концептуальная система этой теории входит в дисциплину «теория государства и права», включенную в систему юридических наук.

Углубляясь в сущность юридической трактовки вопроса о происхождении и устройстве государства, мы приходим к необходимости определения такой научной категории, как «государственная юрисдикция», которая и в настоящее время остается практически нераскрытой и исследуется в рамках не только политической экономии и права, но и многих других гуманитарных наук, а также знаний за пределами науки: религии, морали, этики, определенных направлений культуры и искусства.

И в настоящее время определения этого понятия не обрели единого бесспорного вида не только в деталях, но и в основных положениях. Взаимодополнения экономической и юридической частей научной теории о государственной юрисдикции остаются ключевыми моментами в формировании современной отечественной парадигмы концептуальной доктрины современного обществознания, формирующей основополагающие выводы и научные постулаты для развития отраслевых научных направлений как в экономической, так и в юридической науке.

Наиболее показательна дискуссия о соотношениях понятий «народонаселение — человек» и «народонаселение — общество», детально освещенных в публикациях основателей отечественной школы теории народонаселения в 1960-х — 1980-х гг. Это направление исследований могло бы быть продолжено Центром общественных наук при МГУ в процессе формирования научной школы философии хозяйства, а также в связи с разработкой категориальной системы народонаселения хозяйства.

Концептуально несостоятельной за последние десятилетия явилась практика регулирования, управления и взаимодействия государственных институтов и демографического развития населения. Созданная в период классовых и идеологических фантомов отечественная экономическая теория народонаселения оказалась непригодной в новых условиях интеграции экономик в мировое хозяйство. Отдельные бреши государственного управления в работе с населением удавалось заполнять на научной базе западных теорий. Но отечественная специфика не находит отражения в исследованиях на Западе⁴⁰: здесь проявилась не

⁴⁰ Как в общеизвестных случаях, когда беженцы из очагов внутренних локальных войн не воспринимаются государственной системой как экономическая

столько рассредоточенность теории народонаселения в разных научных дисциплинах, сколько ее абсолютное несоответствие вновь выявляющейся матрице хозяйственных переменных.

Более того, сформировалось устойчивое представление о полной неосведомленности в насущном спросе на концепции и проблематику экономической теории народонаселения в современном мире: небрежное отношение современных функционеров от науки к этой отрасли знания отражено и в показателях ее бюджетирования, и в принятых новых образовательных стандартах.

В результате кризиса научных исследований актуальность проблем не стала менее значимой, а их решение переведено в плоскость прецедента посредством развития практики решения аналоговых (но не тождественно точных) проблем в юридической практике. Появилась новая отрасль права – «миграционное право», формируется система государственного регулирования миграции населения посредством миграционных учреждений в подчинении Министерства внутренних дел, работающих без адекватного научно-методического сопровождения на уровне практической целесообразности без нормального в этом случае функционирования государственных институтов общества, конструктивно требующих целостную программу на основе стройной и концептуально совершенной экономической теории народонаселения. Юридическая наука в этой сфере, продолжая развиваться как вглубь, так и вширь, испытывает систематизированный дефицит знаний политэкономического содержания.

Пределы приращения научного знания в междисциплинарных исследованиях общественных наук. Несмотря на небольшой объем изложенного выше материала, необходимо отдельно отметить качественно особенную его широту по предложенным проблемам, причем не в различных, а в пределах одной научной информационной системы. Иллюстрируя это явление, было бы нелишним сказать, что только перечисление основной научной литературы по указанным проблемам займет несколько десятков томов объемом в сотни страниц. Этот объем не включает дополнительную научную литературу, периодические издания, отзывы и оценки современных экспертов.

В полноценном виде создаваемая междисциплинарная концепция не только возможна на количественном объединении созданных достижений, но и является качественно другой, более емкой информационной

составляющая образования национального богатства, а продолжительные препятствия развитию предпринимательства вынуждают мигрировать трудоспособное стратегическое население страны.

системой научных знаний, для чего непременно потребует вобрать в себя знания и из других сфер.

В таком случае на первый план выступает проблема не столько по содержанию, сколько по форме: как технически провести интеграцию накопленных знаний с качественно новым, неведомым ранее объемом перерабатываемой научной информации. И, продолжая такие размышления, становится очевидным, что этот, казалось бы, «технический» вопрос делается решающим — возможно ли создание интегральной концепции или это такая же утопия как возможность ученому при средней продолжительности жизни человека вобрать и переработать самостоятельно объем научной информации в десятки тысяч человеко-лет.

До последнего времени этот вопрос и не обсуждался из-за его неразрешимости. Но последние десятилетия предлагают гипотезы по реализуемости такой задачи...

Широко известный в начале 1970-х гг. доклад Римского клуба о глобальном развитии населения и ограниченных пределах роста стал возможен, в первую очередь, после решения вышеозначенного «технического» вопроса — была использована методология многофакторного компьютерного моделирования развития экосистемы. Компьютерное моделирование концептуально дополнило гносеологию существовавших до этого критериев истинности научного знания: это уже не только практика, но и результат имитационной компьютерной модели с научно-заданной базой данных и программой развития сценария по аналогии с предшествующей практикой. Другим оптимистичным для нас фактом было то, что два из четырех научных руководителей исследования были выходцами из отечественной научной школы. Но все это малозначимо по сравнению с тем, что по прошествии почти сорока лет бурного развития науки и техники (особенно в информационной сфере) доклад Римского клуба остался для нашей науки не только закрытым достижением, но, что показательнее, и не вызвал потребности в изучении вопросов метода компьютерного моделирования в гуманитарных и междисциплинарных научных исследованиях. И это говорит о многом: не интересен доклад как ответ на вопрос, который еще и не созрел в отечественной научной традиции. (Расхожую «истину» о том, что «незаменимых нет», все чаще приходится переосмысливать с чувством угрызения совести — для тех у кого она есть.)

Религиозная изоляция становления и развития отечественной обществоведческой мысли (за исключением научной школы философии хозяйства). Как известно, один из первых декретов обновленного российского правительства после революции 1917 г. был де-

крет об отделении церкви от государства. И это было не просто отделение светского государства от церкви, а технологически последовательный разрыв развития культуры и научной мысли от связи с источниками религиозной библиографии, теологическими исследованиями, составлявшими большую часть источников общественных наук.

Изучение существующих концепций понимания юрисдикции, а затем и категории «народонаселение» позволяет обнаружить две характерные черты в его описании.

1. Исключительная важность его осмысления для создания и развития состоятельного и полноценного субъекта юридической личности — в том числе и современного государства, напрямую связана с многовековой исследовательской базой религиозной библиографии, которая в отечественной научной традиции отсутствует (с ярлыком «идеализм»).

2. Только научная школа философии хозяйства методологически признает и использует религиозные источники как базу для развития научных знаний. Это преимущество несет и дополнительные сложности: широкий разброс знаний, необходимых для раскрытия сущности юрисдикции, ее движущих сил, признаков и характеристик. Это философские, теологические, юридические, экономические, социальные науки, некоторые сферы религии и культуры, а также комплексные концепции по проблемам народонаселения.

Концепции юрисдикции, как уже отмечалось, в большой мере пересекаются с развитием экономической теории, в частности, в макроэкономических и институциональных направлениях. Экономическая теория народонаселения при ее удовлетворительном состоянии развития охватывает большой пласт проблем, так или иначе интегрированных в концептуальные системы теории государства и его экономического устройства.

Научные исследования категории «народонаселение» активно развивались в период с середины 1960-х до начала 1990-х гг.

Несмотря на относительно короткий срок для развития научного направления, были предложены и исследованы различные подходы к пониманию этой категории.

К сожалению, по причине технологического отрыва от теологических источников общественной науки полностью выпало из поля зрения этимолого-лингвистическое понимание первоначального смысла составных понятий категории «народонаселение», ее онтологической конструкции, словообразования, транслогеммы.

Данное исследование оказывается нереализуемым в отрыве от теологических источников общественно-научного знания, оно может быть развито в рамках появившейся научной школы «народонасе-

ление хозяйства», что позволит в полном объеме привлечь результаты философских исследований и работ в этом направлении, оставленных ранее без внимания.

В ряду единичных работ, отнесенных к базовым в социально-экономической теории народонаселения, отнесена монография Ф.С. Нитти «Народонаселение и общественный строй» (в хорошем литературном и категориально адаптированном, самостоятельном авторском переводе на русский Д. Кропчевского).

Попытка обратить внимание на эту основополагающую работу была предпринята нами в докладах на различных конференциях, в том числе на Валентеевских чтениях в 2010 и 2015 гг. [1 — 3]. Работы, опубликованные по материалам участия в конференциях, выделяют основные положения обществоведческой концепции взаимосвязей категорий «народонаселение» и «общественный строй», обозначенных как самостоятельная научная проблема в развитии российской общественной науки конца XIX — начала XX в. Подчеркивалось, что наиболее важной для нас по широте научной проблематике по политэкономии народонаселения последнего столетия представляется монография Ф.С. Нитти. Примечательна история научной эволюции ее автора: от выпускника юридического факультета, преподавателя политэкономии до практикующего финансиста (члена правительства Италии в период до Второй мировой войны). Столь показательные вехи биографий выдающихся ученых, однако, не в полной мере убеждают современного исследователя теории народонаселения обратить внимание на достижения сопредельных общественных наук. Более того, как показало обсуждение последней публикации в Интернете — в анонимной среде отдельных сотрудников современного «цеха» исследователей этой темы, — широкий охват и междисциплинарность вызывают много хлопот и «отвлекают» от привычной «текучки» — что, конечно же, придется пересмотреть в процессе функционирования объективных законов развития науки [4]. Это, помимо прочего, подтверждает необходимость специального внимания философов и теоретиков права к самостоятельным исследованиям в развитии и определении научной категории «народонаселение» с тем, чтобы именно ее единое понимание было использовано в экономических исследованиях.

Рассматривая возможности гносеологического осмысления вышеозначенных областей знания, целесообразно было бы построить имитационную модель создаваемой концепции, которая вобрала бы в себя все необходимые сегменты разноуровневых знаний (как научных, так и за пределами науки). В процессе продолжительного отбора модели для имитации информационной системы систематизации знаний в рамках

концептуального синтеза «народонаселение — юрисдикция — общество» наибольшие совпадения в микроисследованиях проявляются при аналогиях с исследованием исторически продолжительного института религиозной общины.

Интересно, что модель «русской общины» многократно использовалась в качестве источника знаний для изучения и исследования общественно-хозяйственного строя российского государства в разные исторические периоды. Но это была либо сельскохозяйственная, либо национальная, либо классово-профессиональная община. По глубинным обобщающим признакам эти аналогии оказываются неполноценными. То, что в этнографической теории Л.Н. Гумилева определяется как «системообразующее чувство» и объединяет большие группы людей, может быть описано только в имитационной модели по образцу «религиозной общины». Но описание такого «системообразующего чувства» — предмет исследования религии, теологии, философии и их критиков в разных этно-конфессиональных ценностных измерениях. Очень большая надежда в связи с этим, на ЦОН при МГУ.

Литература

1. *Нисанов Я.И.* Междисциплинарные исследования по развитию населения в экономической и юридической науке в исторической ретроспективе // Проблемы народонаселения в зеркале истории: Сб. докл. межд. науч. конф. VI Валентеевские чтения / Под ред. В.В. Елизарова, И.А. Троицкой. Т. 2. М., 2010.

2. *Нисанов Я.И.* Исследования по развитию населения в экономической и юридической науке в каузально-сущностных предпосылках // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2010. № 6.

3. *Нисанов Я.И., Магомедова А.Г.* Междисциплинарные направления синтеза теории народонаселения в общественно-экономической формации // Ежемесячный научный журнал Международного научного института «EDUCATIO». 2015. № 5 (12). Ч 2.

4. *Нисанов Я.И.* О последствиях разделения и взаимосвязях политической экономии и права (на примере понятий народонаселения, юрисдикции и собственности) // Перестроение России: в 2 т. Т.2. / Под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. М.; Волгоград, 2010.

Наши авторы

Осипов Юрий Михайлович,

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России;

Зотова Елена Серафимовна,

академик-секретарь АФХ, член-корреспондент АГН, к.э.н., ведущий научный сотрудник, экономический факультет МГУ; заместитель директора Центра общественных наук при МГУ; первый заместитель главного редактора журнала «Философия хозяйства»; ученый секретарь Философско-экономического ученого собрания;

Алиев Урак Жолмурзаевич,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, вице-президент, образовательная корпорация «Туран» (г. Астана, Казахстан);

Антропов Анатолий Александрович,

действительный член АФХ, научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет МГУ;

Бугаян Илья Рубенович,

академик-секретарь АФХ, д.э.н., профессор, кафедра экономической теории и предпринимательства, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Южно-Российский институт-филиал (г. Ростов-на-Дону);

Гиренок Федор Иванович,

действительный член АФХ, действительный член АГН, д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека, философский факультет МГУ;

Гузев Михаил Михайлович,

действительный член АФХ, действительный член АГН, д.э.н., профессор, заместитель директора, Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского государственного университета; научный руководитель Волгоградского представительства Центра общественных наук;

Гриценко Андрей Андреевич,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Украины, заместитель директора, Институт экономики и прогнозирования НАН Украины (г. Киев, Украина);

Дятлов Сергей Алексеевич,

действительный член АФХ, действительный член РАЕН, д.э.н., профессор, кафедра общей экономической теории и истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный экономический университет;

Капинос Роман Валерьевич,

к.э.н., доцент, заведующий кафедрой социально-экономических дисциплин, Харьковский национальный педагогический университет имени Г.С. Сковороды (г. Харьков, Украина);

Корняков Василий Иванович,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра экономической теории, Ярославский филиал Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина;

Королев Владимир Константинович,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра теории и истории культуры, этики и эстетики, Институт философии и социально-политических наук, факультет философии и культурологии, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону);

Кузнецов Алексей Владимирович,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра макроэкономики, Финансовый университет при Правительстве РФ;

Кутырёв Владимир Александрович,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского;

Лемещенко Петр Сергеевич,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики, экономический факультет, Белорусский государственный университет (г. Минск, Белоруссия);

Мерзляков Сергей Сергеевич,

научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет МГУ;

Мойсейчик Галина Ивановна,

действительный член АФХ, к.э.н., докторант, Белорусский государственный университет (г. Минск, Белоруссия);

- Наумова Галина Романовна,**
действительный член АФХ, д.и.н., профессор, исторический факультет МГУ;
- Нисанов Яхья Исайевич,**
действительный член АФХ, к.э.н., научный сотрудник, кафедра народонаселения, экономический факультет МГУ;
- Олейников Александр Алексеевич,**
действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра экономической теории и основ православного хозяйства, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет;
- Погребняк Александр Анатольевич,**
действительный член АФХ, к.э.н., доцент, философский факультет, Санкт-Петербургский государственный университет;
- Пшеницын Иван Викторович,**
действительный член АФХ, д.э.н., профессор
- Ростовцева Людмила Ивановна,**
действительный член АФХ, д.социол.н., профессор, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (Тульский филиал);
- Румянцев Михаил Алексеевич,**
действительный член АФХ, д.э.н., доцент, кафедра экономической теории, экономический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет;
- Синяков Сергей Васильевич,**
действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, Академия финансового управления Министерства финансов Украины (г. Киев, Украина);
- Слепаков Сергей Семенович,**
действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра экономики и управления на предприятии, Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) Северо-Кавказского федерального университета (г. Пятигорск);
- Смирнов Игорь Павлович,**
действительный член АФХ, к.и.н., заместитель директора, Центр общественных наук при МГУ;
- Субетто Александр Иванович,**
действительный член АФХ, д.э.н., д.ф.н., к.т.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, проректор по внешним связям, Крестьянский государственный университет имени Кирилла и Мефодия (г. Санкт-Петербург);

Усик Нина Ивановна,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра финансового менеджмента и аудита, Национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики (г. Санкт-Петербург);

Ушанков Вячеслав Анатольевич,

академик-секретарь АФХ, к.э.н., доцент, экономический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет;

Фадеечева Галина Всеволодовна,

действительный член АФХ, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, к.э.н., профессор, заведующая кафедрой экономики и финансовых дисциплин, Владимирский институт бизнеса;

Фомичёв Игорь Юрьевич,

действительный член АФХ, д.соц.н., профессор, Тюменский государственный нефтегазовый университет;

Чекмарёв Василий Владимирович,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономики, Костромской государственной университет имени Н.А. Некрасова;

Чекмарёв Владимир Васильевич,

к.э.н., доцент, Костромской государственной университет имени Н.А. Некрасова;

Шевченко Игорь Георгиевич,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, Институт бизнеса и делового администрирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;

Шелкопляс Евгений Валентинович,

действительный член АФХ, к.мед.н., директор, Ивановский институт развития, изучения здоровья и адаптации человека;

Шулевский Николай Борисович,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра философии, философский факультет МГУ; заместитель директора, Центр общественных наук при МГУ;

Фомина (Элоян) Марина Ринальдовна,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, Азовский технологический институт Донского государственного технического университета.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. Центр: мысль и деяния

Ю.М. Осипов Юбилейные всполохи.....	5
Ф.И. Гиренок Совершеннолетие.....	12
Н.Б. Шулевский Философия хозяйства — социальная доктрина русского мира. Логос умер, но похороны отменяются.....	13
И.В. Пиеницын Уникальное явление русского духа.....	38
Г.Р. Наумова История знаний и юбилей Центра общественных наук.....	45
И.П. Смирнов Спор о Софии Премудрости Божией и его судьба в истории русской мысли.....	51
С.С. Мерзляков Центр общественных наук — пространство роста социального капитала университета.....	61
У.Ж. Алиев Центр общественных наук — кузница свободомыслия и смыслоискателей (25-летию ЦОН посвящается).....	64
Н.И. Усик Научное конструирование хозяйства будущей России ЦОН.....	71
Л.И. Ростовцева Народное движение за народную историю (во исполнение проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов»).....	79
А.А. Антропов Эссе о жизненности и плодотворности философии хозяйства Ю.М. Осипова в области теории хозяйственных (экономических) циклов.....	88
Р. В. Капинос Современный мудрец (о профессоре Ю.М. Осипове).....	96
Н.Б. Шулевский Софиасофия — странный аттрактор современного мира.....	100

**Раздел II. Философия хозяйства в цоновском
размышлительном поле**

В.К. Королев «Философия хозяйства»: актуализация концептуального дискурса или вольная «бесхозяйственность»?	123
А.А. Гриценко Философия хозяйства и политическая экономия: комплементарный дискурс.....	133
С.В. Сняков Теория социального познания и философия хозяйства.....	144
А.И. Субетто, В.В. Чекмарёв Философы ли мы? Хозяйства ли?	155
В.А. Ушанков «Хозяйство» и «экономика»: общее и особенное, или два смысла	163
П.С. Лемещенко Наука экономика и экономика жизни: путь исканий	179
В.А. Кутырёв Глобальный челове(йни)к: превращение в Технос	205
А.А. Погребняк Философско-хозяйственные вариации.....	215
А.В. Кузнецов Глобализация рынков и философия хозяйства.....	228
В.И. Корняков Под камнепадом мозгового штурма философии хозяйства (побочный научно-теоретический эффект-продукт философии хозяйства и ЦОНа: новые проросты логики и теории политической экономии).....	240
И.Г. Шевченко Философия и хозяйство	298
Г.И. Мойсейчик О необходимости смены парадигмы методологии современной науки: от диалектики к триалектике, от прагматико-позитивизма — к хозяйствующей философии и софиасофии	305

А.А. Олейников	
Философия хозяйства как общеметодологическая основа национального учебника по экономической теории	322
Г.В. Фадеева	
Четверть века и полжизни с философией хозяйства.....	329
Вл.В. Чекмарёв	
Экономическая безопасность в интерьере философии хозяйства	336
 Раздел III. В окнах Центра	
М.А. Румянцев	
Метафизика катастроф	343
И.Ю. Фомичев	
Консюмеризм, последние люди и «танцующая звезда»	353
М.М. Гузев	
Битва за ресурсы: последний парад наступает	359
С.А. Дятлов	
Новые методологические принципы структурно-функциональной организации глобальной экономической системы	370
Е.В. Шелкопляс	
Философия хозяйства в начале третьего тысячелетия: метафизика и социально-экономические принципы развития России	382
С.С. Слепаков	
Глобальная конкуренция и антироссийские санкции	393
И.Р. Бугаян	
Доминирование факторов производства человеческого происхождения и социальная защита: причинно- следственная связь и историческая обусловленность	401
М.Р. Фомина (Элоян)	
Актуальные проблемы философии хозяйства: ГМ-революция и демонтаж традиционного земледелия	411
Я.И. Нисанов	
«Народонаселение и общественный строй»: от пропущенной монографии к началам междисциплинарной научной школы по общественным наукам	420
Наши авторы	428

Contents

Part I

<i>Yu.M. Osipov</i> Anniversary Flashes.....	5
<i>F.I. Girenok</i> The Majority	12
<i>N.B. Shulevsky</i> Philosophy of Economy as a Social Doctrine of the Russian World. Logos Died, But a Funeral is Cancelled.....	13
<i>I.V. Pshenitsyn</i> A Unique Phenomenon of the Russian Spirit.....	38
<i>G.R. Naumova</i> History of Knowledge and Anniversary of Center of Social Sciences	45
<i>I.P. Smirnov</i> Dispute on Sophia as the Wisdom of God and Its Destiny in the History of the Russian Thought	51
<i>S.S. Merzlyakov</i> Center of Social Sciences as a Space of Growth of Social Capital in the University	61
<i>U.Zh. Aliyev</i> Center of Social Sciences as a Smithy of Free-Thinking and Sense-Seekers (to the 25 Anniversary of CSS)	64
<i>N.I. Usik</i> CSS's Scientific Designing of Future Russia's Economy.....	71
<i>L.I. Rostovtseva</i> Popular Movement for National History (in pursuance of the project «I Am Proud of a Fathers', Grandfathers', Great-grandfathers' Feat»).....	79
<i>Antropov A.A.</i> The essay about vitality and fruitfulness of philosophy of economy of Yu.M. Osipov in the field of the theory of economic (economic) cycles.....	88
<i>R. Valer. Kapinos</i> Modern sage (about professor Yu. M. Osipov).....	96
<i>N.B. Shulevsky</i> Sophiosophy is a Modern Being of Rescue	100

Part II

V.K. Korolyov

«Philosophy of Economy»: Updating of a Conceptual
Discourse or Free «Mismanagement»?123

A.A. Grytsenko

Philosophy of economy and political economy:
complementary discourse.....133

S.V. Sinyakov

Theory of Social Knowledge and Philosophy of Economy144

A.I. Subetto, V.V. Chekmaryov

Whether philosophers we? Whether of economy?.....155

V.A. Ushankov

"Economy" and "Economics": General and Special, or Two Senses163

P.S. Lemeshchenko

Economics Science and Economy of Life: Way of Searches179

V.A. Kutryov

Global Chelove(yni)k: Conversion to Technos.....205

A.A. Pogrebnyak

Philosophical and economical variations215

A.V. Kuznetsov

Globalization of Markets and Philosophy of Economy228

V.I. Korniyakov

Under a Brainstorming Rockfall of Philosophy of Economy
(collateral scientific-theoretical effect-product of philosophy
of economy and CSS: new possibilities of logic and theory
of political economy)240

I.G. Shevchenko

Philosophy and Economy298

G.I. Moyseychik

On the need paradigm change of methodology of modern science:
from dialectics to trialektics, and from pragmatic-positivism —
to economic philosophy and sophiosophy305

A.A. Oleynikov

Philosophy of economy as a general methodological framework
of national textbook of economic theory322

G.V. Fadeycheva

Quarter of the Century and Half-Lives with Philosophy of Economy329

<i>V.V. Chekmaryov</i> Economic Security in an Interior of Philosophy of Economy	336
---	-----

Part III

<i>M. A. Rumyantsev</i> Metaphysics of Accidents	343
---	-----

<i>I.Yu. Fomichyov</i> Consumerism, the Last People and a Dancing Star.....	353
--	-----

<i>M.M. Guzev</i> The struggle for resources: the last parade is coming up.	359
---	-----

<i>S.A. Dyatlov</i> New methodological principles of the structural-functional organization of the global economic system	370
---	-----

<i>E.V. Shelkopyas</i> Philosophy of Economy at the Beginning of the Third Millennium: Metaphysics and Social	382
---	-----

<i>S.S. Slepakov</i> Global Competition and Anti-Russian Sanctions.....	393
--	-----

<i>I.R. Bugayan</i> Domination of Production Factors of a Human Origin and a Social Protection: Relationship of Cause and Effect and Historical Conditionality	401
---	-----

<i>M.R. Phomina (Eloyan)</i> Actual problems of philosophy of economy: GM-revolution and dismantle of traditional agriculture.	411
---	-----

<i>Ya. I. Nissanov</i> «Population & the system of society»: monograph missed and the emergence of social Sciences multidisciplinary academic school	420
---	-----

Научное издание

**Хозяйство и мысль.
Юбилейный монографический сборник.
25 лет Центру общественных наук при МГУ.
1990—2015**

Под редакцией Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой

Подписано в печать 10.11.2015.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Печ. л. 27,4. Тираж 200 экз. Зак. №
Издательство «ТЕИС»
115407, Москва, Судостроительная ул., 59
Тел. (495) 939-32-28

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ППП Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6